

ЭДИТА Вып. 9

ЭДИТА

перезагрузка

выпуск 9

СОВМЕСТНО
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ КЛУБОМ
ASTRA NOVA

ЭДИТА перезагрузка

№9

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

Совместно
с международным литературным клубом
AstraNova

2024

Серия альманахов "ЭДИТА.перезагрузка"
запущена в 2024 году как преемник закрывшихся
журнала "EDITA" и альманаха "Без цензуры" (Unzensiert)

Тексты как правило публикуются в авторской редакции

Литературная редакция:

Сергей Булыга, *Евгения Халь, Сергей Катуков, Мария Шурыгина*
Редактор по связям с общественностью — Кирилл Берендеев

Графика обложки — rexels-dominika-roseclay-2106697

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-55-6

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Сергей Игнатьев

Москва

ПЛАТИНА

Теплый весенний вечер. Я стою в оживленном месте в центре Москвы, точно посередине между улицей Тверской и памятником Пушкину. Жду свою блондинку.

Девушки проходят мимо. Высокие и низкие, молодые и не очень, в одиночку, под руку с кавалером и в компании подружек. Нагруженные пакетами с покупками, болтающие по мобильным, жующие жвачки и облизывающие мороженое. Сосредоточенные и торопящиеся, праздно шатающиеся, грустные и веселые. Брюнетки, шатенки, рыжие, разноцветные... Все они по-своему прекрасны, все интересно, все хороши.

Но мой выбор — блондинки. Говоря точнее, только одна-единственная, моя сегодняшняя блондинка.

Я стою и терпеливо жду.

И вот, наконец, я вижу ее. Она выходит из подземного перехода и направляется вперед по улице, ловко переступая высокими каблуками.

Я следую за ней.

Да, несомненно, это она. Ее волосы как раз того «настоящего» оттенка. Это не темно-русые локоны, которые встречаются очень часто и, бесспорно, тоже хороши.

И не высвеченные пряди с темными корнями, результат применения краски.

Нет, это расплавленная платина, с холодным пепельным оттенком, и пряди играют серебристыми бликами и золотыми искрами на заходящем весеннем солнце. Красота невозможная.

Я поправляю нашейный платок, одергиваю пиджак, и, конечно, смотрю на носки собственных туфель, не запыхались ли. Может это несколько консервативно, но я убежден, что обувь — то, на что девушки обращают внимание в первую очередь. Мои туфли в порядке, сверкают, будто только что с витрины.

Я следую за девушкой.

Может, такое сравнение и некорректно, но я чувствую себя вышедшим на охоту хищником. Лев, который высмотрел в выгоревшей саванне изящную лань и следует за ней, готовится совершить прыжок. Ужасные глупости лезут в голову, но мне весело, меня одолевает игривое настроение. Я почти счастлив — ведь я вижу перед собой ее, мою незнакомку. Мою блондинку!

— Девушка! — бросаю я вслед.

Она слегка поворачивает гибкую шею. Дрогнув ресницами, смотрит оценивающим взглядом.

Для нее это не в новинку. Разнообразные типы, пытающиеся знакомиться посреди улицы.

— Девушка! — повторяю я, догоняя. Теперь мы идем вровень. — Я должен сообщить вам информацию чрезвычайной важности!

Здесь, конечно, очень важно, в каком она настроении. Но мне везет. Она слегка улыбается уголком рта.

— Неужели? — риторически вопрошает она и отворачивается. Продолжает идти.

— Да! — убежденно говорю я. — Ради этого я преодолел двести тысяч световых лет, примчался сюда сквозь метеоритные дожди и черные дыры.

Блондинка, не глядя на меня, качает головой.

Ей приходилось слышать и не такую чушь.

Я знаю это, а потому продолжаю:

— Из-за этого послания я преодолел все препятствия. Тебе все еще не интересно?

Я умудряюсь идти вровень с ней, смотреть на нее, и при этом не сталкиваться со спешащими навстречу прохожими. Это особое искусство и оно требует известного количества тренировок.

— Я вижу, — говорю я. — что ты торопишься, да и сам я тороплюсь. Скоро сядет автономная батарея...

— В мозг? — спрашивает девушка.

— Нет, на моем корабле, — говорю я. — Так вот, сообщение первое, меня зовут Макс! А тебя?

— А меня Ефросинья, — ухмыляется девушка.

— Очень приятно, Фрося! — говорю я радостно. — Теперь сообщение второе... Ты, Фрося, стала финалисткой заочного межгалактического конкурса красоты! И тебе полагается приз!

— Ох, — говорит девушка, закатывая глаза.— Поинтереснее, Макс, ничего придумать не мог? Чему вас только учат там...

— Где там? — спрашиваю я.

Мы останавливаемся перед светофором.

— На этих ваших курсах пикапа.

— Хммм... На курсах пикапа? Вообще-то я заканчивал транс-академию на Фомальгауте-четыре. А пикаперы, это у вас такая секта есть вроде, они еще одеваются в черные сюртуки и шляпы, радикальные пуритане?

— В шляпах это квакеры, — блистает эрудицией девушка.

— В любом случае, — говорю я. — Если тебе нравятся парни в черных шляпах, на второе свидание я непременно надену такую.

— На второе? — спрашивает девушка.

Загорается зеленый свет. Мы снимаемся с места, снова идем параллельными курсами.

— Ну, первое у нас уже состоялось... Так что, приз тебя не интересуется?

— Что у нас в качестве приза? Розочка, которую ты вытащишь из внутреннего кармана пиджака? Избито, пошло, и я не люблю розы.

— Вообще-то, — говорю я. — Речь идет об ужине при свечах.

— Я непременно скажу своему парню. Думаю, ему такая идея придется по душе.

— Надеюсь, у него нет аллергии на тирзанскую цибергию?

— На что-о? — девушка смотрит на меня, на губах ее мелькает тень улыбки.

— Блюдо, которое мне удастся приготовить лучше всего. Кулинария моя слабость, Фрося!

— Прекрати это!

— Что?

— Называть меня этим идиотским именем!

— Как, это не твое имя?!

— Ты действительно с этого... откуда там?

— С пятой Прочиона, вообще-то. Но обычно я не говорю об этом девушкам на первом свидании...

— Почему?

То, что я делаю, сродни работе взломщика. Ну, или компьютерного хакера. Работа не особо престижная, прямо скажем, антисоциальная. Но кропотливая, требующая известной доли таланта. И, конечно же, набора специальных инструментов.

Мои инструменты не пощупать руками, не разложить по отделениям и ячейкам футляра. Но все они сейчас передо мной, тускло поблескивают, тщательно вычищенные и готовые к работе.

— Я отвечу на этот вопрос, только если ты назовешь свое настоящее имя! — говорю я, закидывая «крючок».

— Катя! — улыбается девушка. — Так что там у вас такого ужасного на Проционе?

— Катя, а ты обещаешь никому не говорить? Честно?! Ладно... На самом деле выходцы с Проциона ужасно ненасытны в сексе!

— У-у-у...

— Что значит «ууу»? Это на каком языке?

— А так хорошо начиналось! Я уже подумывала дать тебе свой номер телефона...

— А зачем мне? — включаю я «ежа». — У меня и своего-то телефона нет.

Мы продолжаем идти вдоль по улице, перебрасываясь фразочками.

И Катя, моя блондинка, сама того не замечая, уже прочно втянулась в сеть разговора, завязла в нем, как золотая рыбка в стариковском неводе.

Очень кстати на нашем пути встречается кофейня, мы оказываемся за столиком, пока я поджигаю свечу, официантка уходит за моим двойным эспрессо-романо и за ее сливочным латте с мороженым.

У нас уже нашлись общие точки соприкосновения — французская поэзия конца девятнадцатого века, фильмы Вонга Карвая, гладкошерстные кошки и тайны южноамериканских индейцев. И на любую из этих тем я могу поддерживать разговор хоть до завтрашнего утра. Но зачем? Ведь у меня в запасе есть еще тысяча способов прекрасно провести время до завтрашнего утра.

Катя не вспоминает уже о своем бойфренде, и откладывает намеченную встречу с ним, тонкими пальчиками набирая смс. А потом переносит встречу с подругой, прижимая к уху мобильный телефон, рассказывая про подготовку курсовой, улыбаясь мне лукавой улыбкой и еще больше укрепляя этой маленькой ложью то зыбкое и призрачное, что только начинает возникать между нами.

А инструменты мои по очереди идут в дело. Я ловко подхватываю их, использую почти автоматически. Как умелый хирург на операции, как увлеченный работой художник. И наслаждаюсь процессом даже в большей степени, чем тем результатом, к которому приведет эта моя тщательная работа.

И единственное, что слегка сбивает меня, заставляет сознание плыть — это ее волосы, ее прекрасные волосы цвета платины.

Нашел, думаю я, нашел ее! Мою блондинку.

Даже эта эйфория, легкое опьянение, идут на пользу происходящему. Становятся, если не одним из инструментов, то необходимым вспомогательным фактором. Нечто вроде правильного освещения в операционной.

Инструменты сменяют друг друга.

Я использую «крючки», включая именно ту эмоциональную реакцию, которая нужна на данный момент. Стремительными и незаметными уколами разрушаю и «защиту стервы», и «защиту школьницы» и прочие ее «щиты», которым она периодически пытается прикрыться. Я считываю все ее сигналы и даю на них однозначный ответ.

Постепенно нагнетаю температуру. Но, как опытный кочегар, подбрасываю ровно столько угля в котел паровоза, чтобы он доехал до следующей остановки, а не чтобы его разорвало в куски прямо сейчас.

Калибрую и снова калибрую, подбирая ключики и отмычки, открывая одну дверцу за другой, проникая все дальше по сложному и запутанному, как у любого существа женского пола, лабиринту ее души.

Я шучу именно там, где надо, и молчу там, где надо. Могу быть забавным и серьезным. Вызываю улыбку, а сразу же следом — мечтательную задумчивость.

Отслеживая реакцию, делая пометки в своем невидимом «летном журнале», я совершаю умелые «сдвиги», меняя ритм и настрой разговора. Как кубики тетриса, складываю из текстовых шаблонов и одиноких фраз прочную крепость, внутри которой уже оказалась девушка Катя с прекрасными платиновыми волосами.

Следом за кафе идет парк аттракционов в гирляндах цветных огней, громадные розовые коконы сахарной ваты на палочках, карусель со смешными лошадками и лошадка живая, с седла которой Катя соскальзывает прямо в мои объятия. Комната ужасов — ты никогда не была в комнате ужасов? Пойдем в нее прямо сейчас! Оскалившийся скелет, выскакивающий из-за поворота с ужасающим хохотом, и гибкое девичье тело, в страхе прижимающееся ко мне. И ее жаркие, ищущие губы, в крошечной темноте на ощупь встречающиеся с моими.

Наконец, бесцельно бредя по аллее, взявшись за руки, и периодически останавливаясь чтобы слиться в продолжительном поцелуе, мы оказываемся на самом краю парка, там, где и должны были оказаться.

— Давай сделаем что-нибудь безумное! — говорю я.

Глаза Кати горят, она давно уже готова сделать что-нибудь безумное, но, в то же время боится, что я сплочую, и все превратится из романтического вечера в банальнейшую разводку на секс. Но она плохо меня знает.

— Полезли на крышу! — говорю я, и тащу ее за руку к старинному усадебному дому, что прячется за толстыми дубами на краю парка.

Мы поднимаемся по шатающейся и тревожно дребезжащей ржавой лесенке, я поддерживаю Катю, а она жадно хватает воздух, испуганно взвизгивает, когда лестница дребезжит особенно тревожно.

Выходим на крышу, с которой открывается головокружительный вид на верхушки парковых деревьев, на сияющий бликами заката изгиб реки, на далекие огоньки тысяч окон и подсвеченные башни московских высоток.

— Красотища какая! — говорит Катя, держа голову у меня на плече. — Признайся, негодяй, ты все это заранее спланировал?!

Она выглядит по-настоящему счастливой.

Новые эмоции захлестывают ее, она смеется. И я смеюсь тоже.

Моя прекрасная незнакомка, моя блондинка, девушка-мечта...

— Цуургцифин тфицлосс эззо! — говорю я отрывисто. — Платина зуу царргцес!

Девушка приподнимает тонкие брови.

— Макс?! — спрашивает она недоуменно.

— Эззо циафизи цеолоц! — голос навигатора звучит прямо у меня в ушах. — Цуург зуу платина...

Маскировочное поле рассеивается. Громадный черный треугольник плавно опускается над крышей, зависает, моргая холодными голубыми огоньками.

Яркий луч света ударяет в середину крыши, выхватывая стройную фигурку девушки.

— Маакс?! Чтооо этоооо?! — голос девушки звучит глухо, речь искажается, слова растягиваются, как разогретая резина.

— Цуррг фиис! — командую я.

— Хисс! — навигатор запускает «притяжку».

Девушка, вместе с мелкими камешками, осколками стекла, обрывками газеты и каким-то еще мелким мусором, отрывается от земли.

Она пытается кричать, но голос ее тонет в энергетическом поле. Кажется, что она беззвучно открывает рот, будто рыба, которую тащат из воды.

В луче света она медленно движется вверх, раскинув неподвижные руки и ноги, не в силах пошевелится. Роскошные платиновые волосы застыли неподвижной волной, искрятся и мерцают в ярком свете.

Я устало распускаю шейный платок, разомкнув защелки в ушных раковинах, стаскиваю биомаску. Щурю чувствительные с непривычки

глаза. Терпеливо жду, когда, закончив процедуру «изъятия», рейдер опуститься на крышу и заберет меня.

— Цисс фохуу? — спрашивает навигатор, скучающий за пультом, контролируя процедуру «изъятия», рутинную до тошноты.

— Хисс, — киваю я.

Конечно, я скучаю по дому.

— Цаафихсу ургуц цисс! — говорит навигатор ободряюще. — Платина уцисс цуу фрууг.

Я по привычке повторяю мимическое движение «маски» — пытаюсь улыбнуться. Улыбки не получается.

Конечно, скоро, мысленно отвечаю я навигатору. Мы выполнили, наконец, норму по «платине», все сорок секций заполнены, а это значит, что уже очень скоро мы будем дома.

ПАРНИ В АЛЫХ КАФТАНАХ

Yeek-Yeek Woop-Woop, I ain't playin' around.

Make one false move, I'll take you down.

(Ludacris)

Митнирский писатель Хаверганнер как-то сказал: «Мир похож на сарбанский бордель, на чердаке которого проходит слет Общества Безумных Призывателей Семирогого, во втором этаже замышляется кровавое убийство, в первом — царство вина, смеха и непристойностей, а подвал, под завязку набитый по случаю грядущего Всеблагого дня коробками фейерверков, подожжен с трех сторон неведомым пироманом. Но за него все равно стоит бороться».

Я полностью согласен с первым предложением.

Меня зовут Сервиол Люпинич Волк. Все, включая моего шефа, зовут меня «Серый» из-за характерной пепельной шевелюры, присущей уроженцам северной Лукомории.

Я старший дознаватель лукоморской полиции с доступом третьей ступени, но сейчас, как и мой напарник, нахожусь не при исполнении.

Моего напарника зовут Иван Боритц Тсаревич. У его родителей тоже было странное чувство юмора.

Мы вдвоем стоим посреди крыши валендорского Резервного банка. Ветер шелестит ассигнациями, снегопадом летящими к земле. В небе кругами ходят штурмовые махолеты, ощупывают крышу прожекторами.

И около полусотни элитных тиринских стрелков держат нас на прицеле самострелов.

В одной руке у меня взведенный к бою армейский «агрифармер», в другой — начинающий тлеть холщовый мешок с жар-птицей.

Вокруг валяются мертвые тела.

Я смотрю на махолеты и думаю, как сильно я люблю свою работу.

Хотя, пожалуй, начать стоит не с этого. А с того, что происходило несколькими днями раньше...

...Мы ждем вызова в приемной у шефа, подпирая расписные колонны. Вокруг на разные голоса трезвонят магические зеркала, натужно кряхтит, выводя ленту с запутанными письменами, комод-самописец, носятся замыленные курьеры в шапках с павлиньими перьями и дымящихся скороходных сапогах.

Секретарь в черных нарукавных чехлах презрительно пялится на нас поверх пенснэ. Иван меланхолично щелкает смоляной жвачкой.

Рассматриваю посеребренные шнуры своего форменного алого кафтана. На одном осталась сахарная пудра от пряника, стряхиваю. Пряники мы с Иваном ели, когда сидели в наружке возле артефактного торгового дома «Дед&Бабка». Вся эта история с Золотым Яичком закончилась скверно.

Из-за нее ждем выволочки от шефа. В лучшем случае нам грозит перевод в патруль, в худшем — придется искать себе новую работу.

Страшно хочется курить, но мы с Иваном заключили пакт — ни одной затяжки, пока не упрячем в подземелье (оторвем голову) Коцака, лидера лукоморской Тать-гильдии, объявленной вне закона указом двенадцатилетней давности.

В прошлом году, после встречи с Коцаком, меня две недели выхаживали знахари, а Ивана на месяц посадили в «клетку», надраивать парадные кольчуги и заносить в ведомость сданные через щель в решетчатом окошке «жалобои» и «шпильграцы».

Шефская дверь открывается, на пороге — ухмыляющийся Ярулей Борзич из Управления Внутреннего Надзора. Черный кафтан, шнуры сверкают, шапка набекрень, усы подкручены.

«Ага, вот эти ребята», говорит он, жестом приглашая нас в кабинет.

Шеф сидит за столом, в расстегнутом алом кафтане с богатым шитьем, массирует пальцами отечные веки.

Ждем, что он прикажет нам сдать значки и боевые жезлы.

Вместо этого получаем новое задание.

Шеф говорит много и громко, иногда, понижая голос, тыкает пальцем в потолок.

В кратком пересказе:

«Надо бы сдать вас, гребанарии, судейской коллегии и парням из УВН, чтобы вам, уродам, до конца жизни пришлось выплачивать по иску! Но дам вам последний шанс! Если опять облажаетесь — пощады не ждите. Итак, вводная! У Папы (тыкает в потолок, подчеркивая, что речь вовсе не про его отца) есть сад! Там растут всякие деревья, дорогие. Еще в нем есть любимая Папина яблоня. Растут на ней не простые яблочки, а волшебные. И повадилась их таскать некая сущность неопределенного типа. Очевидец, садовник, сообщает среди прочего: на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны...»

Я сразу же выдвигаю рабочую гипотезу: яблоки ворует жар-птица. Иван смеется, шеф велит мне прикрыть варежку.

Иван вспоминает, что садовник — любитель грибов.

Шеф недоумевает, мол, он тоже любит грибы.

Иван смеется громче прежнего, а я терпеливо объясняю, про какие грибы идет речь (бодроголовки, хмельноножки, танцуйсапог, крышепробой, улетайка и пр.)

Шеф велит нам помолчать, рассказывает дальше:

«Набеги на сад продолжаются не первую ночь, пора с этим кончать! Передаю дело вам. Делайте, что хотите, но птичку эту доставить сюда, поняли?»

Синхронно щелкаем каблуками сафьяновых сапог, горланим «да, мой генерал!», покидаем его кабинет, что называется, на крыльях счастья.

В коридоре происходит диалог с Борзичем.

— Ну, получили пистон? Доигрались, сладкая парочка?

— Эй, Ярулей, когда на волшебной ярмарке в палатке Страшил будет распродажа мозгов, не разменивайся на мелочи, бери с запасом.

— Ага, а повезет, так и храбрости в бонус отвесят.

Ударяем с Иваном кулаком о кулак и направляемся к выходу.

Садимся на наш транспорт. Не патрульная печка — элитный камин «Жарынь Х5» чойской сборки.

Надеваем защитные очки, натягиваем на рот и нос шейные платки. Из высокой трубы валит, кучерявясь, густой белый дым.

С визгом стартовав с места, едем наводить справки по делу.

— Привет, Полосатик!

— Мняю, какие гости! Зашли пропустить по кружечке? Смена уже закончилась? Или вас, наконец, турнули из Департамента?

- Не дожدهшься, остряк.
- Что будете пить, мррря, судари стражники?
- Плесни-ка нам по кубку своей знатной медовушки. Кстати, нужна кое-какая информация.
- Мняю, судари! За счет заведения! И вы же знаете, я этим больше не занимаюсь. Теперь у меня честное дело, все официально, мняю.
- Кончай впаривать говнидло, хвостатый, выкладывай, что знаешь про Жар-птицу?!
- Привет, красotka!
- Судари витязи, какая приятная неожиданность! Решили поразвлечься, ммм?
- Не искушай лещехвостая. Лучше скажи, про жар-птицу приходилось слышать?
- Серенький, ты же знаешь, что пришел по адресу, мои птички разожгут в тебе такой жар, что...
- Рыбка, твои профурсетки меня нисколько не занимают. С тобой бы я, конечно, замутил, но у меня аллергия на тину, прости. Итак, жар-птица?!
- Привет, Скупер!
- Кхе-кхе, почтенные судари, чем обязан визиту? Желаете ли приобрести каких диковинок? Для вас всегда скидки!
- Зашли мимоходом, думаем, не пленить ли тебя, не упрятать ли в подземелье? Покажи-ка вон ту брошку с зубастым кренделем. Она, кажись, по сводке проходила, похищена из Лукоморского Музея Диких культур?
- Кхе-кхе, да что вы, это же безделица. Так, приобрел по случаю у знакомого, она вовсе не...
- Скупер, поделись-ка, что у тебя есть на Жар-птицу?!
- Скверное дело, Серый?
- Да, Иван. Старый пердиант похоже решил поставить крест на наших карьерах. А заслуга твоя! Вся эта мутотня с Золотым яичком!
- Серый, ну в тот момент надо было что-то делать! Принять какое-то решение. А поскольку ты мялся...
- Да-да. Поскольку я решил выдержать паузу, ты просто взял и прибил этого гребаного Мышехвоста зарядом из «жалобоя»?
- Но иначе «Дед&Бабка» распрощались бы с Яичком! Он всерьез собирался расфигачить его, я видел это по его глазам!
- Долбон, из-за тебя они и так с ним распрощались! Неужели трудно было подождать?

— Если бы да кабы, трудно-нетрудно. Считаю, это вообще не наше дело... Наше дело, знаешь какое?

— Ну?

— Хватать плохих парней и сажать их в подземелье!

— Или валить их навскидку из гребаного «жалобоя», да?

Остаток пути преодолеваем в молчании.

Сад возле царского дворца. Подняв воротники кафтанов, занимаем позицию под яблоней. Холодно, сыро, промозгло.

У Ивана в кармане трезвонит волшебная пудреница. Шеф интересуется ходом расследования.

— Все глухо, мой генерал. Продолжаем бдеть.

— Не перебдите там.

Внезапно сад озаряет яркий свет.

Медленно вращаясь, над яблоней снижается нечто, похожее на традиционный лукоморский самовар, пузатый и важный, к которому приделана пара мэй-синтских клинковых вееров (расходящиеся полукругом остроконечные металлические пластины, смазанные ядом жука Цыньши). Из трубы на верхушке конструкции валит густой пар, она издает низкий гул, крылья-вееры приглушенно жужжат в потоках ветра.

Зацепившись исходящим из днища световым лучом за яблоню, самоваролет, вращаясь, зависает над ней.

— Иван, это что за гребатория?!

— Понятия не имею... Но сейчас я ее соструню!

Яблоня дрожит, скрипя ветвями и роняя листья. Волшебные плоды с треском срываются с веток, в потоке света уносятся вверх, скрываясь в темном люке.

Раскрутив аркан, Иван ловит петлей одну из деталей, выступающих из бока самоваролета. Я бросаю второй аркан, цепляюсь за рожок на верхушке.

Самовар кренится на борт, издает громкий скрежет.

Луч света гаснет, вместо него из днища вырывается язык зеленого пламени.

Ивана относит к стене дворца, я несусь следом, врезаюсь в окно, разбив его, влетаю в комнату.

Полная блондинка, простоволосая, в свободной ночной рубашке, хлопает ресницами, глядя на меня. Затем принимается пронзительно визжать.

Самоваролет, мигая огоньками, скрывается в ночи.

Лаборатория — гордость Департамента. Нигде в Лукомории не собрано в одном помещении такого количества магических зеркал, реторт,

пробирок, котлов, горелок, мензурок, колб, стеллажей с пыльными флаконами.

Думыч, эксперт-чародей, восторженно шепчет:

— Вы где откопали эту штуку?!

— Арканом зацепили, а она возьми и оторвись.

— Это поразительно! Поглядите...

Мы мало, что понимаем из его монолога. Если вкратце: штука эта светится в темноте, сделана непонятно из чего, химические реакции дает самые непредсказуемые. Словом, неопределенная сущность.

Звонит шеф, только вернулся «с ковра» у Папы, приказывает сдать улику в спец-хран. Ждет завтра с утра к себе, форма одежды — похоронная.

— Крантец нам, Серый.

Выходим на улицу, усаживаемся на «Х5», едем в кабац Полосатика. Угощаемся медовухой, пока не начинаем раскачиваться и заплетаться ногами, как пара бабусиных гусей.

С утра невыносимо раскалывается голова. Выпив полбанки огуречного рассола, проверяю неотвеченные на зеркалке. Никто меня не вызывал.

Иду умываться к бадье со студеной водой, говорю отражению:

— Никому ты не нужен. Никто тебя не любит. И одевает тебя мама, как клоуна. Улыбайся, гребаная зверушка!

— Пошел ты, — ворчит бадья.

— Старший дознаватель Волк, старший дознаватель Тсаревич! Личные жезлы и значки — на стол!

— Старый хренатор.

— Что?

— Шеф, при всем уважении, какого ... ?

— Ты хоть знаешь, в чью спальню залетел, Серый? Знаешь, чья это дочь?

Вопросительно тыкаю пальцем в потолок.

— Именно! В утешение могу сказать одно — набег на Папин сад прекратились. Хоть какая-то польза от вас.

— А улика?!

— Это не улика, Серый, а гребаная неопределенная сущность.

— Кто возьмет наше дело?

— Дальнейшее проведение операции... екаранный бабай, какое они там название-то придумали, ща...

— Операции «папин перчуэл», — подсказывает Иван вполголоса.

Давлюсь смоляной жвачкой, кашляю, Иван хлопает меня по спине.

— Операция «Дичь»! Придумали-то, а? Короче, операция «Дичь» передана под юрисдикцию УВН, под личный контроль старшего дознавателя Борзича. А вас...

— Я от этой дичи избавлю, — подсказываю я.

Шеф поднимает на меня усталые глаза.

— Верно, Серый. Зришь, как говориться, в...

— В перчуэл, — бесцветным голосом говорит Иван.

Я крепко кусаю губу.

— Ладно. Желаю вам успешного решения дисциплинарной комиссии. Сам, ясен пень, болею за вас. Но ничем, увы, не могу...

— Спасибо, шеф, на добром слове.

— Считайте, что это отпуск. Отдохните немного, погоняйте в керлинг, сводите девочек в трактир. Премияльные я вам выпишу задним числом, так и быть. Мало ли как оно повернется, монеты не помешают. Короче, не кисните. Перчуэлы пистолетом, ага?

Лезем через стену, подсвечивая себе «шпильграцами».

Думыч, добрая душа, утешил — дал сводку по наблюдениям странных летательных аппаратов. Установить связи, найти точку пересечения... И вот мы уже взламываем замок на воротах здорового сарая, затерянного в приграничных чащобах.

Перед нами самоваролет.

У меня в кармане начинает истошно верещать пудреница. Так всегда — сначала ждешь, что кто-нибудь позвонит, и без толку, а когда кто-то, наконец, звонит, то в самый неподходящий момент.

— Это Елена, она сейчас в турпоездке где-то на западе. Велел ей звонить каждые двенадцать часов.

— Твоя сестра? Не нашла лучшего времени для гребаного звонка?

— Полегче, ты говоришь про мою гребаную сестру!

— Твою гребаную сестру? Полегче, она моя девушка...

Иван понимает, что ляпнул лишнее. Происходит короткая заминка. Пудреница замолкает.

— Наверное, как-то иначе надо было преподнести, Серый, я по правде сказать, давно уже собирался, но...

— Что значит давно?!

— Ну, где-то год уже.

— Ах ты гребаный...

Делаю шаг вперед, занося «шпиль», под ногами у меня звенит тончайшая нить, и тотчас в сарае загорается свет и поднимается оглушительный визг и вой.

Со всех сторон к нам бежит вооруженная охрана. Среди них пара боевых чародеев, в стены рядом с нами, кроме болтов и стрел, врезаются огнешары, ледяные острия и облака «гноусовой дробы».

Отстреливаясь из «шпилей», переходим в контратаку, противник бежит.

Осматриваем самоваролет.

— Иван, а маркировка-то на борту тиринская, войсковая. А индекс экспериментальный. Ишь чего намудрили, соседи.

— Придется звякнуть старой подружке, Серый.

Имеет в виду Лисиану, рыжую красотку из лукоморского консульства в Тирине. Моя бывшая невеста, ненавижу ее чуть меньше, чем чойскую слюдяную лапшу под кальмаровой подливкой:

— Даже не думай об этом!

— Это вопрос государственной безопасности!

— Сам звони гребаной стерве!

— Все не можешь забыть историю с Мучным Толстяком? Здорово она тебя обскакала, а?

Про это он вообще зря вспомнил.

В итоге Иван сам звонит ей. В отличие от меня, сохранил с ней дружеские отношения.

Она согласна помочь, но Ивану приходится умолчать, что я в деле.

Садимся в рейсовый дилижанс, едем на запад, в пограничный город Валендор, родину лучшей в мире копченой колбасы с чесноком.

Место встречи — таверна «Гуляка Дижон». На вывеске толстяк в красном камзоле и цилиндре, написано: «самый ядреный в городе домашний самогон, утром — скидки»

Лисиана прибывает, и не одна, а в сопровождении группы тиринских ассасинов в черных капюшонах.

В обеденном зале таверны происходит драка.

С потолка сбивается люстра, рассыпаются мириадами осколков окна, зарядами «шпилей» прожигает столы, сгорели несколько портьер и подсобка, забитая несвежими простынями, отравленный стилет протыкает портрет Ниверда IV Тиринского и, под истошные вопли хозяина, проливаются на пол из разбитых бочек пинты «самого ядреного в городе».

В итоге никто (кроме Ниверда IV) не пострадал, хозяину обещают компенсацию по страховке, а нам с агентами тиринской Внутренней Стражи дается прийти к соглашению.

Утечка материалов, необходимых для строительства самоваролета не связана с попытками тиринцев насолить доброму соседу и условно-му союзнику.

Речь идет о происках лукоморской Тать-гильдии. Снова Коцак!

Сдается, скоро мы с Иваном снова начнем смолить забористый самосад его двоюродного дядюшки, хозяина лавки «Тсаревич Табако Импорт».

Сами не ведая, мы принесли недостающую часть мозаики, давно уже собираемой на истыканной цветными кнопками пробковой доске в верхнем этаже резиденции ВС в Тирине.

Сперва наше появление посчитали частью этого заговора. Но, выслушав нашу часть истории, а до этого оценив, что могут лукоморские дознаватели, при попытке задержания, проделать с парой «шпилей» и десятком бочек самогона, недавние противники прониклись к нам невольным уважением.

Нас решено взять в дело.

Подробности излагает Лисиана. На меня она не смотрит, обращается исключительно к Ивану.

Нам предстоит участвовать в диверсионной операции в Парнакских горах, на северной границе.

Там, в пределах автономной области карликов-гирджей, в брошенном руднике, обосновались сектанты. ВС давно собиралась накрыть их притон, но все не было формального повода для нарушения гирджевских суверенных границ. Теперь он появился.

Одного я до сих пор не могу понять:

— Но зачем им понадобилось воровать царские яблочки?!

— Очень просто, Серый, — впервые за четыре года обращается ко мне Лисиана. — Для того, чтобы кормить ими жар-птицу.

Тиринские штурмовики застревают на подступах к штольне, залегают за насыпями.

Но лукоморскую полицию так просто не остановить.

В переговор-серьге у меня в ухе раздается гневный голос Лисианы, которая, отобрав переговор-стакан у командующего штурмом тиринского вояки, требует, чтоб мы вернулись на исходные позиции.

Поздно! Вагонетка несется по рельсам, мы с Иваном отчаянно садим окрест из тиринских «агрифармеров».

Из-за каждого поворота выскакивают гирджи-зомби, несчастные карлики, погибшие в пятнадцатизэтажном руднике, подъятые из-под завалов злой волей чернокнижников.

Оказавшись на дне штольни, врывается в главный зал, по стенам расчерченный магическими знаками и зооморфными существами. Посреди него высится заляпанный черным воском алтарь. За ним пытается спрятаться лысый культист.

Допрашиваем его. Выясняем, что основной состав заговорщиков успел скрыться. Откуда они знали об операции? В ВС окопался «крот»!

Снова звонит Елена:

— Братец, у меня, похоже, небольшие трудности!

Операция по спасению заложников в разгаре.

Мы с Иваном стоим посреди крыши валендорского Резервного банка, ветер шелестит ассигнациями, снегопадом летящими к земле, в небе кругами ходят штурмовые махолеты, ощупывают крышу прожекторами, и около полусотни элитных тиринских стрелков держат нас на прицеле самострелов.

Вокруг валяются тела сектантов в черных балахонах.

В одной руке у меня «агрифармер», в другой — холщовый мешок с жар-птицей. Он уже тлеет.

Я смотрю на махолеты. Думаю: как я люблю свою работу!

Сейчас на крышу должен вылезти сам Кошак, который захватил Елену. Он остался один, хочет обменять ее на Жар-птицу, изъятую у его покойных подручных чуть ранее.

Жар-птица нужна ему, чтобы принести ее в жертву в подвале банка. По данным Лисианы, там заключен, запертый заклятьем Тринадцатого Общемирового Консилиума Магов, трофей тиринских войск в Великой войне, легендарный Архив Доминаторов. Заполучить Архив, значит — заполучить безграничную власть.

Есть два способа вскрыть магические засовы.

Собрать в подвале всех участников Консилиума.

Или пролить там кровь Жар-птицы.

Они выходят. На Кошаке черный балахон и белая маска печального клоуна. Елена держится молодцом.

— Покажи лицо, Кошак, дрюкер ты трусливый! Хочу увидеть, из-за кого провалялся две недели в гребаном Лукоморском клиническом!

— А я хочу увидеть, из-за кого месяц дышал пылью в гребаной «клетке»!

Он снимает маску. Не верю своим глазам.

— Иван, ты видишь то же, что и я?!

— Поверить не могу, Серый.

— ХА-ХА-ХА! ЧТО ТАКОЕ? СЛАДКАЯ ПАРОЧКА В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ?

— А здорово тебе удавалось косить под исполнительного дурачка, Ярулей!

— Хренов артист! Черно-кафтанным долбоном ты мне нравился больше.

— ТАК-ТО, РЕБЯТКИ! А ТЕПЕРЬ МЕДЛЕННО КЛАДИТЕ МЕШОК С ЖАР-ПТИЦЕЙ НА ЗЕМЛЮ. Я СКАЗАЛ, МЕДЛЕННО!

Тут Жар-птица окончательно прожигает мешок, взмахнув крылами, вылетает наружу, проносясь мимо Борзича-Кощака, клюет его в глаз.

Приходится импровизировать.

Иван подлетает слева, выхватывает Елену из лап лидера Тать-гильдии.

Я подлетаю справа, двойным ударом сафьянового сапога в прыжке с разворота выбиваю у него из руки «жалобой» и наносю сокрушительный удар в челюсть.

На крышу выбегают тиринские стрелки. Среди них Лисиана. Выглядит, как всегда, ослепительно.

Золотистая искорка жар-птицы едва виднеется на фоне заката. Ветер сметает с крыши последние белые листы ассигнаций.

Совершив разворот, махолеты, тарахтя, уходят в сторону валендорских окраин.

Иван вытаскивает из кармана две длинных сигары, одну протягивает мне.

Елена отбирает у него сигару, со словами «курить вредно» запечатлевает на его губах жаркий, долгий поцелуй.

Я вздыхаю, отворачиваюсь, вижу перед собой Лисиану.

— Ну, как ты вообще, рыжая? Давно не виделись.

— Неплохо. Теперь на повышение, наверное, пойду. А как твоя рука?

— Гнется. Может, сходим куда-нибудь?

— Согласен даже на чойскую забегаловку?

— Рыжая, ради тебя я согласен даже сожрать тарелку слюдяной лапши под кальмаровой подливкой.

— Серьезно? Не терпится проверить, серенький. Как раз знаю неплохое местечко неподалеку.

Айрокский поэт Кинс-Кинс как-то сказал: «Мои стихи не плохие и не хорошие, я просто делаю гребаную колбасу».

Мы не плохие и не хорошие, хотелось бы сказать мне в заключение. Мы просто парни в алых кафтанах, просто делаем нашу гребаную работу.

Игорь Бэзрук

г. Иваново

ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Саше исполнилось *только* десять лет, когда от них ушел отец. Мама, возможно, всё понимала без слов, но Саше было невдомек, поэтому он ждал объяснений от отца, но отец ничего не сказал. Мама рыдала у изголовья кровати, Саша просил папу поцеловать маму, чтобы та успокоилась, однако папа лишь посмотрел на неё тяжелым взглядом, сухо сказал, что мама сама потом перестанет, и неторопливо вышел. Больше Саша его не видел.

Уход отца так сильно потряс Сашу, что он на неделю слег в больницу и потом долго наверстывал упущенное в школе.

Может, совпадение, а может, и нет, но с уходом отца отношения разладились и с хозяйкой квартиры. Та вскоре потребовала освободить комнату, ссылаясь на необходимость проведения срочного ремонта. Что там нужно было срочно делать, Саша не понимал. Скорее всего, владелица просто побоялась, что мама не сможет после развода оплачивать, как положено, комнату. С трудом мама нашла новое жилье. Вернулась домой окрыленная, сказала, что они теперь будут снимать отдельную квартиру. Та же одна комната, но кухню, туалет и ванную больше не придется ни с кем делить, — восхищенно рассказывала она сыну.

Переезд не занял много времени. Помогли мамины товарищи по работе: быстро разыскали грузовую машину и в течение дня перевезли на новую квартиру все их скудные домашние пожитки: скромную мебель (кухонный столик, пара стульев, диван-кровать, раскладушка и небольшой сервант) и непритязательный гардероб. Саше квартира понравилась — газ, горячая вода, две комнаты, балкон. Еще до переезда, когда мама рассказала ему обо всем, Саша мысленно в душную летнюю ночь уже спал на балконе, принимал ванну и резвился, как хотел, потому как в прежних жилищах баловство в ванной запрещалось.

Но не все ожидания Саши осуществились. Вторая комната, та, которая выходила на балкон, к сожалению, оказалась запертой.

— Хозяева оставили там кое-какие вещи, — объяснила мама.

Саша сначала возмутился, но потом быстро остыл и принялся помо-

гать маме распаковывать узлы и коробки.

В первую ночь на новом месте Саша, на удивление, спал спокойно. Наверняка сильно утомился при переезде. На следующий день проснулся ранним утром, с радостью смотрел на яркие полосы на стене от солнца, потом поднялся, выглянул в окно. С пятого этажа открывался замечательный вид микрорайона. Взволнованный, Саша проскочил на кухню и услышал шум льющейся воды. Мама принимала ванну и пела. У неё тоже разыгралось настроение. Саша съел колбасный бутерброд, который остался после вчерашнего, выпил свежего молока с ароматной сдобной булкой и вишневым вареньем и стал собираться в школу.

Проходя мимо закрытой двери, шутливо толкнул её ладонью и, даже не сообразив, как откликнулась она на его прикосновение, проследовал в гостиную.

Дни потекли однообразно. Утром Саша уходил в школу, после обеда возвращался, вечером играл во дворе с новыми приятелями, перед сном немного смотрел телевизор, потом ложился спать.

Надо сказать, что комнаты, та, в которой они жили, и закрытая, были изолированы, обе выходили в прихожую, и только оттуда можно было попасть в кухню и ванную. Так что всякий раз закрытая дверь невольно попадалась Саше на глаза. Уже одно то, что её заперли, вызывало любопытство. Вначале Саша пытался не обращать на неё внимания, но чем больше он этого желал, тем настойчивее взгляд устремлялся в ту сторону. Закрытая дверь провожала его и встречала. Уходя, Саша смотрел на молчаливого провожатого. Придя из школы, снова вспоминал о нём. При этом постоянно возникал один и тот же вопрос: что находится за закрытой дверью?

Мама, казалось, совсем забыла о существовании другой комнаты. Как ни в чем не бывало, проходила мимо неё, и Саша удивлялся: неужели ей не любопытно?

«Значит, это только моя тайна, — думал он, — и только я должен её раскрыть».

Однажды, когда мамы не было дома, Саша подошел к закрытой двери. Непонятное чувство овладело им. Желание раскрыть тайну и запрет проникновения в чужое столкнулись, словно два воина на поле брани. То одно, то другое из них попеременно брало верх. Саша колебался, но тайна манила сильнее и сильнее, полностью подчиняя своей власти. Саша потянул дверную ручку на себя. Сначала слегка, потом сильнее. Дверь не открывалась. Дернул еще раз, еще. Безрезультатно. Внезапно догадался: дверь должна открываться в противоположную сторону! Нужно толкать, а не тянуть. Толкнул. Дверь снова не подда-

лась. Её будто пригвоздили. Саша отошел подальше, разогнулся и ударил плечом. Но та даже не скрипнула. Снова разогнулся и снова ударил, но дверь так и не поддалась. Рассердившись, Саша в ярости стал колотить руками и ногами о деревянную перегородку — впустую.

Тут вспомнил: Юрка Игнатов, школьный товарищ, когда-то хвалился, что может открыть любую дверь, потому как давно собирает разные ключи. Для чего? Тот и сам не мог ответить. Говорил: «Если понадобится, никакой замок не устоит».

На следующий день Саша попросил у него ту самую связку, но тайны своей не раскрыл. Нужно — и всё! Юрка несколько обиделся, но ключи дал. Счастливый, Саша примчался домой и, даже не снимая ботинок, подошел к закрытой двери.

В связке находилось ключей пятнадцать-двадцать. Все — «секреты». Как раз то, что нужно. Только с какого начать?

Саша взял пальцами левой руки кольцо, разделив таким образом связку на две половины, а правой попытался вставить ключ в замок. Было неудобно. Первый ключ не входил, второй — тоже. Четвертый вошел, но не проворачивался.

«Нужно дернуть дверь», — мелькнуло в голове.

Саша левой рукой взялся за ручку и стал дергать. Тщетно. К тому же ключи перемешались, и все предыдущие попытки оказались напрасными. Саша приуныл, стал вытаскивать ключ из двери, но тот не выходил, застрял. Саша потянул кольцо на себя, потом дернул что есть силы, непрочное кольцо разогнулось, и связка посыпалась на пол.

Вместо огорчения, однако, пришла интересная мысль. Саша сгреб разбросанные ключи и стал пробовать их поочередно, откладывая не подошедшие в сторону. Дело пошло быстрее, но, к сожалению, не продвинулось ни на шаг: одна куча быстро перекочевала в другую, а дверь так и не поддавалась, тайна осталась нераскрытой. С досады Саша разметал ключи по прихожей, проклиная не только сами ключи, но и их хозяина, Юрку Игнатова, собирающего бесполезные предметы.

С этого часа Саша озлобился на закрытую дверь: пачкал ее, втыкал в нее нож, плевал, когда не видела мама. Закрытая дверь, будто невидимая заноза, вонзилась в душу. Но однажды, выглядывая в окно, Саша заметил, что балкон, примыкающий к закрытой комнате, не так и далек. Можно было попытаться через него пробраться в соседнюю комнату. Из всех возможных вариантов, Саша остановился на одном: прыгать. Но решился на такой поступок не сразу. Раз, взобравшись на подоконник, стоя на коленях и глядя вниз, где сновали люди и проносились автомобили, Саша вдруг забыл, зачем залез: так его привлек от-

крывшийся с высоты вид на город. Только внезапный визг тормозов, такой резкий и пронизывающий, вывел его из оцепенения. Саша, очнувшись, посмотрел вниз и испугался так сильно, что быстро слез с подоконника и с колотящимся сердцем прислонился к стене. Ноги налились такой тяжестью, что захотелось поскорее лечь и вытянуться. Саша прилег на диван. Странное и неведомое доселе ощущение, однако, не отпускало. Казалось, он мог бы прыгнуть вниз. Таким необоримым было желание ринуться туда. Теперь, слава богу, оно прошло, и Саша вновь подошел к окну, но теперь смотрел только вперед, пока не почувствовал, что готов совершить задуманное.

Он решительно взобрался на подоконник, быстро оттолкнулся от выступа и прыгнул вперед. Прыжок длился мгновение. Саша удачно схватился за перила, но больно ударился коленями о бетонный выступ. Ушибся, вероятно, до крови, потому что брюки прилипли к коже. Стало неприятно и обидно.

Внизу гудели машины, ревом врываясь в сознание. Когда Саша лег грудью на перила и вцепился тонкими пальцами в железные прутья, гул внизу будто усилился. Сирены как будто зазвучали громче, настойчивее и интенсивнее, до стука в висках. В горле пересохло — крикнуть он не мог. Вдобавок рядом на поручень села ворона. Склонив голову набок, удивленно посмотрела на Сашу, потом резко каркнула. Не жутко, протяжно, словно смеясь над ним и его усилиями. Еще раз каркнула. Теперь, как показалось ему, со злорадством. Её темно-синие, с металлическим отливом глаза тупо уставились на него. Какого беса ей надо?

Саша стал отгонять надоедливую наблюдательницу. Своим поведением она так досадила ему, что он даже забыл, что висит на уровне пятого этажа, а руки давно онемели и вряд ли долго выдержат нагрузку.

Чуть передохнув, Саша подтянулся, перевалился через преграду, сполз на балкон и устало закрыл глаза. Напряжение стало спадать. Пришло облегчение и новые силы. Саша поднялся, подошел к балконной двери в закрытую комнату, тронул её. Она не поддавалась, но чувствовалось, что задвижка слаба и при небольшом усилии откроется. Нажал сильнее, чуть поддал бедром, и дверь, к его радости, распахнулась, звоном стекла возвещая о быстротечной сдаче.

Саша с волнением переступил балконный порог. Комната была слабо освещена. Длинные шторы, от времени покрывшиеся налетом пыли, едва пропускали свет. Пыль, впрочем, лежала повсюду. И только раскрылась балконная дверь, мириады пылинок поднялись в воздух и закружились, переливаясь волнами в косых лучах проникшего солнца.

Кроме шкафа, двух стульев и бумажного короба из-под телевизора в комнате, однако, ничего интересного не оказалось. Саша подошел к шкафу, открыл его, но дверь не удержалась на петлях и упала, взметнув еще один веер пыли. Саша чихнул — пыль забила глаза и нос. Он протер их и посмотрел внутрь шкафа. Там оказалось пусто. Он осторожно тронул другую дверцу. Та открылась нормально, но с дребезжающим. За ней было отделение для одежды. Однако на полках лежала лишь небольшая кипа старых выцветших газет да две-три тряпки неопределенного вида. Разочарованно Саша направился к бумажному коробу с надписями на русском и иностранном языках. Пнул его ногой. Тот даже не сдвинулся. Наверняка в нем что-то было.

Саша прикоснулся к коробу. Бумага оказалась теплой и шершавой. Саша поднял ворота и тут же опустил их. Резко, неожиданно для себя. Он снова чего-то испугался, но потом успокоился, ведь сюда никто не заглянет, он один в закрытой комнате, хозяев нет, а возможно, он теперь хозяин, владелец всего этого имущества.

Неожиданно с балкона снова каркнула навязчивая ворона, Саша вздрогнул, и сердце его похолодело: он увидел, что на него смотрит девушка. Как же он сразу её не заметил? Она, значит, давно находилась в комнате и всё время следила за ним.

Саша прижался к стене: прищуренные глаза девушки и её коварная улыбка вызвали у него страх.

Ворона еще раз крикнула, слетела к выходу, села на пороге, повела головой. Саша стал отгонять её: «Кыш... Кыш!» Сначала тихо, потом громче. Ворона злорадно, как показалось ему, улыбнулась. «Кар!» — раскрылся опять её клюв. «Кыш! — не вытерпел Саша. — Кыш!» Схватил с пола какую-то тряпку и швырнул в птицу. Та вскрикнула, взмахнула крыльями и исчезла. И тут Саша заметил, что девушка — это не девушка вовсе, а огромный плакат, так мастерски исполненный, что, казалось, всё изображенное живет и дышит.

Саша расшвырял, подскочил к нему, разодрал, обрывки бросил на пол. Потом решительно подошел к коробу и вскрыл его. Там, однако, кроме старого, никому не нужного барахла, ничего интересного не нашлось. Саша возмутился пуще прежнего. Со зла он стал выхватывать из короба одежду и раскидывать по сторонам с каждым разом всё неистовее. Если какая-либо из них путалась, он тут же разрывал её на части, плача и ругаясь, как мужчина. Тряпки мертво падали на пол, вздымая покоящуюся пыль. А Саша всё бросал и бросал, пока полностью не освободил короб. Потом что есть силы пнул его ногой и сам, изнуренный, медленно опустился на пол.

Солнце клонилось к вечеру. Ворона больше не кричала. Саша рыдал, но чувствовал, что в этот день ему исполнилось *уже* десять лет.

ВОЗМЕЗДИЕ

Глядя на проплывающий мимо привычный пейзаж за окном нашего автобуса, я начал сомневаться, правильно ли поступил, согласившись показать Диме «рыбные места» на Быстрице. Не потому, что эта горная река безудержна в течении, своенравна и обильна водоворотами, — это только притягивает к ней, но потому, что место, которое я так красочно расписывал и которым он буквально бредил последние две недели, было связано с моими давними трагическими воспоминаниями...

Мне было тогда так же, как и ему сейчас, — тринадцать. Почти полгода мы жили втроем: я, мама и *он*, по сути, чужой нам обоим человек. Что мама в нем нашла, для меня до сих пор остается загадкой. Часто он был плохо выбрит, неряшлив, груб с матерью.

Она познакомилась с ним в гостях, на одной из вечеринок. Прилюдно он был остро слов, весельчак, что называется, «рубашка-парень»; наедине со мной — брюзга и нытик, ехидный и жестокий.

Он не понравился мне при первой же встрече. Ввалился в нашу с мамой квартиру, как в собственную, небрежно бросил на мои новые кроссовки свою огромную спортивную сумку, в которой, как потом выяснилось, были все его пожитки; не разуваясь, в пыльных туфлях вальяжно приблизился ко мне и больно хлопнул тяжелой огрубевшей рукой по плечу:

— Здоров, малец, будем теперь жить вместе, усёк? Меня звать Федором, а тебя?

Не помню, что тогда ответил, но то, что сразу уловил в его глазах холодность стали и брезгливость сноба, — несомненно. Он был не тем, за кого себя выдавал, я это понял сразу же, но мысль вычеркнуть его из нашей жизни навсегда, оградить маму от этого подонка и ханжи возникла у меня намного позже.

Не спорю, в первые дни и месяцы нашего совместного житья мною двигал обыкновенный эгоизм, приправленный ревностью. До этого, когда мы с мамой уже год как жили одни, я и не представлял себе, что в нашу уютную жизнь, войдет кто-то третий, который будет нарушать наш привычный, размеренный ритм и который отберет у меня изрядную долю материнского внимания, ласки и тепла. Однако я готов был согласиться даже на это, если бы не одно «но». Это «но» и стало ре-

шающим аргументом, который, в конце концов, после долгих размышлений перевесил всю массу моих колебаний и привел к единственно верному, как мне казалось тогда, решению: убийству.

Как впоследствии выяснилось, Федор оказался ничуть не лучше моего спившегося и уже ничего хорошего не видевшего в этом мире отца. Но если я родному отцу не мог простить взрывов его, опаленного алкоголем, сознания, то чужому человеку и подавно. Федору было так же на меня наплевать, как и отцу. И если в нормальном состоянии он еще как-то считался со мной, в подпитьи только поучал, обещая сделать «настоящим мужиком», да лебезил с матерью, тиская ее и обнимая, несмотря на мое присутствие.

Помню подобные запои отца. Тот едва пьяным переступал порог, скидывал обувь и одежду, сразу же тянул маму в спальню: «Хочу тебя». Я машинально семенял за ними, но отец с грубым окриком хватал меня за шиворот и, как собачонку, вышвыривал обратно на кухню. Если при этом мама пыталась хоть как-то меня защитить, он орал и на нее, матерился и все равно толкал в спину: «Идем, идем, ничего с ним не случится, поревет и успокоится».

И еще помню, как частенько он распускал руки, стоило только маме сказать что-то неугодное ему. Когда же и Федор первый раз при мне ударил маму, я пообещал себе, что сделаю всё, чтобы он ушел из нашей жизни.

План убийства у меня созрел в тот же день, как мы поехали на Быстрицу. Федор был заядлым рыболовом. А на Быстрице можно было выудить даже форель. Без рыбы он никогда не возвращался. И вот уговорил меня, хотя я принципиально противился всему, что он предлагал, после того, как впервые ударил маму.

Мы ехали таким же автобусом, как и сейчас с Димой. Чуть больше часа езды от города, потом минут десять ходьбы вдоль реки. Федор нашел заводь у низко склоненной к реке вербы, хотя в прямом смысле это место и заводью не назовешь: течение здесь просто чуть тише, чем в основном русле, и можно не спеша «идти за водой», подсекая, когда нужно, добычу. Берега сплошь каменисты и обрывисты. В некоторых местах огромные валуны буквально нависали над водой. Не то противоположный, более пологий берег, но Федору больше нравилось удить именно тут, и я был только доволен этим. Увидев бурное, холодное, неудержимое течение, полное водоворотов и завихрений, я понял, что, сорвавшись вниз, остаться в живых можно только невообразимым чудом, ведь хотя река и была не глубока (наверняка не больше полутора метров), перейти ее было просто невозможно. Даже купаться в этом

месте Федор категорически не советовал: течение моментально сбивало с ног и стремительно уносило вниз. Всяческие попытки бороться с коварной стихией были заранее обречены на провал, потому что леденящая вода совершенно лишала сил.

План мой был абсолютно прост. Можно было подловить момент, когда Федор увлечется ловлей и без труда столкнуть его вниз, в пучину; далее река сделает свое дело. Сомневаться в успехе замысла не приходилось: сколько раз я наблюдал, как Федор, засмотревшись или задумавшись, поскользнулся и оступался. Раз я его даже успел подхватить, и он с благодарностью потом вспоминал об этом. Но я уже не мог отказаться от своей задумки — не в моем характере. Я видел, как страдала моя мать, как втайне от меня плакала в подушку и старалась быстро вытереть слезы, как только входил в её спальню.

В тот памятный день мы как обычно собрали снасти и выехали с Федором на Быстрицу. Он был в отличном настроении: шутил, вертел в разные стороны головой, заигрывал с какой-то прыщавой девицей, сидящей на соседнем через проход кресле, не стеснялся даже меня, как будто я не сын его женщины, а просто пшик, пустое место! И этим он только укрепил меня в желании совершить задуманное!

Туман над рекой еще клубился. Пары медленно расплзались по берегам, вползая на кручи и стекая в долину. Я поеживался от холода, Федор готовил удочки.

Ничего необычного в том не было, что я стал прохаживаться туда-сюда вдоль берега. Я так делал всегда, прежде чем у меня появлялось желание взять в руки удилице. Поэтому Федор ничего подозрительного в моих действиях не усмотрел. Я же воспользовался прогулкой для того, чтобы получше определить место, где должно было совершиться задуманное. Но всё вышло само собою. Увлёкшись ужением, Федор попросил подать наживку, но я, подавая банку, поскользнулся и чуть не выронил её. Он, страшно ругаясь, потянулся ко мне, я скользнул под него, и он, оступившись, потерял равновесие, быстро замахал руками, еще громче заматерился и опрокинулся навзничь в воду. Бурное течение моментально подхватило его и стремительно понесло вниз. От бешенства он стал извергать в мой адрес всяческие проклятия, но это только лишало сил. Где-то у поворота его разъяренное лицо еще раз вскинулось над волной и тут же исчезло в пучине. Как впоследствии выяснилось, навсегда...

— Дядя Леша, мы будем ловить рыбу или нет?

Вопрос Димы вернул меня в настоящее. Я ведь привез его показать одно из самых примечательных рыбных мест.

— Конечно, будем, — сказал я. — Что же ты не собираешь снасти?

Я стал выуживать из сумки рыболовные приспособления и наживку. Дима вытащил из чехлов телескопы и начал увлеченно сооружать удища.

— Как тебе это место? — спросил я, едва он закончил свою работу.

— Класс! — с восторгом вырвалось у него.

Действительно, пейзаж тут был просто замечательный, да и утро выдалось под стать ему: тепло, ни ветерка, ни низких облаков на небе.

Я снова возвратился в прошлое. Странно, что тот случай с Федором совсем не отвалил меня от ловли рыбы, даже наоборот. Именно с той поры я чаще стал ходить на реку, никогда не возвращаясь домой с пустыми руками. В этом плане я оказался удачливым, как будто река таким образом каждый раз благодарила меня за принесенную ей жертву.

Меня опять вернул обратно Дима:

— Дядь Леш, ты как тут ловишь, покажи.

— Идем, — потянул я мальчишку к воде. — Смотри, — стал показывать, как лучше выбрать место, где лучше забросить, как вести, как подсекать, когда начнет клевать. Он слушал внимательно. С любопытством.

— Давай, пробуй, — подтолкнул я его к краю. Он забросил удочку, пошел за течением, я занялся своими снастями.

Неожиданно Дима завопил в диком восторге:

— Ключуло, ключуло! — чуть ли не срываясь на бег.

— Не натягивай леску, не натягивай! Попусти чуть! — крикнул я и быстро вытащил из сумки подхватку. Рыба, видно, Диме на крючок попала массивная, он еле удерживал её, то и дело балансируя.

— Не подходи к краю, слышишь, к краю не подходи! — снова крикнул я и поспешил на помощь, видя, как он всё ближе и ближе подходит к обрывистому берегу.

Когда я подбежал к нему, он уже почти завис над ним. Одной рукой схватив удище, другой я попытался обхватить его, но Дима внезапно увернулся и с какой-то странной злостью отпихнул меня от себя. От неожиданности я замахал руками, потерял равновесие и свалился с каменистого берега. Чудом успел схватиться за выступ и на мгновение удержаться в таком положении. Не понимая действий Димы, я в немом вопросе посмотрел вверх, в его глаза, и он вдруг произнес такое, от чего я лишился речи.

Он сказал:

— Теперь ты вспомнил меня, Леша? — сказал и с вызовом посмотрел на меня. И вопреки всякому здравому смыслу, я узнал в этом охрипшем голосе голос погибшего много лет назад Федора, а в ненавидящем взгляде — его циничный и холодный взгляд. Я поверить не мог! Но Дима приблизился к краю и со всего размаху резко хлестнул меня удилищем по руке, с помощью которой я еще кое-как пытался удержаться.

Острая боль заставила разжать пальцы, и течение мгновенно подхватило меня, завертело, потянуло за собой. Я еще пытался, как мог, бороться с ним, но от жуткого холода члены быстро онемели, больше сопротивляться стихии не было сил.

Последнее, что я увидел, когда пучина на секунду выплеснула меня наружу, — расплывчатый силуэт Димы-Федора, одиноко застывший на фоне блекло-голубого неба. И хотя на таком расстоянии не мог видеть выражения его лица, был уверен, что оно горело неприкрытым торжеством.

«НОМАЛЬНЫЙ»

Когда Боб Марлоу подъехал к небольшому утопающему в зелени домику Линды Харильтон, у входа уже стояло несколько полицейских. Боб припарковался у невысокого белого штaketника, ограждающего скромный дворик, взял из бардачка початую пачку сигарет, сунул в боковой карман своего черного пиджака и только тогда выбрался из машины.

Подойдя к компании полицейских в форме, он представился, показал служебное удостоверение и спросил, кто из них будет старший. Один из молодых парней потянул его за собою в дом и прямо в прихожей познакомил с местным шерифом, мужчиной крепкого телосложения и обаятельной улыбкой.

— Агент федеральной службы Марлоу, — представился Боб и ему. — Я находился всего в нескольких милях от городка, когда мне сообщили, что у вас снова неприятности. Вы не могли бы хоть кратко ввести меня в курс дела?

— Охотно, — сказал добродушный шериф, несмотря на то, что подобные дела были сугубо в его юрисдикции. — Я предполагал, что рано или поздно кто-то из ваших заинтересуется нашими делами. И даже рад, что вы приехали. Может, поможете распутать этот невероятный клубок. Признаться честно, я до сих пор в полном неведении, кому

нужны были смерти этих безобидных старушек. Линда Харильтон — четвертая жертва за последние пять месяцев. Все убитые женщины примерно одного возраста: от шестидесяти до семидесяти или чуть больше. Вели неприметный образ жизни, почти никуда из дома не отлучались, разве что в магазин или на старушечьи посиделки в местный клуб. Но разве за это убивают?

— Убивают не только за это, — ухмыльнулся Боб Марлоу, осматриваясь. — Из дома что-нибудь пропало? — спросил чуть погодя.

— Абсолютно ничего. Как и в предыдущих случаях. Я полностью исключил мотивы ограбления, но, к сожалению, других пока не нахожу.

— Есть что-то похожее во всех убийствах, что вы так определенно связываете их?

— Несомненно. Судя по почерку, во всех случаях действовал один и тот же убийца: жестокое избиение жертвы, потом финальный укол шилом в шею.

— Но ведь это не всегда смертельно, — сказал Боб Марлоу, осматривая труп.

— У некоторых смерть наступала, как мы выяснили, гораздо раньше.

— Значит, подобный укол становился чистой формальностью?

— Или обыкновенной перестраховкой.

— Все жертвы наверняка хорошо знали убийцу?

— Я бы сказал, очень хорошо, — произнес шериф. — Все впускали его к себе свободно, без боязни.

— И вы в таком маленьком городке так до сих пор и не выяснили, кто это был? — Боб укоризненно посмотрел на шерифа.

— Я бьюсь, как рыба об лед, но пока безрезультатно. Чужих здесь никто не видел, а свои известны как честные и порядочные люди, — казалось, шериф извинялся перед Марлоу. Тут было отчего возмутиться:

— Как это так, шериф! В городке тысяча с небольшим жителей, и вы не можете найти ни одного свидетеля? У вас что, бэтмен какой завелся или неуловимый ниндзя?

— Поверьте, лейтенант, мне искренне жаль, но я на самом деле не знаю, что и думать.

Тут на дворе раздались громкие голоса. Кто-то явно рвался в дом, но его упорно не пускали.

— Что за шум, шериф? — спросил Марлоу.

— Не знаю, должно быть, кто-то из родственников.

— А может, нашелся свидетель?

Они направились к выходу. На лужайке перед домом в окружении полицейских стоял, качая головой и поворачивая ее то и дело из стороны в сторону, слегка сгорбленный, жалкий на вид молодой человек в грязной, засаленной рубаше в клеточку и с растрепанными, давно невымытыми волосами. Он что-то бурно пытался доказать помощнику шерифа, но тот его совсем не хотел слушать, а только разворачивал силой и показывал в направлении города: «Туда, тебе надо идти туда!» Но молодой человек и не собирался уходить, всё мычал себе под нос что-то неопределенное и маловразумительное.

— Кто это? — спросил шерифа Боб Марлоу.

— Да так, местный дурачок Тони. Каждый раз после подобного происшествия он приходит в дом убитой с обмазанными кетчупом руками и просит, чтобы его арестовали за то, что это он, якобы, их всех убил. Видите, у него и сейчас все руки и рубашка на груди выпачканы красным.

— Любопытный экземпляр, — внимательно посмотрел на него Марлоу. — А вы не пытались расспросить его, может, он на самом деле случайно стал невольным свидетелем одного из убийств?

— Вряд ли он расскажет что-либо вразумительное, даже если что и видел: он с детства душевнобольной.

— Ну, у меня уже был опыт общения с подобными индивидами; чем черт не шутит, вдруг он расскажет нам нечто важное? Подзовите его, пожалуйста, поближе, я задам ему пару вопросов.

Шериф тут же крикнул своему помощнику, чтобы они пропустили Тони. Молодой человек подковылял переваливающейся походкой, повторяя на ходу на своем тарабарском диалекте:

— Тони номальный, номальный... Это Тони убил. Вот, — протянул он вперед свои, выпачканные кетчупом, руки. — Тони — номальный...

— Тони, Тони, — с жалостью обратился к нему шериф, — зачем ты опять сюда пришел? Я же тебе говорил, не ходи туда, где полицейские, сиди дома.

Но Тони будто и не слышал, повторял раз за разом:

— Это Тони убил. Тони — номальный...

— Нормальный, нормальный, — повторил за ним шериф.

— Тони — тюрьма надо. Тони — номальный.

Бобу Марлоу вскоре надоел этот концерт. Он знал, что даже с сумасшедшими нужно разговаривать естественно.

— Ладно, мистер серийный убийца, значит, вы утверждаете, что и Линду Харильтон, и еще трех старушек убили лично вы, вот этими самими руками?

— Не, не я, — ответил дурачок. — Тони убил. Тони — нормальный.

— Хорошо, хорошо, Тони. Значит, на твоих руках кровь миссис Харильтон? Ты вошел в этот дом и убил её?

Тони согласно кивнул.

— А как ты убил, позволь узнать? — Боб Марлоу почувствовал какое-то странное удовольствие в желании вывести придурка на чистую воду. — Десять раз проткнул ножом? Нет, постой, постой, ты, кажется, два раза выстрелил ей в сердце.

Тони опять кивнул.

— Однако тебе этого показалось недостаточно и ты еще три раза ткнул её обухом топора по голове...

Тони на секунду задумался и потом отрицательно покачал головой.

— Тогда как?

— Я бил, бил, бил, бил... — пробормотал Тони и неожиданно разревелся. — Я бил, бил, бил, бил...

— Рэндал, — крикнул тут же шериф своего помощника, — уведите, пожалуйста, парня куда-нибудь. И вымойте ему, наконец, руки.

— Хорошо, шериф, — Рэндал взял Тони подмышку и настойчиво повел со двора Линды Харильтон. Шериф с жалостью посмотрел вслед понурой фигуре больного Тони.

— Страх как не люблю, когда из себя что-то изображают, — с неприкрытой брезгливостью произнес Боб Марлоу и направился в дом. — Идемте, шериф, комедия закончена, у нас впереди еще куча дел.

Шериф подчинился.

Помощник шерифа, Чарли Рэндал, довел Тони до ближайшей колонки и помог ему смыть с рук кетчуп.

Тони, однако, реветь не перестал, хотя больше «Тони убил» и «Тони — нормальный» не повторял. Рэндал, как мог, постарался еще раз объяснить бедолаге, что с такими вещами, как убийство, шутить нельзя, и что он больше не должен появляться в тех местах, где оно произошло.

— Это нехорошо, Тони, нехорошо, понимаешь? — переспросил еще раз помощник шерифа, потом похлопал больного легонько по спине и сказал:

— Вот и ладно. А теперь иди домой и хорошенько выспись, никто тебя не тронет.

— Тони — нормальный, — пробормотал Тони, глядя на помощника шерифа.

— Да, да, — закивал головой Рэндал, — я знаю: Тони — нормальный. Иди.

Дурачок Тони, тяжело сгорбившись, побрел по направлению к Истриит. Помощник шерифа, недолго проводив его взглядом, вернулся обратно к дому Линды Харильтон.

Тони брел как потерянный. Брел мимо деревянных, похожих один на другой одноэтажных домиков, мимо вечно пустой закускойной, мимо скучающего механика, дремлющего на стуле возле своей пустой автомастерской.

На одной из улиц, как обычно, его стали задирать мальчишки, но он привычно отмахнулся от них, как от мух, и побрел дальше, не воспринимая ничего и никого вокруг. Брел, пока не остановился возле крыльца дома мисс Барток.

На длинный однократный звонок из дома вышла худощавая, но еще достаточно крепкая старушонка лет шестидесяти в черном, наглухо застегнутом, несмотря на духоту, платье. Тони даже не поднял на нее глаз. Мисс Барток сама глянула на него острым, полным упрека взглядом и сказала:

— Ну что, они тебе опять не поверили?

Тони махнул головой.

— Я же тебе говорила, что убить четырех старушек — мало, чтобы они поняли, что ты нормальный, но ты меня никогда не слушаешь, — продолжала укорять мисс Барток, пропуская Тони в дом. — Думаешь, если ты им скажешь, что убил, они поверят? Сомнительно. Я скажу тебе, когда придет время идти в полицию, а пока садись на диван, я испекла твоих любимых пончиков. И выпей этот напиток, тебе же он нравится.

Тони взял из ее рук чашку и немного отхлебнул.

— Надо выпить всё, — настойчиво потребовала мисс Барток.

Тони допил остатки, повалился на диван и тут же сладко засопел.

Мисс Барток с нежностью посмотрела на Тони и тихо произнесла:

— Спи, мой сладкий, спи, никто тебя не тронет, я позабочусь обо всем.

Она взяла со стула теплый плед и прикрыла им спящего Тони, затем пошла в спальню и присела за маленький столик у окна. Выдвинув нижний ящик, отодвинула в сторону завернутое в синий бархат шило и вытащила небольшую записную книжку. Раскрыв её на перечеркнутой крест-накрест красным странице с надписью сверху «Линда Харильтон», ощутила необычайное удовольствие и улыбнулась. Потом она будто вспомнила о чем-то, быстро отыскала страницу с именем Сары Пичул и под восьмым номером записала следующее:

«8. Возле заправки Роджерса обозвала меня уродкой и извращенкой».

«Жаль, что у Сары только восьмая неблаговидная запись. Десятая решила бы ее судьбу окончательно. Но у нее еще всё впереди», — подумала мисс Барток и убрала «черный» блокнот обратно в стол.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ТУСОВКА

Всю дорогу Дрозд наставлял Карсавина:

— Сильно не зарывайся — Мозгляк этого не любит. На Дёру внимания не обращай — это ноль, шестачит Мозгляку, поэтому его и держат близко. Косой сам по себе: не терпит, когда его трогают. Здоровенный верзила, но нрава спокойного, никогда о нем не подумаешь, что он способен...

— Что, действительно способен? — спросил Карсавин, представляя себе по мере рассказа Дрозда то Мозгляка, то Дёру, то Косого.

— Не волнуйся, рука не дрогнет. Ты бы его видел в деле — зверь. Правда, уверенный в своих возможностях, он никогда первым не начнет, не то что Мозгляк. Тот сам всегда ищет себе неприятностей. С ним куда ни сунься — всюду нарвешься: то повстречает кого, то его узнают, — личность в городе приметная, такого на всю жизнь запомнишь.

Они шли к Ордынке, старому густо населенному району Артемьевска, к кинотеатру «Спартак», где ежедневно с четырех часов вечера тусовалась ордынская молодежь под предводительством Мозгляка, одного из самых известных в Артемьевске заводилы местной шпаны. Карсавин и Дрозд были из соседнего района, с которым Ордынка теперь водила тесную дружбу и из добровольцев которого пополняла свои изредка редевшие ряды. Так, упекли недавно Хмыря, разбился на мотоцикле Пашка Сыч, кто женился, кого в армию загребли, — словом, из месяца в месяц команда Мозгляка менялась, привлекая к себе новых парней, жаждущих испытания собственных сил, но более тех, про кого в народе говорят «у них кулаки чешутся».

К той породе, впрочем, сам Карсавин себя не относил: учился он неплохо, постоять за себя мог, но вот в уличных потасовках, которые обычно происходили в Артемьевске, не участвовал, ему было достаточно «разряжаться» в баскетбольной секции, которую он регулярно три раза в неделю посещал. Его друг, Леха Дрозд, в отличие от него, также занимаясь баскетболом и проживая рядом, вечерами тусовался на улице, участвуя в бесшабашных юношеских проделках, за что неоднократно

но получал нагоняи от отца, крепкого, коренастого мужчины, всю сознательную жизнь отдавшего «Марийке», как по старой привычке называли Артемьевскую шахту номер один. Почему Карсавин в этот раз согласился пойти с Дроздом, сказать было трудно. Очевидно, по какой-то внутренней потребности самовыразиться, но тут могло наложить свой отпечаток и другое обстоятельство, из-за которого Карсавин на время оставил занятия в секции, а коротать вечера за книгой подустал. Впереди маячили областные соревнования, а у него никак не выходил дальний бросок, да и в разыгрывании различных комбинаций он стал в последнее время частенько ошибаться.

Дмитрич, их новый тренер, нескладный мужик лет сорока пяти, пузан, с кривыми наружу ногами и облысевшей не по годам головой, вызывающий у ребят нередкий смех за спиной, особенно воспоминаниями о своей цветастой молодости, когда он «неутомимо реял по площадке», играя на республике, — полагая на Карсавина немалые надежды, в связи с неудачами подопечного стал недовольно задевать его и, как на грех, чем ближе было время отъезда, тем хуже Карсавин себя показывал. Вдобавок накануне серьезной тренировки Карсавин поссорился со своей девушкой Еленой, нагрубил ей, а потом, выйдя один на один с колючем, не «уложил» мяч в незащищенную корзину.

Дмитрич взревел, затопал ногами, заматерился, проклиная все на свете и обзывая Карсавина то дятлом, то дубиной, то черт-те чем, на что Карсавин разозлился, послал Дмитрича к «такой-то матери» и сказал ему, пусть, мол, сам покажет, как надо забрасывать мячи.

Тут уж возмущению Дмитрича не нашлось предела. Прекрасно осознавая свою бездарность в баскетболе, он тем не менее чрезвычайно кичился и тешил себя и других байками о своем «блестящем» баскетбольном прошлом, но, как он ни старался, ребята, которых он взялся после ухода Михалыча, прежнего тренера, учить, все же не могли не заметить его непрофессионального броска и его недоощущения тактической и стратегической задачи. Он приносил массу литературы, столь оригинальной, что вряд ли такую встретишь даже в Артемьевской центральной библиотеке, но все, что он зачитывал ребятам или пытался продемонстрировать, выходило как-то нелепо, с натяжкой, и если бы не ребячья природная сообразительность и сноровка, оставшаяся от Михалыча, вряд ли команда сохранила бы тот уровень игры, который позволял Артемьевску еще при Михалыче блистать на всех юношеских областных соревнованиях, неизменно удерживая призовые места. Так вот, Дмитрич вспылил, подлетел к Карсавину, схватил его за предплечье и стал выталкивать:

— Иди, иди отсюда, чтобы и духу твоего тут не было!

— И пойду, — вспылел и Карсавин. — И нечего руки распускать!

В раздевалке он собирался торопливо. Заскочивший Юрка Гвоздев попытался его отговорить:

— Да не бери ты в голову. Что, Дмитрича не знаешь? Он же псих, но отходчивый. Через пару минут все пройдет. Пошли, соревнования на носу, как мы без центрального?

— Да пошел он! — со злобой забросил Карсавин в сумку свои вещи. — Пусть сам на центр и становится. Только с таким дураком играть — одно расстройство. На что Михалыч вспылчив был, но он за нас болел, а этот только о себе и думает. Книжонок начитался, а сам — ни в зуб ногой, хоть бы один раз когда в кольцо попал.

— Да ладно, Серый, есть же тренеры, которые не умеют играть, не мне тебе говорить. А тот известный случай помнишь, когда тренера по плаванию бросили в воду, и он чуть не утонул.

— Так то ж по плаванию, а тут надо уметь играть, чувствовать мяч, площадку, партнера...

Ушел. И так как рано ушел, не хотел сразу возвращаться домой, долго еще бродил по городу с тренировочной сумкой за плечом, на полную грудь вдыхая морозный воздух, любясь крупным падающим снегом — в отсвете вспыхнувших фонарей тот казался особенно блестящим и неестественным.

На следующий день в школе Дрозд спросил:

— Чё такой засохший?

— Да так, с Дмитричем поругался.

— Что, на ногу наступил?

— Хуже: послал его.

— Да ну! Как же теперь: прощай баскет?

— Не знаю.

— Ладно, не горюй. Хошь, пойдем со мной. На Ордынке неплохая тусовочка предстоит, развеешься.

Не в первый раз Дрозд приглашал Карсавина на Ордынку.

— Будешь там своим парнем, там сильных уважают, а нам крепкие парни нужны позарез — вона сколько в армию позабирали. Теперь Хрущовка нас «задрала», обнаглели. Представляешь, даже девок наших стали уводить. Соньку Яныч помнишь? Так вот даже она с Крутым снюхалась, а тот никогда на Ордынку не хаживал.

Раньше Карсавин отказывался от приглашения Дрозда, не было времени: занятия, тренировки, встречи с Еленой, да и подобные тусовки всегда считал последним делом — уж лучше книжицу какую почи-

тать. Но теперь и ему любопытно стало: а почему бы не попробовать себя. Чем он хуже? На улице и не такие приживались. Среди дворовых компаний Карсавин встречал и малорослых и худосочных, а ведь сам он был видным парнем: под два метра ростом, носил сорок пятый, как говорится, растоптанный.

— Лады, — сказал Дрозду. — Посмотрим.

И вот идут. Карсавин — бодро, уверенно, со скрипом раздавливая широкой лапой снег. Дрозд тихо, едва слышно, внимательно присматриваясь ко всему вокруг и кивая головой то влево, то вправо.

— Откуда у тебя столько знакомых? — удивлялся Карсавин.

— Да меня весь Артемьевск знает. Побудешь у нас, и тебя скоро все узнают.

Но вот и «Спартак» — неказистый, выкрашенный в зеленое кинотеатр с греческими колоннами перед входом, с небольшим холлом (таких тогда было немало по обширному Союзу и все они так и назывались: «Спартак»). С тыла, на длинной деревянной скамье уже восседало трое: Мозгляк, Косой и Дёра. Они «глушили» «бомбу» «Семьдесят второго» и судачили про свое.

— Привет Ордынке, — подошли к ним Дрозд и Карсавин.

— Здоров, Промбаза, — окинул Мозгляк с ног до головы Карсавина. — Ты чё, пополнение привел?

Мозгляк и Карсавин оценивающе посмотрели друг на друга. Никто раньше другого не хотел отрываться, наконец Мозгляк отвернулся.

— Хлебнешь? — протянул Дрозду бутылку вина.

— Почему нет? — Дрозд приставил горлышко к губам и пару раз глотнул. — Добротное винцо, — сказал после, закусывая протянутым небольшим кусочком хлеба и салом. — Где брали?

— В наш «Прогрессовский» завезли, — Мозгляк протянул бутылку и Карсавину. Карсавин неумело пригубил.

— Ты что, с горла не можешь? — захихикал Дёра и толкнул Мозгляка: — Видал?

— Остынь, — осадил его Мозгляк, — пацан, мож, непривыкший, а ты его хиханькой. Смотайся лучше, стакан разыщи!

Дёра исчез. Мозгляк зажевывал, Косой присосался к бутылке.

— Сегодня с Хрущовки должны нагряться на разборки, — Мозгляк посмотрел на Дрозда. — Я сказал своим, чтобы к шести подтянулись, что твой?

— Мои тоже подойдут — у них на Хрущовку свой зуб имеется, да и я не прочь с Крутым перебазарить. Не успел Ермил в армию уйти, Крутой к его Соньке стал подкатывать.

— Да Сонька ваша — натуральная бл...
— Бл... не бл..., а я обещал Ермилу за ней приглядеть.
— Твои дела, — Мозгляк еще хлебнул, передал бутылку Дрозду и обратился к Карсавину: — Где ж ты так вымахал, на какой грядке, — метра два небось?

Карсавин тоже сел на скамью и сидел теперь, так же, как и его новые приятели, посматривая по сторонам.

— Пару сантиметров не дотянул.

— Хорошая палка...

Тут Дрозд предложил:

— Может, еще взять? Там как, много вина?

— Детям до восемнадцати... — пробасил Косой.

— Да ладно, глянь на Сереньку: сколько ему дашь? Он уже года два как мужикам вино покупает.

Это было правдой, Карсавин и лицом и телом выглядел старше своих неполных семнадцати. Малолетки порой просили его купить им бутылку или две. Карсавин никогда не отказывал.

Мозгляк не возражал.

— Еще бы пары «пузырей» не помешало.

— Сходим? — спросил Дрозд Карсавина, на что Карсавин только пожал плечами — ему стало здесь скучно.

— Тогда погнали.

Карсавин поднялся и последовал за приятелем.

Было часа четыре, возвращавшиеся с работы женщины уже толпились у прилавков, пришлось Дрозду с Карсавиным лезть через головы без очереди.

— Девушка, девушка, нам бы парочку «Семьдесят второго»!

Женщины на удивление не возмущались. Наверное, их смущала карсавинская огромная каланча.

— Пять сорок, — не моргнув бровью, выпалила продавщица, низенькая полненькая брюнетка с ярко накрашенными губами.

— Чё так дорого? — удивился Дрозд.

— В нагрузку с сырком.

— Да он у вас весь зеленый!

— Не хочешь, не бери, без сырка не дам.

Тут женщины начали подымать голос:

— Хватит их обхаживать, давай, отпускаяй!

— Так что: берете или не берете? — продавщица еще подождала несколько секунд.

— Давайте уж с сырком, — пробормотал Дрозд. Получив на руки плавленный сырок, он развернул фольгу и лишний раз убедился в своем предположении:

— Я же говорил: зеленый... У тебя некуда запихнуть? — протянул бутылки с вином Карсавину.

У того была превосходная «москвичка», в два ее внутренних кармана почти по горлышко свободно вмещались ноль седьмые. Снаружи — будто в карманах ничего и нет. Да еще, засунув руки в передние карманы, можно было поддерживать донышки.

— Твоей «москвичке» цены нет, — заметил Дрозд.

— Да, ценная штука, — согласился с ним Карсавин. — И греет не хуже печки.

Карсавину нравилось это доставшееся от отца полупальто, особенно за его высокий, закрывающий полголовы меховой воротник, при котором не нужно даже в сильный мороз распускать уши шапки.

«Дохиппуюешься когда-нибудь», — упрекала его мать, но Карсавин не слушал ее: «Что я, дед старый, в распушенной шапке ходить!»

Когда вернулись к «Спартаку», старую компанию нашли в прежнем составе. Дёра откуда-то притащил граненый стакан.

— Открывай, — Дрозд протянул Мозгляку бутылку. Мозгляк вынул зажигалку и прогрел пробку. Пластмасса быстро почернела, и пробка стала податливее, Мозгляк легко смог ее вытащить. Раздался легкий хлопок.

— У, родименькое! — с удовольствием наливал вино в стакан Мозгляк. Теплое, нагретое Карсавиным, оно так и манило к себе и было особенно приятным в этот, несмотря на яркое солнце, морозный день.

— Давай, Серый, сначала ты, — протянул Мозгляк первым стакан Карсавину. — За знакомство.

Карсавин взял стакан и стал не спеша цедить вино. На вкус оно оказалось неплохим, густым, сладковатым. За Карсавиным выпили Дрозд, Косой и Дёра. Мозгляк протянул бутылку Дёре:

— Плесни и мне, как-то не с руки себе наливать.

Дёра налил. Мозгляк взял кусок хлеба и, не глядя ни на кого, устремив взгляд куда-то вдаль, словно что-то припоминая, в раздумье замер, потом, заерзав на скамье, толкнул Дёру:

— Глянь, глянь: Яшка Руль! — Мозгляк отставил руку со стаканом в сторону, а свободной рукой замахал: — Яш, а, Яш, гребн сюда!

Мозгляк поднял вверх наполненный вином до марусиного пояса стакан и показал его мужику.

— Яшка, ну давай, подгребай, хлебни малёха!

Мозгляк немного пригубил, опять поднял над собой стакан, показал, снова отхлебнул, зазывающе поманил свободной рукой.

Яшу долго уговаривать не пришлось, он, не спеша, пошатываясь, направился к честной компании.

Сначала Карсавин даже не заметил ничего. Просто нечто серое на белоснежном фоне, мало чем отличающееся от деревьев, таких же серых, темных, — разве что ростом. Потом, по мере приближения его, обнаружилось, что это есть человек, и что даже он не есть что-то общее с тем, что на нем было надето. Оказалось, что и лицо у него как будто там, где у всех людей лица, но лицом его назвать было трудно. Скорее личиной, такое уж оно было сморщенное, обветренное, испитое. В общем, лицо обычного пропойцы, алкоголика, как в народе говорят, высшей пробы. В нем трудно было разобрать, где начинается нос и кончаются губы, где выступает подбородок и откуда на тебя смотрят глаза, — все создавало впечатление несуразности, расплывчатости, бесконтурности, в котором нельзя было найти даже характерных черт, — и тем не менее на удивление запоминающееся. Такое лицо на самом деле невозможно было забыть. Встретив однажды, в следующий раз ты его обязательно выделишь и безошибочно скажешь: «Да, я знаю его — это же Яшка Руль!»

Одежда его, вернее, лохмотья, что были на нем, раньше скорее всего представляли собой «робу», рабочую одежду, спецовку, которую обычно выдают шахтерам или сварщикам, но со временем ужасно истрепанную, измызанную, испачканную и превратившуюся в грязевидного цвета барахло, ничем не отличавшееся от такой же рожки хозяина.

Яшка был изрядно пьян. Он еле держался на ногах и подходил вразвалочку, как косолапый медведь в цирке. Впрочем, трезвым его, если даже хорошенько подумать, вспомнить было трудно. Это был знаменитейший во всем Артемьевске алкаш, равного которому вряд ли можно было сыскать. Раньше, сказывали, еще будучи не опустившимся, работая на шахте, он выделялся недюжинной силой, статью и красотой, в небольшом тогда Артемьевске перебрюхатив немало баб всякого возраста. Но легенда это или быль, а и донедавна, уже раз семь полевившись в «пансионатах» и превратившись в скрюченного, колченогого, носимого всеми ветрами ошметка, мог, как божатся очевидцы, не без труда, что не всякому смертному было под силу, стронуть с места груженую углем вагонетку, словно выказывая тем самым свои былые способности.

Знали его везде. В первую очередь в медвытрезвителе, куда его вскоре перестали брать за бесполезностью. Не помогли и неоднократные лечения: по возвращению своему, едва завидев бутылку спиртного, он исходил слюной и снова тонул в адском зелье.

Никто даже толком не ведал, где он живет. Сказывали, что обитает где-то на Ордынке, но даже сами ордынцы вряд ли смогли бы точно это подтвердить, так как никто никогда не видел его жилища. С утра он появлялся возле одного гастронома, в обед — у другого, вечером у третьего, где мужики пили после работы, получал свою долю (его как известнейшего и уважаемого в городе человека угощали все) и к ночи исчезал в неизвестном направлении, чтобы утром как штык объявиться у «Прогрессовского» гастронома.

Не брал его ни мороз, ни ветер, ни бог, очевидно, позабыв про беднягу, а может, просто чураясь его, считая, что таким людям, даже если им и пошел неизвестно какой десяток, на небе не место.

Мозгляк допил свой стакан до дна и сказал Дрозду, чтобы тот откупорил вторую бутылку.

— Давай, Яша, давай, шевели копытами, — он явно был в хорошем расположении духа. — Ну, хочешь выпить?

Мозгляк взял у Дрозда бутылку и потряс ею в воздухе. Яша заборотал что-то невнятное и нечленораздельное. Его огромные, как олады, пухлые губы бессвязно зашевелились, а голова в нахлобученной на лоб изрядно помятой и засаленной зимней солдатской шапке без звездочки одобрительно закивала, хотя глаза не передавали совершенно ничего: они давно потеряли и цвет, и блеск, и всякое выражение того, что у человека называется внутренним миром.

Но Мозгляк не спешил наливать. Он неприкрыто ухмылялся, чувствуя поддержку корешей.

— Яш, а, Яш, — Мозгляк понизил голос. — Говорят, ты всех баб в Артемьевске поимел? И будто член у тебя, что бутылка портвейна — стакан разрывает?

Яша все кивал головой, не спуская глаз с бутылки. Из углов его красных оладьев потекла жирная слюна.

— Покажи, Яша, нам свое сокровище, нальем стаканчик, — вдруг громко захохотал Мозгляк, и его смех подхватили Дёра и Косой. Заулыбался краем губ и Дрозд.

— Ну, Яша, давай, давай! Выпить-то хошь? — Мозгляк отпил из бутылки, передал ее Косому, взял стакан. — Смотри, Яша, какое винцо: красное, что спелая вишня. (Косой стал наливать в стакан.) И цвет какой, видал? А на вкус — что Кавказ. Был на Кавказе, Яша? Нет? Огонь

там девки, до крови тебя исполосуют. А жгучие какие — внутренности горят. Ну, давай, представь нам свое сокровище, не стесняйся.

Карсавин не выдержал:

— Оставь его.

— Чё? — удивленно обернулся Мозгляк. — Ты чё-то вякнул или мне почудилось? Дёра, кто тут чё ляпнул?

— Мож, птичка пролетела? — заблестал белыми, как кафель, зубами Дёра.

— Допоеется эта птичка, у нас не заржавеет. Ты чё к нам приплелся? Мы тебя не звали. Не звали, Дрозд?

Дрозд не понимаяще:

— Ты сам сказал: пусть приходит.

— Я говорил? Я?!

— Ну.

— Дёра, я что, такое говорил?

— Мож, и говорил, я что, помню? — пробубнил Дёра и тут же получил от Мозгляка оплеуху.

— Ну, вот пришел ты, а кто ты, что ты, мы ничего не знаем. Вон Дёра — человек, на него во всем положиться можно. Он все исполнит, он свой в доску, а, Дёра? А ты кто? Ну, докажи нам, хоть какой ты храбрый. Вот — Яша Руль, алкаш, пропойца, дрянь, какой свет не видывал. Подойди, дай ему в пятак как следует.

Карсавин молчал.

— Да не боись ты, ему больно не будет, его знаешь уже сколько мордовали и пацанва и малышня — ему хоть бы что! Верно, Яша?

Яша закивал головой.

— И тебе не больно было, Яша?

«М-м», — замычал Яша Руль.

— Видал? Яша врать не будет. Он выносливый, — и к Яше: — Выпить хошь?

Опять согласное качание головой.

— Дёра, дай ему.

Дёра подошел к Яше и ткнул ему кулаком в перносицу. Яша повалился на снег, как сноп, из носа его пошла кровь.

— Видал: хоть бы что! Теперь ты.

Карсавин не пошевелился.

— Дёра, — повторно сказал Мозгляк, и Дёра ногой поддал поднимающегося Яшу.

— Оставь его! — крикнул Карсавин и рванулся к Дёре, но его перехватил за шиворот Мозгляк.

— Не спеши, успеешь.

Он еще сжимал в одной руке стакан с вином.

— Яша, дорогой, на, выпей. Тебя больше никто не тронет.

Яша тяжело поднялся на четвереньки и подполз к Мозгляку. Глаза его все так же неотрывно смотрели на стакан, а губы едва заметно улыбались.

— На, пей, — Мозгляк протянул ему стакан, не выпуская, однако, его из рук. И только Яша хотел взять его, Мозгляк отдернул руку: — Нет, нет, с моих рук, с моих.

Яша покорно опустил руки и слегка пригнулся. Мозгляк поднес к его рту стакан и наклонил его. Вино заструилось по Яшкиным губам, не успевая смачивать их, потекло на снег. Плотный, утопанный, он быстро окрасился в бордовый цвет.

— А-а, мимо, — с наигранной досадой в голосе произнес Мозгляк и вдруг громко заржал, потешаясь над безуспешными попытками Яшки уловить хоть несколько капель.

— Раз, нету, — совершенно мимо пролил Мозгляк оставшееся вино.

Яша стал судорожно хватать пропитанный вином снег и обеими руками запихивать себе в рот.

— Мразь! — не вытерпел Карсавин. — Мразь! — и заехал Мозгляку в физиономию. Мозгляк, не ожидая от Карсавина подобного, перелетел через скамейку и шмякнулся на спину. Стоявший рядом Дёра захлопал ресницами, Дрозд ахнул, Косой загоготал — на него, видно, эта сцена произвела сильное впечатление.

— Ах ты сука! — вскочил на ноги Мозгляк. — Да я тебя!..

— Да иди ты! — отмахнулся от него Карсавин и, прошагав через сугроб мимо отпрянувшего от него Дёры, медленно, безразличной походкой побрел домой.

Когда «Спартак» остался далеко позади, его нагнал Дрозд.

— Серега, Серега, ты, главное, не дрейфь, мы тебя в обиду не дадим. Я все уладил.

— А я и не боюсь.

Карсавин шагал, как прежде, уверенно и неторопливо. Дрозд семенил рядом.

— Что ты в них нашёл? — сказал Карсавин. — Возвращайся лучше в команду. Там, знаешь, энергии тратится не меньше, чем на этих ваших драках.

— Но ведь... Ты сам говорил: Дмитрич Михалычу не чета.

— И все ж намного лучше, чем шататься по задворкам.

Дрозд не возражал.

- Ты домой?
- Пойду почитаю.
- А, ну я тогда...
- Давай.
- Давай.

Карсавин отошел, но недалеко. Обернулся, окликнул друга:

— А насчет Дмитрича: сегодня же схожу, извинюсь, я ведь был не прав.

— Ребятам привет передавай. И удачи. Чтоб как раньше: только призовое.

— А как же иначе, — усмехнулся Карсавин и помахал на прощание Дрозду.

Евгений Константинов

Москва

ВЕРИГИ РОДСТВА

Поднимаясь по шаткой лестнице на чердак дачи, я не столько боялся, что любая из скрипучих ступенек вот-вот переломится под ногой, сколько не хотел быть замеченным. Уж очень не хотелось объяснять какой-нибудь тете Лизе или дяде Алику, что полез я туда без всякого умысла, а как бы от нечего делать. Конечно, можно было послать куда подальше всех тетушек и дядюшек — таких же совладельцев нашего истринского дома, как и я, но ни в коем случае не стал бы этого делать.

К многочисленным родственникам по отцовской линии я привык относиться с уважением и, наверное, был бы готов слушать их советы и поучения, будь они действительно дельные, приносящие реальную пользу. С детства испытывая живейший интерес к семейным делам и судьбам своих двоюродных, троюродных, я составил подробную родословную, нарисовал ветвистое генеалогическое древо, на котором с годами «вырастали» листики с именами появлявшихся на свет моих племянников и племянниц. Служа в армии, я посылал бесчисленное количество писем и открыток, поздравляя почти все своих родных с днями рождения и разными праздниками. Правда, делал это, скорее, от скуки,

а возможно, из-за ностальгии по гражданке, по детству и юности, по любимому городку Истра.

Тогда-то, в армии и зародилась у меня идея порыскать по нашей даче с целью отыскать в подвале или на чердаке спрятанный предками клад. «Не может быть, — рассуждал я, — чтобы мои прадед и прабабка, еще при царе-батюшке построившие в Истре шикарный дом, не сохранили где-нибудь что-то типа сундучка с серебряными и золотыми рубликами и всякими драгоценностями!» Впоследствии эта идея стала навязчивой, и воспоминания о даче уже не обходились без фантазий по поводу поисков клада, которые обязательно должны были увенчаться успехом.

Однако, пробираясь сквозь пыльные нагромождения старых, никому не нужных вещей, бог знает, сколько времени хранившихся на чердаке, я засомневался в целесообразности затеи. И в самом деле — кому могло прийти в голову мысль прятать ценности среди этого хлама? Унылый вид обломков стульев, допотопной детской коляски, перекошенной этажерки, дивана, неизвестно, каким образом сюда затащенного, и прочей ерунды, отбивал всякую охоту даже дотрагиваться до них, не то чтобы вести здесь какие-нибудь поиски. Разве что от нечего делать просмотреть пару стопок книг, журналов и тетрадей, перетянутых шпагатом.

Я успел пожалеть, что начал ковыряться в этой макулатуре, когда наткнулся на толстую тетрадь в клетку. Хозяин дневника, а листал я, несомненно, дневник, не удосужился его подписать. Лишь не первой странице под очень похоже нарисованном карандашом Ново-Иерусалимским монастырем, стояла заглавная буква «Л». По-видимому, рисунок сделали не давненько. Во всяком случае, таким монастырь, с еще не восстановленной большой главой Воскресенского собора, я не помнил. Фиолетовые страницы, которыми были исписаны страницы тетради, вполне соответствовали тем же годам.

Имел ли я право читать эту тетрадь? Ведь дневник — зеркало души. Простительно ли лезть в душу человеку, пусть даже об этом никто не знает?

Машинально листая тетрадь, я задержался на паре абзацев и вернулся к началу записей. Еще раз взгляну на заглавную «Л», я вспомнил составленную мной родословную и подумал, что автором дневника вполне может быть Леонид — двоюродный брат моего отца. Прочитав несколько страниц, я убедился в правильности своих предположений.

Конечно же, это был дядя Лёля. Человек загадочной, трагичной судьбы, в свое время одержимый идеей разбогатеть, отыскав якобы

пропавшие сокровища во взорванном немцами в сорок первом Ново-Иерусалимском монастыре. Это он обнаружил подземный ход, ведущий в монастырь из Гефсиманского сада, и едва не погиб при его раскопках, когда произошел обвал. Об этом он тоже писал в дневнике.

Отец рассказывал, что вскоре после случая с обвалом Леонида поймали пир попытке ограбить музей в монастыре. Я помнил дядю Лёлю, вернувшегося из тюрьмы. Он был большой и сильный, всегда веселый и в то же время пугающий множеством татуировок, синевших на руках и груди, ошарашивающий блатными словечками.

Он всем давал прозвища. Мою мать называл Рыжая, а меня, за цвет волос — Пшеничный. Я запомнил, как однажды очень сильно обиделся на дядю Лёлю за то, что он, шутки ради, столкнул в речку моего отца, ловившего рыбу. Всем было очень весело, а я заплакал, жалея отца, сломавшего удочку и намочившего часы. Еще одну обиду затаил я на дядю, когда мы копали на участке погреб. Он пообещал платить мне по гривеннику за каждый кирпич, перенесенный от калитки до места строительства, и честно вручил рубль за первый десяток. Но этим его щедрость и ограничилась. А я-то старался, чуть ли не бегом таскал сразу по два кирпича, пока не свалился от усталости...

И все равно я любил дядю Лёлю. Он запросто починил для меня старый велосипед, до которого у отца все не доходили руки. Он научил меня лепить из пластилина рыцарей-крестоносцев, а еще — перелезть, не поранившись, через забор, по верху которого была протянута колючая проволока. Он брал меня с собой на прогулки по окрестностям Истры и рассказывал бесконечные смешные истории из своей жизни.

Родственники любили его не меньше меня и поэтому, когда в однажды дядя Лёля исчез, никто не верил, что с ним могла случиться беда. Наверное, несчастье все-таки произошло, потому что Леонид пропал навсегда...

Возможно, из дневника мне удастся узнать секрет его исчезновения? Почти на каждой странице были рисунки — в основном, стены и башни монастыря. Иногда те же самые башни изображались разрушенными, и среди обломков кирпичей заманчиво виднелся пыльный старинный сундучок. Читая дневник, я узнал, что мечты дяди найти сундук с драгоценностями поразительно совпадали с моими. Но в отличие от меня — всего лишь фантазера, он вел долгие, трудоемкие и порой опасные поиски.

Лаз в подземный ход он обнаружил мае, в не успевшем зарости крапивой овражке, окружавшем стоящий на берегу реки Истра древний скит патриарха Никона. Вероятно, ход вел в монастырь, а значит, к бо-

гатству, как считал дядя. О своей находке он рассказал младшим братьям, в том числе и моему отцу, попросив помощи в раскопках многочисленных завалов, гарантируя успех и суля каждому золотые горы. Братья приняли заманчивое предложение. Но вскоре им надоело ковыряться в земле, и Леонид продолжал раскопки один.

Он очень хотел пройти весь ход до начала осени. Ежедневно, закончив основную работу, а в выходные — с утра пораньше приходил в Гефсиманский сад, прячась от посторонних глаз, пробираясь под землю и продвигался вперед на метр-два, а то и дальше. Дядя был близок к осуществлению своей цели, когда произошло событие, круто изменившее его жизнь.

Чудом уцелевший при обвале, он, спустя сутки, вконец измученный, голодный и грязный выбрался на свет божий и увидел перед собой девушку! Ее портрет занимал в дневник целую страницу. Я долго всматривался в ее красивое серьезное лицо, стараясь понять, почему оно так меня волнует. Создавалось впечатление, что ее большие светлые глаза готовы посвятить в страшную тайну, что ее тонкие губы вот-вот нашепчут секрет чужой души.

Я не удивился, что на страницах дневника после ее портрета не было написано ни одной строчки о подземном ходе и о поисках сокровищ. Леонид писал только о ней.

«Милая моя Галиночка, сероглазый мой Галчоночек. Ты — чудо моё. Подчинила ты меня воли своей, заполнила все мысли мои, каждый мой сон. С тех пор, как я впервые увидел тебя, как ты подобрала меня — обессиленного, как умыла из родника, как накормила меня, изголодавшего, как поцеловала меня, я готов стать твоим рабом твоим, готов исполнять любые приказы твои...» — Так писал дядя Лёля в своем дневнике.

Наверное, правду говорят, что чем сильнее любовь, тем больше страданий она приносит. Из-за любви мой дядя исковеркал себе жизнь, стал вором, попал в тюрьму.

Прошло не очень много времени, и Леонид узнал, что девушка Галля, с которой он познакомился при необычных обстоятельствах, не случайно оказалась в тот день в Гефсиманском саду. Она пришла к скиту патриарха Никона, чтобы совершить обряд секты, в свое время отколовшейся от староверов. Проще говоря — осыпать проклятиями место, где когда-то обитал антихрист Никон — гонитель, мучитель и убийца самых верных сынов отечества, древнеправославных христиан.

Леониду не было дела до предрассудков религиозных фанатов, но он полюбил Галину. Когда она рассказала о своей вере, Леонид не по-

нял, до какой степени она ею проникнута. Будучи убежденным атеистом, он тем более не мог серьезно отнестись к какой-то там секте.

Но для Гали религия нениконистов — так называли себя ее единоверцы, занимала в жизни важное, если не самое место в жизни. Встречаясь в влюбленным юношей, она преследовала вполне определенную цель. Каждую ночь она приводила Леонида в заброшенный скит и там, сбросив одежду, набрасывалась на него, но в то время, когда он наслаждался любовью, Галина считала, что совершает акт осквернения бывшей обители патриарха.

Видя, что юноша влюблен в нее столь сильно, что готов ради нее на все, Галя посвятила его в тайны секты. Леонид узнал, что есть у нениконистов великая цель. Что жаждут они отомстить за своих предков — старообрядцев-раскольников, которым триста лет назад отсекали носы и уши, вырезали языки, ломали клещами ребра и четвертовали, которые ради веры сжигали сами себя в просмоленных и обложенных соломой церквях. Что мечтают они добиться, чтобы все православные возненавидели гордого и самовлюбленного патриарха Никона, виновного в расколе церкви. Чтобы возвратилась на Русь старая вера, старые обряды и богослужебные книги. Чтобы крестились люди двоеперстием, как истинные православные.

Свою месть сектанты решили начать с оскорбления памяти патриарха, а именно, с уничтожения вериг — железные цепей и пластин, что носил патриарх Никон. Галя потребовала у Леонида в доказательство любви к ней, в последнюю летнюю ночь выкрасть вериги из музея в Ново-Иерусалимском монастыре. Она заставила его поклясться, что, надев на себя вериги, он придет к скиту и передаст их членам секты нениконистов. Поклялся Леонид и в том, что примет участие в акте вандализма над веригами, которые староверы собирались утопить в одном из заиленных монастырских прудов...

Читая дневник, я не мог понять дядю. Почему так безрассудно давал он клятвы? Неужели из-за своей любви он стал настолько слеп, что в угоду бесноватой фанатичке решил стать вором и участвовать в бессмысленном сектантском обряде? Что творилось в его душе?

В дневнике все меньше становилось записей и все больше рисунков. Рисунков мрачных. Это были массивные, иногда разорванные цепи, исковерканные решетки, разрушенные кирпичные стены и на фоне их — лицо Галины. Серьезное, неумолимо-суровое лицо женщины, рожденной повелевать.

Очередная страница имела лишь одну запись — 31 августа. Именно в тот день дядя должен был совершить кражу из музея. Пролистнув ее, я вновь обнаружил записи, сделанные уже шариковой ручкой.

«Прошло семь лет с тех пор, как я держал в руках мой дневник. Семь лет назад я получил срок за попытку обработать музей в монастыре. Мне не подфартило тогда. Уж больно тяжело было бежать в веригах Никона. И как только патриарх мог, не снимая, носить эти железки и спать в них! Псы охранники догнали и стали шмардохать меня, когда я вконец запыхался и обессилил до такой степени, что не мог защищаться.

Я не раскололся на следствии, все взял на себя. Э-эх! Кто не был лишен свободы, тот не знает ее цены. Но не дай бог еще раз попасть на зону! Дело в том, что вчера я встретил Галю. Мою любовь — мое проклятие. Как же нелегко мне было видеть ее! Как я хотел ее и как ненавидел! Она сказала, что придет сегодня утром на то самое место, где мы впервые встретились. Если бы я знал тогда, какой ужасный выбор она предложит мне сделать, то без оглядки бежал бы из Истры куда-нибудь в глухомань, чтобы никогда больше не возвращаться в родной город. Но я пришел в Гефсиманский сад к скиту, де Галя поджидала меня, держа за руку очень похожую на себя девочку лет шести.

Она сказала, что девочку зовут Галинка и что это моя дочь. Когда девочка улыбнулась и назвала меня папой, я простил ее мать за все страдания, пережитые из-за нее. Мы вошли в скит, в котором когда-то занимались любовью и поднялись на самый верх. И там Галя вдруг схватила дочурку за волосы и, крикнув, чтобы я не смел приближаться, придвинула беззащитную кроху к краю крыши. Она грозила сбросить Галинку на груды кирпичей с высоты третьего этажа, если я сию же минуту не дам клятву исполнить то, что не сумел сделать семь лет назад — выкрасть вериги патриарха Никона. Девочка плакала от боли и обиды, а я смотрел в горящие холодным огнем глаза ее матери и говорил слова, которые она хотела от меня услышать...

После того, как они ушли, я еще долго оставался на крыше скита. Я очень испугался тогда и продолжаю бояться сейчас. Боюсь спалиться и снова тянуть срок, но больше всего боюсь за жизнь своей дочки. Я не знаю, что делать, не знаю...»

Больше ни записей, ни рисунков в тетради не было. Я отложил ее и задумался о судьбе дяди Лёли. Что же все-таки произошло с ним тогда? Что стало с так называемыми нениконистами? И где теперь дочь дяди, а значит, моя троюродная сестра Галинка? Как бы хотелось разузнать все это! Интересно, хранятся ли сейчас в музее пресловутые

вериги патриарха Никона? Не мешкая, я слез с чердака и поспешил в «Ново-Иерусалимский монастырь, чтобы хоть на этот вопрос получить ответ.

Черные железные цепи и пластины висели за стеклом музейной витрины, не привлекая особого внимания посетителей. Лишь я так долго разглядывал вериги, что насторожил старушку смотрительницу, несколько раз прошмыгнувшую за моей спиной, недовольно покашливая. А потом у витрины остановились две скромно одетые женщины. И я почему-то сразу почувствовал беспокойство.

Сейчас я не могу вспомнить, сколько времени мы простояли вот так, молча. Когда же я посмотрел на худую седовласую женщину, то сразу узнал в ней ту, чье лицо так часто видел на страницах дневника дяди. Она отступила, и ко мне почти вплотную приблизилась ее дочь. И тут со мной произошло что-то невероятное. Я утонул в огромных серо-синих колодцах ее глаз. Забыл, где я и кто я. Полностью потерял над собой власть.

Я не запомнил, как они ушли, и как вернулся к себе домой. Запомнил только прекрасное лицо моей повелительницы и ее приказ быть сегодня ночью в Гефсиманском саду у древнего скита, что стоит на берегу Истры.

ВЛОЖЕНИЯ В МЫСЛИ С НЕВЕРОЯТНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Конечно же, это была она! Стояла в саду, держась за штакетины забора, и смотрела на меня, проносящегося мимо на велосипеде.

Два года я не был в городе своего детства, два долгих года службы на границе. Вернувшись домой, на следующий же день приехал на дачу в свою любимую Истру. И первое, что я сделал, — вытащил из сарая выдавший виды полуночный велосипед, стер с него пыль, подкачал шины и, как в детстве, покатил по истринским улицам. Я крутил педали и поворачивал руль, выбирая самый короткий путь, чтобы проехать мимо дома той, которую любил самой первой, самой чистой, но так резко оборвавшейся любовью...

Как и два года тому назад, был такой же прохладный октябрьский день, когда в садах на грядках жгут собранную в кучи опавшую листву, и в воздухе витает аромат уходящей осени, когда деревянные домики старой Истры, летом утопающие в зелени, а сейчас, видимые со всех сторон, кажутся осиротевшими. Я ехал по пустынным улицам, тишина которых нарушалась лишь отдаленным карканьем ворон, да ленивым

взлаем собак за заборами, и внутри у меня что-то переворачивалось и рвалось наружу тоскливым стоном...

Оксана жила на окраине города, на перекрестке дорог, одна из которых терялась в лесу, другая поднималась в горку и поворачивала к школе. Я перестал крутить педали и помчался вниз с этой горочки, приготовившись за несколько мгновений успеть разглядеть каждое окошко ее деревянного дома, каждое деревце в саду... Но сразу увидел ее, свою первую любовь!

Резко тормозить не стал, проехал дальше, постепенно сбавляя скорость, развернулся на следующем перекрестке и, чувствуя, как всего буквально колотит, покотил обратно.

Первое потрясение ждало меня, когда я увидел Оксану вблизи. Она была почти на год меня моложе, но сейчас выглядела, чуть ли не в два раза старше. Я не узнал бы ее, встретив в толпе на улице, так изменилось лицо!

— Привет, — сказала она. — Отслужил?

Я кивнул, хотел улыбнуться и тоже поздороваться, но мой взгляд упал на ее пальцы, и слова застряли в горле. А Оксана, как-то очень устало усмехнулась и показала еще и ладони, заставив меня содрогнуться. Свежие, казалось, только что полученные ссадины на пальцах и ладонях кровоточили.

— Помнишь, ты рассказывал, как навернулся с велосипеда? — вроде бы, не к месту спросила девушка и, не дав мне открыть рот, продолжила:

— Тогда ты еще испугался, что слишком сильно обдерешь об асфальт ладони, поэтому перевернул руки, чтобы равномерно распределить раны... Я взяла с тебя пример...

— Упала с велосипеда? — уточнил я.

— Да. Разогналась, а потом отпустила руль. Это было классно, нестись под горку, заложив руки за голову. До тех пор, пока переднее колесо не наехало на маленький камешек. Но ты в тот раз, когда распахивал руками асфальт, сделал все правильно. Лучше побережь ладони и эту сторону пальцев.

— Почему же, ты их до сих пор ничем не смазала, не перебинтовала? — показал я на продолжавшие набухать кровью ссадины.

— В тот вечер ты тоже пришел ко мне без всяких мазей и бинтов. Сказал, что такие царапины на открытом воздухе быстрее заживают.

...Я очень отчетливо помнил тот летний день. Падение с велосипеда стало вторым приключением. Первое случилось часом раньше, когда мы вместе с братом прикатили на велосипедах в Полевшину. Зачем

мы полезли на полуразрушенную церковь, трудно сказать, наверное, просто захотелось немного рискнуть. Лезли по внешней стороне стены, цепляясь за расшатанные, осыпающиеся под пальцами кирпичи. Я сорвался на уровне второго этажа. Понадеялся на надежность кирпича под ногой, который неожиданно вывернулся. Успел развернуться и даже слегка оттолкнуться от стены, в надежде допрыгнуть до растущего рядом дерева. И допрыгнул, вот только ветка, до которой дотянулся, обломилась. Я упал на груды кирпичей, скрытых зарослями густой злющей крапивы. Пострадали не столько слегка разбитые локти и колени, сколько жутко обкрапивленные левая сторона шеи, щека и ухо, хорошо хоть глаза успел зажмурить. И уже потом, возвращаясь на дачу, разогнавшись и заложив руки за голову, я кувырнулся с велосипеда...

Впервые я увидел и сразу влюбился в Оксану тоже благодаря своему велосипеду. Случилось это в самом конце августа, в день, когда мне предстояло уехать из Истры в Москву, чтобы пойти в десятый класс. В истринских школах было принято еще до первого сентября устраивать что-то вроде праздничных линеек, а может, проверок перед новым учебным годом. В городе витало приподнятое настроение, в кинотеатре на дневные сеансы всех пускали бесплатно, даже в тире, что функционировал рядом с Домом Культуры выдавали каждому желающему на халяву пять пулек, правда, чтобы их получить и затем отстреляться, приходилось отстоять в очереди побольше часа...

Я же, не испытывая ничего, кроме печали об ушедшем лете, с утра пораньше, оседлал свой велик и отправился прощаться с любимым городом. Маршрут особо не выбирал, ехал, куда руль повернет, благо, спешить было некуда. Через некоторое время руль повернул к одному из перекрестков, который украшала колонка с питьевой водой. И нельзя сказать, чтобы меня особо мучила жажда, но я как-то само собой остановился, спешился, надавил на туго сопротивляющуюся ручку колонки и подставил рот под вырвавшуюся из недр водопровода мощную струю холодной, слегка отдающей ржавчиной воды.

Вот тут-то все и случилось! Я повернул голову на звук хлопнувшей поблизости калитки и увидел ее, девушку моей мечты. Она, даже не посмотрев в мою сторону, положила на скамеечку букет гладиолусов, поставила рядом ножку в туфельке на высоком каблуке и стала поправлять чуть съехавший белый носок. И не успел я додумать о том, что неплохо бы сейчас возникнуть порыву ветра, как это и в самом деле произошло. Ветерок подул и на мгновение задрал не очень узкую юбку школьницы, на мгновение, которого вполне хватило, чтобы рассмотреть под юбкой такие же, как и носки, беленькие трусики. Девушка

сразу бросила на меня вопросительный взгляд и все поняла. Но вместо того, чтобы засмуцаться, хихикнула в кулачок, потом взяла букет и, гордо вздернув подбородок, прошла мимо меня, продолжавшего давить на ручку колонки и уже порядочно вымокшего от брызг.

Нетрудно было догадаться, что направлялась она в школу на праздничную линейку. Я на своем велосипеде оказался там раньше и, остановившись у ограды, смотрел, как она во дворе школы встречается с такими же разодетыми подружками, как рассказывает им что-то, весело смеясь... Я запомнил ее лицо, длинные вьющиеся волосы, глаза, ямочки на щеках, ее улыбку. Я не узнал ее имени, зато вложил образ понравившейся девушки в свои мысли и потом вспоминал встречу у колонки все время, пока учился в десятом, представлял, как познакомлюсь с ней, как буду ухаживать, какие говорить слова...

— А помнишь, — прервала мелькавшие воспоминания Оксана, — ты рассказал мне, как сорвался с церкви в Полевшине и обкрапавил лицо, а потом боялся, что волдыри не пропадут до вечера, то есть, до встречи со мной?

— Помню...

— Я тоже залезла на ту церковь и тоже сорвалась, — Оксана медленно повернула голову, и я с ужасом увидел, что ее шея, вся левая щека и даже полуприкрытое веко покрыты множеством красных волдырей.

Но ведь только что волдырей не было! Или же я, задумавшись, впал в транс, а она в это время хлестанула себя крапивой? Да не может такого быть!

— Оксана, что с тобой такое творится?

— Ты! — Вдруг воскликнула она. — Ты вложил свои мысли в мою голову. Все эти истории, которые ты так красочно умеешь рассказывать, вся эта кровь, эти страхи — они во мне! Я не могу от них избавиться. Они возникают в моей голове вновь и вновь, но потом начинают продолжаться не в голове, а на самом деле.

— Я не понимаю...

— Помнишь? Когда мы только познакомились, ты рассказывал, как собирал грибы?

...Тот день я до сих пор считал одним из самых счастливых в жизни. Закончились экзамены, прошел выпускной вечер, и ранним утром я приехал в Истру. Я не сомневался, что вечером встречу девушку, о которой так долго мечтал, но до вечера было далеко, и я согласился поехать с дядей и братом за грибами в Лисавино. Нельзя сказать, что набрали мы полные корзинки, но несколько крепеньких белых я нашел.

Каждый был словно с картинки. Я забирался в густые елочки, опускался на колени на слежавшуюся хвою, вертел по сторонам головой, а потом полз к обнаруженному грибочку, очень надеясь, что он не окажется червивым.

Вернувшись на дачу, мы с братом, по сложившейся традиции первого дня пребывания в Истре, посетили Ново-Иерусалимский монастырь, потом пошли на речку, где я искупался — впервые с начала лета, потом постреляли в тире, а вечером, пошли на танцплощадку.

Оксана, конечно же, была там, в компании веселых подружек. Я не знаю, как набрался смелости, но когда музыканты начали исполнять проигрыш к моей любимой песне «Там, где клен шумит...», подошел к ней и пригласил на танец, познакомился. За одним танцем последовал другой, третий, потом я предложил проводить ее до дома, и Оксана согласилась. Мы брели по улицам ночного подмосковного городка, вдыхали его дурманящие запахи, смотрели на звезды, и я говорил, говорил...

— Ты еще сказал тогда, что боялся сорвать червивый гриб, особенно, если он развалится у тебя в руках!

— Не боялся, а просто не хотел...

— Смотри, — Оксана кивнула мне за спину, глядя куда-то вниз.

Я оглянулся. Под притулившейся на обочине березкой, успевшей сбросить желтые листья, красовались три гриба с темно-коричневыми шляпками, на толстых белых ножках. Подъезжая сюда на велосипеде, я почему-то их не заметил. Я вопросительно посмотрел на Оксану, она же вновь кивнула мне за спину. За несколько мгновений крепкие с виду грибы превратились в оплывшие склизкие блинообразные массы.

— Что за ерунда? — Я помотал головой, прогоняя наваждение.

— Это ты заставил меня думать об этих чертовых грибах! И как только я о них подумаю, они тут же вырастают у меня на глазах. Вырастают и сразу превращаются в гнилье!

— Да как такое может быть?!

Оксана не ответила. И зачем-то, прижав ладонь к шее, вновь спросила:

— А помнишь, вы вместе с братом нашли подземный ход в монастырь? Ты рассказывал, что пополз в него первым, а брат — за тобой. Вы ползли и ползли, а потом вдруг услышали какое-то гудение и поняли, что наткнулись на осиное гнездо. Осы стали жалить вас, и вы бросились назад, а ты боялся не столько укусов в руки, спину и так далее, сколько того, что какая-нибудь оса залетит тебе в рот и ужалит в язык или горло...

— Ну!? — ответил я, ожидая продолжения. И уже догадываясь, что лучше бы этого продолжения не знать.

— Твои неотвязные мысли заставили меня найти тот подземный ход и залезть в него. И в этом подземном ходу на меня тоже набросились осы...

Глядя мне в глаза, Оксана отняла руку от своей шеи. Мы стояли, разделенные забором с редким штакетником, я мог подуть на ее волосы, и они бы всколыхнулись, так близко мы были друг от друга. И я очень отчетливо увидел, как кожа на ее шее начала вдруг, закручиваясь, всасываться, образуя маленькую, диаметром не больше горошины, воронку, и из этой воронки вместе с густой янтарно-красной каплей стало что-то выползать наружу.

Я отказывался верить глазам, но они видели осу, живую осу. Которая, окончательно выбравшись из крохотной воронки на шее девушки, взвилась вверх и принялась с жужжанием кружить над нашими головами. А вслед за ней выползла-взлетела еще одна оса, и еще одна... Я отмахнулся от ненавистных насекомых, и тут же вскрикнул от острой боли, пронзившей кисть.

Оксана не кричала и не отмахивалась, только вздрагивала, как при коротких ударах током, когда осы стучали ее в незащищенные участки кожи.

— Тебе, что, не больно? — крикнул я.

— Очень больно, — поморщилась Оксана. — Но я привыкла.

— Привыкла?!?

— За два года можно привыкнуть, — с мукой в голосе сказала она. И тут же сорвалась на крик: — Потому что это постоянно происходит со мной два последних проклятых года!!! Происходит с того самого дня, когда ты сказал, что ненавидишь меня. Ты ведь помнишь, как сказал это, помнишь?

...Еще бы мне не помнить! Был такой же прохладный октябрьский день, когда в садах гнут собранную в кучи опавшую листву, и в воздухе витает аромат уходящей осени...

Любовь. Я хорошо запомнил чьи-то слова, что «любовь, это злая болезнь». Я заболел злой болезнью в шестнадцать лет. И любил девушку, даже не зная ее имени, вспоминая лишь единственную мимолетную встречу. И в моей голове, моих мыслях постоянно рождались картины, связанные с ней, с моей первой и единственной любовью.

Возможно, я был не прав. Возможно, познакомившись с девушкой, надо было не посвящать ее в истории о лазаниях по разрушенным церквям и подземным ходам, о походах за грибами и на рыбалку. На-

верное, девушке приятнее было бы услышать, какие у нее шикарные волосы и красивые глаза. Или она хотела не столько слушать о любви, сколько заниматься любовью...

Да разве же я был против?! Только об этом и мечтал! Мечтал целовать свою любимую, раздевать ее, наслаждаться ее телом, забирать ее всю и отдавать ей всего себя. Я пытался добиться этого, но наибольшая близость между нами случалась лишь во время танцев, а кроме поцелуя в щечку, во всем остальном я неизменно наталкивался на барьер отказа. Конечно же, надо было вести себя смелее. Вот только понял я это слишком поздно!

Уже в армии я подсчитал, сколько длилось наше знакомство с первой встречи на танцах и до разрыва. Сто одиннадцать дней.

Летом мы встречались не каждый день: я частенько уезжал в деревню к матери, у Оксаны тоже были какие-то свои поездки. Потом она пошла в десятый класс, а я начал работать в Москве и в Истру мог приезжать только на выходные. Ключ от нашей опустевшей дачи у меня имелся, но одному там совершенно нечего было делать. Я ночевал там, если опаздывал на последнюю электричку, когда, гуляя с Оксаной, забывал про время. И обычно, переночевав в холодном доме, утром возвращался в Москву...

Проснувшись на даче в то воскресное утро, я решил сделать Оксане сюрприз. Денег хватило всего на три белых розы, но они были большие, а пахли — с ума сойти. Я пришел к ней домой, без стука открыл дверь и... увидел на кухне за столом Оксану и приобнявшего ее за плечи розовощекого парня с открытой бутылкой пива в руке.

Я его знал, он учился в одной школе с моей любимой девушкой. Если бы не испуг, растерянность и смущение на ее лице, я бы, возможно, отреагировал по-другому. Она явно не знала, что сказать, он тоже молчал, удивленно переводя взгляд с меня на нее и обратно. А мне и не нужно было никаких разговоров. Швырнув букет на стол, я выскочил на улицу, хлопнув дверью.

Был прохладный октябрьский день...

Велосипед покоился на даче, а я долго бродил по улочкам старой Истры, не замечая никого и нечего. Я пришел в монастырь, зная парочку скрытых от посторонних глаз ходов, проник в Воскресенский собор и забрался на самую верхотуру. Оттуда не было видно ни моей дачи, ни дома Оксаны, но была видна река и мосты через нее, были видны монастырские пруды и стадион, памятник-самолет, танцплощадка и Дом Культуры над высоким обрывом.

Мне хотелось выть...

Я вернулся к ней, когда смеркалось. Оксана, будто поджидая меня, сидела на ступеньках крыльца. Я не стал ничего спрашивать, а тут же, на крыльце принялся осыпать ее поцелуями, и она впервые стала отвечать мне жаркими губами и языком, я дал волю рукам, и она позволила делать то, чего раньше никогда не позволяла, я шептал ей слова любви, и она шептала, что тоже любит меня, что будет ждать меня из армии и что будет верна только мне.

Мы расстались, когда совсем стемнело. Я торопился на станцию, а моя голова кружилась от переизбытка чувств. Я чувствовал на губах вкус губ моей Оксаночки, их незабываемо-сладкий вкус. И с каждым шагом, удалявшим меня от ее дома, мне все больше хотелось вернуться, чтобы почувствовать вкус хотя бы еще одного поцелуя. Не дойдя до станции, я повернул обратно...

Сказавший, что возвращаться — плохая примета, был абсолютно прав. Я увидел того самого парня, при подходе к ее дому. Он опередил меня совсем на чуть-чуть. Судя по всему, привычно просунул руку между штакетинами и справился с щеколдой калитки, также привычно взбежал на крыльцо, толкнул дверь в дом. На меня словно опрокинули ведро ледяной воды. Но внутри тлела надежда, что вот сейчас, через минуту — другую он вылетит вон из дома моей любимой девушки. Прощла минута, еще одна, пятая, десятая...

Подождав напротив калитки в тени деревьев, я переместился и встал напротив окна ее комнаты, единственного, горевшего в доме. Вскоре свет погас и в этом окне...

У меня всегда было слишком сильно развито воображение. Если уж снились сны, то неизменно цветные, яркие, с множеством кричащих, впивающихся в память деталей. Я всегда слишком живо представлял себе развитие и последствия возможных ситуаций. Пытка — слишком ласковое слово, которое можно было бы применить к моим чувствам, все то время, пока я стоял напротив этого погасшего окна!

Нет, я не проторчал у ее дома всю ночь. Через какое-то время ушел, чтобы переночевать на своей холодной даче. Возможно, я даже умудрился заснуть, не снимая одежды, забравшись под четыре одеяла. Не знаю... Мысли перемешивались, и воспоминания путались с мечтами, а мечты с воспоминаниями.

Я поднялся, когда рассвело, и сразу поспешил к Оксане. Пытка продолжалась и достигла своего апогея, когда, подходя к ее дому, я увидел все того же парня, закрывающего за собой калитку. Он подошел к той самой колонке, надавил на ручку и ополоснул лицо. А потом пошел

своей дорогой, так и не заметив меня. Он вряд ли знал о моей любви, и был абсолютно ни при чем. Но вот она...

Оксана стояла перед зеркалом и красила губы. Она увидела меня и все поняла. А я не стал ничего выяснять. Только вздохнул и сказал:

— Правильно говорит мой брат, что все бабы — бляди!

— И я — тоже... — или спросила, или согласилась Оксана.

— Ты — тоже. И я тебя — ненавижу!

Все! Она уронила губную помаду, а я развернулся и ушел. И уехал в Москву, чтобы через несколько дней оказаться на границе...

— Я все помню, — сказал я, глядя в глаза Оксаночки, так сильно постаревшей за эти два года. — И ничего не могу простить...

— Не можешь?

— Нет!

— А помнишь, ты рассказывал мне, как ловил на удочку линей? — вновь как-то не к месту спросила Оксана. — Ты ловил их на монастырских прудах, а потом твоя тетя жарила их на сковородке...

...Конечно же, я это помнил! Я обожал ловить рыбу. Мог часами просиживать на берегу реки с удочкой в руках, любуясь куполами монастыря и подстерегая редкие поклевочки плотвы, или окуня. Помимо реки вокруг Ново-Иерусалимского монастыря имелось еще и несколько старинных прудов, в которых тоже ловилась рыба. Рыбачить там было особое удовольствие. Я набирал водившихся в прудах ручейников, спрятавшихся в своих домиках, выдавливал шевелящую лапками толстую личинку, насаживал ее на крючок и забрасывал в чистые окошки среди водорослей. Чаше клевали окуни, и они потом, как правило, шли на корм кошкам. Но иногда, пусть редко, попадались лини. Тетя жарила их по одной штуке на маленькой сковородке, и я лакомился этим деликатесом...

— Одного линя у тебя стащила кошка, — продолжила Оксана. — Кошка хотела спрятаться с ним под терраской, но ты прыгнул, схватил ее за хвост, а она все никак не хотела выпускать зажатую в зубах рыбу. А потом тебе приснился кошмарный сон про линя и кошек...

— Стоп! — крикнул я. — Не рассказывай дальше!!

Тот сон я успел забыть и вспомнил только сейчас. Бывало, во снах я воевал с фашистами, и в меня стреляли из автоматов, или я дрался с хулиганами, и меня пыряли ножом... Всякий раз, перед тем, как погибнуть, меня осеняла мысль, что пора просыпаться, и я на самом деле просыпался. Но только не в том сне, когда мне приснилось, что я превратился в зажаренного линя.

Все было бы смешно, если бы не так страшно и больно. Я лежал на сковородке, покрытый ароматной золотистой корочкой, и видел, как ко мне подкрадывается кошка. Сперва она цапнула меня когтистой лапой, проверяя, не слишком ли я горячий, потом схватила зубами за голову и потащила на улицу. Но там к ней подбежали еще две кошки и стали вырывать добычу. Кошки дрались, шипели, визжали, рвали рыбину на куски, тут же их пожирали и снова рвали, рвали. И этой рыбиной был я, тщетно пытающийся проснуться...

— Ты, что ходила на пруды ловить линей?

— Я ходила на пруды, — согласилась Оксана. — И поймала линя. И мне тоже приснился сон...

— Мяу, — раздавалось поблизости.

По дорожке к нам приближалась принюхивающаяся кошка, еще одна мягко переступала лапами по верхушке забора, еще три или четыре подкрадывались к Оксане сзади. Я посмотрел в расширившиеся глаза девушки и увидел, что вместо карих они становятся белесыми, и кожа на лице тоже начинает меняться, приобретая бронзовый оттенок.

У меня очень хорошо развито воображение, и я очень живо представил, что сейчас может произойти. Я вскочил на свой выдавший виды велосипед и, не оглядываясь, приказав ушам ничего не слышать, умчался прочь.

МОЯ ЛЮБИМАЯ ЙОРДАНЬ

Прижавшись к забору нашей дачи, я увидел через щель тетку, копошащуюся на грядках. Вот облом! Ну, чего, спрашивается, не сидится этой злыдне в городе? Конец сентября, середина недели, на улице пасмурно, синоптики грозили дождем, яблоки и черноплодная рябина собраны, опавшие листья сожжены... Я специально день подгадал, приехал в свою любимую Истру и — на тебе!

В планах было опробовать в деле новенький металлоискатель. Копатель я начинающий, лишь пару раз выезжал с друзьями под Звенигород. Нашли мы несколько пуговиц и две простых монетки, но дело это завлекло. Я — какой-никакой нумизмат, и увлечение кладоискательством интересным казалось вдвойне. Тем более, имелось у меня на примете парочка мест, где если и не клад, то монеты в земле или что-нибудь другое, стоящее должно было лежать обязательно.

Одним таким местом была дача. По рассказам бабушки Пани наш дом на центральной истринской улице стоял еще при царе-батюшке. В

те времена моя прабабушка Евдокия не раз и не два разрешала оставаться на своем участке цыганскому табору! Более того, мой дядя Лёня, дошедший до Берлина и вернувшийся весь в орденах-медалях, женился на цыганке и некоторое время жил с ней на этой самой даче, построив на участке сарай, гараж, а также выкопал погреб, который вполне мог сойти за настоящее бомбоубежище. А еще до войны любимым занятием дяди Лёни было кладоискательство, причем, не где попало, а в окрестностях Ново-Иерусалимского монастыря. Однажды он едва с жизнью не расстался, когда его засыпало в подземном ходу где-то под монастырем.

Дяде довелось отсидеть в тюрьме. Уж не знаю за что, но сидел — недолго и, вернувшись, не бедствовал, что даже меня, тогда еще школьника наводило на мысль, что капиталец у него имелся, ну а где этот капиталец хранить, как не на даче...

Дядя Лёня давно умер, но дача никуда не делась, и никто за эти годы ничего кроме грядок на участке не вскапывал. С металлоискателем можно было обследовать не только огород, но и сам дом, и сарай, и тот же погреб. Да что там, можно — сделать это было нужно, причем, чем быстрее, тем лучше! В последнее время что-то слишком много развелось этих кладоискателей, и было бы вдвойне обидно, если ценности, закопанные в землю родным дядей, найдет кто-то посторонний.

Но о каком поиске могла идти речь, когда на даче оказалась тетка! Оставался второй вариант — берег реки Истра, которую бабушка называла не иначе, как Йордань. Название это было объяснимо. Еще в семнадцатом веке, благодаря патриарху Никону, в этих местах возвели Ново-Иерусалимский монастырь — по своему устройству очень похожий на монастырь в Иерусалиме. Ну, и окрестности приобрели соответствующие названия: горы — Фаворы, сад — Гефсиманский, река — Йордань.

Самым перспективным в плане находки чего-нибудь интересенького мне виделось место, где на берегу реки стоял скит патриарха Никона. Мало того, что можно было порыскать вокруг самого скита, так еще поблизости было место, где в реке издавна купались верующие христиане. Место считалось священным, а тот, кто искупается под скитом хотя бы раз в году, якобы оберегался от всех болезней. И люди купались, несмотря на непогоду и морозы, купались даже в ночь на крещение. А купания, конечно же, подразумевали потери цепочек, колец и других ценностей. И я бы очень удивился, если бы мой новенький металлоискатель не обнаружил эти потери...

От дачи до реки идти было минут десять. Мне не терпелось собрать металлоискатель и опробовать его в действии. Но для начала не под скитом, а в менее людном месте, на выбор которого повлияла погода, — как и обещали синоптики, ливанул дождь, и я поспешил забежать под мост через речку.

За мостом на пригорке раскинулась деревня Никулино, известная еще и тем, что под ней на исходе сорок первого года проходили бои наших с фашистами. Я в детстве под этим мостом ловил обычной корзинкой рыбу. Маловато, конечно, ловил, но с десяток пескариков и выюнов река Йордань мне дарила, и потом бабушка их жарила на сковороде. Какой же вкусной была та рыбешка!

Под мостом меня поджидал сюрприз. Уж не знаю, был ли тому виной дождь, или рыба здесь неплохо клевала, но, сбежав с дороги в укрытие от ливня, я едва не наткнулся на человека с удочкой в руках. И этим человеком оказалась девушка, довольно миловидная, в длинном цветастом платье.

— Здравсте, — сказала она, ничуть не удивившись моему появлению.

— Здравствуйте...

Я смотрел на нее, открыв рот. Все-таки представительницу слабого пола на рыбалке встречаешь редко, а если и увидишь, то в компании, которая не столько рыбачит, сколько купается, веселится, пьет и поглощает шашлыки с другими вкусностями. А тут — одна, с удочкой, причем, сразу видно, что снасть у нее недешевая и оборудована профессионально. Она и удочку забросила умело, и поплавочек с тонкой красной антенной поплыл по течению неторопливо, вот-вот готовый притопиться после поклевки.

— Как успехи? — поинтересовался я.

— Плотвичка, елец, пескарь... — ответила рыбачка.

— И вправду ловится?

— Конечно...

— А можно на рыбку посмотреть?

— Сейчас...

Я перевел взгляд на поплавок. Который слегка вздрогнул, нырнул и тут же вынырнул, после чего начал медленно-медленно углубляться. Когда его красная вершинка почти скрылась под водой, девушка подсекла. У меня аж сердце екнуло — леска натянулась, кончик удочки согнулся, закивал, но рыбачка неумолимо тянула снасть на себя, и вот уже на поверхности воды плеснулась серебристым боком приличных размеров рыбина. Я испугался, что девушка по-дилетантски постарает-

ся выдернуть ее из воды себе за спину, но ошибся. Она никуда не торопилась, потихоньку подвела плотвицу к берегу и ладошкой помогла ей покинуть родную стихию.

— Как я играю! — произнесла она те же самые слова, которые в свое время впервые в нашей тесной компании рыболовов выдал именно я.

В нашей компании рыбу всегда ловили по-честному: никаких сетей, электроудочек и другого браконьерства. При этом пойманную рыбу обычно забирали домой, либо отдавали товарищам, либо первому встречному — только бы зазря не пропала. Но эта рыбачка, присев на корточки, аккуратно сняла плотвицу с крючка, полюбовалась трофеем и как-то привычно бросила эту красотищу обратно в воду.

Мне никогда не нравился принцип «поймал — отпусти», о котором все чаще стали упоминать в рыболовных журналах, а тут — на тебе! И ведь не какую-нибудь краснокнижную рыбу она отпустила, не берша или синца, запрещенных к вылову в Подмосковье, а обычную плотву, которую хорошо бы почистить и поджарить на сковородке с лучком, да еще и залив куриным яйцом.

Возможно, рыбачке просто захотелось передо мной покрасоваться, подразнить меня. Или позлить?

— Вас как зовут? — не найдя ничего другого, поинтересовался я.

— Дань, — сказала она, насаживая на крючок желтоватого ручейника, и вновь забрасывая удочку.

— Интересное имя... А как оно звучит не в уменьшительно-ласкательном смысле?

— Это и есть уменьшительное. Ласкательно — можно Данька, Данечка. А если официально, то Йордань.

— Йордань? Так это же другое название речки Истра.

— Правильно, — девушка, наконец-то посмотрела мне в глаза и улыбнулась. — Вы знаете кое-что из истории здешних мест?

— Да я не просто знаю, я...

Плывущий по течению поплавочек вновь вздрогнул и нырнул, а рыбачка ловко подсекла, и вскоре очередная рыбка была вытащена из воды, после чего вновь освобождена от крючка и отпущена на свободу.

Я присел на замшелый камень. Надо же — Данечка. От одного имени можно голову потерять. Но девчонка-то еще была и красивой, и рыбу ловила — как с такой не познакомиться поближе!

— А я вот решил здесь с металлоискателем походить. Подумал, вдруг чего-нибудь нарую. Места-то — сами знаете...

— И что нарыть собираетесь? — следя за поплавком, спросила Даня.

— Хотелось бы монетки старые. Да и вообще — что-нибудь ценное. Меня, кстати, Павлом зовут. Можно — просто Паша.

— Мне больше нравится — Пашенька, — сверкнула глазами рыбака и тут же подсекла еще одну плотвицу — на этот раз мелковатую, но все равно после снятия с крючка отпущенную в воду.

— А почему кошкам рыбку не берете?

— Обойдутся, твари! — с такой злостью ответила она, что я даже вздрогнул. Кошки, конечно, существа непростые, но называть их тварями...

— Данечка, а вы где живете?

— В реке, — ответила она простецки.

Что на это сказать я не знал. Молчал, глядя, как она забрасывает удочку и следит за поплавком.

— Я и есть — эта река, — добавила вдруг девушка.

— Как это? — у меня пересохло во рту.

— Я — река. Моя жизнь — течение — понимаешь?

— Как это?

— Ну, вот смотри. Ты берешь себя пальцами за нос и можешь повернуть хотя бы половину своего носа влево или вправо. Ведь можешь — попробуй!

Я попробовал — да, кончик носа поворачивается и довольно сильно. Не очень приятно, конечно, но сам факт, — типа, водить носом по ветру.

— А я — течение. Тоже — влево, вправо. Ага?

— Обманываешь?

— Проверь.

— Как?

— Расчехляй свой металлоискатель и садись на меня, поплывем всякие монетки и ценности искать.

— В каком плане — садись?

— Тупой что ли? На спину мне садись, на закорки.

— Так ты же... — я окончательно растерялся.

— Совсем тупой? — нахмурилась Данечка.

— Но как ты меня удержишь? Ты ведь де...

— Я — река, — Данечка вдруг бросила удочку в воду, и ее развернуло на течении и потихонечку потащило.

— Расчехляй свой искатель, Пашенька!

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться, и пока я доставал и приводил в рабочее положение металлоискатель, Данечка сняла с себя платье, под которым ничего из одежды не оказалось. Какая же она была красивая в своей наготе! У меня аж сердце екнуло! Вот только ноги... что-то с ногами у нее было не так... Или это у меня что-то случилось со зрением?

Она поманила меня пальцем, и я подошел с собранным металлоискателем в руках.

— Не урони, — кивнула Данечка на прибор. — И вообще — держись крепче, а то соскользнешь, лови тебя потом по всей Йордани.

Рыбачка повернулась ко мне спиной и, слегка наклонившись, сказала:

— Чего пялишься, давай, запрыгивай, да поплыли.

Словно в дурмане я подошел к обнаженной, хрупкой с виду девушке и, сжимая металлоискатель, запрыгнул ей на спину. Она покачнулась, но на ногах устояла, хотя с ногами, как мне казалось, у нее все так же оставалось что-то не так. Еще больше наклонившись, Данечка подхватила меня, подсадила, я же обхватил ее свободной рукой и, сжал левую грудь, — не очень большую, но словно налитое медовое яблоко.

Данечка пошла медленно, наверное, боясь поскользнуться, вынесла меня из-под моста, и в это время как-то разом прекратился дождь. Она поднесла меня к урезу воды, и только тут до меня дошло, что она-то голая, а я в одежде — в кроссовках, рыбацких штанах, футболке, жилетке, да еще и с рюкзаком на спине. Но было поздно, Данечка вошла в воду — сначала по щиколотку, потом по колени, а потом просто опустила и поплыла, а я поплыл на ней, как наездник на коне. Только подо мной был не конь, а хрупенькая девушка. Или не девушка?

В детстве самым любимым занятием во время летних каникул у меня и брата Сашки было купание именно в этой самой реке. Не просто купание: мы приходили к Никулинскому мосту, раздевались до плавок, прятали одежду в прибрежные кусты и отправлялись в плавание. Истра была неглубокой, в некоторых местах даже мы, мальчишки могли перейти ее вброд. Но имелись и глубины, омуты. Где-то мы плыли, где-то просто шли, отдыхая... Какой же это был кайф!

Вокруг монастыря по плавной дуге Истра делала большую петлю, протекает под еще одним мостом — Корсаковским, затем несла свои воды мимо футбольного поля, куда каждый год традиционно приезжала команда ветеранов «Спартак» чтобы погонять мяч с местной командой, затем под крутым берегом, по-над которым установлен памятник

ник самолету ИЛ-2 — времен Отечественной войны, река делала крутой поворот и устремлялась дальше, к железнодорожному мосту Рижского направления, и текла дальше, чтобы в итоге влиться в Москва-реку

Мы с братом заканчивали заплыв в районе футбольного поля и напрямую возвращались к Никулинскому мосту за своей одеждой — уставшие, но донельзя счастливые.

Но что происходило сейчас? Заплыв с целью пустить в ход металлоискатель? Я-то — ладно, хотел найти что-нибудь интересненькое, а ей-то, девушке, на спине которой я был наездником (или плователем), для чего это надо?

Нас несло течение, но и Данечка подгрребала руками, то и дело полностью погружая голову в воду. Ее длинные волосы развивались словно пучки водорослей, и мне очень хотелось за них схватиться. Но одной рукой я по-прежнему держал Данечку за грудь, в другой был металлоискатель, до сих пор не включенный.

Мелькнула мысль, — а, может, черт с ним, с этим металлоискателем, да и вообще с затеей чего-нибудь отыскать на дне реки. Разве могут какие-то не найденные пока ценности сравниться вот с этой девушкой. Гораздо ценнее подержаться за ее другую грудь, да и не только за грудь и не только подержаться...

Данечка замедлила наше продвижение прямо напротив скита патриарха Никона, до которого от берега было совсем близко. Сюда, сколько я себя помнил, всегда приходили верующие бабульки и совершали омовения. Иногда бабульки приводили с собой дочерей, внушек, которым тоже приходилось раздеваться и омываться гольшом. Неподалеку от патриаршего скита был глубокий омут в котором держались плотва и хороший подлещик. Это место было моим самым любимым в плане рыбалки...

— Попробуй поискать здесь, — сказала Данечка, останавливаясь.

Почувствовав под ногами песчаное дно, я с сожалением оторвался от упругой груди рыбачки. Правда, теперь я мог на нее любоваться, — было неглубоко. Ни на правом «диком», ни на левом «святом» берегу никого не было — недавний дождь разогнал и верующих, и простых отдыхающих. Я задался вопросом, повела бы Данечка себя точно так же, окажись поблизости посторонние? Ведь сейчас она стояла в воде по пояс — во всей своей девичьей красоте. К тому же рядом был я — в насквозь промокшей одежде и с металлической шутовщиной в руках.

— Включай прибор-то, — велела она. — Время дорого.

Желание заниматься кладоискательством, тем более в этом святом для многих месте у меня вдруг пропало.

— Данечка... — начал, было, я, но она властно перебила.

— Включай!

И я подчинился: включил новенький металлоискатель, надел наушники, опустил прибор себе под ноги и... мгновенно на меня обрушилась разночастотная какофония пиликаний.

Я растерялся. Служа в армии, мне довелось стрелять из гранатомета. После первого выстрела создалось такое впечатление, что мне ударили по уху кулаком, после второго выстрела — «ударили» уже не кулаком, а чем-то острым. Без шуток — было очень больно, и после тех стрельб я несколько дней очень плохо слышал, оглох.

Теперь мне тоже стало больно, но боль компенсировалась какофонией, означающей, что под моими ногами в речном песке имеется очень много самого разного металла.

Я вдруг почувствовал, что правый карман моих штанов потяжелел. Сунул в него руку, нащупал что-то твердое, вытащил, увидел старую ржавую подкову и отбросил ее в воду. В левом кармане тоже образовалась тяжесть — еще одна подкова. Посмотрел на Данечку, она лукаво мне улыбалась. И в то же время как-то внешне изменялась

В оном из нагрудных карманов моей жилетки что-то звякнуло. Вот это да! На моей ладони оказались монеты, много монет — и те, что сегодня ходили в обращении, и советские пяточки и гривенники, и даже один царский серебряный полтинник! Уже не напрасно прибор покупал!

Ощутимо потяжелел другой карман жилетки. Поспешно вернув монетки в карман, вытащил из другого на свет горсть ржавых патронов и гильз. Куда их? Ладно, обратно в тот же карман. Но карманов в жилетке много, и в очередном оказались пуговицы — я вспомнил, что есть люди, которые «бредят» старинными пуговицами, значит, они пригодятся для обмена или продажи. В другом кармане оказались гвозди, я их тут же выбросил, но, судя по всему, они сразу вернулись обратно, заняв место в жилетке

Каким образом весь этот металл оказывался в моих карманах?

А Данечка, стоявшая напротив меня по пояс в воде, красуясь обнаженной грудью, продолжала улыбаться. И, кажется... растворяться?

Еще из одного кармана я вытащил золотую цепочку с крестиком! Если так и дальше пойдет...

За моими плечами вдруг ощутимо потяжелел рюкзак. Что там могло появиться? Два десятка подков, груда монет или неразорвавшийся во

время войны снаряд? Однако рюкзак, будто его чем-то пичкали, становился все тяжелее и тяжелее, и он невыносимо давил мне на плечи, заставляя наклоняться.

Данечка тоже наклонялась, вернее, опускалась в воду, не знаю — просто приседая, или растворяясь. Скорее, все же растворяясь в воде! Ведь она с самого начала нашего знакомства сказала...

Что-то совсем уж тяжелое появилось в моем рюкзаке. До такой степени тяжелым, что я не смог удержаться на ногах и упал на колени. Хорошо, что в этом месте глубина была небольшая, а то бы захлебнулся. А голова Данечки погрузилась в воду уже по самые глаза и ниже, ниже до тех пор, пока девушка-речка не исчезла под водой совсем.

И я тоже стал погружаться — из-за давящей тяжести в карманах штанов, жилетки, неподъемного рюкзака.

Для начала я расстался с металлоискателем. Затем, будучи уже полностью под водой, изловчившись, избавился от рюкзака, затем — от жилетки, вывернул карманы штанов. И каким-то счастливым образом, еле дыша, выбрался на берег, где красовался скит патриарха Никона. И опрокинулся на спину, чтобы прийти в себя...

— Чегой-то разлегся тут, на святом месте, — услышал я голос через некоторое время. — Давай, уматывай отсель, нам омовение провести надуть!

Я с трудом поднял голову и увидел на берегу моей любимой Йордани двух бабулек и с ними девушку. Я знал, что у нее было самое удивительное во вселенной имя — Данечка. Если без уменьшительно-ласкательного — Йордань.

ПРАВИЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ

Все было неправильно и плохо, настроение — хуже некуда. Павел со связкой удочек и легким рюкзачком шел вдоль кирпичного забора к реке Истра, за которой доживала свой век деревушка Никулино.

Вокруг расхлябанной тропинки пестрел мусор, обнажившийся после таяния снега. Зато за этим высоченным забором — мусора, наверняка, не найти. Проклятый забор! Его возвели совсем недавно вокруг трехэтажного особняка очередного новоиспеченного олигарха. Ну, ладно, наворовал ты бабла, купил в ближнем Подмоскowie землю, построил хоромы, но зачем же, буржуйская твоя морда, забор до самого уреза воды доводить! Не пройти же теперь по берегу любимой речки ни с

удочкой, ни просто прогуляться — перегорожен берег, хоть и запрещено это законом.

Хорошо хоть правый берег пока еще окончательно не застроен. Но прежде чем перейти на него, Павел задержался на самой середине шаткого подвесного моста. Вытащил из кармана жилетки несколько исписанных листков и коробок спичек.

Говорят, что рукописи не горят. Еще как горят! Шутят, что рукописи не тонут. Павел обо всем этом не думал, просто один за другим поджигал бумагу, и когда она почти полностью, до обжигания пальцев, сгорала, давал волю пеплу, который в итоге приводнялся и, наверное, все-таки тонул.

Он сжигал и топил свое рукописное творение, которое накануне дал прочитать любимой девушке. А сегодня, после обеда пришел к ней домой и пригласил на рыбалку. Она ни о какой рыбалке даже слышать не захотела. Ну а по поводу его творения, в котором Павел выявил себя самого, свои мысли об идеальном будущем, в котором хотелось бы жить, отозвалась тремя словами: придурок, мечтатель гребаный.

С тем, что мечтатель, Павел не спорил, но вот — «гребаный» и тем более — «придурок»... Он обиделся и ушел, хлопнув дверью.

Когда последний лист сгорел, Павел перешел на правый берег и спустился к воде. Рыбачить лучше было бы ниже по течению, под Ново-Иерусалимским монастырем. Но он сомневался, что до тех мест можно пройти вдоль реки, наверняка, тоже имеются заборы, огораживающие дворцы новоиспеченных буржуинов и доходящие до самой воды.

Здесь, правда, тоже имелся симпатичный омут, в который Павел и забросил поплавочек с тонкой красной антенной. И стал смотреть только на него, чтобы не видеть ни дряхлый, готовый вот-вот обрушиться мост, ни загаженных берегов, ни заборов, ни особняков за ними.

Не клевало, да и река выглядела мертвой — ни всплеска, ни намека на присутствие рыбы. Но Павел вновь и вновь перебрасывал удочку, иногда меняя червя на более свежего, постепенно впадая в некую прострацию и едва ли не засыпая...

Что-то заставило Павла вздрогнуть — не испугаться, нет, но как-то мгновенно взбодриться. Наверное, задрожавший и резко нырнувший поплавочек. Рыболов подсек, и — есть! На другом конце снасти возникла живая тяжесть. Павел вспомнил, что не взял с собой подсачек, который очень бы сейчас пригодился, и стал высматривать место, куда удобнее было бы вывести рыбу.

Кажется, берег чем-то изменился, но заострить на этом внимание не получилось, — отвлек мощный всплеск и окативший рыболова фонтан брызг. Павел машинально вытер лицо рукавом, проморгался и увидел прямо напротив себя выходящую из реки обнаженную девушку. Она смотрела ему в глаза, улыбаясь и в то же время морщась. Почему девушка морщится, сразу стало понятно — из ее левой груди, прямо из соска, насквозь пробитого рыболовным крючком, шла кровь. Так вот, значит, кто оказался его трофеем!

Павел тут же прекратил тянуть на себя леску, которую девушка зажимала в кулачке.

— Извините! — взмолился он. — Аккуратненько выходите, сейчас все будет в порядке. Пожалуйста, не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь, Пашенька, — ответила девушка.

— Йордань? — донельзя удивился рыболов, подавая ей руку и помогая выбраться на берег. — Данечка?

— Узнал?

Господи, да как же ее было не узнать!

— Сейчас, подожди секундочку, я тебя освобожу, — пообещал Павел.

Ему самому не раз приходилось извлекать рыболовные крючки из чужих и своих пальцев, плеч, даже из головы — опыт имелся большой. Но чтобы — из женской груди...

— Потерпишь?

— Быстрее уже, — вздохнула она.

Грамотнее всего было бы вытащить крючок, воспользовавшись плоскогубцами, но сегодня такой нужный инструмент, как и подсачек, Павел оставил дома. Пальцами же с маленьким крючочком, жало которого торчало из соска, справиться вряд ли бы получилось с первого раза — а это означало лишние страдания Данечки. Не долго думая, он наклонился, обхватил сочащийся кровью сосок широко открытым ртом, аккуратно смыкая челюсти, ухватил жало крючка зубами, покрепче сжал и резко дернул его на себя.

Получилось. Крючок полностью пробил нежнейшую плоть и теперь болтался на леске, которую Павел тут же перекусил.

— Спасибо, — Данечка вскользь погладила рыболова по голове, а Павел не удержался и вновь припал губами к ее груди, теперь уже не осторожно, а жадно.

— Хватит, Пашенька, хватит, — мягко отстранилась она от него. — У меня уже все прошло, ничего не болит.

— Мне это снится? — спросил он, беря Данечку за руки и сразу вспомнив все подробности первой и единственной встречи с ней...

...Это случилось несколько лет назад, и тоже на берегу Истры. Только тогда рыбу на удочку ловила она, а он пришел на речку с металлоискателем, надеясь накопать что-нибудь ценное. Рыбачка назвала себя Йорданью — именно так величали Истру верующие старушки, в том числе и родная бабушка Павла. А еще Йордань-Данечка сказала, что она-то и есть эта самая река и предложила новому знакомому помощь в его кладоискательстве. Она разделась, велела усесться на себя, и они стали вниз сплавляться по течению — он на ней, как наездник на плывущем коне.

Заплыв закончился напротив скита патриарха Никона, когда карманы Павла вдруг сами собой стали наполняться разными металлическими предметами: гильзами, пробками, подковами, монетами, даже золотыми украшениями. Приключение закончилось тем, что Данечка словно бы растворилась в воде, а он, расставшись с металлоискателем и отяжелевшими рюкзаком и жилеткой, еле-еле, на пределе сил выбрался на берег...

— А прошлая наша встреча тебе тоже приснилась? — улыбнулась девушка-река.

Данечка повзрослела и похорошела, она и раньше была миловидной, теперь же выглядела настоящей красавицей. Или это ему только кажется?

— Пашенька, ты лучше не на меня, а вокруг посмотри.

Рыболов послушался и сразу понял, что берега не просто изменились: от мусора не осталось и следа, словно никогда ни один человек не ронял здесь окурок или фантик от конфеты, не бросал пустые бутылки. Вместо подвесного мостика, который вот-вот развалится, — солидный мост со стальными опорами и деревянным настилом по которому два велосипедиста разъедутся. Поля вокруг — не безбожно заросшие бурьяном, а вспаханы, обработаны. Трехэтажных дворцов, окруженных огромными заборами — словно не было. И в деревушке Никулино не видно ни одного забора, зато домики — один другого краше. А в Ново-Иерусалимском монастыре, сияющим золотом куполами и крестами, красовалась высоченная колокольня.

...Бабушка рассказывала Павлу, что в хорошую погоду с верхотуры колокольни можно было увидеть купола московского кремля. В декабре сорок первого отступающие фашисты дотла сожгли Истру, а весь монастырь: стены, башни, Воскресенский собор, колокольню заминировали и взорвали. Сколько Павел себя помнил, монастырь медленно, но все-

так реставрировали: постепенно восстановили и стены с башнями, и подземную церковь «Константина и Елены», и собор с большой главой и ротондой, но до колокольни руки не доходили, видимо, архитекторы опасались, что даже при современных технологиях не смогут воссоздать то, что сделали простые люди второй половины семнадцатого века, строившие монастырь. И вот, надо же, возвели колокольню!

С противоположного берега, где компания молодых людей жарила на костре шашлыки, и кто-то душевно пел под гитару, донесся заливистый детский смех. А в реке громко плеснулась рыба, и Павел, увидев сразу в нескольких местах расходящиеся по воде круги, вспомнил про свою удочку и что вообще-то пришел сюда на рыбалку. Да, бог с ней, с рыбалкой...

— Данечка, что происходит?

— Ты окунулся на несколько минут в свои мечты, в будущее, в котором хотел бы жить, и которое наступило примерно через полсотни лет.

— Откуда ты знаешь про мои мечты?

— Я же — река, Пашенька, и пепел, который ты бросал в воду, оказался во мне — со всеми твоими мечтами и мыслями.

— А... будущее?

— Йордань как текла, как течет, так и будет течь. Я могу сплавиться по времени и по течению вниз, или подняться до самых истоков, или задержаться вот в этом омутке, чтобы поговорить с тобой.

— И?

— Будущее, Пашенька, стало таким, каким ты описал его в своем творении. Сегодня твоя любимая девушка назвала тебя придурком и гребаным мечтателем. В сердцах ты сжег рукопись, но потом восстановил по памяти, и ее приняли к публикации. Сначала — в газете, потом текст разошелся по интернет-сайтам, потом... Если не вдаваться в подробности, почти все твои мечты... не знаю, правильно ли я скажу, в общем, все твои мечты обрели статус закона. При этом закона, который неукоснительно контролируется и имеет действенную силу.

— Иначе говоря... — Павел вновь внимательно посмотрел вокруг.

— Да-да, — предвосхитила вопрос Данечка. — В своем творении ты предлагал снести все особняки и заборы, построенные незаконно, на ворованные деньги. Как видишь, твоя мечта осуществилась.

— Но кто это сделал?

— Нашлись люди. Много честных, неподкупных, умных, талантливых, верящих в справедливость людей, объединившихся в союз под на-

званием «Правильное будущее». Благодаря этому союзу, был принят закон, главным девизом которого стало название твоей нетленки...

— «Преступник должен быть уничтожен» — так называлась моя рукопись, уточнил Павел.

— Все верно. Основополагающие пункты нового закона были дословно списаны с нее. И с момента вхождения закона в силу, преступники стали уничтожаться.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Залез вор в карман, украл кошелек — расстрел. Ограбил квартиру — электрический стул. Взял взятку — голову топором с плеч. Для каждого типа преступлений — своя казнь. Это уже члены Союза «Правильное будущее» доработали.

— Но как...

— Ни один невиновный не пострадал. Уничтожали только преступников, вина которых была полностью доказана и подтверждена безошибочным детектором правды. Приговор в исполнение приводили машины-роботы...

— А если он изнасиловал или убил? — спросил Павел, догадываясь, что услышит в ответ.

— Все как в твоей рукописи, — просто ответила девушка-река. — Для начала, на глазах у насильника или убийцы четвертовали его родителей — независимо от их возраста, состояния здоровья и общественного положения. Нечего родителям было свое дитяtko таким уродом воспитывать. Потом казнили самого преступника. Все — по закону, который заранее был доведен до всех и каждого.

И ты ведь все очень правильно предсказал. Подавляющее количество людей, видя, с какой неумолимостью действует новый закон, перестали воровать и брать взятки, насильничать и убивать. Да, кровищи пролилось много, но вскоре Союз «Правильное будущее» стал очень популярен в народе, и преступности в любых проявления почти не осталось.

— Я там еще про дуэли писал...

— Разрешены дуэли новым законом, разрешены. Но только чтобы все было по делу и по-честному, с секундантами и соблюдением установленных правил. Кстати, дуэли, хотя и редко, но случаются.

— А проституция?

— Не запрещена. Так же, как и однополая любовь — считается личным делом каждого. Кстати, законом не запрещено изготавливать и употреблять наркотики. Помнишь свои слова: «Если хочешь — кури и

колись, пока не сдохнешь. Только другим жить не мешай». Но распространять наркоту нельзя. За это — публичное сжигание на костре.

А проституция — в правильном будущем вообще непопулярна. Торгующих своим телом и тем, кто за это платит, подавляющее большинство считает «полным отстоем» — если я верно употребила эти слова.

— Это хорошо, — кивнул Павел. — Еще я про расплодившихся олигархов-миллиардеров писал...

— О, да! Это один из первых пунктов нового закона, продвинутого Союзом «Правильное будущее». Прежде чем закон вступил в силу, Союз добился того, что все банковские счета олигархов оказались заморожены. При этом каждому олигарху официально предложили добровольно вернуть государству все наворованное. Люди с нормально работающими мозгами согласились и встали на сторону Союза, но таковых оказалось мало. Остальные думали, что с ними шутки шутят, что деньги решают все, а они, олигархи — круче всех. Решили противодействовать. Но, если я верно говорю — они обломались, попали под раздачу..., в общем, оказались в полной заднице...

— Полная задница — лучше, чем задница тощая, — машинально вставил Павел.

Не оценив юмора, Данечка продолжила:

— Союзом было проведено глобальное исследование на предмет наличия у миллиардеров их капитала. В том смысле — законно капитал был приобретен или нет. И с момента вступления в силу нового закона бывшие ворюги-олигархи потеряли все. Их миллиарды получило государство, они превратились в ничто.

— Это очень хорошо, — вновь кивнул Павел. И тут же нахмурился. — А куда пошли все эти миллиарды миллиардов?

— Ха! На нужные дела пошли. Мы, то есть, вы уже Марс освоили, к другим планетам подбираетесь. В науке, — что ни день, то новое изобретение! В медицине — тоже все в порядке. Люди любят друг друга, рожают детей, воспитывают внуков, радуются жизни...

— Но — как? Как все это могло произойти?

— Не без моего вмешательства, конечно, — улыбнулась Данечка. — Я же река — существую вне времени: сплавляюсь вниз по течению, поднимаюсь вверх, могу задержаться в любом омуте, на любой отмели. Я — прародительница жизни. А жизнь должна быть насыщенной всем хорошим, должна быть красивой, счастливой и долгой.

Ты, Пашенька, о такой жизни мечтал и высказал свои мечты в рукописи. Я тебя поняла и прониклась. И вместе со мной твоими мечтами прониклись десятки, сотни тысяч нормальных людей. Людей, захотев-

ших жить в другом, правильном будущем. И теперь мы в этом будущем живем.

— А как же я? — встрепенулся Павел. — Что мне сделать, чтобы жить в будущем своей мечты?

Данечка ответила не сразу. Смотря Павлу в глаза и улыбаясь, отступая от него короткими шажками, вошла в речку — сначала по щиколотку, потом — по колени, по пояс.

— Для начала, Пашенька, — сказала она, вдруг, посерьезнев. — Для начала надо дословно восстановить свою рукопись и добиться ее публикации. А потом — все от тебя зависит...

Данечка с головой погрузилась в воду. Хотя, вернее было бы сказать, что она просто воссоединилась с рекой, которую верующие в бога старушки называли Йордань.

Владимир Вещунов

Нижний Новгород

ОСТРОВ КРОШКИ ЦАХЕСА

Утопия

Остров в заливе в тридцати милях от Большой земли носил издевательское название — Коврижка. Голый скалистый огрызок суши, запелёнутый вечными гнилыми туманами. За всю полуторавековую историю островной тюрьмы для особо опасных преступников лишь однажды одному из них удалось перехитрить охранников и пробраться к воде. Смелчак увяз в тумане, заблудился в нём, и отжимная волна от материка выбросила его тело на остров.

Снабжалось сие исправительное заведение всем необходимым для его бытования из-за частых тайфунов с переборами. Нередко продуктовые шхуны цунами уносили в море, и Коврижка голодала.

Перестроечные тайфуны и цунами учинили на острове голодомор. Коррозия коррупции разъела УФСИН. Пенитенциарные генералы один за другим залетали на шконки в свою бывшую вотчину. Контингент Коврижки разбросали по разным зонам. Казематы крепкой кирпичной кладки порушились. Остров одичал, стал необитаемым. Лишь в расще-

линах скал среди плюща ползали ящерицы и змеи. Коврижские туманы не прельщали туристов и даже искателей приключений.

Однажды в начале августа перед сезоном тайфунов на Коврижку высадили десант стройбатовцев. Они провели капитальный ремонт одной из уцелевших тюремных камер. После них катер с пограничниками высадили на остров арестанта-одиночку. Пара «камуфляжей» в балаклавах отвели тщедушного старикашку с пугливыми глазами в его обитель. Всё было буднично, прозаично, без оцепления, вертолётчиков, снайперов, спецангентов, силовых структур, коих немерено расплодил этот страшливый дохлец.

Обыденность потрясла его, он долго лежал на бетонном полу камеры, страшаясь даже мыслью коснуться произошедшего...

Неистовствовал первый августовский тайфун. Он будто наизнанку выворачивал скалы, которые с грохотом рушились в преисподнюю. Пронзительный свист ветра нестерпимо резал слух. Голова раскалывалась. Он согнулся калачиком, словно зародыш в утробе, пытаясь забыть в глубоком, невозвратном сне. Но жестокая память резала, точно обрывками жести. Боялся подняться, страшился столкнуться с явью, с реальностью. Однако на холодном полу зазнобило, залихорадило, судорогой стало сводить ноги. Поднялся. Голые стены обожгли льдом. Обхлопал костюм от кутюр, обвисший на нём за какие-то сутки...

Тогда, на Великий Октябрь, его тоже принарядили в новый костюмчик. Понаехала вся родня, близкая и кисельная. Двойной праздник! Главный, конечно же, рождение второго ребёнка в семье Соновых — Сёмочки! Братцу месяц исполнился, когда его решили показать родственникам. Сюсюкались с Сёмочкой, нацеловывали, поздравляли счастливых родителей с милым сыночком, драгоценным сокровищем.

Разъехались гости, шумные, радостные, навеселе. А родители продолжали нянчиться с Сёмочкой, тетёшкать его.

Трататушки, тра-та-та!
Выше прыгаем кота,
Да Кота Котовича,
Да Петра Петровича!
Прыг-скок, прыг-скок!
Вот какой у нас мальчок,
Сёмчик-попрыгайчик,
Яблочек-румянчик!

Такую песенку мамка с папкой Алику не придумали. Разобиженный, с горячими слезами, бросился из дома. Посёлок Щитки, из щитовых домов, находился на отшибе города. Упал в стылую канаву, подёрнутую ледком. Но никто его не искал. Обжигал лёд. Как и сейчас...

Полоса, канава отчуждения между ним и родителями. Между ним и страной, и миром. Ведь имел отношение к стране и миру... Кто предал?.. Никому не доверял. Трутся одни порученцы, а он посаженец, пешка в изуверской игре оборотней, в проекте «Волк в овечьей шкуре». Таились неведомые здоровые силы. Они и сдёрнули овечью шкуру. А он, прирождённый слушач-нюхач, не почувял...

Тайфун стих. В полумраке, в леденящем безмолвии оглядел камеру. Зарешёченное окошко под низким потолком. Раскладушка придала бодрости. Стало быть, КПЗ — камера предварительного заключения. Когда сюда забросили? Куда?.. Потерял время... Разлёгся на раскладушке. Не шконка — зловонная на зоне. Там в камере понапихали восемь отъявленных мерзавцев. И на всех одно очко. А здесь луза на одного. Бачок с водой, эковская тумбочка, какая-то тетрадка, плитка с газовым баллончиком, ванночка «Доширака». Ешь не хочу!.. Хотя бы мышва не шастала. Передёрнуло всего: так боялся этих тварей! Закомплексованный. Почему-то всё мелкое круглое вызывало отвращение: бусы матери, зелёный горошек. Брезговал, когда пользовались его посудой. Завёл неприкасаемую. Избегал рукопожатий, старался ни с кем не ручковаться. Пристрастился сосать указательный палец. Не нравились имена: Серёжа, Костя, Шура, Зина...

— С притрухом ты, Алька, — говаривал отец. — Психических отклонений нет, просто дурак!

— Дурак дураком, и уши холодны, — поддакивала мать.

И впрямь, потрагивал свои уши — холодные.

К лузе не ходил, не с чего. А откуда-то взялся неприятный запах. Попахивало от него самого. Сколько он не мылся? Пот страха, въедливый, невыносимый. И нечем смыть. Это самое тяжкое мучение! Похоже, на это и рассчитывали строители переворота. Не казнили, не убили, а вот такие бытовые мучения. Гуманисты!..

Он даже не задумывался, а сколько он причинил мучений простому народу, преследуя, уничтожая праведников. Они могли бы достойно править страной. А до их прихода тянулось существование Алика Сонова (Самсонова)...

Выбрался из канавы, отряхнулся, поплёлся домой. Подавленный, скоуженный, новый костюмчик в грязи. Мать с малюткой на руках набросилась на него:

— Ты где так вывозился? Подрался поди?

— Руки не доходят за тобой присмотреть, — пробурчал отец. — Ты, что ли, дерешься? Сомнительно.

— Да нет, может... — засомневалась мать. — Нет, ну да, вообще-то... — Затетёшкала младенчика: — Смотри, Сёмочка, на братика, какой он негодник! Трататушки, тра-та-та, выше прыгаем кота...

Отчуждение.

— Э-э, а я?.. — плаксиво канючил он, чтобы уличная ребятня приняла его в свои игры: в ножички, в орлянку, в чику, чехарду.

Задабривал, выходил из дома с ломтиками хлеба с маргарином.

— Сорок семь — дели на всех! — бросалась к нему вечно голодная голытьба.

Однажды бросил горсть карамелек на драку-собаку. Ему же и расквасили нос: всем не хватило.

Соновы перебрались в соседний город. Плановики ПТО, производственно-технического отдела коксохимзавода, получили двухкомнатную хрущёвку. Сёма, хорошист, успешно учился. Альберт поступил в строительный техникум. Спутался с местной шпаной: шестёрка, на побегушках. Алик спивался до алика, до алкаша. Отец купил три бутылки водяры и распил её с сыном. Утром мужик проснулся, выдул литр рассола и пошагал на работу. Под оханье матери и хихиканье Сёмочки Алик мучительно отлёживался два дня. Таким же манером отец отучил сына от курёжки.

Непьющий, некурящий, Алик подался в высшие сферы деловой деятельности. Связался с жучками — фарцовщиками. Загонял забугорные шмотки, пластинки, запрещённые книжки, мани-мани, порнуху, брюлики. Преуспел в продаже иноземным дельцам раритетов русской иконописи. Разъезжал по деревням, где безбожники приспособили церкви под склады, гаражи, а то и вовсе превратили в руины. Набожным старушкам удалось сохранить святыни. У одной старушки за вязанку дров он отхватил лик Спасителя, работы самого Симона Ушакова. Сбытчика при деловой сделке застучали органы. Впяли семь лет. С потрохами сдал подельников. «Отдохнул» на зоне три месяца за мелкое мошенничество. Заслужил кликуху Фрикаделька. Сокамерники «запекали» в хлебные мякиши тараканов и подбрасывали в миску с баландой катыши-фрикадельки. Знали о его бзике, что всё мелкое, круглое вызвало у него отвращение. Подсовывали на шконку мышей, вгоняя его

в дикий ужас. Отвратительно звучали имена сидельцев: Костяй, Шурик, Зина... Шерстистые лапы, животное чавканье едоков... Невыносимо! Однако в этой звероватости сохранил мужское достоинство в неприкосновенности. Не он сам, охранители сберегли его непорочность. Все-сильные кураторы из органов гораздо мощнее всех паханов, смотрящих, разводящих и прочих авторитетов. Издалека начали разрабатывать сексота по кличке Соня. Несмотря на ущербный, сонный вид, надеялись превратить комплекс неполноценности в комплекс полноценности.

В одной из школ города Рдянска появился учитель труда Альберт Михайлович Самсонов, в жизни не забивший ни одного гвоздя. В новой жизни изменил фамилию. Положение шкраба удручало его. Ворочавший в недавнем прошлом долларами, по-житейски было сник. Однако по почину кураторов восстановился в местном строительном техникуме. Здесь активничала шибко продвинутая молодежь, бредившая архитектурным авангардом. В общежитской «передовой» комнате, заставленной «батареями» плододовыгодного, до хрипоты спорили о кубизме, конструктивизме немецкого Баухауса, о Корбюзье, о «пламенеющей готике» испанца Гауди, ввинченной в небо; о башне Татлина, тоже пронзающей небеса, о его дизайне, о сталинском ампире в манере украшательского стайлинга. Не признавали Щусева, Посохина с его нелепым конструктивизмом Дворца съездов. Короче, преклонялись перед западным и посмеивались над советским. Пьяные, болтливые, анекдотчики:

— Страна зимой не замёрзнет! Кукурузник наломал дров!

— Бровастый порадовал: «У нас в принципе всё есть!» Провинциалы ринулись за колбасой в Москву: «Где у вас тут магазин «Принцип»? — спрашивают.

— У нас при въезде в город два плаката. Один: «Догоним и перегоним Америку по производству молока, мяса, яиц на душу населения!» А напротив гаишный: «Не уверен — не обгоняй!»

«Лениниана» про броневичок, про трёхспальную кровать... И коронная присказка: «Всё в порядке — Ворошилов на лошадке!»

Болтун — находка для шпиона! Полулёжа на койке в углу комнаты, Самсонов разглядывал итальянский журнал «Дизайн», добытый из-под полы студиями, и внимательно прислушивался к разгорячённой болтовне, сопровождаемой звоном гранёных стаканов.

— А этот типус почему не пьёт? — заметил однажды рьяный поклонник знаменитого Корбюзье.

— Дурак умён, пока молчит, — съязвил «апостол» ландшафтного дизайнера.

— Нет, он умнее всех нас, — возразил хвостист по сопромату. — Ему нельзя. Выпьет и забудет то, о чём мы тут болтаем.

— Стукачок! — поддакнул другой студиоз.

С того часа осведомитель в этой бурлящей комнате не появлялся.

Чета Соновых усердно планировала перевыполнение плана и соцобязательств на коксохиме. Домашнее дитя Сёмочка после мамкиной титьки прирастал, как и старший брат, сосать указательный палец. В школе вместе с шестипалой Люськой Лузгиной стал достопримечательностью. У неё на мизинце рос ещё один пальчик, а у него было целых два мизинца. Любящие родители за такую сосачку не ругали, не наказывали, а даже умилялись. Зато школьная врачиха потребовала от Соновых, чтобы они отучили своего ребёнка от вредной и даже пагубной привычки. Те пытались бинтовать злополучный сосачный палец, но Сёмочка жутко заистерил. Решил отправиться на поиски старшего брата за помощью: Алька тоже посасывал свой палец.

Родители отмахнулись от старшего непутёвого сына и не желали знать, что с ним. Сёмочка — свет в окошке.

Рдянк был поважнее Кокса, и Алька мог находиться там, в местном строительном техникуме.

Старший лаборант отделения ПГС перебирал бумаги в своём кабинете. Вахтёрша доложила, что какой-то мальчик разыскивает Альберта Сонова. Не Самсонова ли? Не перепутал ли он?..

— У нас такого нет! — отрезал урождённый Сонов.

Исполнительному аккуратисту старлабу вменили собирать профсоюзные взносы. Почти все сотрудники техникума раз в месяц предстояли перед ним. Он журил за задолженность и со тщанием слюнил марки на учётные карточки.

Его подробно-описательные «закладные» о неблаговидных деяниях неблагонадёжных студиозов получили высокую оценку кураторов. Злостные анекдотчики и очернители были отчислены. Он перешёл на заочное отделение, заведовал лаборантской и учётом членов профсоюза. А также учётом сомнительных реплик, брошенных при необязательном разговоре. Теперь его ксивы отличались немалым художественным вымыслом: лепил из мухи слона. Обеспечивал благонадёжность кадров.

Перед майскими ему вручили особое поручение в письменном виде: обеспечить сохранность пишущих машинок от посягательств враждебных элементов. Он расписался в этой важной бумаге, собрал пишмашинки в особом подсобном помещении: сигнализация, зарешёченные окна, сейфовая стальная дверь. «Запаял» замочные скважины сур-

гучовой печатью с пломбой. Теперь никакой провокатор не сможет напечатать ни одной прокламации! Однако в ночь с 30 апреля на 1 мая враги пытались сломать оконную решётку, проникнуть в помещение. Дежуривший старлаб успел опознать во взломщике бывшего студента, отчисленного за противоправные высказывания, наклепал на того самого, который разоблачил его как стукача. Органы поверили сексоту на слово и не стали разбираться, кому на самом деле понадобились пишмашинки. Таким подвигом украсился послужной список за бдительность. А не инсценировал ли это вторжение сам ответственный за мероприятие по недоступности пишущих машинок?..

Заслуги его были учтены, и по окончании техникума его поставили начальником ремонтно-строительного цеха завода стратегического значения. В кабинете в рамке под стеклом повесил изречение: «Кто хочет выполнить порученную работу, ищет возможность. Кто не хочет выполнить, ищет причину». Разносы подчинённым не устраивал, а тыкал перед ними худым указующим перстом в эту производственную мудрость. Влекомый перестроечными веяниями, рабочего класса не чурался. Обедать ходил вместе с ними в заводскую столовку.

Однажды за одним с ним столом оказался рабочий в синем комбинезоне на лямках через плечи, в коем изображают передовой пролетариат на плакатах. Однако гегемон беспомощно тыкал вилкой в шницель. После тщетных усилий сходил на кухню. Без столового прибора джентльмен вкушать не мог. Держа нож холёной правой рукой, аккуратно отрезал кусочек шницеля. Намётанный глаз Самсонова уловил такую несуразность: рабочий класс за соседними столиками без всяких ножей расправлялся даже с жилистыми бифштексами.

Крупная птица попалась! Резидент! И так опростоволосился! Знай наших! Бдительного начальника РСЦ совершенно секретно представили к награде за поимку высокопоставленного сотрудника британской разведки МИ-6. И вскоре был повышен в должности, назначен директором ДСК — домостроительного комбината. Обеспечил вышестоящих товарищей шикарными квартирами, коттеджами, дачами. И возглавил Главградстрой.

Ум, честь и совесть нашей эпохи, партия — наш рулевой, в сутолоке распределительных магазинов хапала дефицит. Ту-104 с адмиралами на борту рухнул, перегруженный холодильниками, мебелью и прочим дефицитом из ленинградских универмагов. Гласность расшевелила человекоед. Жаждающие равенства и справедливости, люди опрокидывали чиновные иномарки, набитые дефицитом. Военные, служащие при полном довольствии, при весомых пайках, вызывали неприязнь и даже

враждебность. Они вынуждены были ходить на службу по гражданке, а там переодеваться по форме.

Началась повальная «перекройка». Перетряхивание старого белья, и под пасамами чумашпировских — соблазны либеральными шмутками западного кроя. Вместо старых пней госпожа демократия насадила кактусы с ядовитыми шипами. Вороватые чинуши прикрывались лозунгами о единстве партии и народа. Новые посаженцы в открытую нагличали:

— Не грабить в этой стране — запахло!

Несусветный грабёж баснословно обогатил «эффективных менеджеров». Почти все они отличались характерной наружностью. Нос горбат, живёт Арбат, много зарабат. Соревновались в яхтах: у кого больше размера футбольного поля. Покупали забугорные футбольные клубы, виллы, замки. И попадали на крючок разведслужб.

Нет сласти слаще власти. Попёрлись в руководство страной, чтобы «конституционно» высасывать из неё соки. Рыла их были в пуху, и ими вертели тайные руководы. Страна превратилась в колонию. До пришествия мошиаха, их бога, который вот-вот сделает их властителями мира, оставались считанные месяцы.

Народ изрядно устал от суховейных ветров перемен и от грабителей-посаженцев, которым передоверился. Внимавший чаяниям народа, разбрасывающий посулы исполнить их, ставленник лицемерной демократии окончательно превратил её в дерьмократию. Рой картавых шептунов улаждал его слух, падкий на обещания европейского процветания. В штат его советников входили сотни сотрудников иностранной разведслужбы, обещавших равное партнёрство с гегемоном.

Страна нищала, полки магазинов из-за безработицы были пусты. Назревал взрыв похлеще разинского и пугачёвского вместе взятых.

Градостроитель Самсонов, казалось, был вне политики. Крахнул ДСК, в котором он прежде начальствовал. Завод ЖБИ, железобетонных изделий, напоминал местность для съёмок фильмов ужасов. При провозглашении рыночной экономики Главк не возвёл ни одного жилого дома.

Суматоха, сумятица с низов до верхушки. Между мэром города и губернатором области разразилась война не на жизнь, а на смерть. Народная волна вынесла в кресло главы города правдоруба, который громил всех налево и направо. Приютил у себя дома голодных, истощённых солдатиков пригородного гарнизона. Выходец из народа, общался с ним на площадях во время пламенных митингов за справедливость. Горожане отплатили ему добром и выбрали градоначальником. Онкратно сократил бюрократический аппарат администрации города. На-

вёл порядок в ЖКХ. При нём прекратилась вечная перелицовка тротуаров, замена бордюров. Так отмывали деньги его предшественники. Однако у него были слабости, которыми пользовались его противники. Он имел патент на экстрасенсорные способности, увлекался уфологией. Верил в инопланетян, в социализм и поносил демократическую гей-Европу. Похожий на Ильича, у одних он вызывал уважение, у других ненависть.

Воссевший на губернаторское кресло был посажен братками. Они убухали немалые средства на «всенародное» голосование. Разобрались с семейным скандалом, в котором был замешен любовник супруги будущего губернатора, примы местного драмтеатра. Посягнувший на её прелести, один из авторитетов был утоплен в заливе. Тот в акваланге доставал со дна моря трепангов, а шланг оказался надрезан.

Мэр пытался хозяйствовать по-честному, а губер с братками правили по понятиям. Вместе с силовиками захватили здание администрации города, вынесли полуживого мэра на носилках и заключили в военный госпиталь.

Новым мэром посадили податливого начальника Главградстроя Альберта Михайловича Самсонова. Губера подрезали на очередной сходке-разборке. В его кабинет привели тишайшего Самсонова.

Между миром криминала и охранителями разгорелась жестокая делячка: кому торговый порт, кому рыбный; кому база тралового флота, кому сейнерного; кому судостроительный завод, судоремонтный, фрахт, каботаж, банки, наркота, подпольный игорный бизнес, торговая сеть и всё, что плохо лежит.

Самсонов ладил со всеми. Прима театра перешла к нему «по следствию». Зализанные с пробором жидкие волосы, белёсые брови, бесцветные глаза, вислый нос, щелястый рот, подбородок с детский кулачок. Вкрадчивый, запинаящийся голос, напряжённая подтянутость мелкокостной фигуры. И высокие каблуки, точно катурны древнегреческого театра. Как язвили ехидцы, будто на цырлах перед красавицей, своей ненаглядной.

Да, всем мил не будешь, всем не угодишь. Да ещё на таком публичном посту в окружении завистников. И народ туда же: Губер Бордюрович. Ну как не подфартить человечкам из дружественной мэрии. Вон какие тротуары с урнами-тюльпанами каслинского литья, с «античными» вазонами-цветниками с лепниной. Одно загляденье! Столица да и только! В столице по достоинству оценили такие достижения и вызвали в кабмин занять пост министра строительства. Головокружительный взлёт!

Идол демократии скурвился до дерьмократа. Окосевший от возлияний, со своими дурацкими ужимками и подмигиванием выглядел посмешищем не только среди «царедворцев», но и на международной арене. Казалось, страна втаптывается в грязь. Начались голодные бунты шахтёров, металлургов, домохозяек...

Службисты, местные и залётные, принялись подыскивать распоясавшемуся идолу замену. Беспроblemную. Выбрали. Замутили биографию Сонова Альберта Михайловича. За что, где и когда сидел мелкий фарцовщик — вымарали. Чистый как стёклышко. Бесправных родителей поместили на правительственной даче под надзором, без общения, чтобы не сболтнули лишнего. Семён Сонов по творческой линии вписался продюсером в немецкую рок-группу, проповедавшую «зелёную» энергетику. Не до политики, не до брательника.

Об операции по выявлению кандидата было доложено гуру мировой политики. Для важной миссии посадки на место главы государства из закулисья гуру прибыл самолично. Вошёл хозяином в кабинет министра строительства, взял ошеломлённого Самсонова за руку и, как школяра, повёл в другой кабинет — попросторнее и поважнее. Свергнутому с престола приказали представить «городу и миру» своего преемника. Народ с облегчением вздохнул: настолько обрыдл предшественник! А этот ещё незапятнанный.

Закулиса удовлетворённо потирала руки: бунтовщики в кулак не собрались, своего лидера не поставили вершить судьбы государства. А тут действительно свой! Напёрсточники! Кручу, верчу — запутать хочут!..

— Путь как тома! — усаживая Самсонова в президентское кресло, благосклонно похлопал его по плечу гуру и с дьявольским хохотком добавил: — Но не сапывай, что в гостях!

Из-за костлявой спины «князя мира» бесёнком высунулся его помощник:

— Клавное в руководстве косударством подписывать положенные бумажки!

Все на выборы! Города и веси украсились масштабными портретами кандидата, уже посаженного в президентское кресло. Рекламщики постарались: облик его выглядел с вождевыми, мужественными чертами Чингачгука. Дабы никто не сомневался в избранности сего выдвиженца — слоган под его изображением: «Самсонов — наш президент!» Баннеры, растяжки с его посулами: «За справедливость! За достойную жизнь!» Среди этих триумфаторных нагромождений терялись жалкие плакатики претендентов от карманных партиек, выдвинутых для блези-

ру, для соблюдения видимости демократии. По телящику гоняли пропагандистский ролик о библейском богатыре Самсоне, победителе врагов и диких зверей. За кадрами этой пропаганды оказалась его победительница Далила. Коварная дева охмурила героя, обкарнала у него, сонного, волосы, обладавшие волшебной силой. И он стал беспомощный, как младенец. Демонстрируя красоты Петергофа, каскады фонтанов, документалисты оттачивали своё операторское искусство на фонтане «Самсон, раздирающий пасть льва». Смаковали, показывая обнажённую богатырскую мощь Самсона и струю воды, извергаемую из пасти льва до небес. Шум фонтана заглушала речёвка школьно-студенческой молодежи с индейскими воплями: «Сильный президент — благосостояние страны!» Вау!..

Электорат клюнул. После бугая с налитыми кровью бычьими шарами Альберт Михайлович Самсонов мнил себя спасителем. Преисполненные благостных ожиданий, некоторые избирательные округа извергли фантастическую цифирь: за — 102%, против — 0%! Триумфатора поздравляли со всех сторон. Он усердно готовился к «кенгурации». Беспородное, стёртое лицо, походка щётотью... Перед грандиозным зеркалом от пола до потолка отрабатывал строевой шаг, осанку, выправку; выпячивал подбородок, как дуче. Зубрил присягу, придавая голосу басок...

Пока дошёл до пьедестала с профессорской кафедрой, покрылся краской, потом. Начал донимать кашель. Кашель сухой, а трусы помоктели. Приложил руку к сердцу; другую положил на «Конституцию», наспех состряпанную мудрецами-заправилами. Произнёс вызубренную присягу; почти не сбился, споткнулся раза два.

Народ задумался. Не зря говорят: «На безрыбье и рак рыба». Глаза — зеркало души. Президент — лицо страны. Лицо страны — без зеркала души. Пусть весь мир видит! С такой страны можно вытворять что угодно.

При бугае прыщом выскочил первый олигарх. Теперь же пялились как поганки после дождя. Совсем вздурела олихаркия! Прихватизаторы приватизировали государство. Ретивец из сотни упырей, качая русскую нефть, запихивал в свою кубышку по шестьдесят лимонов рэ в день! Мера — высший дар богов. Какие боги? Они — боги! А их бог — мошак! Согласно торе и талмуду пришествует завтра-послезавтра. Страну же колонизаторы расчлняют на колонии под началом мессии. И весь мир падёт перед ними, перед талмудистами!

Самсонов быстро приноровился к этой «кровеносной» системе. Подмахивая какой-либо тендер на строительство, на ремонт дорог и мостов, сучил пальчиками. Получатели отстёгивали подписанту почти

узаконенные два процента. Он оброс лакеями, холоуями, подпевалами, пресмыкателями. И недвижимостью: резиденциями в живописных местах, дворцом на морском побережье. Журналиги, вякавшие о его активвах, попадали в автокатастрофы или на зону за дискредитацию власти.

Всё чаще его говорящая голова торчала в телящике. Референты строчили речугу, и он перед телемониторами пытался складно изложить внешние проблемы и внутренние достижения. Каждый раз вокруг да около.

— Прежде всего хочу отметить отрицательный рост развития экономики. Прямо и со всей откровенностью скажем: был спад, а сейчас нулевой. Кхе-кхе!.. Мы видим, что некоторые страны расширяют зоны своего влияния. И мы тоже расширяем согласно доктринальным документам. Руководствуясь прежде всего, прямо скажем... кхе-кхе!.. своими интересами. Мы всё это видим и с нашими партнёрами, прежде всего с нашими друзьями, ведём себя взвешенно и спокойно. И укрепляем экономическую безопасность и суверенность во имя процветания нашей родины и благосостояния народа! Никакая трудность не сгибает нас! Кхе-кхе!.. Мы должны отражать наше целеполагание перед обществом и государством, перед нашим народом, перед нашими людьми. Наша руководящая работа требует глубоких знаний, её точности, организованности и в немалой степени деликатности к пожеланиям, требованиям и претензиям наших людей. Что касается действий государства, мы будем и впредь в процессе развития быть внимательными...

Первая леди была ещё недурна собой, но уже не дура. Обращения к народу муженька-президента вызывали у неё оторопь. Уходя в будуар, она крутила пальчиком у виска. Алик порет чушь, чушь визжит и извивается. Да, ничтожества правят миром. Спросили опечаленные люди Господа: «Боже, кого Ты нам послал!» Ответил Господь: «Искал хуже, но не нашёл».

Она в его дела не вмешивалась. Супружеский долг исполняла по мере надобности супруга. При погружении в государственные дела эти потребности мельчали. В холодности супруга корила себя: недостаточно соблазнительна. И решила раззадорить: пофигуряла перед ним в пеньюаре, подаренном самой Катрин Денёв. Подобный искус ничего не разжёт, и она растелешилась, как певица Мадонна. Однако он пробубнил:

— Дела! Вкальваю в режиме 24/7.

И удалился в кабинет. Заколыбелил себя в кресле-качалке и захрапел. Такой вот режим 24/7! Водились за ним и другие странности. Терпеть не мог блюда с зелёным горошком. Пользовался личной посудой,

термосом. Всё чего-то опасался, жил с оглядкой. Избегал рукопожатий: из-за брезгливости к чужим рукам, из-за потливости свое руки, из-за её особенности — указующий перст больше смахивал на мизинец. Подчас он впадал в оцепенение, щипал и без того вислый нос, промаргивался, тряс головой, будто стряхивал наваждение. Очумело озирался вокруг, всё ещё не веря в своё президентство. Вперивался в супругу, словно не узнавая, вздыхал:

— Тяжела шапка Мономаха!

Словоблудие Алика удручало народ. Не по Сеньке шапка. Не в свои сани не садись! Не зная броду, не суйся в воду! Речист — на руку не чист... Человек не на своём месте вреден и опасен! С угодливых телеэкранов неслись его победные реляции:

— По моему поручению в посёлке Кондюрино Ямало-Немецкого автономного округа возведена птицефабрика на три тысячи несушек с высокой яйценоскостью с занятостью в количестве пятьдесят рабочих мест. Жители Крайнего Севера будут обеспечены высокосортными яйцами!

Конечно же господин президент оговорился, надо бы: Ямало-Немецкого... Кино и немцы!

— По моему поручению на трассе М заменено дорожное покрытие протяжённостью сто км с использованием новейших технологий, обеспечивающих износостойкость без ремонта в течение десяти лет.

Запомню, что предыдущее дорожное покрытие по новейшим технологиям раскрошилось, не протянуло и года.

— По моему поручению возведён низководный мост в заливе Седанка Приморского края с использованием последних достижений мостостроительной техники.

Порученцы отхватили немалый куш, отслюнив благодетелю положенные проценты. Пригласили его на разрезание ленточки. Скорища охранной силы окружили место исторического события. Строители благодарили дорогого Альберта Михайловича за поддержку и норовили по-рабочему, по-простому поручковаться с ним. Но его брезгливая рука ловко уворачивалась от посягательств.

Мост был построен рядом, параллельно с автотрассой. Самсонов пожурил получателя тендера за такое совпадение. Тот нагло усьмехнулся:

— Маслом кашу не испортишь!

— Да-да! — согласно кивнул президент. — Не помешает, туристов возить будете. Запас карман не тянет.

Запасы его карман не тянули. Поживился изрядно. Декларация о его доходах не отличалась от подобных сочинений губернских чиновников. Однако его мощно вспухла от миллиардов.

— С сильными мира сего можно разговаривать только на равных! — оправдывал он свою клептоманию.

Страшный зверь — жаба! Придушила всю верхушку. Мера — вышний дар богов. А тут упыри!.. Взрастившие куклёнка, знали его как облупленного, всю подноготную, презирали его и страну. Вконец оглупляя его, дефективного, навеличивали эффективным менеджером великого государства. Под началом мошиаха-мессии колонизаторы собирались расчленить страну на колонии. Распадётся непокорная, и весь мир падёт перед ними на колени. Они, избранные, — без пяти минут властители мира!

После бугая Алик смотрелся благоуханным цветком. И вот увиделась иезуитская изнанка происходящего. Изуверская, сатанинская многоходовочка. Серые начинают и выигрывают.

— Страна поднимается с колен! — торжественно вещал он.

А она садилась на задницу. Жизнь в стране встала на паузу. Сам — сон, и страна погрузилась в летаргический сон. Гулкой побудкой вырывались из подземного перехода частушки под гармошку лихого мужика:

Эх, мать-перемать,
Суцая безделица!
Наш гарант, отец родной,
Лишь мычит, не телится!

Не горюй, жена Алёна,
Живы будем — не помрём!
Подрастёт трава зелёна,
На подножный корм пойдём!

Станет Алик баней править —
Лопнет баня, как пузырь.
Не пора ль тебя отправить
В Колыму, плешивый хмырь?..

Полиционеры лишь ухмылялись и не трогали правдоруба. Знать, чужды блюстители брожение в верхушке. Подспудно созревали гроздья гнева. МХАТ поставил «Грозу». Смятение и трагизм души Катерины

сердечной болью выразила (кто бы мог ожидать!) первая леди. Она вспомнила родное приволжское сельцо и проникновенные стихи:

И болотце, и кочки, и жёлтая рань,
И шиповник, напыженный перед листом,
И в раскрытых окошках с котами герань —
Всё окутано дымным весенним родством...

Дали отчие, неоглядные... Зачем покинула родной дом?.. Стук монотонный колёс, «дрожащие огни печальных деревень...» Сердце на разрыв!.. Гигантская бурлящая масса вокзала. Симпатичная провинциалочка с бедным чемоданчиком пугливо озирается: куда идти? Вот-вот вселенная города поглотит пришлицу... Обходительные молодые люди увлекают её в чудесный мир... И капкан! Золотая клетка. Однако прельщали многие соблазны. Из заслуженной после «Грозы» взлетела до народной. По праву! Расчувствовала зрителя до слёз. Из родных мест подалась когда-то в артистки. И вот сбыча мечт! Актриса. Народная. Без сцены, без ролей. Содержанка, наложница. Особо охраняемая особа, а играть охота! А в телеке, куда ни глянь, везде артисты. Самые главные в стране, напрочь оторванные от народа, а учат людей жизни. Только о них, кумирах, и судачат: разводы, делёжка наследства. Экс-возлюбленная Макаревича выписалась из больницы. Великое историческое событие, наиважнейшее для страны! На каждый чих какой-нибудь артисточки миллионы окультуренных возбуждаются в сетях. Лезут лицедеи в депутаты, благотворительные фонды, возглавляют придуманные ими фестивали, проводят развлекательные шоу, заседают в бесчисленных жюри. Важничают в жюри познавательных конкурсов, не различая страуса от Штрауса. Везде они, они, они... Не страна — сплошная развлекаловка.

Вернулся на родину мудрец. Изгнанника встречали города и веси. Надеялся обратиться слово о прожитом и насущном к народу. По телеку пару раз высказался, и его отлучили за резкие суждения от аудитории. Не угоден. Не угодны «инженеры человеческих душ». Писатели — совесть народа. Прежде их уважали и почитали. Честный труд писателей оценивался достойно, засчитывался рабочий стаж. При переполненных залах проводились литературные творческие встречи. Миллионные тиражи честных и правдивых книг о труде, войне, о простом человеке не залёживались на книжных прилавках. Безродные, бездуховные сущности вырубали топором из реестра профессий великое слово «писатель». Закрываются писательские союзы, литературные журналы. Сухо-

веи на писательской ниве. Скоро некому будет сеять «разумное, доброе, вечное». Зато разношёрстные театрики, даже собские, оставив от Уильяма нашего Шекспира рожки да ножки, самовыражаются в похабщине, присосавшись к госказне. Страна, которую заполняют скоморохи, тяжко заболевает. Первенствует в упряжке с ними телезвездун Альберт Михайлович Самсонов. Говорящая голова. Дурак умён, пока молчит. Разговорился. Мозгов не видно, но когда их не хватает — заметно. На подмогу ринулись астрологи, нумерологи, тарокартёжники, шаманы и прочие колдуны и нострадамусы. Досужие придворные оккультисты выписали из амазонских джунглей верховного жреца, коему поклонялся Кастанеда. Хранитель магической силы майя и ацтеков, в бизоньем пончо, с черепом койота на косматой голове, с ожерельем из клыков саблезубого тигра, выглядел зловеще. Изрядно утратил с трепетом внимающего ему. Но амазонец наобещал долголетия, успешного правления и здоровья, простудно швыряя носом (смена климата).

Чрезвычайно ободрённый светлым будущим, Алик внял просьбам жены. В Большом давали «Евгения Онегина». Она повела благоверного в театр.

«Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну...» — признавался Грёмин. В правительственной ложе Алик попервости держал президентский фасон. Но вот вздремнул, всхрапнул. Сказалась государственная нагрузка, усталость. Его леди, оскорблённая в своих высоких эстетических чувствах, выскользнула из театра. И отдалась в лимузине охраннику-шофёру. С тайным вожделением тот прежде не смел даже взглянуть на неё.

В горячке вбежала в покои. Как гадко, дрянь, шлюха, дрянь, дрянь, она дрянь, он дрянь, все дрянь!.. На дрожащую ладонь высыпала упаковку снотворного, запила коньяком. В изящной предсмертной позе артистически раскинулась на диване: пусть любуются следаки. Не Алик же!..

Мир о её кончине не услышал. Она была никто и звали её никак.

Знаковым прорывом, по поручению президента, в судостроении стал спуск на воду речного трамвайчика на электрической тяге... Реглан с подшитыми плечиками, грудь колесом, отрепетированный строевой шаг. Нахмуренные, брови, поджатые губы. Держите меня четверо! В окружении синегалстучников из скаутского отряда (в недавнем прошлом пионерского) президент отправился в плавание под звуки марша «Прощание славянки», помахивая ручкой безмолвным, каменным берегам. Его отеческая забота о промышленности транслировалась во всех

СМИ. Он и не слыховал о заповеди древних: хорош тот правитель, которого не видно и не слышно, а страна процветает. Такой правитель молится Богу и народу, ибо всё, что он имеет, дано Богом и народом. Неудержный культ безличности неизбежно привёл к тому, что Алик обрыдл. Однако «Хлестакова» понесло. Один егэшник написал в сочинении: «Садясь в бричку, Хлестаков крикнул кучеру: «Гони, голубчик, в аэропорт!» Он решил поддержать автопром, выпустивший «Ладу — Малину», аж наполовину собранную из отечественных комплектующих. Составил план тыщакилометрового автопробега. С увлечением рисуя сие путешествие, вдруг обнаружил на своём рабочем столе книжку, сказку Гофмана «Крошка Цахес». Он с досадой отбросил её: ему было не до сказок, он жил полнокровной, реальной жизнью страны.

Крошка Цахес... Все заслуги достойнейших приписывались ему, а его пороки приписывались другим. Смятение в народе росло. Злая магия раскрылась. Все увидели подлинную отталкивающую сущность оборотня. В дикой злобе и ужасе бежал он в свой роскошный дворец, спрятался в огромной вазе и там задохнулся. Сказка ложь, да в ней намёк. Это был знак.

Трассу вычистили до малейшей пылинки. Каждый придорожный куст ищейки обшарили, обнюхали. Птица не пролетит! Срубили деревья с пышной кроной, где мог притаиться враг. Некоторые оставили для кукушек-снайперов. Барражировали вертолёты. Звучало «Прощание славянки». Километровая процессия двинулась в путь. Свора холуёв в лимузинах, многочисленная охрана, СМИ, обслуга — пышный кортеж! Царская прихоть дорого обошлась казне. На деньги, затраченные на эту придурь, можно было построить благоустроенный посёлок.

Сам порулил «Ладой — Малиной». Лучший друг автопрома! Газанул, по-шумахерски оторвался от пелетона-планктона. Так спешил на встречу с народом!

Захудалый пгт цементного завода несуразно вклинился в трассу в конце великого пути. Службисты наскоро собрали на перекрёстке для встречи любимого президента местный люд. Вылез из своей нарядной, «пряничной» игрушки, похлопал её:

— Хороша машинка!

Спohватился, вспомнил про протокол, вытянулся во фронт перед «встречающими», как на параде:

— Здравствуйте, товарищи!

— Тамбовский волк тебе товарищ! — буркнул себе под нос запылённый цементом мужичок.

Президент не расслышал и неопределённо протянул:

— Да-а...

— Нечего сказать, и «да» хорошо, — усмехнулась женщина с натруженными руками.

Растерялся президент, подошёл к малышу:

— Тебя как звать?

— Володя.

— Молодец, Володя!

— Молодец, потому что Володя? — спросил мальчик. И видя растерянность дяденьки, осведомился: — А вы где будете встречать ёлку?

— Какая тебе разница, где я буду на ёлке? — раздражился тот. — Лишь бы ты учился хорошо!

— А я ещё в школу не хожу.

— Во достал!.. — отмахнулся от надоедливого пацана Самсонов.

— Моя твоя не понимай! — съязвил кто-то из толпы.

— Достали!

— Это ты всех достал!

Он беспомощно заозирался. Его свита еле ползла вдали. Перед ней внезапно выросла ВАИ. «Планктон» возмущённо загалдел, сбродно забазарил. Армейские гаишники резко повернули сборище вспять. Самсонов хотел было вернуться в свою игрушку, но к нему вплотную подъехал тонированный, бронированный ЗИЛ. Двое в штатском затолкали в него скукоженного президента. «Броненосец» с рёвом рванул к вертолёту, севшему поодаль на пустыре.

— Похоже, Алика обнулили! — удовлетворённо произнёс заводчанин, стряхнув с себя цементную пыль.

— Наконец-то! — облегчённо вздохнула женщина с натруженными руками.

Собравшихся охватило радостное волнение:

— Есть ещё в стране здоровые силы!

— Не перевелись ещё герои на Руси!..

На эковской тумбочке лежала не тетрадка, а давешняя книжонка, сказка Гофмана «Крошка Цахес». Только теперь название её вызвало ярость. Он схватил книжонку и швырнул её, растрёпанную, в зарешёченное окошко. В испуге стал трясти решётку, пытаясь вырваться наружу. Не догадался даже толкнуть дверь. Снаружи подле неё стояла лопата, мешок с картошкой, удочка. Вполне можно прокормиться.

СКАЗАНИЕ О КУДЕЯРЕ

До приёма в пионеры его и не замечали. Да и принимать не думали. Серый мышонок. Себе на уме. В мероприятиях и в жизни школы не участвовал. По школам объявили месячник по сбору металлолома. Школота рыщет в поисках железяк, хочет отличиться, выбиться в ударники, помочь родной металлургии. А этот ханурик книжки почитывает, даже взрослые, толстые, не по программе. И всё-таки приняли. А как же, книгочей, начитанный! Ряды пионерии не должны таких сторониться, а вовлекать в свои планы!

После вступления Союз точно подменили. Куда делась «книжная» сутулость? Взорлился! Александр Созинов! Прямая пионерская чёлка, честный взгляд, блестящий шёлковый кумач галстука. «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного». Как повяжешь... Закавыка! Новоявленная пионерия маялась с завязыванием. Многие не могли заплетать правильный галстучный узел. Неумёхам помогал Созинов. Саша-пионер — всем ребятам пример! В звеньевые выбрали!

Детвора любила всенародные выборы. Избирательный участок устраивался в школе. В спортивном зале обустраивали всё для голосования: кабинки, урны, знамёна. На посту для отдания чести стояли пионеры. Учителя сидели за «алфавитными» столами со списками избирателей. Работал буфет. В актовом зале показывали «Новости дня», мультфильмы, сменялись концертные бригады. Из уличного репродуктора неслись бравые марши, духоподъёмные песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», «Жила бы страна родная, и нету других забот!...»

В этот раз волеизъявление предвиделось чрезвычайно массовым. Дополнительный избирательный участок оборудовали в пожарной части. Здесь не было ни буфета, ни мультиков. Только горланил на весь квартал динамик одну и ту же музыку. На этот участок отрядили звено Созинова.

В самую рань пришаркала первая избирательница, бессонная старушка. Первым всеобщее внимание и почёт! Даже сфоткают и в газете напечатают.

Пост № 1 с волнением ждал её, первооткрывательницу народного голосования. Дрожащей рукой она засунула бюллетень в щель урны. Пунцовый, торжественный, Созинов вознёс руку в честь проголосовавшей. Повалило раннее старичье. Он отдавал честь, приглаживал чёлку, поправлял пионерский значок, сбившийся галстук. И вновь салютовал.

В красном уголке пожарников становилось душновато. За час Саша изрядно намахался. Вспотел, подустал. С опозданием на полчаса прибежал сменщик Вовка Ковалёв. Запыхавшийся, затараторил:

— Санёк, не в службу, а в дружбу. У меня шахматный турнир, разряд могу получить! Пстой за меня!

Созинов мрачно кивнул. Рыжий вредина умотал. Его сменщица Ирка Козлова тоже заканючила, что у неё велогонка.

— Да снег ещё!.. — удивился Созинов.

— Да ну тебя! — отмахнулась Ирка, и увистала, Коза!

Пионеры!.. Созинов обессиленно опустил на корточки. Над ним гаркнул пожарный начальник, секретарь избиркома:

— Что за безобразие?!.. Пост номер один — и такое разгильдяйство!

Саша вскочил, вытянулся в струнку и отдал честь:

— Всегда готов!

— То-то же! Молодца! — похвалил начальник. — Так держать!

У Саши подкосились ноги, потемнело в глазах...

Потыкали в нос нашатырь, сунули в рот валидол, отпоили водой, подсластили «Дюшесом». Оклемался обморочный. Отпустили домой. Срочно вызвали пионервожатую. Заступила вместо Созинова. В полупрозрачной блузке с люрексом; шёлковый красный галстук, возлежащий на пышной груди. Любо-дорого посмотреть! Особенно при взмахе рукой, при салюте!..

Слухи о случившемся на избирательном участке поползли было по городу. Но газета «Стахановец» пресекла досужие поползновения. Поместила фотографию пионера-ленинца Саши Созинова, салютующего почтенной избирательнице, ветерану войны и труда Вере Григорьевне Климовой. Попутно газета сообщила о стопроцентной явке. Народ и партия — едины!

Завистников у прославленного «часового» прибавилось: размазня, не выдержал испытания, пятно на всю школу! Он и сам себя корил: вот Володя Дубинин бы выдержал! И Валя Котик, и Зина Портнова. И другие пионеры-герои! А он — слабак! Попросил, чтобы исключили из звеньевых. Исключили. Но в пионерах оставили.

Саша ещё переживал «избирательную» эпопею, как подкралась другая. Стали пропадать тетрадки, учебники, пропал дневник. Созинов числился в хорошистах и не шибко жалел о тетрадях и дневнике. А вот учебники достались с трудом. В книжном магазине их расхватавали блатники. В середине августа на склад книготоргового объединения

госиздательств поступила большая партия учебников. Когиз находился на окраине города. Ответственная школьня с утра пораньше поспешила занять очередь. Головокружительно пахнувшие свежей типографской краской новенькие учебники Сашка листал-перелистывал, особенно «Родную речь». Повезло, отхватил последний экземпляр. А вот «Живой природы» не досталось. Выручил Колян, перешедший в пятый. Его младшему братишке отдал «Неживую природу» для третьего класса, в хорошей сохранности. На обложке камни, как живые. Но почему-то учебник — «Неживая природа»? А вот свой учебник Колька поистерпал, заляпал чернилами, разрисовал похабно. На бесполом скелете изобразил детородный орган. А у многих и такой «Живой природы» не было. И кто-то «увёл». Не соседка же по парте Читеева? Сидеть рядом — и воровать?.. И всё же спросил:

— Ты ничего у меня не брала?

Та возмущённо округлила глаза и выдала себя:

— Я... не я!..

Он не мог поверить, глядя ей прямо в глаза, проговорил:

— Ты... не ты.

Глазки у неё забегали, она заозиралась, как бы ища подмогу. И «помощь» подоспела. Сзади на четвёртой парте сидели Козлова и Ковалёв. Ира вскочила:

— Чита — воровка!

Вскочил и Володя:

— А ты, Созя, лопух! Она у тебя тырит и тырит! Чита, вытряхивай из портфеля краденое!

Та набучилась и прижала портфель к себе. Класс загалдел:

— Чита — воровка!..

Прозвенел звонок на урок. Вошла учительница:

— Здравствуйте! Садитесь!

А Чита стояла, не выпуская портфель из рук.

— Что случилось? — спросила учительница.

— Вон она... — не договорил Созинов и кивнул на соседку.

— Глафира Михайловна, а Читеева — воровка! — разом выкрикнули Козлова и Ковалёв.

Набожная бабка, заглянув в церковные святцы, назвала внучку в честь христианской великомученицы IV века Глафиры. В детстве девочку звали по-разному: Глаша, Гланя, Граня, Фира. Имя своё ей не нравилось; мнилось, что и школьникам тоже. Забыла бабушкину мудрость: человек красен не именем, а делом. И впрямь, местный забивной футболист Вшивцев — любимец города! Однако изменила «небла-

гозвучную» Глафиру в «утончённую» Глафирию. Такую тонкость грубая школоты не понимает.

— Глафирия Михайловна! — поднялся Ковалёв. — Мы сами видели, как Чита... Читеева воровала у Созинова.

— Вон как!.. — вскинула обшипанные до «ниточек» бровки учительница.

Бледное, сухое лицо её расплылось в улыбке: довольная, потёрла ладони в предвкушении расследования: — Разберёмся!.. — воздела палец кверху: — Презумпция невиновности! — выразилась на непонятном юридическом языке и, не разобравшись, укорила Созинова: — Опять наш герой!.. Будто он был виноват.

Засидевшаяся в девках старлетка, худосочная, тяготилась своей работой. Большинство учеников, по её мнению, были тупицами. И вот серая жизнёнка украсилась настоящим расследованием!

— Разберёмся! — по-судейски повторила она.

Класс одобрительно загудел. Вместо ариши Глафира учинила разборку. Села за учительский стол:

— Созинов, Читеева, ко мне с портфелями!

Те подошли. Из тощего созиновского портфеля Глафира вытряхнула скудное содержимое, из пухлого читеевского вывалила целую кучу. Из неё взяла «Родную речь», подняла, показывая классу:

— Перед вами новенький учебник. Сейчас мы определим, кому он принадлежит. Я вас учила писать свои фамилии на титульном листе.

Открыла учебник — титульный лист был вырван.

— Галя, ты вырвала?

Чита замотала головой:

— Его не было!

— Чей учебник?

— Созинов дал.

— Врёт она! — надулся Саша. — Не давал я. Я за «Родной речью» очередь в когизе выстоял. А она... Вы что, не видите?..

— Ты мне ещё указывать будешь! — начала злиться Глафира. — И это твой? — она взяла «Живую природу». — Потрёпанный, залапанный! Как не стыдно?

— В когизе не было. Мне Коля Левченко из пятого дал.

— А как докажешь?

— Колька скелет дорисовал.

Учителька открыла страницу с «живописным» скелетом, скривилась:

— Фи! Безобразие! Та-ак, учебники, значит, твои, Созинов. А теперь разберёмся с тетрадями. Вот видишь: «Тетрадь по грамматике ученицы 4 б класса Читеевой Галины». Все видите, ребята?

— Она обложку сменила! — выкрикнул Слава Лапенко.

Чита погрозила разоблачителю кулаком.

— Ещё и грозитя, воровка! — захохотал на задней парте второгодник-«камчадал» Скалкин.

— Вот наглая! — поддержали Скалу многие.

— Тихо! — прикрикнула на расшумевшийся класс Глафира. — Проведём анализ почерковедения. Оба к доске!

Меловой линией разделила доску и начала диктовать вчерашнее изложение:

— «Утром мы пошли в весенний лес. Снег на поляне уже растаял. Мы нашли подснежники. Принесли цветы в класс. Поместили в вазу с водой. Скоро Восьмое марта: хороший подарок нашей дорогой учительнице!»

Тонкий намёк на толстые обстоятельства. Конечно, никто ни в какой лес не пойдёт. Но девочки догадаются, сходят на базар и купят тюльпаны и гвоздики. В прошлый Международный женский день тоже были цветы и подарки. Галочка отличилась, любимые духи «Кармен» преподнесла. И как угадала утончённый вкус?.. А Созинов книгой отделался, «Педагогической поэмой». Макаренкой вздумал учить, умник! Даже Скалкин подарил пудру. Девочки обожают свою Глафирию Михайловну, но напомнить надо! Она улыбнулась от такого тонкого воспитательного хода и намёка. И пустила «почерковедческую» тетрадь по рядам. Класс заволновался, сличая почерки. Испытуемые стояли у своих «изложений»: Созинов, уверенный в своей правоте; Чита с кислой миной. Глафира же цвела и пахла. Вынула из ящика стола пакетик с зёрнышками сен-сена. Забросила сен-сен в рот, пожевала. Приторно-сладкие выхлопы ударили по партам. Жуя корейский освежитель рта, отключилась, опершись на подоконник, глядя в окно. Какая удачная педагогическая находка: весь класс вовлечён в поиск справедливости! Подошла к доске:

— Галя, у тебя в тетрадке ни одной ошибки. А здесь целых четыре : весений, рас таял, под снежники, клас. Переволновалась?..

— У неё почерк совсем другой. Все скажут! — возразил Ковалёв.

— Да! Да!.. — подтвердил класс.

— Хорошо, вот мы все дружно достигли истинного положения.

— Целый час достигали, — проворчал ершистый Лапа. — Сразу было видно кто есть кто.

— Созинов никогда не врёт! — разом проговорили Козлова и Ковалёв.

— Хорошо! — умиротворяюще проворковала Глафира. — Надеюсь, Галя, это не повторится. Ты справишься и будешь примерной пионеркой! У тебя такая хорошая «читающая» фамилия!

Чита, охорашиваясь, поправила раскосмаченные волосы, одёрнула фартук, повела с гордецей плечиком: точно её оправдали, будто она ни в чём не виновата.

Недоумевая, не понимая произошедшее, Саша раскрыл в кулаке мел. Вышел из класса.

Саша отцу ничего не сказал, но слух о судилище дошёл до него. Потомственный металлург, член родительского комитета школы не стал поднимать бучу. Попросил директора перевести сына в параллельный класс. Он лично знал классную руководительницу 4а Марию Ивановну. Плечом к плечу стояли они при награждении в Кремлёвском зале. Сам Никита Сергеевич вручал награды. Заслуженному металлургу Созинову — орден Ленина. Заслуженной учительнице Ермаковой — орден Трудового Красного Знамени. Таким ранжиром он не был доволен. Мария Ивановна растит кадры для будущих поколений и вносит гораздо более весомый вклад в развитие страны. Он готов был поменяться наградами. Но высказать своё мнение вождю не посмел.

В новом классе Саша прижился быстро. У бабы Маши не было любимчиков, все — любимые. У некоторых были неладные семьи, пьющие, и детки маялись. Вязались за своей бабой Машей, как цыплятки.

В конце учебного года выпускников 4а баба Маша осчастливила. В этот классный час Мария Ивановна выглядела молодежаво: белая кофточка, синяя юбка, на груди яркий орден.

— День прошёл, чему вы научились? — каждый раз спрашивала я в конце последнего урока. И вы задумывались. Ваша память восстанавливала даже трудно усваиваемое. И вы двигались вперёд. Троечники в хорошисты, ударники в отличники. И вот теперь я спрашиваю: прошло четыре года, чему вы научились? И вижу по вашим глазам: многому, доброму и полезному! И ваша баба Маша говорит вам спасибо за то, что слушали меня, внимали моим советам, за понимание и отзывчивость. Мне было легко с вами, по-весеннему радостно. Спасибо, мои родные!

По-матерински добрые глаза старой учительницы увлажнились. Девочки чуть не прослезились.

— Это вам спасибо, Марь Иванна! — кинулся к ней Даня Данилов и обнял её.

Даун с лупато-раскосыми глазами, с очаровательной детской улыбкой, голубиная душа, был любимцем класса. Учительница ласково отстранила его, вынула из ящика стола шкатулку.

— Вот здесь все мои любимые ученики. Даня, открой шкатулку, посмотри!

В ней лежало зеркало. Увидев себя, любимого ученика, Даня снова принялся обнимать учительницу. Ученики сгрудились около шкатулки. Все, все любимые для родной бабы Маши, для любимой Марь Ивановны! И Саша Созинов тоже.

В районе открыли новую школу. На холме высилась бело-голубая красавица. Храм просвещения! Из соседних переполненных школ учащиеся заполнили новую. «Новосёлы» робко обживали свой второй дом. Вдыхали малярные запахи покраски, побелки; плотницкие — дресвы. Восхищались простором и чистотой, светлыми классами с цветами на подоконниках и в кашпо. Не парты грубые, деревянные, доисторические, а современные столики и стулья. Оборудованные кабинеты физики, химии, биологии, русского языка и литературы с портретами выдающихся учёных и писателей. Слесарная и столярная учебные мастерские с верстаками, токарными и сверлильными станками. Умелые руки записались к столяру-трудовику в «деревянную секцию». Учебка для рукодельниц со швейными машинками. Сердца всех мальчишек взорлили в необъятном спортивном зале с высокими окнами на четвёртом этаже.

Директриса, строгая и справедливая, следила за чистотой и порядком. При её появлении ералаш и беготня в коридорах затихали. После уроков дежурные в классах и кабинетах протирали столы и стулья, перевёрнутые стулья водружали на столы. Мыли полы, опрыскивали и поливали цветы. Закончив уборку, с удовлетворением взирали на свою работу, звали проверяющих, и те ставили оценки. Раздевалка называлась гардеробной, в неё тоже назначались дежурные от каждого класса. Они принимали и выдавали одежду и строго следили за наличием второй обуви. Школьники несли портфели и матерчатые мешочки с тапочками. Особо свирепствовали гардеробщики в непогоду. Чуть брызнул дождик, а второй обуви нет, отправляли за ней. Досталось и пятикласснику Созинову. Выдалось погожее утро, пренебрёг требованием гигиены и стерильности. Явился в школу без второй обуви, а уже накрапывал дождик. Не пустили. В кои веки опоздал на урок.

Ревностная блюстительница борьбы с антисанитарией директорша, строгая и справедливая, зачастую сама торчала в дверях школы. С нескрываемым удовольствием отправляла нерадивцев и грязнуль домой

за второй обувью. Множилось число опаздывающих на уроки и прогульчиков. Первыши забывали мешочки или заявлялись с пустыми. Плакали, девочки навзрыд. Сачки вообще отлынивали от уроков, ссылаясь на забывчивость по обувной части. Школьная врачиха выпускала разоблачительные листки. Красная жирная зигзагообразная стрела — а под ней список злостных нарушителей. Угодившие в «Молнию» чувствовали себя героями. Как же, их отметили на всю школу!

Строгая и справедливая придумала удачный воспитательно-педагогический ход. Ослушники, сопя, крехтя, развязывали шнурки на запачканных ботинках, и она с торжествующим видом вручала им большие бахилы! Бедолаги, как арестанты, шаркали по школе. Уныние и смех сопровождали бахильщиков. Как говорится, и смех и грех! Директорская методика оказалась успешной. Желающих попасть в бахилы становилось всё меньше.

Созинов преуспел в смекалке. Чтобы не позориться в бахилах, с обувным мешочком, складывал его в портфель и надевал калоши. Под надзирательным оком строгой и справедливой упаковывал их в мешочек. Не надо было расшнуровывать ботинки, снимать их. У находчивого Сози появились последователи. В ясную погоду тёпали в калошах «человечки в футлярах», не хватало только зонтиков.

Морока с бахилами, калошами, собственное чистоплюйство прискучили директрисе, и она позволила в сухую погоду не носить вторую обувь, лишь бы была в опрятном состоянии.

Учителям вменялось следить за внешним видом учеников: у девочек наглаженные фартуки, у мальчиков на брюках стрелки. Неряшливых, в мятых штанах с пузырями на коленках аккуратисты выставляли на позор в коридоре. Для мальчиков ввели форму, похожую на гимназическую царских времён. Фуражка с кокардой, гимнастёрка, ремень с бляхой. У тех, кто с достатком, голубоватый мундир из тонкого сукна. Форменки победнее — серые, из рыхловатой фланельки. Странно смотрелись пионерские галстуки на гимназических мундирах.

Зима склонила даже самых неусидчивых к усердию в учёбе и труде. В старой школе Глафирия занимала мальчишек на трудах вышиванием. Мулине, крестик простой и болгарский по канве, вышивка гладью. В новой школе на трудах слесари и столяры облачались в рабочие халаты. Зажимали в тиски втулки, орудовали напильниками: плоскими, круглыми, трёхгранными. Кернили, сверлили, нарезали метчиками, лерками, плашками резьбу на болты, гайки, измеряли кронциркулем, штангенциркулем. С шорохом скользили по доскам рубанки, фуганки. Курчавилась ароматная стружка! Зудели по-пчелиному ножовки, дву-

ручные пилы, визжала циркулярка... И вот первая скалка выточилась на токарном станке! Размахивая ею, носится по школе ударник столярного труда Александр Созинов. Даже строгая и справедливая похвалила за соблюдение техники безопасности. Пришла проверить работу столярного кружка, а кружковец в спецочках, в берете, фартуке точит изделие! После уроков и кружков мальчишки чистили напильники металлической щёткой, вытряхивали из рубанков стружку. Раскладывали инструменты по полкам, щётками из конского волоса «подметали» верстаки. Приводили рабочие места в порядок. Приятно постанывали натруженные руки в садинах и царапинах. Трудяги! Рабочий класс!

Изделия школьных мастеров красовались на выставке детского творчества. Кухонная утварь: разделочные доски, скалки, толкушки, лопатки, украшенные узорным выжиганием. Шкатулки, ларцы, полки, табуретки, детские стульчики...

После «деревянной секции» Саша успевал побить мячом и в баскетбольной. Допоздна гулко стучал баскет на четвёртом этаже школы.

«Люди-дети шалят в своих чувствах весною», — сказал поэт. А детки 5б расшалились вовсю. Шаловливые ручки мальчишек то и дело дёргали девочек за косички. Те лупасили озорников учебниками. Таким манером выражались симпатии к друг дружке. Театральные сцены между симпатиями вспыхивали во время урока какой-нибудь молоденькой практикантки из пединститута. Оскорблённая в своих преподавательских чувствах, та бежала за директором. Являлась сама! Гроза! Боязливо сжимались в комочки виновники, втягивали головы в плечи. С девизом времён народного голосования в пожарке: «Сам погибай, а товарища выручай!» штыком вставал спаситель Созинов:

— Это я во всём виноват!

— Ты — в угол! За сорванный урок класс будет наказан, после уроков стоять продолжительностью сорок пять минут! А вы продолжайте! — бросила директриса практикантке и царственно удалилась.

Послеурочное мучительное стояние терпели по-разному. Девочки с примерным поведением роптали, хныкали: они-то ни в чём не виноваты! Шалуны дерзко, демонстративно «спали» за столами.

— Высоко сижу. Далеко гляжу! — влетала строгая и справедливая и накидывала за нарушение режима с десятков минут.

Угловой громоотвод Созинов в своём законном месте наказания стойко выдерживал сроки, сказывался приобретённый опыт на выборах. Однажды в конце стояния ропот усилился до недовольства директоршей и Созей: нечего корчить из себя героя; виновных бы наказали,

а класс отпустили бы домой. Вдруг Даня Данилов подошёл к доске, взял мел и нарисовал аптечный символ: чашу и змею. Пояснил:

— Это директора кусает морозенку.

Грянул классный хор:

— Это директорша кушает мороженку!

И разразился хохот.

— Высоко сижу, далеко... — не договорила вбежавшая директриса.

Едва сдерживаемый прыснул смешок. Она уставилась на доску.

— Это вы кусаете морозенку, — простодушно объяснил Даня.

Рассвирепевшая героиня рисунка выволокла его автора из класса.

Намеревалась оформить дауна в психлечебницу. Но мать его занимала высокое должностное место в торговом ведомстве и слыла влиятельной особой. Даню отправили в старую школу.

Подвиг Данилова ещё более раскрепостил пятых бэков. Детские шалости с косичками канули в прошлое. Дерзновенные подкладывали кнопки не только обожаемому симпатиям, но и практиканткам. Те, вчерашние школьницы, с пониманием относились к таким проделкам и не бегали за директором. Их терпимость расстраивала бэков. Они жаждали горяченького. Пускали самолётики с записками, которые плавно опускались на учительский стол: «Валентина Петровна, у вас сегодня модное платье!», «Тамара Сергеевна, у вас причёска, как у Мирей Матье!» Адресаты бережно складывали послания в портфели, принимая их за хорошее расположение к себе класса.

Появилась географичка-практикантка с пузцом. Губастая, конопатая из-за беременности, раздражительная, мырристая. Доводили её жестоко: нечего беременных присылать! Подкладывали её на сиденье пластырь, и она с заляпухой на платье расхаживала между рядами, объясняя долги и широты, под хихиканье класса. А раз вообще приклеили к стулу скотчем... Страшный суд и расправа грозили бэкам! Опять штыком встал Созинов:

— Это я виноват!

— Хватит паясничать, Созинов! — процедила сквозь зубы директриса.

— Он всегда правду говорит! — послышалось с мест.

— Какая же это правда? Встаёт и врёт!

— Он честный врун!

— Во как?!.. Вон их класса, честный врун! Завтра с родителями придёшь!

Он помнил позорное судилище Глафирии в четвёртом классе. Вставал и брал вину на себя, чтобы подобное не повторилось. И ника-

ких расследований! Сам погибай, а товарищей выручай! Шалости, шкоды, проказы прекратились. Никакого интереса нет!

На «порку» Саша явился в школу с отцом. Глядя на орденосного родителя, директриса выдвинула странное обвинение:

— Покрывает Саша зачинщиков, всё берёт на себя! Честный чересчур, даже вызывающе! Он соучастник, а значит, и виновен! Взял вину на себя, а честнее было бы пресечь проказы товарищей.

— Честности много не бывает! — возразил Созинов-старший. — Разница между честным и нечестным в решимости. Решил быть честным — будь им! Спасибо, что пригласили! Обязательно проведу воспитательную беседу!

— Ты всё понял, Саша? — миролюбиво спросила директриса.

Тот бодро кивнул.

— Ну иди, пожалуйста, на урок!

После этой разборки Александр старался не лгать, подтверждая классное: Созинов никогда не врёт! Но нанёс себе рану, которая будет саднить всю жизнь. Жили они с достатком, купили ему велосипед. Самозабвенно гонял на нём. Попросил дружок покататься. Отказал: сам не накатался! Жаба задавила. Проверка на вшивость... Потом уж весь двор катался на его велике. Но боль не отпускала. Поделился с отцом, какой он негодник. Вспомнил тот, как Сашенька, малышок, однажды покаянно уткнулся ему в колени:

— Папа, я плохо подумал.

О чём таком подумал сынок, отец не стал расспрашивать, отвлёк его внимание сказкой про белого бычка. Посмеялись оба. И теперь отец, утешая сына, поинтересовался, как дела в школе.

Ах, школа! Учёба, задания, требования, дисциплина... Кто с охотой посещал школу?..

Биология бэкам поглянулась сразу. Их классная руководительница Клавдия Петровна оказалась классной биологиней. Как радушная хозяйка, с загадочной улыбкой поставила перед учениками закрытые ванночки. С торжествующим видом взмахнула рукой и велела открыть их. Слабонервные «бабы» завизжали, «мужики» захохотали. В формальдегиде покоились «инопланетные» существа — лягушки!

— И где вы столько квакушек наловили, Клавдия Петровна? — съехидничал Давид Блюменталь-Тамарин, он же Блюша, он же Додик.

Учительница не обиделась:

— Министерство образования и просвещения предоставило эти учебные пособия для детального изучения земноводных.

Росчерками мела на доске она изобразила схематичное земноводное, пунктиром крестообразно указала разрезы, как надо препарировать. Мальчишки вооружились скальпелями и принялись препарировать. Осмелели и менее страшливые девчонки. К распятым вспоротым лягухам подходила биологиня и указывала, где желудочек, сердечко, лёгкие... Отчаянная Женька Куликова настолько расхрабрилась, что излишне распотрошила своё учебное пособие. Внезапно лягушечья лапка задёргалась! Женька заверещала. Вместе с учительницей к ней сбежался весь класс. А ножка всё дёргалась и дёргалась, приводя в ужас девчонок и даже мальчишек.

— Ох, вот это да! — изумилась и Клава. — Сколько жизненной силы у природы!

Ученики загалдели:

— Она же выпрыгнуть может!

— Возьмёт и убежит!..

Клавдия Петровна успокаивающе подняла руку и с пафосом объявила:

— Мы, ребята, с вами стали свидетелями редкого научного явления! У этой особы сохранилась мышечная энергия. Женя надрезала сухожилие, и лапка конвульсивно задёргалась.

— И правда, особа! — пришла в себя «биологиня» Куликова. — Пряма царевна-лягушка, живучая какая, Василиса Прекрасная!

Городская ребятня, а вспомнила свои проделки на природе.

— Мы с пацанами у паука-сенокосца лапку выдернули, а она дёргается.

— А мы у саранчи отрывали, а она сокращается, как будто коса сено косит: коси, косиножка!

— А мы вообще лягушек через соломинку надували.

— Изверги! — возмутилась женская половина. — Лягушата такие миленькие!

— Вот бабьё, то от ужаса орали, то целоваться готовы!

— А мы у ящерок хвосты отрывали. Оторвёшь, а он снова вырастет, как голова у Змея Горыныча.

— Жалко их! — пискнула цаца Жанночка.

— Жалко у пчёлки в жопке! — отрубил груботня Кузя.

— Фу-у!.. — скривились оранжерейные фифочки.

— Я в деревне у бабушки был, — невозмутимо продолжил Кузя, — петуху голову отрубили, а он без головы по двору бегал!

— Какой ужас! — разом ахнули девчонки.

— Вот видите, ребята, сколько загадок у природы! — возвела па-
лец кверху Клава. — И мы их будем изучать!

Постигали тайны пернатых, их подражательные способности. Мно-
го смешного вспомнили про попугаев. Какаду Кеша обиделся, что его
назвали попкой, замыкал и произнёс:

— Я не попка, а кот Вася!

Другой попугай тоже обиделся:

— Я не попка, а орёл!

Чтобы воры не залазили, некоторые хозяева на заборах пишут:
«Во дворе злая собака!» Вместо такого обычного предупреждения один
хозяин написал: «Во дворе злой попугай!» Открыл любопытный прохо-
жий калитку, а попугай закричал:

— Джек, фас!

Посмеялись, Клавдия Петровна дополнила, что не только попугаи
так могут, но и скворцы. Поселился весной скворушка в скворечнике и
передразнивает домашнюю живность: лает, мяучит, мычит, хрюкает,
блеет, крикает, вкочет, гогочет, по-хозяйски ругается на скотинку.

— Ишь, малюсенький такой, а соображает! — удивился Додик.

— Да-да! — воссияла биологиня. — Варакушки, иволги точь-в-точь
копируют голоса своих лесных соседей.

Тётушка Клава вытянула шею, по-птичьи завертела головой, пре-
образилась в пернатую пересмешницу: с упоением тенькала, свистела,
свиристела, щёлкала соловьём. А когда закуковала, класс загибался от
смеха. Блюша, корчась, сполз под стол. А тётушка Клава не замечала
повального смеха и самозабвенно продолжала:

— Фыть-фыть!.. Цирлиу-цирлиу!.. Чьи вы? Чьи вы?..

Как могли не понравиться такие уроки!

На летние каникулы Клавдия Петровна обязала завести трудовые
книжки. Каждый должен отработать на пришкольном участке двадцать
часов. Сама она, садовница-огородница, с воодушевлением тяпала
грядки, поливала; прививала фруктовые деревья, стараясь вывести но-
вые сорта ранеток. В её трудах охотнее помогали девочки. Мальчиш-
кам лето предназначалось не с тяпками и секаторами. Воля вольная:
футбол, тарзанка на пруду... Спыхивались, стараясь за неделю до
начала учебного года отделаться от настырной Клавы. Иные, проведя
всё лето в пионерлагерях и у бабушек, приносили сказочно добытые
медицинские справки о нетрудоспособности. Всё это было шито белы-
ми нитками и вызывало презрение владельцев заполненных трудовых
книжек.

Эти же «нетрудоспособные», с «горячим» желанием вступив в комсомол, увильнули от весеннего комсомольского воскресника. За неделю до Первомая звонким апрельским утром у горкома ВЛКСМ собрались энтузиасты. Первый секретарь с баяном на крыльце с задором заводил песню за песней: «Комсомольцы-добровольцы, мы сильны своей верною дружбой!..», «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна!..», «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди!..»

Подъехала пара напояженных «икарусов». Комсомольский десант высадился у стройки будущего цементного завода. Предстояло освободить от мусора верхнюю площадку котлована. Разобрали орудия труда: носилки, лопаты, тачки, кайла, ломы. Страдающие боязнь высоты отшатнулись котлованной бездны. «Кратер» в поперечнике с половину футбольного поля, а на дне мураши-строители. Дух захватывает!.. «Беговая» дорожка для носилок и тачек по самой кромке бездны, которая может поглотить любого нерасторопного. Комсомольский вожак-закопёрщик долбил ломом бетонные лепёхи, руками укладывал глыбы в тачки. На носилках таскали щебень, битый кирпич. Вручную волочили мотки проволоки, арматурины.

Обычно смешливый Додик в «буче боевой, кипучей» растерялся. Долговязый, нескладный, неуклюже топтался, не зная, куда приткнуться. Он приходился внучатым племянником знаменитой актрисе Блюменталь-Тамариной, но таким родством не кичился. За это Созинов его уважал. Позвал Давида к себе в напарники носильщиком. С битым кирпичом они сделали пару кругов по кромке котлована, выдохлись, присели передохнуть. Загнанные, взопревшие, посмотрели друг на друга и признались, что оба страшались оступиться и сверзнуться в котлован. Но выдержали!

— Я на тебя, Саша, смотрел и держался! — похлопал по плечу Созинова Блюменталь.

— А я на тебя. Ты же музыкант, пианист, а пальцы не поберёг... «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди!..» — пропел Созинов.

И они потащились с гружёными носилками по краю пропасти.

Директриса, новатор народного образования, придумала провести в начале учебного года в 7б общее родительское собрание совместно с учениками. В президиуме за учительским столом едва уместились три дамы: строгая и справедливая, классная Клавдия Петровна и школьный врач с сообщением о профилактике дизентерии, гриппа и других осен-

них заболеваний. Отцов и детей рассадили порознь: ученики по трое за задними столами. Родители попарно впереди. Директриса встала, поправила шиньон и с пафосом заговорила:

— Товарищи, наш труд и учёба вносят вклад в укрепление мощи нашей Родины. Об этом надо помнить! Воодушевлённые успехами нашей страны борются за свои права докеры Ливерпуля. Растёт национально-освободительное движение в Африке во главе с товарищем Патрисом Лумумбой. Крепнет коммунистическое движение во всём мире, особенно в Америке. Ярким примером крепнущего коммунистического сознания является Анджела Дэвис. Посещая марксистский кружок, настольная книга её — «Манифест коммунистической партии». Возглавила международное движение против расовой дискриминации, за права угнетённых. Трудящиеся и трудовые коллективы нашей страны горячо поддерживают деятельность товарища Анджелы Дэвис. И мы присоединяемся к этому движению!.. Рада сообщить, хотя и задним числом, что наша школа награждена почётной грамотой горкома ВЛКСМ за ударный труд на комсомольском воскреснике на ударной стройке цемзавода! — и она с торжествующим видом показала грамоту собранию.

Сидевший с отсутствующим видом по уважительной причине, похмельный папаша Жени Куликовой очнулся:

— Моя Женька до сих пор трясётся от страха. Никакой техники безопасности! Даже леерные ограждения не поставили на краю котлована. Скажи, Жень!

Та захлопала носом, вновь переживая страхи четырёхмесячной давности. Директриса нервно захрустела, защёлкала суставами пальцев. Обличитель смягчился:

— Оно, конечно, дело понятное: комсомольсы-добровольцы, энтузиасты...исты, ответственные. Похвально!

На выручку директору подоспела биологиня, потрясла в воздухе кипой трудовых книжек:

— Вот здесь трудодни, заработанные на пришкольном участке! А иные филонили, не доработали, — она показала пачечку с филонами. — А другие вообще уклонились выполнять долг перед школой. Белоручки! Не буду пальцем указывать. У них, конечно, есть совесть, не сомневаюсь, но они её с собой не носят, боятся потерять. А есть достойные ребята, они трудились с честью, у них весомые трудодни с перевыполнением почасового плана. Это Куликова Женья, Тамарин Давид (она предпочитала вторую фамилию), Созинов Саша.

Куликов довольно хмыкнул. Отец Додика похлопал в ладоши. Чета Созиновых с умилением посмотрела на сына и слепилась плечиками, словно перед фотканием. Александр ни с того ни с сего встал как штык:

— Я хотел давно спросить взрослых: почему продают водку? От неё столько неприятностей и даже бедствий!

Вопрос ошеломил. Присутствующие замерли и взбудораженно зашумели.

— Опять за рыбу деньги! — возмутился Куликов. — Сколько раз говорено: без водки государственная казна недополучит!

— Да-да!.. — поддакнул Блюменталь-отец. — Политэкономии надо знать, молодой человек!

— Рано ему ещё! — возразил Созинов старший. — Её в институтах изучают.

Прокатилась разноголосица:

— Молодой, да ранний!

— А он всегда впереди паровоза бежит, этот Созинов!

— Экономист выискался!

— А ведь он прав! Бюджет эффективно можно пополнять за счёт расширения производства, увеличить выпуск тех же легковушек! А то очереди за ними годами!

— И на квартиры многодетные семьи годами стоят!

— Сложный разговор затеяли.

— Не говори, кума, одно расстройство, а на самом деле всё очень просто! Водка — враг! Её уничтожают и бюджет весомо пополняют! — не унимался Куликов.

— Водка — враг! Вылить её в овраг! — отчеканил комсомолец Созинов.

— Природу заражать?! — вскинулась школьная врачиха, прикрывая пальчиком ячмень под глазом.

Александр огрызнулся:

— А почему на двери вашего кабинета Айболит изображён? Он ведь ветеринар, зверей лечит.

Директриса постучала карандашом по столу:

— Что вы себе позволяете, товарищ комсомолец Созинов!

— Язык твой — враг твой, малыш! — изрёк Куликов. — Молчок — зубы на крючок!

— «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..» — продекламировал Александр. — Я своё мнение высказываю. А повсюду параграфы, циркуляры, формуляры.

— Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя! — назидательно произнесла строгая и справедливая. — Таков закон диалектического материализма!

— Да, бытие определяет сознание! — вставила своё слово Клавдия Петровна.

— А откуда взялось сознание? — поставил в тупик собрание Созинов.

— Что вы себе позволяете! — вознегодовала директриса и стукнула кулаком по столу. — Перевернули собрание в балаган!..

Родители учинили разборку:

— Опозорил ты нас, Саша! — скрестив руки на груди, горестно вздохнула мать.

— Тоже мне, Павлик Морозов! — усмехнулся отец. — Герой нашего времени!

Он с матерью, обсуждая собрание, уже опрокинули по стопочке. Зачастил последнее время орденоносец со стопариками. Из-за этой вины сник и награду не надевал. Горько шутил:

— Аристократически спиваюсь.

Мать, продавщица ликёро-водочного отдела гастронома, знала много презабавного о пьянчужках.

— Спрашиваю соседа сверху: «Вася, что вы так долго шумели, что у вас было?» — «Деньги!» — отвечает. — «Ты бы деньги лучше на одежду потратил, вон какой обтёрханный!» — Лыбится: «Здоровье дороже! Вон Петро, дружан мой, здоровье бегом решил укрепить и потратил здоровье на здоровье. Где он теперь? Улетел в иные сферы...»

— Бюджет Вася пополняет государству, — не отпускала экономическая тема Александра. — Вечно нарасшарагу едва ходит. Духманом от него разит, выхлопы наповал. Пьянство — вонь. Пьянство — вон!

— Шибко крут ты, Сашка! — грубовато осадил его отец. И учёно добавил: — Нигилист!.. Помнишь, ты, садишный, поделился, что плохо подумал? Не помнишь, о чём плохо подумал?

Тот задумался:

— Да, вспомнил. До сих пор не знаю ответа на тот детский вопрос: почему у дяденек сиськи?

— Да-а!.. Ну ты даёшь!.. — поскрёб затылок отец. — Эволюция...

— Хотел я этот вопрос биологине задать, да постеснялся. Задал другой: почему цыплёнок в яйце не задыхается?

Мать и отец погладили сына по голове, словно больного:

— Успокойся! А тебе это надо, сынок?

К удивлению всей школы, примерный ученик, подающий надежды, Александр Созинов не продолжил образование в восьмом классе, а поступил в горно-металлургический техникум на маркшейдера. Мать попричитала, что надо было получить среднее образование и поступить в институт. Отец же довольно похлопал сына по плечу:

— Я горновой, ты горняк. Династия, так сказать!

Ещё в четвёртом классе заядлого книгочeya Сашу Созинова заворожила повесть Арсеньева «Дерсу Узала». Загадочная дальневосточная тайга, исполинские кедры, субтропические джунгли, увитые лианами дикого винограда, лимонника, элеутерококка, тигры, леопарды... Гольд Дерсу разговаривал с тигром-амбой о добром, мирном соседстве...

В этот дикий край направился молодой горный мастер Александр Созинов. От Урала до Тихого океана на скором поезде «Россия» предстояло ехать пять суток. Попутчицей Александра, плацкартной соседкой оказалась молодая интересная. Славно коротали время, дулись в подкидного, гоняли чаи, любезничали. Она ему встретила, он ей попался. Совсем потерял голову, поскольку она не была «привинчена» амурным опытом. Подруга сказала геологом, ехала к месту работы на байкальской станции Листвянка. Стоянка здесь — одна минута. Он никак не мог расстаться со своей возлюбленной. Поезд устал ждать. Проводница с трудом затащила несчастного влюблённого в вагон. Открыл окно. Байкальский ветер ворвался, птицы задыхались от счастья, распевали голосисто. Фольга зари шелестела в лучах. Сопки вздыхали, укладывались горбато в свои постели... А он не мог уснуть. Казалось, так и доедет в сладостной бессоннице до Владика. Пятый раз взошло солнце из-за сопки.

Поездам летят навстречу
Океанские туманы.
Два тумана до конечной,
До любви же их немало...

Растревожил песней бард Александра. Приближался Владивосток. Вокзал-терем, булыжная мостовая... Старина. Геолого-разведочная экспедиция находилась недалеко от вокзала. Первым делом позвонил любимой.

— Что с возу упало, то пропало! — ударила «гантельная» телефонная трубка.

Ошеломлённый, пробормотал:

— С глаз долой — из сердца вон!

Тоска зелёная!.. Напросился нести маркшейдерскую службу в самой глухомани, в дебрях Сихотэ-Алиня.

«Аннушка» летела весело, ухая иногда в воздушные ямы. Замираю сердце, и Александру вспомнился оптимистичный стишок.

По воздушным волнам напрямик
Наша «Аннушка» бодро плывёт.
Нос мой сплюснут, к окошку прилип...
Представляю, как мне повезёт,
Если вдруг полечу с высоты.
Распластаюсь морскою звездой
И на мягкие шлёпнусь кусты.
Или в стог окунусь с головой,
Или, мокрый от зелени трав,
Я по склону горы кувырком
Полечу... Без каких-либо травм
Бодро встану и двину пешком!
Или прыгну на плотный туман,
Он подбросит меня, как батут,
И опустит на бархат полян,
Где одни амазонки живут!

А внизу расплескалась весна!
А внизу Сихотэ-Алинь...
Вздвогнув кожей, с воздушного дна
Мне в глаза посмотрел олень.

В июне 1787 года команды фрегатов «Буссоль» и «Астролябия» под командованием графа Жака Франсуа де Лаперуза высадились на берег уютной бухты в Японском море. Лаперуз назвал её в честь своего наставника адмирала Шарля де Тернея. Позже бухту Терней переименовали, ныне эта бухта Русская. Посёлок возник на месте высадки Лаперуза, сохранил название Терней.

Дневниковые записи Лаперуза с картографическими съёмками были доставлены консулом Франции в Петербурге к императорскому двору. Русские морские картографические экспедиции подробно описали побережье Приморья. Арсеньев с отрядом уссурийских казаков в начале двадцатого века провёл несколько изыскательных экспедиций, доказал пригодность этих земель для заселения. Три пушкаря, защищавшие кремль Нижнего Новгорода от кочевников, после участия в русско-

японской войне отважились поселиться на берегу реки Серебрянки, впадающей в Тихий океан. На рыболовных шхунах из Владивостока первопоселенцам доставили домашний скот, утварь, сельхозинвентарь. Они подружились с лесными людьми из рода орочей и основали поселение. Хунхузы разорjali стойбища аборигенов, изуверски истребляли их. Отряд Арсеньева нещадно боролся с бандитами. В этих схватках смекалка «лесного человека» Дерсу Узала не раз выручала казаков. После одного из таких боёв отряд Арсеньева остановился в Тернее. Староста Чжан Бао, китаец, ненавидевший хунхузов, не раз помогал Владимиру Клавдиевичу.

В 1910 году из Никольск-Уссурийского в Терней начали переселяться купчики, набившие карманы продажей опиума, китайской водки ханшина, пантов, женьшеня, пушнины. Такой барыга утешал должника:

— Долг платежом красен. Отдашь не целковыми, а соболями.

Тайга изобиловала пышным зверем, дичью, дикоросами. В устье Серебрянки водились лососёвые, сельдь, треска, форель. Тернейцы занимались охотой, рыбалкой, лесозаготовками. Засевали поля зерновыми, рожью, ячменём. Возделывали огороды.

Эти благодатные места с незапамятных времён привлекали древние племена. Они создали царство Бохай, которое славилось мореходством, вело бойкую торговлю с японскими островами. Недалеко от Тернея сохранились остатки спиралевидной крепости чжурчжэней. Защитники её по спирали спускали каменные снаряды-шары на врагов. Золотую империю чжурчжэней через три века процветания разграбил Чингисхан. Отомстил за своё детство, которое провёл здесь в плену. Потомки чжурчжэней, избежавшие расправы, нашли убежища в отрогах Сихотэ-Алиня, Берегового хребта: гольды, тазы, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы.

Отметившись в конторе геологической партии, Созинов снаряжился в поход. Сложил в рюкзак плащ-палатку для ночёвок, нехитрый провиант, измельчённые корни таволги, спасительные от гнуса. От озера Духовское проделал путь до реки Самарга, удивляясь оставшимся следам древних поселений: наконечники стрел, ножи, костяные гребни; китайские монеты, пришитые к кожаному поясу, — артефакты, ценные для местного краеведческого музея.

У лесной опушки у Самарги полакомился прошлогодними вялеными яблочками, ягодами боярышника, орешками фундука. По склону стал подниматься на гребень сопки. Заросли ивняка обрамляли ручьи,

стекающие в реку. Куртинки берёз и осинки перемежались с кленовыми кущами. Дубняк, низкорослый из-за солёных морских ветров, сменился на хвойник из ельника, сосняка, пихтача. Мощный кедрач венчал гребень сопки.

Стемнело. Тревожность зябко пробрала Александра. Наверняка его тропил тигр. Развёл костёр, порошком из корня таволги посыпал плащ-палатку, опрыскал муравьиной кислотой. Под кедровыми лапами, свисающими шатром, выстлал из травы постель. Закуклился в плащ-палатке и улёгся спать. Долго не мог уснуть, прислушиваясь к потрескиванию костра. Сучья перегорели, сквозь брезент слышались уханье филина, верещанье иволги, дикий хохот и вой тайги. Почувствовал утробное звериное дыхание. Тигр-преследователь у цели! От леденящего ужаса Александр сжался в комок. Недовольное фырканье и удаляющаяся поступь царя зверей. Невыносимые для гнуса запахи не понравились и тигру.

Сморило, страхи улеглись, уснул.

Утренние длинные тени от деревьев расплосовали небольшое плато. Среди них Александр различил и свою, необычайно стройную. Усмехнулся: считал себя неказистым. Птицы заливались samozабвенно. Перекрывая их пение, прочитал стишок:

Всё меньше себя мы надеждами тешим,
Всё меньше зовущих куда-то путей...
Но верим во что-то, глядя на тени,
Стройные тени толстых людей!

Ковырнул носком кирзача свою тень. Блеснул какой-то камень. Поднял — кусок антрацита со стальным блеском! Подхватил лежавший рядом горбыль и как сохой начал бороздить плато. Пронзительно чёрный уголь серебрился, как драгоценные камни. Маркшейдер попытался шагами измерить небывалое месторождение, но ему не было ни конца ни края! Пнёшь ногой землю — и антрацит высочайшей пробы!

Доложил о своём открытии начальнику геологической партии. Услышал за спиной злопыхательский шепоток:

— Выскочка!
— Ну и прыщ!
— Не успел появиться, а уже первооткрыватель!..

Вскрышные работы показали: горный кряж — несметные залежи антрацита с высокой теплоотдачей! Созиновский кряж, полный чёрного золота! Созинова выдвинули на соискание Государственной премии.

Великий дракон летел по небу и обронил золотые чешуйки на побережье Великого океана. И стала та земля его заповедной землёй, подобной райской. Благодатные муссоны ласкали лесистые сопки, увитые лианами винограда. Хрустальные ручьи звенели с горных хребтов в цветущие долины. Панцуй, корень жизни, рдел в тенистом пихтаче. Амба-тигр, царь зверей трубным гласом возвещал восхождение алой зари. Эхо незримой птицей летело над горными хребтами. Обетованная земля Дракона. Нога человека не ступала в её пределы. Печальная участь ждала тех, кто осмеливался назвать её своей. Исчезли с лица земли бохайцы и чжурчжэни. Жители Поднебесной, потомки Великого дракона, даже не смели взглянуть в сторону заповедной земли. Долина смерти, Терней, ждала осквернивших её. Французские фрегаты, побывавшие здесь, погибли. Так сказывал Чжан Бао, которому доверено было свисать защищать землю Дракона от хунхузов.

Созинова защищать от местного Хунхуза было некому. Хозяйчика здешних мест, рыжебородого директора лесхоза Шеменюка, окрестили Хунхузом. Из рода никольск-уссурийских купчиков, он был столь же нахрапист, как и его предки-барыги. «Одалживал» деляны чёрным лесорубам без всяких лицензий, зверовщикам, корневщикам и твердил:

— Долг платежом красен, вернёте должок соболями!

Среди высокопоставленных чинуш его поместье славилось хлебо-сольством. Купеческие загулы, сауна, ягодные наливки, настойки на женьшене и пантах, лосятина, крабы, лососёвые: нерка, кета, чавыча, кижуч. Заимка — царский терем! Неудержимо влекла столичных любителей царской охоты.

И вдруг царёк услышал, что в его владениях обнаружены залежи антрацита. И какой-то сопляк присвоил себе это открытие. Шеменюк ворвался в контору геологической партии, багровый от ярости, задыхаясь, начал бить себя в грудь:

— Да я!.. Да я!.. Да я давно открыл этот уголь! Только бумаги не оформил. У меня куча свидетелей! Меня на Государственную надо! Я достоин!.. А ваш ублюдочный выскочка перехватил моё достижение!

Задним числом ему оформили патент, и он подал в суд на вора, который подделал авторские права. Пол-Москвы подкупил Хунхуз соболями, чинодралов-импотентов пантами, женьшенем. На суде козырял заслугами в лесной отрасли, сыпал известными именами. Сам Акира Куросава предложил ему стать консультантом фильма «Дерсу Узала», и он подыскивает урочище для съёмок и готов подарить ему женьшеневую плантацию.

— Свою личную? — встрепенулся сонный адвокат Созинова.

— Нет-нет!.. — испугался доброхот. — От имени государства.

От имени государства Созинова отправили на зону отбывать срок — полтора года.

Удачно упавшая тень на кряже — и глухая тень колючего забора с «попками» на вышках. Сидельцы внушали: не верь, не бойся, не проси! Богобоязненный старец Кудеяр растолковывал по-своему:

— Верь только Господу. С верой не бойся ничего и проси милости Божией.

Сидел за разбой, впяли семилетку. Его прочили в авторитеты, а он неожиданно «перекрасился» из чёрного в белого. По внушению Божиему вспомнилась непростая судьба атамана Кудеяра. Сам старец из Кудеяровки Рязанской области. Старые люди сказывали о Кудеяре так: якобы он, Юрий Васильевич, приходился сродным братом Ивану Грозному. Служил опричником, бежал, собрал ватагу разбойников. Они грабили и убивали богатых, награбленное раздавали бедным. Слава о нём летела по всей Руси. Во многих местностях появились свои Кудеяры. В урочищах деревни назывались Кудеяровками. И вот отправился Кудеяр замаливать свои грехи в Соловецкий монастырь. По сю пору сохранилась на его могиле плита с надписью: «Инок Питирим. Бывший Кудеяр. Похоронен здесь».

Щербатый, фиксатый плешивец Кудеяр по фене ботал похлеще мастёвых паханов. Шаляпинским басом содрогал всю зону:

У разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.
Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабёж.
Странствует, молится, кается...
Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал...

У кромешных отморозков набожный вызывал звериную злобу. Но его не трогали. Он пребывал в необъяснимом коконе безопасности, как некий человек-заповедник. Он не метал бисер перед свиньями. Для душевных бесед допускал к себе измученных смятением. И Созинов внимал его спасительному слову.

— Как трудно быть самим собой. С самим собой так труден бой! — говаривал старец. — Разница между праведником и неправедником в

решимости. Среди горбатых стройность — уродство, среди грешных — праведность. Хочешь быть праведником — будь им! Решимость Господь поддержит. Господь знает вчерашнее, доверяй ему сегодняшнее, и Он поправит завтрашним.

Благодаря Кудеяру лагерные тяготы переживались Созиновым как судьба средней тяжести.

Отдушиной была лагерная библиотека. Заведовал ей крупный начальник, сидевший ни за что. На зоне почти все парились ни за что: без вины виноватые, униженные и оскорблённые. Руковод, непотопляемый, неприкасаемый, опрометчиво позволил себе не поделиться доходами с вышестоящим начальством. И залетел! Никак не мог примириться со своим положением, строчил ксивы о снятии судимости, об УДО за примерное поведение, об отмене приговора. Книжное море не остужало его горячее состояние, и он изливал ушаты желчи. Созинов, постоянный читатель, раздражал его.

— Вот ты не пьёшь, не куришь, значит, не следишь за событиями в стране. В Ильича-первого Каплан стрельнула. В Ильича-второго, Брежнева, офицер Ильин стрельнул. А тебе хоть бы хны!.. Вот у нас крупное месторождение угля открыли. Тоже событие! — библиотекарь похлопал по свежей газете «Труд».

Созинов взял её: «За открытие Тернейского угольного месторождения всесоюзного значения звание лауреатов Государственной премии присвоено...» Список лауреатов, естественно, возглавлял первый секретарь крайкома партии. Далее следовали академики, доктора наук. Замыкал список начальник геологической партии. Страна узнала своих героев. Шеменюк был выброшен за борт этой шаланды.

— Вот видишь, геологи открыли, а столько прилипал! — криво усмехнулся библиотекарь. — Учёные ищут разумные существа на планетах, а есть ли разумные существа на Земле?.. Самая мощная у нас организация — дебилы. У них везде свои люди!

Сокамерники Созинова не скучали: чифирили, резались в карты. Один из них, форточник, просвещённый, разделся, сел на корточки и задумался.

— Ты чо, Муха, гения корчишь? — накинудись на него.

— Во Франции есть похожая скульптура Родена, в которой он изобразил мыслителя.

Публика оживилась:

— А почему он голый?

— В карты продулся.

— Погода шепчет: займи и выпей!

— Один философ так и маялся: пить или не пить?

— Все бросят пить, некоторые успеют и при жизни, — изрёк Созинов.

— Ещё, мля, один философ!

— Всё может быть, всё может стать, телега может поломаться, подруга может изменить, но бросить пить — не может быть!

Муха поднялся, надел трусы, тельник, просветил «темноту»:

— У Пушкина в «Евгении Онегине» помещики «давили мух». Вы думаете, что дворяне пальцами давили насекомых не подоконнике? Это так они пили свои наливки. Рюмочка — шестнадцать граммук, с муху. А графинчик — шестнадцать рюмашек. Вот и «давили» они этих «мух» на французский манер.

Ему поддакнул анекдотчик:

— Сидит мужик в ресторане и требует: «Официант, мне двадцать граммов водочки!» У того шары на лоб. А мужик настаивает: «Неси, неси!» Тот приносит стопочку с напёрсток. Глотнул мужик и признался: «А дури и своей хватит!»

— Запadlo! Француз, бляха-муха! — ругнулся другой анекдотчик. — Ну и лоханулись эти французы! Поставили в Париже нефтяную вышку, а нефти всё нет и нет!

— Зато мы не лоханёмся! — воскликнул Муха.

И сварганил со товарищи бражку, незаметную для надзирателей. Бросили в плафон под потолком щепоть дрожжей, жменю хлеба и залили кипятком. На другой день браженция созрела. Вкусили виноделы нектарный напиток! Духман донёсся до надзирателей и до начальника лагеря. И тогда он решил занять сидельцев футболом.

Вокруг барачков щипал траву козёл Пожарник, чтобы к ним случайно не подобралась палы. Пустырь был небольшой, стали играть в одни ворота. Вратарём назначили для потехи Пожарника. Ему повезло: футболёры мазали, в ворота не попадали, и он скучал без работы.

Созинов на непотребство со скотиной поморщился:

— Сами, как козлы, скачут, непутёвые!

Кудеяр вздохнул:

— Не ведают, что творят. Прости их, Господи, за содеянное!

Будто услышав его слова, смотрящий схватил козла за рога и потащил к Кудеяру. Уркам надоела бестолковая беготня, и на действия главаря они зареготали. Шавки подсуетились, сдерживая упирающегося, блеющего Пожарника. Смотрящий с кривой ухмылкой подступил к старцу:

— Перекрасился, запаadlo, в натуре! Вижу, любишь жизнь. А куда деться, скажи? В праведники силишься войти. Я тоже раньше хорошо относился к людям, а теперь взаимно. Ты у меня в голове даже тогда, когда покурить выходишь. А ну-ка давай крести козла!

— Я же не священник, — спокойно ответил Кудеяр.

— Не гони! Ты же у нас старче, отче и вообще святой отец. Крести давай!

— Отпустите животину! — велел Кудеяр.

Наклонился и начал что-то шептать ему на ухо, поглаживая козлиную бороду. Тот недовольно замотал головой и проблеял. Публика сгрудилась вокруг представления. Зеваки вертухаи чуть с вышек не соскочили. Кудеяр потрепал козлиную чёлку, выпрямился:

— Нет, не хочет он креститься!

— Это как это не хочет! — взревела толпа.

— Крещёный, говорит, авторитетом стать не может.

Грянул хохот, закорчились от смеха.

— Рыдательный падёж! — сострил Созинов. — Не сомневаюсь, ты, Бугор, конечно же имеешь совесть, но с собой не носишь, боишься потерять.

— Не вякай! — вяло отмахнулся тот.

Мстить Кудеяру не стал: настоящий авторитет.

И как вспомнилось изречение о совести учительницы Клавдии Петровны? Сопоставил и отцово: о честных и нечестных с кудеяровским о праведных и неправедных. Случайное ли совпадение? Перед посадкой звонил родителям: всё у него хорошо, отправляется в длительную геологоразведочную экспедицию. А как хотел порадовать стариков своим открытием, лауреатством! А до этого знакомством с хорошей девушкой ошастливить хотел. Как-то всё наперекосяк! Неужто чёрная метка велика из детства? Не дал дружку тогда покататься. Запаadlo!

Освободились они вместе: Созинов и Кудеяр. В одном из урочищ Сихотэ-Алиня находилась деревенька Кудеяровка. Сам Бог велел Кудеяру отправиться туда. Александр не ринулся к родителям, а решил очиститься от лагерной грязи и пошёл с ним.

Деревушка располагалась по берегам горного ручья в распадке меж сопками Кудеяровой и Рязановой. Рязань-матушка — переселенцы из Рязанской губернии. Кудеяр оказался здесь своим. После мрачного узилища, где нечем дышать, благословенный Сихотэ-Алинь показался раем. Не могли надыхаться!..

После работы на лесозаготовках правили ветхую церквушку. Батюшка не мог нарадоваться такими пособниками. На Пасху луковка обновлённой церкви сияла ярче солнца. Созинов звонил в колокол, созывая народ на праздник. Батюшка закончил пасхальную службу возгласом:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — стройно вторили верующие.

В обряде причащения Кудеяр прислуживал в чине алтарника. На паперти держал чашу со святой водой. Батюшка окунал в неё метёлочку и с радостным возгласом «Христос воскрес!» весело брызгал на верующих, окроплял. Возглавил крестный ход вокруг церкви с Животворящим Крестом. Кудеяр и Созинов несли икону Спасителя. За ними с иконами и хоругвями человек двадцать.

С самого начала крестного хода к нему присоединился невесть откуда взявшийся котёнок. Он чинно следовал рядом с шествующими. Полосатенькая шубка, хвост трубой, смышлёная мордочка. Люди с умилением взирали на него, принимая его соучастие как благословение Божие.

Крестный ход совершил круг, возвратился на паперть. Чудо-котёнок исчез так же внезапно, как и появился. И тут с сопки из зарослей можжевельника стали спускаться небольшие змеи. Толпа верующих застыла от ужаса. Батюшка помолился, блистая золотой ризой, вознёс Животворящий Крест к небу:

— Знамение Божие на Светлую Пасху!

Бесстрашно взял змейку, и она обвила Крест. Ядовитые, страшные крестьянки с крестиками на лбу стали не ядовиты. Кудеяр подобрал у своих ног пару змеек, и они скользнули по лику Спасителя. Две другие заползли на Созинова, он не побоялся поместить их на плечи, как эпoletы. Верующие крестились, одни шарахались, другие боязливо прикасались к змейкам. Храбрецы мальчишки играли с ними.

Двенадцать, по числу апостолов, змеи враз, как по команде, устремились назад, на сопку в свои ущелья.

Диво дивное!.. После этого знаменья тигры стали обходить Кудеяровку стороной. Прежде наводили страхи, таскали собак, телят и прочую живность.

Котёнок, змеи повергли Созинова в долгое молитвенное состояние. Пробудился от него, попрощался с Кудеяром, с Кудеяровкой и отбыл на родину.

Явившись перед отцом и матерью, он плакал как блудный сын от пережитого горя и от ниспосланной несказанной радости. Все трое омылись слезами от счастья встречи. Родненькие дождались своего сыночка любимого и отошли ко Господу в единый час, как Пётр и Февронья.

Невзгоды обрушили белый свет, Александр ослеп. Ему назначили мизерную пенсию. Каждый день он со зрячим посохом приходил на мост через реку, слушал её говор, и обострялось зрение, духовное зрение. Все земные воды, освящённые в Великое Крещение, речные, озёрные, океанские, несли в себе святость и раскрытые тайны. Зарянка, сбегаящая с отрогов Каменного Пояса, ещё сберегала первородную чистоту и мудрость веков.

Он часами, днями, годами сидел на мосту и слушал реку. Соученики, сокурсники, соседи перестали его узнавать. Без возраста, некий старче. Он обладал некой силой притяжения. Люди тянулись к нему со своими нуждами, горестями, поговорить, облегчить душу.

Конвоировали по мосту пойманного преступника: грабежи, разбой. И старец сказал зевакам:

— Его должны отпустить.

— Как так?!.. — вознегодовали.

— Он покается перед Богом и станет праведником, как Кудеяр-разбойник. Только разбойник, распятый, висевший рядом с распятым Христом, признал в Нём Бога. Покаялся, и Господь сказал ему: «Сегодня же будешь со мной в раю!»

Вели конвоиры человека по мосту, добродетельного, честного, справедливого, так много сделавшего для людей, несправедливо приговорённого к смерти.

— Что ты скажешь, старец? Он же ни в чём не повинен!

— Через день он бы убил свою жену в семейном скандале. А так он не убийца. И Господь возьмёт его к себе.

Блажной стал достопримечательностью. К нему приводили туристов, те спрашивали:

— Как твоё имя?

— Кудеяр, — отвечал.

Отворачивался, смотрел и слушал свою божественную реку.

СТИХИ

Алексей Зайцев

*(Публикация подготовлена
А.Саломатовым, Москва)*

ЭПИТАФИЯ

Я топором стучал полено об.
Для колобка точал я круглый гроб.
В чужих краях видал гремучий гриб,
И ямб, и нимб, и городок Магриб.

ЛЮБВИ И ПИРОГОВ СПОЛНА ВКУСИВ.
(Я нужным счёл ввести такой курсив),
Я перенёс, не шелохнув ноздрей,
Ветрянку, коклюш, свинку и запой.

Средь гор искал я корень Мандрагор,
По замыслу я был тореадор.
На практике я был, умерив пыл,
Закланнный бык. И всё-таки я был!

***

Средь пустых деревень,
Среди мёртвых крыш
Гаснет день.
На озёрах шумит камыш,
И какая-то птица
Визжит во тьме,
Костяными устами
Хватая хлад,
И сомнамбула-рыба
Лежит на дне
И не слышит
Безумных её рулад.

Твой весёлый голос, Архангел-ферзь,
На пути к ночлегу шепнул мне так:
«Человек человека, небось, не съест.
Человек человеку — Иван-Дурак.
Меж сердцами вашими
Нет мостов,
Над грехами вашими
Нет судей.
Во кустах ракич,
На плечах крестов
Ледяной туман —
Хоть ладонью бей!».

***

С утра лил дождь. И серая завеса,
Поднявшись над зелёною горой,
Укутала поля за кромкой леса
Тяжелою и влажной бахромой.

Был праздник. Божьей Матери Покров
Над крышами деревни в сто домов.
Там, в небе что-то дивное свершалось,
Вот-вот сейчас грозя произойти.

И больно мне, и радостно дышалось
Во Франции, когда нахлынет жалость
К России,
Как последнее « прости ».

14 октября 2010

***

Крестыанский Бог поёт на все лады.
Славянский ад подобен чёрной баньке.
Как часто вечерами близ Диканьки
Я наблюдал свечение воды.

Что ловля душ? — Всегда подледный лов,
А по весне сам лёд не больно крепок.

Вот — хвостики извне растущих репок —
Сусальное скопление куполов.

Где в полынье сойдётся полынья,
Среди оживших пастбищ камня,
Стоит весна, но ей не до меня,
И всё чутьё ушло в Четы-Минеи.

Над головой гудит окрепший Бог,
Со дна реки светит ещё огарок —
Земля на счастье дарит каждый вздох,
Хоть на земле и счастье — не подарок.

***

Памяти отца

Нальём же в бокалы постылый нарзан,
Окончено время лишений!
И что-то с глазами. И больно глазам
От света последних решений.

Пусть правда блестит над страной, как нож
Над брюхом балтийской селёдки!
Не верю я в правду. Не верю я в ложь.
Ни в то, что лежит посередке:

Ни в добрую волю, ни в трепетный ум,
Ни в трезвость, ни в прочую мерзость,
Покуда работают почки и ГУМ,
И почва ещё не разверзлась!

Покуда на грядках растёт сельдерей,
И девки приходят в малинник,
И души усопших стоят у дверей
Своих даровых поликлиник,

И тени живущих, как тени секунд,
Ложатся на землю родную.

Их дома секут. И на службе секут.
И вьюги поют отходную.

***

Друзьям

Мало кого я на свете люблю:
Сотни три девок, да трех мужиков,
Толстых сурков, котят и щенков.
В сердце моем — беспечнейший блюз.

Мало кого я на свете боюсь:
В серых мундирах компанию трезвую,
Даже, скорей, не боюсь я, а брезгую,
Сколько ни бьюсь.

Нужно мне мало, о крохах молю:
Дайте мне два голубых полушария!
Африку нужно, Канаду, Австралию,
И США, и Советский Союз!

Так вот хожу и кручу себе ус:
В крайности я б согласился на Францию,
На небольшую сибирскую станцию...
В сердце моем — беспечнейший блюз.

28 июля 1984 г.

ПЕРЕВОДЧИК

А тишина, поющая внутри,
Гораздо звонче той, что есть снаружи.
И люди пробегают вдоль витрин,
И молча перепрыгивают лужи.

Они спешат, как будто в мир иной
Нельзя поспеть, валяясь на топчане...
Но что мне делать с этой тишиной,
Распевшейся над городом в молчаньи?

Домохозяйки покидают сквер,
Забрав лото и злобных собачонок,
И под скамьей катает Гулливер
Носком ботинка крохотный бочонок.

Смолит окуроч старый Гулливер,
Проникшийся величием минуты.
В уме толпятся строчки-лилипуты,
И ночь плывет, как легкий монгольфьер.

***

Как росли наши души?
А души растут
Без надежды на то,
Что их после спасут,
Что не скосят косой,
Что не срежут серпом,
Не положат снопом
И не сядут верхом.
...а вокруг нас топтался
Парад — не парад,
С оглушительным ржаньем
Табун — не табун,
Нам лохматые девки
Кричали с эстрад,
Нас плешивые старцы
Учили с трибун...
И покуда нам памятны
их голоса,
Всё нам — Божья роса,
Всё нам — Божья роса.

***

На длинных и пестрых
Разбойничьих веслах
Шли года, как люди,
Качая бортами,

В тоске и печали
Мы их различали,
Но каждый встречали
С открытыми ртами.

Одно угадали,
Другое — едва ли —
Не птичьи ли байки
Про жаркие страны?
А добрые люди
Чертили в запруде
Веселые знаки
И нотные станы.

Не странно им было
Толкаться на пирсах,
Мечтать за полночь
О попутной машине —
Мгновенье, в которое
Фауст влюбился,
Стоит на дворе
И прекрасен поныне.

И пусть на губах
Замерзали недели,
Но был аромат их
До донышка выпит,
И мы, словно кошки,
Уже не хотели
Коротких путей
В прокаженный Египет.

***

Прошу запомнить эту паузу,
Продлить её! Вернуться снова
В предместье Кёнигс-Вустерхаузен,
В подвальчик с потолком дубовым.
Вернуться в зимнюю Германию
С гирляндами под каждой кровлей,

С внезапным чувством отмывания
Всего себя от чей-то крови...

И снова слушаю до одури
То венский вальс, то голос леса,
И вновь от страха и раскаянья
Освобождается душа,
Когда из Франfurкта-на-Озере
Я жду вечернего экспресса,
И ангелы садятся стаями
На остриё карандаша.

1990

***

Э. Ласкер-Шулер

По городу ходил я, где дома
Похожи на могилы мусульман,
Но на балконах сушится белье,
И у теней — густая бахрама.

Здесь улиц нет — одни лишь тупики,
И жители — с пеленок старики.
Я бронзовое зеркальце нашел
В кустарнике у высохшей реки.

Его поверхность выше всех похвал
Искусный мастер так отшлифовал,
Что я глядел и видел, как в зрачке
Скакал чертенок в светлом колпачке...

Когда на трон восходит идиот,
Когда дрожат над миром миражи,
Поэзия, как девочка, идет
Ко мне, не поднимая паранджи.

Я — первый встречный, до остатка дней —
Поклонник прозаических утех.
Но ломкий луч, от бронзы отлетев,
Сплясал веселым чертиком пред ней!..

***

Дочке Люсе

Хорошо, что у тебя есть остров.
Только он пока необитаем.
И найти его совсем не просто
Между Иллинойсом и Китаем.

Отыскать его легко, однако,
Как деревню Ясная Поляна,
По дорожным знакам Зодиака,
По грошовым картам — у цыгана.

И тебе там будет всё знакомо:
Снова к морю выйдешь спозаранку
Выбрать сосны — для постройки дома,
Или воздух — для починки замка.

Сергей Филиппов

Москва

***

Я не люблю всё, что мешает жить:
Преодолений, трудностей, препятствий.
И если спросят: «Быть или не быть?»
Мой выбор будет — не сопротивляться.

Я сам себя определил в тюрьму.
И в ней, как узник с многолетним стажем.
И с рабскою покорностью приму,
Что мне в тюрьме предложат и навяжут.

Да, я от мира наглухо закрыт.
Но в этом добровольном заточенье
Я счастлив, ибо мой тюремный быт
Устраивает всех без исключения.

И пусть в тюрьме моей и не бог весть
Как здорово, я в некотором роде
Почти что горд, и счастлив предпочтеть
Её так называемой свободе.

***

Пускай обвинят в фарисействе,
Наш мир не такое видал,
И всё ж в благородном семействе,
Считаю, не нужен скандал.

В почтенном семействе, старинном,
С моралью, с законом в ладу
Всё мирно должно быть и чинно,
И каждый у всех на виду.

Семейственность — дело святое.
Здесь люди друг другу под стать.
Семейные нравы, устои
Обязаны все соблюдать.

А кто ненароком взбрыкнётся,
Круги нарезая трусцой
Один без семьи, тот зовётся
Недаром паршивой овцой.

Настигнет отступника кара.
Ах, сколько подобнейших действий
Случалось у нас в кулуарах
Весьма благородных семейств.

Веками писались, по праву
Зачитаны были до дыр.
Негоже соваться с уставом
Своим даже в свой монастырь.

Хоть всё в нашей жизни и архи,
Как сложно, поверь и остынь.
Недаром отцы-иерархи
На страже всех наших святынь.

Иных обвинят в фарисействе,
Но ежели вспомнить Завет,
И в сверхблагородном семействе
Присутствует хамская ветвь.

***

Что и душе бывает больно
Не ведая, не первый век
Живёт, покуда всем довольный,
Но равнодушный человек.

О прочих мало беспокоясь,
Под жизнерадостный мотив,
Неукоснительно настроясь
На каждодневный позитив.

Практически неязвимый,
Он не бунтарь, не диссидент
И не герой из столь любимых
Нам в прошлой жизни кинолент.

Коль выгодно, во всём послушный,
Коль надо, холоден, как лёд,
Ну а поскольку равнодушный,
Считай, нигде не пропадёт.

Ведь равнодушие, как кома,
Впадёшь, а выбираться как?
И к равнодушию людскому
Уже все стали привыкать.

Иной его не видит даже.
Другой, вздохнув, махнёт рукой.
А третий равнодушно скажет:
«Подумаешь, я сам такой».

Но тем, кого оно достало,
Спешу напомнить поскорей,
Как, к счастью нашему, немало
Неравнодушных матерей

И тех, кому во тьме кромешной
Даётся Божья благодать —
Любить, иначе б мир наш грешный
Без них не мог существовать.

***

Могу констатировать смело,
Что сделать, коль мир наш таков:
Планета не поумнела
За двадцать последних веков.

Такая тенденция будет,
Боюсь, сохраняться и впредь,
Поскольку, как видим мы, люди
Не склонны с годами умнеть.

Плюс, с умными столько мороки,
И дело частенько лишь в том,
Что проще плодить недалёких,
Не блещущих ярким умом.

Кто в свойственной многим манере
Подвержен влиянию кликуш,
В плену вековых суеверий,
Раз верит в различную чушь.

И пусть признавать неохота
Сей факт, и тогда и сейчас
Такая, простите, «работа»
Ведёт к оглуплению масс.

И что ещё более страшно,
Лишает и сводит на нет
Последнего разума старших,
И младшим не даст поумнеть.

***

Поскольку слово «старость» режет слух,
То ничего не хочется на свете
Так сильно, аж захватывает дух,
Как сбросить с плеч хотя бы полстолетья.

По меркам историческим — пустяк.
Но как всё в жизни резко изменилось.

Одни из нас возвысились. И как!
А кто-то впал у времени в немилость.

Но молодость нас всех объединит
Опять. Во всяком случае, надеюсь.
Богатый даст займы, а не в кредит.
Святой отец, подвыпив, скажет ересь.

Все позабудут вмиг и простамол
И простатит. Про грелки и про клизмы.
И снова дружно вступят в комсомол
И вспомнят три источника марксизма.

И будут думать не о пустяках
Сегодняшних, о празднествах и шоу,
А спорить о кино и о стихах
И приводить отрывки слово в слово.

Над дряхлым Леонидом Ильичом
Беззлобно посмеёмся вместе с вами,
И нас никто за это нипочём
Не обвинит в насмешке над властями.

***

История, новее не бывает,
Творилась на моих, друзья, глазах.
Снимала грунт, вколачивала сваи,
Бурлила и неслась на всех парах.

В людской толпе, среди шума новостроек,
Держась за руль, хватаясь за штурвал,
Жалел о том, что сам я не историк,
А то бы сел, учебник написал.

По воле сердца, не указке свыше.
Не для того, чтоб скоротать досуг.
Так написал, что лучше не напишет
И доктор исторических наук.

Но пронизав своим холодным взглядом,
Сняв для досье и в профиль и анфас,
Сказали мне историки: «Не надо,
Спасибо, мы уж как-нибудь без вас».

Историк, как придирчивый редактор,
А посему особенно в чести,
Кто изучив события и факты,
Их правильно сумел преподнести.

***

Мы сбились со счёта. В который уж раз
Не можем никак разобраться,
Свобода важнее в итоге для нас?
Иль всё же важней безопасность?
То видим «свободы» живые ростки,
Как «крышу» снесло у народа.
То вновь зажимают нас с вами в тиски,
И так не хватает свободы.

Не зря, кто мудрее, привыкли считать,
Что как не нужны нам всем гласность
И право свой путь для себя выбирать,
Важнее всего безопасность.
К чему многочисленных прав хламудьё?
К чему демократии всходы?
Коль жизнь всем дороже, и ради неё
Не грех поскутиться свободой.

Конечно, столь многим любезный соблазн,
Мотив абсолютной свободы,
Так мир наш устроен, и дальше не раз
Ещё взбудоражит народы.
Но лучше, поверьте, прослыть палачом
Свободы, чем сбившимся в шайки
Дать волю, покуда опять не начнём
По новой закручивать гайки.

***

Затаился, скрылся, лёг на дно,
Круг знакомств до минимума сузив,
И живу уже давным-давно,
Не питая красочных иллюзий.

Да и что особо их питать?
Видя каждый день все те же лица,
Понимаешь, лучше не роптать,
А на время взять и затаиться.

Просто раствориться, переждать
И уйти, как многие, со сцены.
Через пару лет иль через пять,
Глядь и к нам нагрянут перемены?

Пусть себе галдят наперебой,
Только разобравшись в этом гуде,
Оценив решительный настрой,
Понимаешь, перемен не будет.

***

Не начинайте речь с подвоха.
Не проверяйте на излом.
Поэт бессилён пред эпохой,
Её невежеством и злом.

Поэт вращается в системе,
Но верит собственным глазам.
Быть должен непременно в теме,
Но темы выбирает сам.

И хоть поэтам и сподручно
Порой стремиться в никуда,
Они и время неразлучны,
И в том их главная беда.

***

«Поэзия не зарифмованная проза,
а особое состояние души»

Поэты, не вставайте дружно в позу.
Поэзия, сколь складно не пиши,
Не просто зарифмованная проза,
Ещё и состояние души.

Одно из тех немногих проявлений
Природы человеческой, где нет
Порой рациональных объяснений
Всему, что хочет выразить поэт.

И если есть в поэзии сакральность,
То всякий раз за образностью рифм
Искать скорее нужно чью-то тайну,
А не какой-то сложный алгоритм.

Ещё она душой всегда согрета,
А если нет, зря тратишь свой запал,
Никто не назовёт тебя поэтом,
Как гладко бы и складно не писал.

***

«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда»
А. Ахматова

Сомненья, страхи, совести укоры.
Порывы, страсти, мелкие грехи.
Да так ли важно, из какого сора
В конце концов рождаются стихи?

Не лезь в лабораторию поэта,
Читатель проникательный, твой взор
Ценителя и тонкого эстета
Не должен лицезреть весь этот сор.

А если даже что-то и заметит
Из в общем неизбежной шелухи,
Дающей импульс творчеству, и этим
Частично искупая все грехи,

Не клопочи всем сердцем и не парься,
Не заводи себя на раз-два-три,
Смотри на сор и слабости сквозь пальцы.
А ты, поэт, держи его внутри.

***

«На творителей и вторителей
мир разделен весь».

Н. Глазков

Кто ты, вторитель иль творитель,
Не знаешь зачастую сам?
Но даже если и вторитель,
Послушно вторящий творцам,

Чьё творчество, как вдохновитель
И направляющая нить,
И постоянный побудитель
Пытаться самому творить.

Читатель въедливый и зритель
С самостоятельным лицом
Сравнит, как ревностный ценитель,
Твоё творенье с образцом.

Да только может ли, скажите
Или развеите данный миф,
Создать творенье сочинитель,
Кого-то чуть не повторив?

***

Во всём, друзья, необходим талант.
А говорить мы можем, что угодно.
Разучивает юный музыкант
За стенкой то ли скерцо, то ли рондо?

У каждого в шкафу есть свой скелет.
Возможно это правда? Может бредни?
Пижон, «как денди лондонский одет»,
А вдуматься, какой он, к чёрту, денди?

Талантов нет особых, ну и тьфу,
Наплюй на них, твоя судьба иная.
Пушкой скелет, что прячется в шкафу,
Кого-нибудь другого донимает.

Ты не поэт, не маг, не чародей,
Не модный беллетрист или прозаик.
Живи, как большинство других людей,
Живущих без подобных притязаний.

Уж лучше так, чем вечно прятать в стол
Рождаемые в муках строчки или
Внушать себе и остальным, что мол
Ты гений, но тебя не оценили.

***

У закоснелых маразматиков
Подход заведомо простой.
А чтоб сказали наши классики?
Державин, Пушкин и Толстой.

Дай волю этим господам,
Они б и ныне, как когда-то,
Развесили по всем углам
Их афоризмы и цитаты.

И жизнь текла бы каждый час
Всё по тому же трафарету,

И классики давили б нас
Своим былым авторитетом.

Над миром, также как вчера,
Витали прежние устои.
А может быть пришла пора
Оставить классиков в покое?

Взгляд сыновей и взгляд отцов
Имеют право отличаться.
И классики в конце концов
Могли когда-то ошибаться.

Но продолжает много лет,
Как бы порою не хотелось
Чего-то нового, довлеть
Извечная закосненелость.

И на вопрос весьма простой
Державин лишь разводит плечи.
А Пушкин, как и Лев Толстой
Самим себе противоречат.

Но рано рвать нам с ними нить,
И как никто другой здесь кстати,
Готовый перезагрузить
Их закоснелый маразматик.

***

«Во мне собака не бежит»
Л. Губанов

Над той же пропастью во ржи
Стою, как все, не видя края.
«Во мне собака не бежит»,
А только лишь скулит да лает.

Во мне о камень бьёт коса,
Стоят на вышках вертухаи,

И жалоносная оса
Вдоль вазы с фруктами летает.

Кричит какой-то гражданин
Из очереди в старом ГУМе,
Чтоб я не думал, что один
Здесь в очереди шибко умный.

А я уже через момент
Латаю свой дырявый невод,
И вовсе не тупой доцент
За жизнь мою мне ставит «неуд».

***

Всё больше у берёз седин,
И с каждым днём всё чище воздух.
Не жди октябрьских смотрин
И пей его, пока не поздно.

Покуда радуется всё глаз.
Земля после дождей просохла.
Не баловало лето нас,
Зато стоит сентябрь тёплый.

Втянувшись в новый школьный цикл,
Сидит, готовится к уроку,
Листая книжку, ученик.
И мухи сонные на окнах.

И как навязчивый кошмар,
Летающий и днём и ночью,
Свой доживает век комар,
Но на судьбу свою не ропщет.

***

России святая святых.
Истории тайные дверцы.
Попробуй, проникни сквозь них,
Не ранив ни душу, ни сердце.

У нас же свой собственный код.
В основе его парадигма,
Что тот, кто с мечом к нам придёт,
Тот сам от меча и погибнет.

Но сколь не старайся порой,
Доподлинных фактов не скроешь.
Вот Невский — бесспорный герой
Известных всем битв и побоищ.

Ну кто, же, скажите, из нас
Не слышал о славных победах
Сего полководца, не раз
Громившего немцев и шведов?

Но нужен порой компромисс.
Особо, когда ты буквально,
Как князь-Александр, завис
Меж молотом и наковальней.

Раздроблена русская рать.
И надобно выбрать хоть что-то.
Свою самобытность терять
Какому народу охота?

А выбор, увы, невелик.
Как солью посыпать на раны,
Просить на княженье ярлык
Ему у какого-то хана.

Вполне современный подход.
Казалось бы, западу — фигу.
Страшнее крестовый поход
Для нас, чем монгольское иго.

Какой бы там ни был урон.
Да только вот вряд ли пристало
Героев минувших времён
По нынешним мерить лекалам?

Не стоит ругать всё подряд.
Охаивать дружно и скопом.
Забыв, сколь существенный вклад
Вносила в Россию Европа?

Бояре спустя рукава
Просиживать место в приказе
Могли, а была бы Москва
Без зодчих с фамилией Фрязин?

Отнюдь не царёв недосмотр,
И прав был, Москву невзлюбивший,
Великий пока ещё Пётр,
В Европу окно прорубивший.

И матушка, бросив дела
Свои, наслаждаясь адюльтером,
Не зря лет пятнадцать вела
Потом переписку с Вольтером.

Пошла переписка та впрок.
Неплохо б задуматься, парень,
Да, Запад порою жесток,
Восток же хитёр и коварен.

Не просто имея ввиду
Опасность такого сближенья....
И Невский сам мчится в Орду
И просит ярлык на княженье.

***

Нередко чья-то гениальность
Нам — людям средним — застит свет.
У гениев своя ментальность,
Им узок общий трафарет.

Они все выстрадали право
Ни перед кем не падать ниц.
Не встретишь плюшевых Ландау
И гуттаперчивых Капиц.

Но есть какие-то вопросы,
Где весь их гений слеп и глух.
Где и они не кажут носа,
Не произносят мысли вслух.

И хоть людская гениальность —
Весомый жизненный мандат,
Всё ж осторожность, плюс лояльность
И гениям не повредят.

Ведь гений гением, а все мы,
(Ох, не накликать бы беды),
Заложники одной системы
И выходцы своей среды.

И пусть им не предъявят исков,
Кому, скажите, как не им,
Не понимать опасность рисков
Чернобылей и Хиросим?

***

Всё неприглядней наша поступь,
Всё тяжелей. И вот уж некто
Не прочь весь мир отдать на откуп
Искусственному интеллекту.

Приоритеты обозначив
И основные цели, чтобы

Все повседневные задачи
Не человек решал, а робот.

И там, где нужен был когда-то
Рабочий высшего разряда,
Сегодня есть манипулятор,
Которому платить не надо.

Сиди на печке, как Емеля
Сидел, и радуйся прогрессу
И наблюдай себе на деле
Роботизацию процесса.

Плюс экономию в придачу.
Одно лишь с вами не забудем,
Что если робот напортачит,
То отвечать придётся людям.

Ведь самый умный робот — пешка,
И попадают под раздачу,
Когда виновных ищут в спешке:
Конструктор, стрелочник, наладчик.

И сколь бы новый интеллект
Не создал шума на планете,
Вновь тот же средний человек
По-прежнему за всё в ответе.

***

«Человек — нечаянная, прекрасная,
мучительная попытка природы
осознать самоё себя».

В. Шукшин

Везде, не только в глухомани
Российской, что ни говори,
Наш человек бывает странен,
Причём как внешне, так внутри.

И в странностях души не чая,
То разглагольствует сполна
С друзьями, где за чашкой чая,
А где за рюмкою вина.

То обсуждает с первым встречным,
Презрев порядок и уют,
Вопросы из разряда вечных,
Что вновь покоя не дают.

И пусть в них преуспел не шибко,
Знай, лезут, душу теребя
Ему, как тщетная попытка
Природы осознать себя.

***

Есть в мире ценности, цена
Которых многим не ясна,
И мы не понимаем даже,
Их выставляя на продажу,
Насколь существенна она?

А есть, что тоже не секрет,
Цены которым просто нет.
Вселенской мудрости частицы,
Чьи пожелтевшие страницы
На мир наш проливают свет.

Но век жесток наш, и по мне
Нет смысла спорить о цене,
Раз человек, души не чая
В предмете, цену назначая,
Подавлен, будучи на дне.

Всем надо выжить, кровь из носа,
Но нет, как говорится, спроса,
И пусть вокруг убеждены,
Что главное — вопрос цены,
Куда важней цена вопроса.

***

Трубившие торжественно и с помпой,
Впоследствии сменившие окрас,
Бойцы коммунистического фронта,
Ведь это ни кого-нибудь, а вас
История на тот момент призвала
С серьёзным выражением лица
Петь: «Есть у революции начало»
И «Нет у революции конца».

Вы отраженье в некотором роде
Эпохи нашей прежней, и пускай
Сегодня революции не в моде,
Нить времени из рук не выпускай.
Стремление быть в русле не пропало,
А перешло лишь к сыну от отца,
Раз есть у лицемерия начало,
И нет у лицемерия конца.

«СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»

На пустом, скалистом диком берегу
Свой, пусть и неписанный статут.
Так что амулеты, обереги
И другие цацки не спасут.

До костей пронизывая ветер,
Переходит временами в шквал.
Не взыщи, страдая, юный Вертер,
Что сюда по глупости попал.

И не жди, что здесь аборигенов
Местных хоть на капельку проймёт
Вновь души страдающей рефрены
И несвоевременный уход.

Не вздыхай, как прежде: «Ава, Отче!»
К Господу особо не взывай.
Здесь всё прозаичнее и жёстче —
Северный глухой, холодный край.

И скупые вольности побег,
(Вспомни про незаблемый статут),
На холодном, мрачном диком бреге,
Сколько ни старайся, не возрастут.

Муки бесконечных ожиданий,
Что переполняют молодёжь,
Тщетны и наивны, а страданий,
Как известно, к делу не пришьёшь.

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

ЭКСКУРСИЯ (2003)

"Вот дом, в котором варили омаров
для кирасиров кайзера" — сообщает гид.
Взбудораженные туристы
высыпают гурьбой из автобуса,
перекликаясь, как эскадрильи в полёте.

Их мысли мечутся по океану истории,
словно загнанные киты.
Кругом клокочут валы.
Налетающий ветер
глотаёт крики
людей, стоящих на берегу.

Валентина Карпушина

Москва

НОЧЬ. НЕ СПИТСЯ.

Блестит словно белое блюдо
На скатерти неба Луна.
Прикрытая облачком куцым,
Дрожит как в ознобе она.
Гребёнка заснувшего леса
Воткнулась в пустой горизонт.
Дымится на кухне эспрессо,
Прогнав надоедливый сон.

ВКЛАД В КРАСОТУ

Некрасива не старость — отсутствие жизни во взгляде.
Не морщины, а в мёртвых глазах пустота.
Если март и апрель из души человека украден,
Вряд ли будет желанна его красота.
Жажда жизни и вкус к ней — единственный истинный повод,
Чтобы сделать существенный вклад в красоту.
Если ваши глаза отражают арктический холод,
Будет старостью веять от вас за версту.

СИЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Бьются в тонкое стекло
Ветки вымокшие слив.
Столько вниз воды стекло,
Будто сквозь открытый слив.
Словно вон из кожи лез
Кто-то, и небес замок
Враз сломал, чтоб дальний лес,
Как бельё в тазу, замок.
Но куда дождь не стих,
То ни шагу за порог.

Шум его, как складный стих,
Благо он, а не порок.

ВЕРНИСЬ И ПРОШЛОЕ ПРОСТИ

Вернись и прошлое прости,
Избавься от своих амбиций.
Мне этой ночью будет сниться,
Что и не думал ты уйти.
Что лайнер по небу летит,
Скользя в лазурном перламутре,
В котором ты и снова утро,
На солнце выше двадцати.
Судьбы не познаны пути,
Сюжет как в лентах киноплёнок:
Убил во мне змею ребёнок,
И этим смог меня спасти.
Вернись и прошлое прости,
Чтоб раны вылечить лишь словом.
Чтоб всё начать с нуля и снова
Опять их словом нанести.

НА БОЛОТЕ

Было тихо, томно и уютно:
Над болотом длился вечный день.
Ряска на воде качалась мутной,
Млела от пенька немая тень.
Вяло, словно нехотя, жужжала
Над болотом сонным мошкара.
Квакали лениво в тине жабы.
Кое-где. Сморила всех жара.
В тёплой жиже так спалось прекрасно
Всем жильцам болота, и они
В лени видели покой и счастье.
Или что-то этому сродни.
Но однажды, видно, по ошибке
В этот тухлый мир забрёл чужак.

Палкой он решил в трясине хлипкой
Дно достать. Ему хотелось так.
Было так занятно сумасброду
Вброд болото лично перейти.
Есть такие — сквозь огонь и воду
Им охота проторять пути.
Ткнул он палкой, и со дна болота
Тотчас взвилась вверх столетий муть.
Жабы начали блажить. И ротой
Злобный гнус взлетел. Настала жуть.
Все жильцы болота возроптали,
Стали дом свой дружно защищать.
И напали на пришельца стаей —
Гнать в три шеи взялись сообща.
Он ушёл. Не стал тянуть и медлить.
Жизнь болота — не его удел.
Понял сразу то, что жабы бредни —
Ересь, сущий вздор и беспредел.
Вслед за тем осела муть и тина.
Снова на болоте тишина,
И неизбежна нигде трясина.
Жизнь в неё опять погружена.
Как и прежде счастливы лягушки.
Мирно над болотом реет гнус.
Кочки греют лысые макушки,
Жизнь опять взяла привычный курс.

ПРО НАГЛЕЦА

Тот, кто в небо плюёт, тот рискует
Перепачкать своё же лицо.
Грех такой никогда не искупит,
Кто посмел быть таким наглецом.
Если глуп человек, то надолго.
А с невежей в сто раз тяжелей.
Он не чтит ни законов, ни долга,
Словом, полный во всём дуралей.
Не указ для него перст небесный,
Сам себе он и поп, и приход.

Он не верит ни в Бога, ни в беса,
Оттого прямо в небо плюёт.
Но Судья наверху беспристрастен.
Там известен всегда адресат.
Вверх плевать — это крайне опасно!
Наглецов не щадят Небеса.

ИСКУШЕНИЕ

С плеч упала пуховая шаль,
Как крыло утомлённого ангела.
Гарь, как перья сгоревшие, с факела
Вниз летит. Очень трудно дышать.
Тьма вокруг и не видно ни зги,
Но и к тьме я смогла приспособиться.
Взгляд в окошко таращит бессонница,
Под глазами мешки и круги.
Чувства тоже бывают смешны.
Так, поддавшись коварным иллюзиям,
Тело корчится в страшных конвульсиях
От позора, стыда и вины.
Как крыло отсечённое — шаль.
Сердце снова такого не вынесет.
То, что было — воды чистой вымысел...
Всё! Довольно себя искушать!

НЕЛЬЗЯ

Нельзя под горящей сосной
Укрыться от солнца и зноя.
Соришь вместе с ней заодно
Под кроной пылающей, стоя.
И где закипает вражда
В огне непомерных амбиций,
Там точно возникнет беда,
Прикрытая шлейфом традиций.
Неправедность — бедствий итог.
Завистливость — ржавчина мыслей.

Кому-то и дно — потолок,
Вершина — в прямом самом смысле.
Теряют спесивцы покой,
Скрывая под масками лица.
Нельзя под горящей сосной
Во время пожара укрыться.

НЕ ОТНИМАЙТЕ У ЖЕНЩИНЫ КРЫЛЬЯ

Не отнимайте у женщины крылья,
Не заставляйте садиться её на метлу.
Слёзы не лейте по ней крокодилы,
С крыльями вместе её доедая мечту.
Если она после выпрямит плечи,
Будет не сломлена, то вместо крыльев метла
В небо взлететь ей поможет. Калечить
Больше она не позволит свои два крыла.
Перья кровавые с горестью вместе
Наземь беззвучно как сор со спины опадут.
Каплями крови из ран в поднебесье
Новый начертит она прямо к звёздам маршрут.

КТО ЧТО ЛЮБИТ

Есть любители грызть всё на свете подряд,
Кто-то семечки любит, а кто любит чипсы.
Ну а кто обожает других, втихаря —
Ведь на чушь на какую-то грех мелочиться.
В них заложено что-то такое от крыс —
С наслаждением грызть всё подряд неприкрыто.
Но коль кто-то кого-то и принялся грызть,
Пусть же делает это он без аппетита.

ПУСТАЯ БОЧКА

Молчание как золото. Известно всем давно.
Но как смешон всегда болтун и пустобрёх,

Когда кричит он громче всех. Но только всё равно
На месте, на пустом такой переполох.
Лишь тот, кто мудр, молчит всегда. Он редко говорит.
А скажет, то ему внимают все вокруг.
Пустая бочка громче ведь, чем полная гремит,
Но то, что пусто в ней — и значит этот звук.

ЛУННЫЕ СКАЗКИ

Тусклый луч фонаря пробивается через листву.
Он — подобие жалкое света растущей луны.
Бледный круг от него лёг бельмом на густую траву
И с земли небеса за лучами его не видны.
Много в городе этом стоит во дворах фонарей,
А над ними сияет волшебный небесный кристалл,
И объятия ночи прекрасны в его серебре
Без немых фонарей. Но луну просто так не достать.
Ведь немного повыше и в сторону от фонаря
Из чужого окна, словно чей-то тоскующий взгляд
Смотрит в ночь мимо звёзд и луны, что на небе горят,
Электрический глаз из стекла яркой лампы в сто ватт.
Выбор сделан. Зачем зря о лунных подарках мечтать,
Если так притягателен свет из чужого окна?
Там заботливо кто-то расправил у стенки кровать.
И за светом из окон оттуда луна не видна.

ЛЕКАРСТВО ОТ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

Пока я хотела великих побед,
Ты смог совершить свой безумный побег,
Туда, где назад перекрыты пути,
Где с жизнью пытаются счёты свести.
Пока я свои воплощала мечты,
На кладбищах вновь поднимались кресты.
И ветер листву на деревьях трепал,
Над тем, кто нашёл здесь последний причал.
Когда от сердечных хвороб не привит,
Лекарство одно от несчастной любви —

Под смерти покров совершить свой побег,
Пока кто-то жаждет бессчётных побед.
Победы конечно придут и уйдут.
И взят будет мной неприступный редут.
А после по жизни продолжится путь.
Но только тебя мне назад не вернуть.

БЕГИ!

Беги! Беги вперёд! Быть может, будешь первым,
Коль силы есть, и их тебе совсем не жаль.
Потратив на мечту последние резервы,
Стремятся все куда-то в жизни добежать.
Судьба — круговорот влечений и ристалищ,
Куда стремятся все. И ты, давай, беги!
Туда, где гусь свинье, конечно, не товарищ.
Вперёд беги! А там — хоть всмятку сапоги.

ПАМЯТЬ

Сергей Калабухин

Коломна

МОЙ ЛЕРМОНТОВ

Вступление

Поздний вечер, в комнате темно, и только в дальнем от окна углу тускло светится жёлтым шкала большой радиолы, да тревожно пульсирует зелёным огонёк сетевого индикатора. Рядом с высокими паучьими ножками радиолы, прямо на полу, прислонившись спиной к двери в кладовку, сидит худенький стриженный под полубокс мальчик лет двенадцати. Все его друзья давно спят, а он, как обычно, ждёт маму. Та вынуждена вкалывать на двух работах, чтобы прокормить и обеспечить всем необходимым их маленькую семью. Телевизора в комнате нет, да

и мало у кого он был в то время в захолустном советском городке дальнего Подмосквья. И мальчик каждый вечер зачарованно слушает радио. На жёлтой шкале чётко выделяются написанные чёрным фантастические слова: Лондон, Париж, Рио-де-Жанейро, Мадрид, Берлин... Но мальчик слушает Москву. Идёт спектакль по пьесе Михаила Лермонтова «Маскарад».

Этим одиноким мальчиком сорок с лишним лет назад был я. До того вечера и после него мне пришлось, вернее — посчастливилось, прослушать множество радиопостановок, но «Маскарад» Лермонтова захватил меня и не отпускает до сих пор. Казалось бы: ну что мне, советскому подростку, безотцовщине и хулигану, живущему в коммуналке, до интриг давно сгинувшего высшего света имперского Петербурга времён царя Николая I? Что значит для меня, пионера, дворянская честь? Это же был совершенно иной мир, другая планета, класс бездельников и дармоедов. Но я сидел, не чувствуя холод пола, не в силах вырваться, полностью там, вместе со страдающим Арбениным.

До сих пор, когда «Маскарад» показывают по телевидению, я бросаю всё и смотрю это бессмертное произведение, хоть и знаю его уже практически наизусть. А ведь Михаилу Лермонтову было всего девятнадцать лет, когда он написал «Маскарад»! И он ни разу так и не увидел свою пьесу не только на сцене театра, но и даже напечатанной в журнале. Цензура разрешила «Маскарад» только через двадцать лет после гибели поэта. Но в детстве я, конечно, этого странного обстоятельства не знал. А когда узнал, никак не мог понять: что же такого криминального нашла в пьесе цензура? «Отелло» же Вильяма Шекспира никто не запрещал! А там страсти кипят ничуть не меньшие.

Лишь сейчас, когда я стал вдвое старше Лермонтова, меня поразила мысль: сколь много успел сделать за свою короткую жизнь этот мальчик. И хорошего, и плохого. Он писал великолепные стихи и поэмы, что в глазах современников и потомков сделало Михаила Лермонтова преемником Александра Пушкина. Роман «Герой нашего времени» стал образцом прозы для Ивана Тургенева, Льва Толстого, Фёдора Достоевского и даже сейчас не потерял своей актуальности. Лермонтов был отличным математиком, музыкантом, художником, храбро воевал, он обладал просто фотографической памятью. Словом, природа наделила Лермонтова многими талантами.

Но в то же время этот гениальный мальчик сделал окружающим его людям и много зла. К огромному сожалению, волновавшая Александра Пушкина тема совместимости гения и злодейства в полной мере обрела наглядный пример в Михаиле Лермонтове. Можно, конечно, закрыть на

сей неприятный факт глаза, даже отрицать его, как это делают многие почитатели Лермонтова и некоторые литературоведы. Более того, упорно делаются попытки обелить имя поэта, переложить вину за его гибель на окружающих и даже на царя Николая I. Мне понятно желание сделать из Лермонтова икону, но тогда почти все значимые произведения поэта утратят часть его личности, их невозможно будет понять в полной мере. Лермонтов вложил в стихи и прозу свои мысли и чувства, надежды и разочарования, огромный, несмотря на возраст, жизненный опыт.

Можно, конечно, заменить их толкованиями поклонников, отринуть всё неудобное для светлого образа поэта, «перевести стрелки» на врагов, недоброжелателей, завистников и тому подобное. Но это уже тогда будет не Лермонтов. Поэтому, если вы хотите увидеть не только внешнюю оболочку произведений Лермонтова, но и их внутреннее содержание, посыл автора, понятный его современникам, то надо не отмахиваться от неприятных фактов биографии автора, не замалчивать их, а принять Лермонтова таким, каким он был, со всеми его достоинствами и недостатками. И тогда вам откроются многие тайны и странности его произведений, например — почему прекрасную пьесу «Маскарад» не пропускала цензура. Лермонтов трижды переписывал и исправлял её, но так и не смог преодолеть барьер запрета. Что же на самом деле помешало поэту исправить пьесу? И что привело его, в конце концов, к гибели?

Лермонтов сам отлично понимал двойственность своей природы. Он всю свою короткую жизнь описывал и в стихах, и в прозе того Демона, что сидел внутри него. Этот Демон оградил Лермонтова от окружающих, вверг в постоянное одиночество, лишил полноценной любви и дружбы.

Многие исследователи пытаются объяснять особенности характера Лермонтова ранней утратой родителей и деспотизмом бабушки. Конечно, эти факторы сыграли свою негативную роль. Но проблема в том, что сам Лермонтов не пытался побороть сидящего в нём Демона. Наоборот, он старательно и любовно взращивал его, гордился своей исключительностью, всегда считал себя выше окружающих. И не только считал, но и постоянно демонстрировал, что и оттолкнуло от него не только потенциальных друзей, но и ближайших товарищей. Вспомните хотя бы взаимоотношения Печорина, в образ которого Лермонтов вложил многие свои черты, и Максим Максимыча.

И нарождающуюся любовь к какой-либо женщине Лермонтов гасил в себе сам. Он говорил, что любовь не вечна, она всё равно пройдёт, так зачем же напрасно мучиться? А влюблялся Лермонтов постоянно! В первый раз это с ним случилось в десятилетнем возрасте, а в последний — перед дуэлью с Николаем Мартыновым. Мишель коллекционировал девичьи интимные предметы, и в кармане мундира мёртвого Лермонтова нашли окровавленное бандо Катеньки Быховец, его последней возлюбленной.

Но, не давая любви другим, сам Мишель страстно хотел быть любимым. Однако, природа, наградив Лермонтова многими талантами, при этом снабдила неказистой внешностью. Мишель рос, регулярно влюблялся, а в ответ получал от девушек только насмешки. Женщины не воспринимали Лермонтова как мужчину, тем более, что внутренний Демон его не дремал, побуждая Мишеля к язвительным шуточкам и эпиграммам в адрес окружающих, в том числе и девушек. Лермонтов не знал меры и не щадил никого. А ведь отец его пророчески предупреждал в своём завещании:

«Хотя ты ещё и в юных летах, но я вижу, что ты одарён способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные за что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчёт Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самую несправедливостью и неблагодарностию людей, ибо с ожесточением ты сам впадёшь в презираемые тобою пороки. Верь, что истинная нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно».

Жаль, что Лермонтов не последовал совету отца и направил свой талант на зло: оскорбительные выходки, шаржи, эпиграммы и карикатуры в адрес окружающих людей, что и привело его к гибели. Как это произошло? Постепенно, но неуклонно.

Москва, 1827-1832 гг.

Опустим подконтрольное детство, начнём с периода вступления Лермонтова в более-менее самостоятельную жизнь. Осенью 1827 года они с бабушкой переехали из Тархан в Москву, чтобы подготовить Мишеля к поступлению в Московский благородный университетский пансион. Домашние учителя и так неплохо обучили Лермонтова, но учитывая, что Мишель должен был поступать сразу в четвёртый класс, забот-

ливая бабушка подстраховалась перед экзаменом и наняла внуку в репетиторы Алексея Зиновьевича Зиновьева, работавшего в самом пансионе в должности надзирателя и учителя русского и латинского языков.

Михаил Лермонтов поступил в пансион в 1828 году, но бабушка определила его полупансионером, то есть после занятий слуги отвозили Мишеля домой. Зиновьев оставался наставником Лермонтова и в пансионе. Таким образом, Мишель продолжал быть под тотальным контролем бабушки.

Обучение в пансионе было шестилетним, каждому ученику составляли индивидуальную программу, развивающую его способности в выгодном направлении. Однако Лермонтов поступил сразу в четвёртый класс и, учитывая выдающиеся математические способности Мишеля, его записали в группу математиков профессора Перевощикова.

Учиться Лермонтов не любил. Ещё в детстве, в Тарханах, бабушка наняла ему трёх учителей: немку, француза и грека, но Мишелю грек не понравился, и того уволили. Вот и в пансионе, если лекция Лермонтову была не интересна, он демонстративно доставал книгу и читал, не опасаясь наказания. Подобное поведение — ни что иное как явное пренебрежение к педагогу и товарищам по учёбе. Не случайно один из пансионеров, А. М. Миклашевский, позже вспоминал:

«Всем нам товарищи давали разные прозвища. В памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему, — прозвали лягушкой. Вообще, как помнится, его товарищи не любили, и он ко многим приставал».

Заметьте, уже тогда Лермонтов «ко многим приставал», за что его не любили соученики! Мишель не желал подчиняться никаким правилам или авторитетам и признавал над собой власть только одного человека — бабушки, всегда, везде и ото всех защищавшей любимого внука. Не удивительно, что за почти два года, проведённых в пансионе, Лермонтов так ни с кем там и не подружился.

В Тарханах юный Мишель довольствовался только крепостным театром и кулачными боями, читал французские, немецкие и английские романы, стихи, пьесы, много рисовал и лепил. Русские книги и журналы, видимо, бабушка не выписывала, полностью доверив обучение внука гувернёрам-иностранцам. Однако в пансионе «для большей изощённости ума и образования вкуса» все без исключения ученики занимались русским языком и литературой. Здесь впервые Лермонтов начал сам писать стихи. При этом он щедро заимствовал образы и сюжеты, в том числе и целые строки из полюболюбившихся ему произведений

Шиллера, Гёте, Байрона или Гейне. Одновременно Мишель познакомился с произведениями русских поэтов и писателей и даже однажды посетовал, что у него в детстве не было русской няни, как у Пушкина, и потому мимо прошёл целый пласт отечественной народной культуры — русских сказок и песен.

11 марта 1830 года в пансионе без предупреждения и охраны появился находившийся в Москве император Николай I. Царя в коридорах и классах пансиона никто из учащихся не узнал, хотя его портрет наверняка висел где-нибудь на видном месте. Всех учащихся собрали в актовом зале, и оскорблённый император упрекнул пансионеров и педагогов в излишней вольности и недисциплинированности. Вернувшись в столицу, Николай I распорядился преобразовать Благородный пансион в обычную гимназию, и бабушка уже в апреле 1830 года забрала Мишеля из этого учреждения, в котором теперь стали возможны телесные наказания, не дожидаясь порки своего строптивого внука. Поэтому пансион, не говоря уже про гимназию, Михаил Лермонтов так и не закончил.

Но уже 21 августа 1830 года он поступил в Московский университет на нравственнополитическое отделение, и это явно свидетельствует о том, что Мишель в то время не относился к своим опытам в поэзии всерьёз. Он же занимался стихосложением менее двух лет в отличие от рисования, например. Лишь позднее Лермонтов перешёл на словесное отделение. Вместе с ним учились такие известные в будущем писатели как Александр Герцен, Виссарион Белинский, Константин Аксаков и Иван Гончаров.

В университете существовали студенческие кружки Станкевича и Герцена, в которых собирались любители литературы, философии, политики и истории. Однако Михаил Лермонтов вёл себя так же, как и в пансионе: на лекциях если и бывал, то демонстративно сидел и читал книгу, товарищей чуждался, ни к каким кружкам — ни западников, ни славянофилов — не примыкал. Как вспоминал его сокурсник П. Ф. Вистенгоф:

«Видимо было, что Лермонтов имел грубый, дерзкий, заносчивый характер, смотрел с пренебрежением на окружающих. Считал их всех ниже себя.

Иногда в аудитории нашей, в свободные от лекций часы, студенты громко вели между собой оживлённые суждения о современных интересных вопросах. Некоторые увлекались, возвышая голос. Лермонтов иногда отрывался от своего чтения, взглядывал на ораторствующего,

но как взглядывал! Говоривший невольно конфузился, умаляя свой экстаз или совсем умолкал. Ядовитость во взгляде Лермонтова была поразительна. Сколько презрения, насмешки и вместе с тем сожаления изображалось тогда на его строгом лице».

Точно так же высокомерно Мишель вёл себя и с преподавателями. Тот же Вистенгоф вспоминал:

«Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос.

Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

— Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным.

Мы все переглянулись.

Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обиделись и постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах».

Единственное, что Лермонтов посещал с удовольствием — это занятия профессора Гарвея, посвященные Байрону и английской литературе, а также лекции историка Погодина. Остальные преподаватели его не интересовали, чего он даже не скрывал, и подобное поведение привело к тому, что Лермонтов не был аттестован ни одним из профессоров. Как правило, против его фамилии стояла надпись «отсутствовал». И в результате по итогам года Лермонтову «посоветовали уйти». Даже всемогущая бабушка была тут бессильна.

Мишель не сумел или не захотел обуздать своего Демона, а ведь мог бы уже тогда завести столь необходимые ему знакомства и связи в литературных и издательских кругах. Профессор Погодин, к примеру, был издателем «Московского вестника», а Каченовский издавал «Вестник Европы». Но Лермонтов предпочитал писать стихи для собственного удовольствия и для развлечения девушек, которые интересовали его гораздо больше учёбы. И это понятно, учитывая возраст Мишеля.

Во время учёбы в Москве, Лермонтов общался практически только с родственниками и ближайшими соседями по имени Столыпинах в

Середниково, в котором он часто бывал. И все девушки, в которых Мишель влюблялся, были из этой весьма ограниченной среды. Они приезжали с родителями в гости в Середниково или жили по соседству. Там же, в имении бабушки, Лермонтов познакомился летом 1830 года с Катенькой Сушковой и с Варенькой Лопухиной. Произведения Лермонтова того периода дошли до нас благодаря девушкам: Мишель писал стихи в их альбомах, в письмах к ним, дарил варианты поэм. Не всё, конечно, сохранилось, по разным причинам многие стихотворения были уничтожены самими девушками или их ревнивыми мужьями. Так поступили, например, мужья Натальи Ивановой и Варвары Лопухиной.

Однако все влюблённости Мишеля не встречали взаимности. Впервые, Лермонтов был внешне неказист и даже страдал небольшой горбатостью, за что позднее, в юнкерской школе, он получит прозвище «Маёшка» — по имени горбатого, но умного героя одного из французских шутовских романов. Во-вторых, Демон Лермонтова постоянно давал о себе знать, заставляя Мишеля насмехаться даже над теми, в кого он был влюблён. Вот цитата из воспоминаний Екатерины Сушковой:

«Всякий вечер после чтения затевали игры, но не шумные, чтобы не обеспокоить бабушку. Тут-то отличался Лермонтов. Один раз он предложил нам сказать всякому из присутствующих, в стихах или в прозе, что-нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова был всегда злой ум и резкий язык, и мы хотя с трепетом, но согласились выслушать его приговоры».

Этот злой ум и резкий язык доведут, в конце концов, Михаила Лермонтова до роковой дуэли и гибели. Вот и на том вечере, и после него Мишель зачем-то постарается обидеть и оскорбить всех, в том числе и предмет своей любви — Катеньку Сушкову. Какая уж тут может быть взаимная любовь? И Сушкова заканчивает описание того вечера такими словами:

«Из всех поступков Лермонтова видно, как голова его была набита романтическими идеями, и как рано было развито в нём желание попасть в герои и губители сердец. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться».

Словом, Лермонтова в Москве преследовали несчастья: он не окончил пансион, его практически выгнали из университета, умер отец, любовь юного Мишеля по очереди отвергли три красавицы: Наталья Иванова, Варвара Лопухина и Екатерина Сушкова. Зато по законам диалектики в жизни Лермонтова появилось новое и весьма значительное явление — он стал писать стихи и прозу.

Однако нужно было решать, что делать дальше? Наверно, бабушка (а кто же ещё?) предложила внуку перейти в Санкт-Петербургский университет. Мишель согласился, хотя к тому времени наверняка уже понял, что учёба его совершенно не прельщает. Но отказать в чём-либо бабушке он не мог.

Санкт-Петербург, 1832-1837 гг.

И Лермонтов поехал в столицу, но, к удивлению всех, поступил не в университет, а в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров! До сих пор никто не может понять этого поступка, ведь Лермонтов никогда не признавал никакой (кроме бабушкиной) власти над собой, не знал, что такое дисциплина и наказание за проступок. И вдруг — военная школа! Невероятно!

Мне кажется, объяснение есть. В это время Лермонтов в очередной раз влюблён. В Катеньку Сушкову. Но девушка, как и все предыдущие, не видит в Мишеле мужчину. И однажды меж ними произошёл диалог, который сама Сушкова воспроизвела в своём дневнике:

«— Кстати о мазурке, будете ли вы её танцевать завтра со мной у тётушки Хитровой?»

— С вами? Боже меня сохрани, я слишком стара для вас, да к тому же на все длинные танцы у меня есть петербургский кавалер.

— Он должен быть умён и мил.

— Ну, точно смертный грех.

— Разговорчив?

— Да, имеет большой навык извиняться, в каждом туре оборвёт мне платье шпорами или наступит на ноги.

— Не умеет ни говорить, ни танцевать; стало быть, он тронул вас своими вздохами, страстными взглядами?

— Он так кос, что не знаешь, куда он смотрит, и пыхтит на всю залу.

— За что же ваше предпочтение? Он богат?

— Я об этом не справлялась, я его давно знаю, но в Петербурге я с ним ни разу не танцевала, здесь другое дело, он конногвардеец, а не студент и не архивец.

И в самом деле, я имела невероятную глупость прозевать с этим конногвардейцем десять мазурок кряду для того только, чтобы мне позавидовали московские барышни. Известно, как они дорожат нашими гвардейцами».

Думаю, Лермонтов понял, что даже тупица и урод, облачённый в военный мундир, более привлекателен для женщин, чем гений в штат-

ском. Собственно, и поныне это женское предпочтение существует, и ничуть не изменилось.

Конечно, пребывание в военной школе весьма сильно повлияло на Лермонтова. Он впервые вырвался из-под плотной опеки бабушки и был вынужден жить в коллективе. А коллектив не любит одиночек, он всегда объединяется против них, превращает в предмет насмешек и травли. В каждом коллективе обязательно есть вожак, которому стараются подражать, и есть козёл отпущения, над которым издеваются. Лермонтов предпочёл первое. Но физические данные его подвели. Он упал с лошади и повредил ногу, получив вдобавок к малому росту и некрасивой внешности хромоту. Но Мишель упорно занимался, стрелял из пистолета, фехтовал на шпагах и саблях. Причём, его постоянным партнёром и соперником был Николай Мартынов, высокий красавец, поступивший в школу юнкеров на год позже Лермонтова. Вот так вот распорядилась судьба.

Как известно, чтобы стать хорошим бойцом, нужно тренироваться с сильным противником: слабый ничему тебя не научит. Так что во время роковой дуэли сойдутся практически равные противники, а не «боевой офицер Лермонтов» и «трусливая тыловая крыса Мартынов», как утверждают многие поклонники поэта. Эти горе-защитники не понимают, что принижая и оскорбляя Мартынова, они тем самым унижают самого Лермонтова. Лермонтов и Мартынов были друзьями до самого конца и обращались друг к другу на «ты». Мишель часто бывал в доме Мартыновых и даже одно время ухаживал за одной из сестёр Николая, которую позднее вывел в своём романе «Герой нашего времени» в образе княжны Мэри.

Соперничали друзья и в поэзии. В школе юнкеров издавался рукописный журнал «Школьная заря», основными авторами которого были именно Михаил Лермонтов и Николай Мартынов. Я не знаю, что именно писал тогда Мартынов, так как ни один из семи номеров этого журнала не сохранился, но вот некоторые порнографические вирши Лермонтова дошли до наших дней.

Юный Лермонтов вынужден был принимать участие в грубых развлечениях юнкеров, чтобы не стать той самой «белой вороной», которую легко окружающие превращают в предмет насмешек, и это убило в Мишеле прежний романтизм, сделав из него циничного реалиста. Лермонтов больше не подражает Байрону или Шиллеру, не заимствует чужие сюжеты, образы и целые строки, как ранее. Теперь он полностью черпает всё необходимое в окружающей его жизни и в шутивно-оскорбительной форме описывает поступки своих товарищей по школе, за-

частую даже не маскируя их имена псевдонимами. И это не прибавляет ему друзей, наоборот. Ведь Лермонтов натуралистично, с излишними подробностями, просто порнографически изображает сексуальные приключения юнкеров. Тут есть и гомосексуальные сцены, и изнасилование старушки, и безобразная групповуха.

Для некоторых юнкеров вирши Лермонтова в дальнейшем обернулись большими проблемами. К примеру, главным героем поэмы «Гошпиталь» являлся князь Александр Иванович Барятинский, и после окончания школы юнкеров ему пришлось серьёзно задуматься над поправлением своей пошатнувшейся репутации. Князь изъявил желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев. Позднее он стал наместником Кавказа, фельдмаршалом, приближённым лицом императора. Но то, как его изобразил в своих виршах Лермонтов, князь поэту не простил, и когда через много лет после смерти поэта его первый биограф П.А. Висковатый обратился к Барятинскому за воспоминаниями, то услышал в ответ только ругательства:

«...он называл его самым „безнравственным человеком“ и „посредственным подражателем Байрона“ и удивлялся, как можно им интересоваться до собирания материалов для его биографии».

Вот так вот Мишель походя превращал своих товарищей и друзей во врагов на всю жизнь. Исключением не являлись даже женщины.

Офицерский мундир вполне оправдал ожидания Лермонтова — девушки стали воспринимать его как мужчину и завидного жениха. И когда в 1834 году Екатерина Сушкова приехала в Петербург, чтобы выйти замуж за Алексея Лопухина, Мишель поспешил предстать перед ней в новом образе. Вот как вспоминала об этой встрече Сушкова:

«Мишель уже подбежал ко мне, восхищённый, обрадованный этой встречей, и сказал мне:

— Я знал, что вы будете здесь, караулил вас у дверей, чтоб первому ангажировать вас.

Я обещала ему две кадрили и мазурку, обрадовалась ему, как умному человеку, а ещё более как другу Лопухина. Лопухин был моей первенствующей мыслью. Я не видала Лермонтова с 30-го года; он почти не переменился в эти четыре года, возмужал немного, но не вырос и не похорошел и почти всё такой же был неловкий и неуклюжий, но глаза его смотрели с большею уверенностью, нельзя было не смутиться, когда он устремлял их с какой-то неподвижностью.

— Меня только на днях произвели в офицеры, — сказал он, — я поспешил похвастаться перед вами моим гусарским мундиром и моими

эполетами; они дают мне право танцевать с вами мазурку; видите ли, как я злопамятен, я не забыл косоного конногвардейца, оттого в юнкерском мундире я избегал случая встречать вас; помню, как жестоко вы обращались со мной, когда я носил студенческую курточку».

И Мишель жестоко отомстил Екатерине Сушковой. Без малейших колебаний он совершил подлый поступок: отбил невесту у Алексея Лопухина, но сам жениться на ней не стал! Использовал при этом самые грязные и подлые методы: всячески чернил невесту в глазах жениха, а жениха — в глазах невесты. Лермонтов даже угрожал покончить жизнь самоубийством или вызвать Лопухина на дуэль, если Катенька не отвергнет «богатого и красивого, но глупого и пустого» жениха, согласившись выйти замуж за «бедного и некрасивого, но искренне любящего её» Мишеля. Лермонтов не пощадил ни чувств друга, ни чести девушки, которую некогда боготворил. И ради чего? Он сам откровенно признался:

«Если я начал за нею ухаживать, это не было отзывом прошлого. Сначала это было оказией развлечь себя, а потом, когда мы достигли доброго согласия, это стало расчётом... Я увидел, что если мне удастся занять собою одну женщину, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества... Теперь я не пишу романов — я их делаю. Итак, вы видите, что я хорошо отомстил за слёзы, которые кокетство m-lle S. заставило меня пролить 5 лет назад; о! но мы всё-таки ещё не рассчитались; она заставила страдать сердце ребёнка, а я только помучил самолюбие старой кокетки...»

Но для окружающих, и в первую очередь для Алексея Лопухина, Лермонтов озвучивает совершенно иную версию своего поступка. Он, якобы, пошёл на него, чтобы спасти друга от женитьбы на кокетке. Да, Сушкова собиралась выйти замуж по расчёту. Она была красива, но бедна, и брак с молодым, богатым и, к тому же, внешне привлекательным Алексеем Лопухиным был для неё более чем желателен. Алексей же, видимо, всерьёз был влюблён в Екатерину, раз решил жениться на ней, и Лермонтов не мог не знать этого. Мишель из ревности и ребяческой мести разрушил желательный для обеих сторон брак, ослабил девушку, и поэтому в дальнейшем у Сушковых ему было отказано от дома. Но месть Лермонтова на этом не закончилась: позднее он сделал Катеньку Сушкову прототипом мало приятной Лизаветы Николаевны Негуровой в своей повести «Княгиня Лиговская», в которой беспощадно высмеял её светские и любовные победы.

Однако обмануть окружающих и выдать подлость за спасение друга Лермонтову не удалось, так как он не смог удержаться от повторения

своего «подвига» с другими девушками. Евдокия Ростопчина написала в одном из своих писем Александру Дюма о Лермонтове следующее:

«Весёлая холостая жизнь не препятствовала ему посещать общество, где он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покидать и оставлять в тщётном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюблённого в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность. Мне случалось слышать признания нескольких из его жертв, и я не могла удерживаться от смеха, даже прямо в лицо, при виде слёз моих подруг, не могла не смеяться над оригинальными и комическими развязками, которые он давал своим злодейским донжуанским подвигам. Помню один раз, он, забавы ради, решился заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять его место, родные невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нём ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся».

Как и Барятинский, Лопухин не стал устраивать Лермонтову скандал, но, видимо, тоже затаил на «друга» Мишеля обиду, последствия которой проявятся позднее. Но не будем забегать вперёд.

Гусарский полк, в котором служил Лермонтов, стоял в Царском Селе. Офицеры, конечно, присутствовали на всех дежурствах, нарядах, смотрах и парадах, но всё свободное время проводили в Петербурге. Когда в каком-нибудь столичном театре давали премьеру, полковое начальство переносило собственное мероприятие, чтобы офицеры смогли посетить представление и не торопились в полк. Но, несмотря на столь свободные порядки, военная служба Лермонтову не нравится. Он хочет пробиться в высший свет Петербурга, посещать лучшие дома. Однако в приличный дом невозможно прийти просто так: нужны приглашение или рекомендация уважаемого человека. А скандальная слава Лермонтова бежит впереди него, ведь тот в личном общении успешно наживает себе врагов, не щадя даже друзей и возлюбленных. Надо как-то исправлять репутацию. Но как?

Кроме балов и приёмов в Петербурге есть и иные центры притяжения сливок общества — литературные салоны. Лермонтовым к этому времени написаны уже сотни стихотворений и несколько поэм. Почему бы не воспользоваться ими? Поэт решительно оставил позади и юно-

шеский романтизм, и юнкерскую порнографию. Он вступил в третий период своего творчества — реализм. Теперь Мишель описывает в стихах то, что происходит с ним самим или окружающими его людьми. Однако вырвавшиеся за пределы школы нецензурные юнкерские вирши ходят в рукописных списках, и это закрывает Лермонтову не только двери в приличные дома, но и в редакции литературных журналов. По словам первого биографа поэта Павла Висковатого уважаемые люди не понимали, как поэт с дурной репутацией «барковщины» «смел выходить в свет со своими творениями». И читателями новых стихотворений Лермонтова по-прежнему остаются лишь его друзья и родственники. Словом, отрезав себя ранее от литературных кругов, Лермонтов теперь не может напечатать свои стихи в журналах. Он по-прежнему пишет их в альбомах знакомых девушек, цитирует в письмах, дарит знакомым и даже слугам. Некоторые стихотворения Лермонтова дошли до нас только в переводах на французский и немецкий языки, их оригиналы на русском до сих пор не найдены.

Чтобы пробить стену неизвестности, Лермонтов решает сделать ставку на театр. Он пишет ту самую пьесу, которую я имел счастье услышать по радио в детстве. Но цензура нарушила расчеты Лермонтова, запретив постановку «Маскарада» в театре. Почему? Да потому что не желала скандала! Ведь, чтобы сразу привлечь к себе внимание публики, Лермонтов взял сюжет из жизни, причём случай недавний и хорошо известный в кругах петербургского высшего света. Но одно дело — рукописный самиздат юнкеров, и совершенно иное — сцена столичного театра. Лермонтов трижды безуспешно переписывает «Маскарад», пытаясь обмануть цензуру. Однако он не желает отказываться от ставки на скандал. Свидетельством этого является тот факт, что Лермонтов упорно оставляет в одной из сцен «опечатку» — настоящее имя несчастной женщины, убитой ревнивым мужем. Поэт, обладавший феноменальной памятью и наблюдательностью и старательно работавший над текстом, только умышленно мог не замечать подобной «ошибки».

Лермонтов был отнюдь не глуп, так зачем же он столь явно пытался «насыпать соль на рану» вполне конкретным людям из высшего общества Петербурга? Одним плохим характером объяснить подобное невозможно. Вот почему я считаю, что Лермонтов хотел быстро прославиться на скандале, и таким вот способом сделать своё имя известным в театральных и литературных кругах Петербурга. Подобный метод используется и поныне, ведь, как цинично заявляют его приверженцы: «Чёрный пиар — это тоже пиар». Но цензура в данном случае сработала

ла вполне профессионально, и «Маскарад» был поставлен на сцене театра только через двадцать лет после смерти автора, когда, видимо, прообразы главных персонажей пьесы и скандал, связанный с ними, уже мало кого волновали.

Таким образом, с театром у Лермонтова тоже ничего не вышло, и он написал в письме Марии Лопухиной, что ждёт «случая», который может судьбой представиться, только хватило бы ему смелости им воспользоваться. И такой случай, действительно, вскоре произошёл. Мишель не упустил его и использовал в полной мере. Даже перестарался. Я имею в виду, конечно, смерть Александра Сергеевича Пушкина.

«Смерть поэта»

Многие поэты, знаменитые и не очень, написали тогда стихи на эту тему: П. А. Вяземский, А. В. Кольцов, Е. А. Баратынский, Ф. Н. Глинка, М. Ф. Ахундов, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, Н. П. Огарёв. Нам сейчас говорят, что именно стихотворение Лермонтова вызвало всеобщее восхищение. Но это, мягко говоря, не совсем так — кто в то время мог его прочесть? Только друзья и знакомые Мишеля. У его именитых конкурентов аудитория была значительно шире. И даже не все знакомые Лермонтова пришли в восторг от его стихотворения, ведь Мишель не знал всех подробностей конфликта, приведших к дуэли Пушкина с Дантесом, и в первом варианте текста просто требовал наказания для офицера-иностранца за покушение на жизнь знаменитого русского поэта. Пушкин был ещё жив, хоть и тяжело ранен. Недаром тексту стихотворения предшествовал эпиграф, взятый из трагедии Ж. Ротру «Венцеслав» — *«Отмщенья, государь, отмщенья!»*. Собственно, того же требовали и другие поэты, не говоря уже о поклонниках Пушкина, так что стихотворение никому не известного корнета Лермонтова не вызвало ни широкого распространения, ни того ажиотажа, которые ему сейчас приписывают литературоведы. К тому же оно довольно небрежно написано. Судите сами по данному отрывку:

*«И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;*

*Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..»*

Как сейчас сказали бы — сплошной «оназм»! Причём, «он» употреблено Лермонтовым и к убийце, и к жертве, да ещё в соседних строках.

Однако даже после того, как почитаемый Лермонтовым Пушкин умер от полученной на дуэли раны, Дантеса в высших кругах петербургского света мало кто считал виновным в его смерти. Родственник самого Лермонтова, камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин, посетивший заболевшего в то время Мишеля, сказал, прочитав его стихотворение, что не надо так нападать на Дантеса, защищавшего свою честь, так как Пушкин сам во многом виноват. К тому же Дантес — иностранец и русскому суду не подвластен. Лермонтов, разозлившись, ответил, что русский человек простил бы любую обиду со стороны Пушкина. Вот это роковое мнение, что таланту, а тем более — гению, позволено всё, что запрещено простому человеку, погубило в дальнейшем множество судеб и жизней, в том числе привело к гибели и самого Михаила Лермонтова. Николай Столыпин не был сторонником данного мнения и попытался объяснить Мишелю всю пагубность несоблюдения правил и законов. В ответ разозлившийся Лермонтов заявил, что не хочет общаться с врагами Пушкина и практически выгнал Николая Столыпина.

Не теряя запала, Мишель немедленно дописал к концу стихотворения на смерть Пушкина новые шестнадцать строк, оскорбительных для царя и его ближайшего окружения:

*«А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки*

*Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!»*

Именно эти строки, а не первый вариант стихотворения, вызвали тот небывалый скандал в высшем свете, сделавший мало кому известного корнета Лермонтова знаменитым в Петербурге поэтом. Подчёркиваю: знаменитым именно и только в Петербурге, а не во всей России, как нас пытаются убедить литературоведы!

Живший в то время на одной квартире с Лермонтовым Святослав Раевский пришёл в восторг от нового варианта стихотворения, переписал его набело и стал распространять среди друзей и знакомых. Конечно же, с разрешения самого Михаила Лермонтова. Мог ли Мишель не понимать, какой резонанс вызовет новый вариант стихотворения, разрешая широко распространить его? Думаю, Лермонтов прекрасно всё осознавал. Он только не ожидал, что скандал дойдёт до самого царя. Ведь ранее, в Москве, кроме любовных признаний трём красавицам, Мишель написал и стихотворение «Новгород», настроенное против тирана Аракчеева, и сатиру в адрес королей, и два радикальных стихотворения, посвящённых Июльской революции во Франции, и даже вот эти крамольные строки, тоже не вызвавшие никаких негативных для автора последствий:

*«Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...»*

Но столичный Петербург не захолустная Москва, и если первый вариант стихотворения Лермонтова на смерть Пушкина мало кого заинте-

ресовал, то второй быстро дошёл до самого графа А.Х. Бенкендорфа, начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шефа Корпуса жандармов. Граф, добрый знакомый бабушки поэта и других Столыпиных, сначала хотел замять это дело, но Раевский к тому времени уж слишком хорошо постарался распространить стихотворение как можно шире. Многие представители царского двора были возмущены. Одна из светских дам, А.М. Хитрова, стала допытываться у Бенкендорфа о его отношении к подобному оскорблению придворной аристократии, и граф вынужден был донести обо всём императору, но опоздал — тот уже от кого-то узнал об этом «*воззвании к революции*». Резолюция Николая I на докладной записке Бенкендорфа гласила:

«Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся ещё другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Когда Мишеля вдруг вызвали на допрос, он понял, что всесильная бабушка на этот раз его не спасёт, испугался и немедленно предал своего друга, Святослава Раевского, одновременно постаравшись всячески обелить себя. Вот его показания:

«Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями; одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалию, какими мелкими мучениями и насмешками он долго был преследуем и, наконец, принуждён сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурён собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее...

Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения. Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сражённого рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; — и врождённое чувство в душе неопытной, защищать всякого невинно осуждаемого, зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезни раздражённых нерв. Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так гром-

ко они восстают против убитого, — мне отвечали: вероятно, чтоб при-
дать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мне-
ния.

Я удивился — надо мною смеялись. Наконец, после двух дней бес-
покойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер;
вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца
русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения,
подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам
его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уве-
ряли) высшего круга общества увеличила первого в моём воображении
и очернила ещё более несправедливость последнего. Я был твёрдо
уверен, что сановники государственные разделяли благородные и ми-
лостливые чувства императора, Богом данного защитника всем угне-
тённым; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно
по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие
к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родствен-
ников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеи-
вать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуман-
ного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными,
неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не
полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно
могут принять на свой счёт выражения вовсе не для них назначенные.
Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде
мыслил и мыслю) для других ещё более, чем для себя.

Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хо-
тя объяснением, ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рас-
судка. Прежде я писал разные мелочи, быть может ещё хранящиеся у
некоторых моих знакомых. Одна восточная повесть, под названием
„Хаджи-Абрек“, была мною помещена в „Библиотеке для чтения“, а
драма „Маскарад“, в стихах, отданная мною на театр, не могла быть
представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и
характеров и также потому, что в ней добродетель не достаточно на-
граждена. Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несча-
стию, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раев-
ский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения, и по необ-
думанности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня
их списать; вероятно, он показал их, как новость, другому — и таким
образом они разошлись. Я ещё не выезжал и потому не мог вскоре уз-
нать впечатления произведённого ими, не мог вовремя их возвратить
назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отречься от них,

хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней, — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твёрдостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим.

*Корнет лейб-гвардии Гусарского полка,
Михаил Лермонтов».*

Читать эти показания лично мне было не только неприятно, но даже противно. Лермонтов кается в своём проступке, ссылается в оправдание на болезнь, без малейших колебаний называет имя Раевского как первого и главного распространителя крамольного стихотворения. Нет, Лермонтов не был трусом, что вскоре докажут его военные подвиги. Он испугался не за жизнь, а за карьеру, боялся лишиться привычных с детства удобств и привилегий. Точно так же он предал когда-то предоставившего ему выбор отца, предпочтя остаться с богатой и влиятельной бабушкой. Мишель хотел быть в глазах окружающих представителем знатного и богатого рода Столыпиных, а не сыном никому не известного бедного офицера. Одно время у него была надежда, что он потомок знаменитого испанского герцога Лерма, но — не сбылось. Иметь же в предках какого-то нищего по российским меркам шотландского искателя приключений — что тут хорошего? Чем, собственно, шотландец Лермонт отличается от презираемого Мишелем француза Дантеса?

Вот и теперь перед Лермонтовым встал вопрос: ради чего он должен лишиться привычного комфорта? Мишель ни дня не прожил в московском пансионате, даже из юнкерской школы и летних лагерей в Царском Селе бабушка, используя своё влияние, часто забирала внука вечером домой, сняв квартиру рядом. Став офицером, Лермонтов предпочёл жить в Петербурге, являясь в свой царскосельский полк только для участия в обязательных служебных мероприятиях. По сравнению с другими офицерами Мишель просто купался в деньгах: вдобавок к ежемесячному жалованью, составлявшему чуть более двухсот рублей, он ещё и от бабушки получал за год более десяти тысяч. Словом, Лермонтов предпочёл пожертвовать другом, но сохранить офицерское звание и привычный достаток. Судьба и жизнь простого солдата его не устраивали. Позднее Лермонтов написал сосланному в Петрозаводск Святославу Раевскому:

«Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что стал виновной твоего несчастья. Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если

я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог... Я тебя принёс в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать, но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь ещё достойным своей дружбы...

27 февраля 1837 г.».

Как видно из этого письма, Лермонтов и в этом случае снимает с себя вину за совершённую подлость. Если ранее, отбивая невесту у Лопухина, он якобы спасал того от женитьбы на «кокотке», то теперь, предавая Раевского, Мишель просто не хотел расстраивать бабушку! Так что, как говорится, из двух зол Лермонтов вроде бы выбирал, на его взгляд, меньшее, выставя себя жертвой сложившихся обстоятельств. Но лично меня его объяснения не убеждают, к сожалению.

27 февраля 1837 года, в тот же день, когда Мишель написал вышеприведенное письмо Раевскому, определилось, наконец, и его наказание: был подписан приказ о переводе лейб-гвардии корнета Михаила Лермонтова тем же чином в Нижегородский драгунский полк, воюющий на Кавказе. Вернее, не воюющий, а находящийся в зоне, где уже давно нет боевых действий — в мирной Грузии! При масштабе проступка это — явная милость. В конечном же итоге ссылка Святослава Раевского в Олонецкую губернию продлится вдвое дольше наказания Михаила Лермонтова.

Однако Мишель не спешит покидать столицу. По просьбе бабушки его отъезд разрешили отложить. Ох уж эта всеильная бабушка! Кто знает, как сложилась бы судьба Лермонтова, не чувствуя он за собою защиту и поддержку влиятельного и богатого рода Столыпиных? Так что Мишель не торопится на Кавказ. Из Петербурга он выехал лишь 19 марта 1837 года.

В Москве Лермонтов тоже задержался аж на два с половиной месяца! Какой ещё опальный офицер позволил бы себе такое? А ведь совсем недавно над ним висела угроза разжалования в солдаты! Чем же занимался Мишель в Москве? Он встретил здесь своего «заклятого» друга — Николая Мартынова. Если Мишель ехал на Кавказ против воли, то Николай добровольно отправился волонтером от Кавалергардского полка для принятия участия в экспедиции против горцев. Н.С. Мартынов вспоминал:

«В Москве я остановился недели на две. Всё мое семейство жило там постоянно...

В эту самую эпоху проезжал чрез Москву Лермонтов. Он был переведён из гвардии в Нижегородский драгунский полк тем же чином за стихи, написанные им на смерть Пушкина. Мы встречались с ним почти всякий день, часто завтракали вместе у Яра; но в свет он мало показывался. В конце апреля я выехал в Ставрополь».

Итак, Мартынов уехал воевать, а Лермонтов остался в Москве и стал ухаживать за одной из его сестёр. Вот отрывок из письма матери Николая Мартынова:

«Москва, 25 мая [1837].

Где ты, мой дорогой Николай? Здесь только и говорят, что о неудачах на Кавказе; моё сердце трепещет за тебя, мой милый; я стала более чем когда-либо суеверна... Мы ещё в городе. Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык, и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сёстрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения всегда неприятны».

Дальнейшие события показали, что материнское сердце не обмануло. Вот что писал по этому поводу Д. Оболенский:

«Никому небезызвестно, что у Лермонтова, в сущности, был пренесносный характер, неуживчивый, задорный, а между тем его талант привлекал к нему поклонников и поклонниц. Неравнодушна к Лермонтову была и сестра Н.С. Мартынова, Наталья Соломоновна. Говорят, что и Лермонтов был влюблён и сильно ухаживал за нею, а быть может, и прикидывался влюблённым. Последнее скорее, ибо когда Лермонтов уезжал из Москвы на Кавказ, то взволнованная Н.С. Мартынова провожала его до лестницы; Лермонтов вдруг обернулся, громко захохотал ей в лицо и сбежал с лестницы, оставив в недоумении провожавшую».

Первая ссылка

Покинув Москву в конце мая 1837 года, Лермонтов неспешно отправился на Кавказ, делая по пути остановки во всех заинтересовавших его местах, и приехал в Ставрополь, где находился штаб войск Кавказской линии и Черноморья, приблизительно в начале июня. Начальником штаба в то время был родственник Лермонтова генерал-майор Павел Иванович Петров. У Мишеля наверняка были с собой письма от бабушки и к Петрову, и к другим родственникам по линии Столыпиных, а также их друзьям и знакомым, находившимся тогда в

Ставрополе. Генерал-майор П.И.Петров просит другого родственника Лермонтова — генерала А.И.Философова — помочь перевести опального Мишеля в действующий отряд, чтобы тот в боевой обстановке мог заслужить прощение государя. Генерал А.И.Философов обращается с соответствующей просьбой к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса В.Д. Вольховскому. И вскоре, благодаря всем этим хлопотам, опальный корнет Лермонтов вместо того, чтобы немедленно отбыть напрямик к месту назначения в Нижегородский драгунский полк, стоящий под Тифлисом в Грузии, прикомандировывается к отряду, находящемуся в подчинении у Командующего войсками Кавказской линии генерала А.А.Вельяминова, то есть остаётся на Северном Кавказе под заботливым крылышком генерал-майора П.И.Петрова.

Итак, вместо ссылки Лермонтов отправился в путешествие вдоль левого берега Терека и доехал аж до Кизляра. Любовался видами гор, рисовал, писал стихи. В Тамани столкнулся с контрабандистами, что дало ему сюжет будущей повести о Печорине. Словом, почти всё лето — июнь, июль и начало августа — Мишель, как турист, путешествовал по горам или принимал в Пятигорске минеральные ванны. Сохранилось письмо Лермонтова к бабушке, написанное 18 июля 1837 года в Пятигорске, в котором он просит писать ему на адрес *«любезного дядюшки»*:

«Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находится в Анапе, на берегу Чёрного моря, при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию; итак, прошу вас, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите к нему; он обещался мне доставлять их туда...»

В Пятигорске Лермонтов вёл привычный образ жизни: кутил, крутил романы с девицами, заводил новые знакомства. Встретил он здесь и своего старого знакомого, Николая Михайловича Сатина, с которым когда-то учился в Московском университетском пансионе. Сатин, в отличие от Лермонтова, близко сошёлся с Герценом и Огарёвым. В 1835 году он был вместе с ними арестован и выслан в Симбирскую губернию, а в 1837 тяжело заболел ревматизмом и был переведён на Кавказ, где усиленно лечился водами. Сатин тоже писал стихи, но больше известен своими переводами из Байрона и Шекспира. Он один из немногих, лично знавших Лермонтова людей, оставивший о нём воспоминания:

«С Лермонтовым мы встретились, как старые товарищи... Мы встретились уже молодыми людьми и, разумеется, школьные неудовольствия были взаимно забыты. Я сказал, что был серьёзно болен и почти недвижим. Лермонтов, напротив, пользовался всем здоровьем и вёл светскую, рассеянную жизнь. Он был знаком со всем «водяным обществом» (тогда очень многочисленным), участвовал на всех обедах, пикниках и праздниках. Такая, по-видимому, пустая жизнь не пропадала, впрочем, для него даром: он писал тогда свою «Княжну Мери» и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера...»

Местный врач Н.В. Майер, числившийся при командующем войсками на Линии генерале Вельяминове, лечил военных больных на Кавказских Минеральных Водах. Он послужил прототипом доктора Вернера в повести Лермонтова «Княжна Мери». После выхода романа «Герой нашего времени» Майер был очень возмущён тем, как он был изображён и даже написал в письме своему другу Н.М. Сатину о Лермонтове:

«Ничтожный человек, ничтожный талант».

Практически все реальные люди, запечатлённые Михаилом Лермонтовым в его стихах и прозе, негодуют и оскорбляются тем, как он это сделал.

Пока Мишель наслаждался «ссылкой», путешествуя за государственный счёт, государь Николай I сам отправился в поездку на Кавказ и прибыл в Грузию ранее уехавшего туда ещё в начале марта опального прапорщика Лермонтова! Всё это время бабушка Мишеля не сидела, сложа руки. Используя все свои связи и влияние, она хлопотала за внука, и её усилия не пропали даром. 11 октября 1837 года в Тифлисе императором было подписано прощение прапорщика Лермонтова, и отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе его *«в Гродненский гусарский полк корнетом».*

Но и теперь Мишель не спешит к месту назначения! Армейская рутина его не устраивает. Только в конце октября 1837 года Лермонтов, наконец, отправляется в Нижегородский драгунский полк, но опять же, не отказывая себе в туристических удовольствиях — *«был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».* Словом, пользуясь случаем, Мишель объехал всё Закавказье.

1 ноября 1837 года в «Русском инвалиде» был опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом. Мишель по-прежнему не спе-

шит к месту новой службы. Ему нравится ссылка на Кавказ! Вот что он имеет наглость писать в декабре 1837 года из Тифлиса томящемуся в настоящей ссылке Раевскому:

«Любезный друг Святослав!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки.

Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский гусарский полк, и если б не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии.

С тех пор, как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда, когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то, приехав на место, греюсь...

Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин. Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьётся, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в

Мекку, в Персию и проч., теперь остаётся только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в Новый полк, я совсем отвык от фронта, и серьёзно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не позабудь меня, и верь всё-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал.

Вечно тебе преданный М. Лермонтов»

После Тифлиса, Мишель пожил, сколько хотел, в Пятигорске, потом в Ставрополе, затем побывал в Елисаветграде, в Москве и, конечно, в Петербурге. В столице Лермонтов постарался задержаться подольше. Сохранилось его письмо генерал-майору П.И.Петрову:

«Петербург, 1 февраля 1838 г.

Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковёр отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний. Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я ещё здесь обмундировываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород...»

В Петербурге Лермонтов побывал в гостях у Жуковского, читал тому свои новые стихи и получил в подарок экземпляр «Ундины» с автографом. Но в литературные круги Мишеля по-прежнему не допускают.

В конце концов, Лермонтов всё же вынужден покинуть столицу и отправиться к новому месту службы. Ехал он, как обычно, не спеша, и прибыл в Новгород лишь 25 февраля 1838 года. Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах. В Новгороде Лермонтов задерживаться не стал и 26 февраля 1838 года явился к командиру полка князю Багратиону-Имеретинскому. Он получил назначение в 4-й эскадрон, а на другой день, 27-го числа, уже дежурил. Здесь у Мишеля не было дядюшки-генерала, который простил бы ему столь долгое путешествие к месту службы — пришлось отрабатывать опоздание.

Впрочем, и в этом полку Лермонтов надолго не задержался, ведь его бабушка, Елизавета Алексеевна, неустанно хлопотала о переводе

внука в столичный Петербург. По её просьбе граф Бенкендорф уже 28 марта 1838 года писал военному министру Чернышёву:

«Родная бабка его, вдова Гвардии Поручика Арсеньева, огорчённая невозможностью непрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам его Императорского Величества просьбу свою о... переводе внука её Лейб-гвардии в Гусарский полк, дабы она могла в глубокой старости (ей уже 80 лет) спокойно наслаждаться небольшим остатком жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданность монарху.

Принимая живейшее участие в просьбе этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содействовать к доставлению ей в престарелых летах сего великого утешения и счастья видеть при себе единственного внука своего, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство в особенное, личное мне одолжение испросить у Государя императора к празднику Св. Пасхи Всемилостивейшее, совершенное прощение корнету Лермантову, и перевод его Лейб-Гвардии в Гусарский полк.

Генерал-Адъютант Граф Бенкендорф».

Вот так, оказывается, на самом деле «преследовал» опального поэта Лермонтова главный жандарм России граф А.Х. Бенкендорф! В результате Мишель прослужил под Новгородом всего полтора месяца и уже 9 апреля 1838 года был переведён в Царское Село в свой прежний лейб-гвардии Гусарский полк. Насколько известно, за время пребывания в Селищах Лермонтов шесть раз дежурил по полку и два раза был на церковном параде. Здесь с ним никто не нянчился, да и поэтом не считал.

Некоторые литературоведы пишут, что, несмотря на краткость пребывания Лермонтова в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, он успел приобрести среди товарищей по службе уважение и авторитет как офицер и поэт. Однако, один из его сослуживцев, А.И. Арнольди, по данному поводу написал позднее в своих мемуарах следующее:

«Лермонтов в то время не имел ещё репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрёл впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха, и мы, не предвидя в нём будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно...»

Что же касается офицерской удали, то надо понимать специфику гусарской службы. В казармах не было иных развлечений, кроме вечеринок с вином и картами. Известно, что Лермонтов в Селищах в первый

же вечер проиграл за карточным столом 800 рублей! Четыре офицерских жалованья за раз! Таких «удальцов» в любом карточном обществе будут носить на руках. Кроме того, в свободное от службы время Лермонтов позволял себе довольно часто отъезжать в Петербург, а ведь это 145 вёрст туда и столько же обратно! Кто ещё из товарищей Лермонтова по службе мог себе позволить такое? Так что, словами Пушкина можно сказать: *«Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог!»*, однако то ли это уважение, которого достоин именно офицер? Всё тот же Александр Арнольди, ставший позднее генералом от кавалерии, участником Кавказских походов и русско-турецкой войны 1877—1878 годов, военным губернатором Софии писал в своих мемуарах:

«Он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызёт множество перьев, наломает карандашей и напишет несколько строк. Ну, разве это поэт?»

Конечно, Арнольди пристрастен в своих оценках личности Лермонтова, а кто — нет? Ведь даже обычный стакан, наполовину наполненный водой, разные люди видят неодинаково: для одних он наполовину полон, а для других — наполовину пуст. А тут — живой человек! Но, очевидно, что мнение Арнольди о Лермонтове было на чём-то основано. По-видимому, оно не раз обсуждалось в различных офицерских компаниях и в конечном итоге сложилось именно таким. И скорее всего не только у него одного, раз этот человек в своих мемуарах говорит о Лермонтове не только от своего лица, но и неоднократно употребляет слово «мы». Вот и Ю. Елец в своей «Истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка» пишет:

«За свое пребывание в полку Лермонтов не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек...»

Вот так и прошла первая ссылка Михаила Лермонтова — в туристических походах по Кавказу, балах и офицерских пирушках.

Санкт-Петербург, 1838-1840 гг.

Вернувшись, наконец, в столицу в ореоле скандальной славы «пострадавшего за правду» Лермонтов вновь ставит перед собой цель: во

что бы то ни стало пробиться в большой свет. Теперь ему сделать это гораздо проще — Мишелю протезируют друзья и поклонники Пушкина, не говоря уже о влиятельных родственниках из рода Столыпиных. И это не осталось незамеченным. Граф В. А. Соллогуб даже написал в 1839 году повесть «Большой свет», где красочно изобразил «маленького корнета Мишеля Леонина». Ничтожный и нелепый, Мишель безуспешно старается обратить на себя внимание общества и прежде всего женщин, использует для этого своего богатого родственника, который сам довольно-таки брезгливо относится к маленькому уродцу, но вынужден по просьбе бабушки водить того по салонам. Разумеется, мало для кого было секретом, что в повести Соллогуба изображены Михаил Лермонтов и Алексей (Монго) Столыпин. Однако, Мишель ничуть этим не смущён, по крайней мере он никак не показывает свою обиду и даже лично поздравляет графа Соллогуба с выходом повести. Ведь надо сначала пробиться в свет, завоевать там своё место, а потом уже можно будет и отомстить всем обидчикам. И эта тактика поначалу полностью себя оправдывает. Вот строки из письма Лермонтова М.А. Лопухиной:

"Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг друга. Это, по крайней мере, откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, осыпают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее, я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили. Может быть, эти жалобы покажутся вам, милый друг, неискренними; вам, может быть, покажется странным, что я гонюсь за удовольствиями, чтобы скучать, сплясывая по гостиним, когда там нет ничего интересного. Ну что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток это тщеславие и самолюбие. Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может опьянять; к счастью, моя природная лень берёт верх, и мало-помалу я начинаю находить всё это несносным. Но этот обретенный мной опыт полезен в том отношении, что даёт мне оружие

против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там..."

Как видно из этих строк, Мишель страстно желал блистать именно в высшем свете, в модных аристократических салонах. О литературной славе или публикациях в журналах речи вообще нет! Так, время от времени, дарятся какие-то стихи разным восторженным девицам, не более того. Хотя достойный ответ «будущим клеветникам» Мишель всё же готовит, и месть им будет, конечно же, литературной, в стихах и прозе. Литература же сама по себе интересует Лермонтова постольку поскольку. Он не пытается хоть как-то сблизиться даже с одним из виднейших критиков того времени — Виссарионом Белинским, хоть у него и была такая возможность ещё во время ссылки на Кавказ, в Пятигорске. Наоборот, Мишель тогда вновь поддался своему Демону и оттолкнул от себя Белинского. Вот как описал их первую встречу Н.М. Сатин:

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеивался над своими любвями и волокитствами. В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембар (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с удивлением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьёзному разбудил юмор Лермонтова. На серьёзные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишённая смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд смотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тщётно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Белинский, с своей стороны, иначе не называл Лермонтова, как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина», он отвечал: «Вот важность написать несколько удачных стихов! От этого ещё не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком!»

На впечатлительную натуру Белинского встреча с Лермонтовым произвела такое сильное влияние, что в первом же письме из Москвы он писал ко мне: «Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов».

Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга...»

Сатин старается оправдать Лермонтова, пытаясь явное злословие того выдать за юмор, но у него это плохо получается.

Позднее, уже в Петербурге, прочитав роман «Герой нашего времени», Белинский изменил своё мнение о Лермонтове как о писателе и тот завоевал его уважение именно в этом качестве. Но вот поверить в то, что и Лермонтов в свою очередь вдруг стал ценить Белинского, я не могу. Лермонтов рвался в высший свет столичной аристократии, к которому Белинский ни в малейшей степени не принадлежал, и, следовательно, знаменитый критик был ему малоинтересен. Они не раз встречались у Андрея Краевского, редактора литературного журнала «Отечественные записки». Белинский писал восторженные статьи о Лермонтове, но никакого сближения между ними, а тем более дружбы не было. Мишель по-прежнему не желал примыкать к каким-либо литературным партиям, предпочитал держаться наособицу.

Да, стихи и прозу Лермонтова стали, наконец, публиковать в одном из лучших журналов России, но для всех этих князей и баронов из высшего петербургского света, в чьё общество так жаждал попасть Мишель, он оставался мелким, ничего не значащим офицеришкой, а не литературной знаменитостью. Нынешние литературоведы стараются уверить нас, что имя Лермонтова гремело по всей России, что всё образованное общество зачитывалось его стихами и прозой. Однако факты этого не подтверждают. Приведу наглядный пример.

Роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени» был издан в Санкт-Петербурге в типографии Ильи Ивановича Глазунова в конце апреля 1840 года в двух книгах тиражом всего лишь в тысячу экземпляров. История издания изложена в «Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых»:

«Это первое издание романа Лермонтова, напечатанное типографией Глазунова, несмотря на хорошие отзывы в «Отечественных записках» В. Г. Белинского, сначала совсем почти не расходилось; это побудило издателей обратиться к Ф.В. Булгарину и попросить написать его в «Северной пчеле» статью об этом произведении. Как только появилась в «Северной пчеле»... статья Ф.В. Булгарина, издание раскупили почти что нарасхват».

Что ж это за известность такая, при которой даже мощная рекламная кампания самого Виссариона Белинского в одном из популярнейших журналов того времени не подвигла читателей раскупить какую-то жалкую тысячу экземпляров романа? Более того, издателям, чтобы не впасть в убыток, пришлось пойти на хитрость и обратиться за помощью во вражеский стан. Существует версия, что бабушка Лермонтова, Е.А. Арсеньева, по чьему-то совету отправила Фаддею Булгарину два экземпляра романа, вложив в один из них пятьсот рублей ассигнациями — жалованье офицера за два месяца! И вскоре в журнале «Северная пчела» появилась статья Булгарина, в которой этот знаменитый писатель и критик того времени пишет:

«Скажите, ради Бога, где созрело, где развилось это необыкновенное дарование? Каким волшебством этот юный ум проник в тайники природы, в глубину души человеческой? Какая непостижимая сила сорвала пред ним личину общества и объяснила болезнь, которую оно страждет в наше время, в XIX веке?! Всё это чудеса для меня! «Герой нашего времени» — первый опыт в прозе юного автора, первый — понимаете ли! Генияльные умы взвиваются на высоту при первых поэтических порывах, но в прозе эти примеры чрезвычайно редки. Проза требует глубокой науки и обдуманности. Виктор Гюго написал множество плохих романов и повестей, пока создал «Notre Dame de Paris». Бальзак долго влачил по земле, пока возвысился до «Евгении Гранде», «Отца Горио», «Истории тринадцати» и «Шагириновой кожи». Вальтер Скотт начал писать свои романы уже в зрелых летах, богатый опытами жизни и наукою...»

Автор «Героя нашего времени» в первом опыте стал на ту ступень, которой достигали другие долговременною опытностью, наукою, трудом и после многих попыток и неудач. О Русь, мать всех племён сла-

вянских, сколько дарования, сколько ума и нравственной силы сокрыто в твоих недрах! Другие народы уже истощили дар слова, а мы едва тронули поверхность нашего рудника...

Лучшего романа я не читал на русском языке! Это говорит вам романист, рассказчик и критик, которого многие почитают неумолимым, беспощадным и даже привязчивым критиком, потому что он говорит откровенно правду напыщенной бесталантности, дерзкой самонадеянности и пронирыливому литературному корыстолюбию, прикрывающемуся глупым чванством. Вот юный автор, незнакомый мне и, вероятно, не благоприятствующий мне, судя по его литературным связям, в которые он мог попасть нечаянно. Этот юный автор с истинным, неподдельным дарованием, и я хвалю его сочинение с такою же радостью, как будто бы делился с ним его славою. И точно делюсь, потому что слава русской литературы отражается на всех нас, на всей России, а её можно искренно поздравить с таким автором, каков творец романа «Герой нашего времени»! С этих пор автор должен вооружиться мужеством и терпением. У него будут бесталантные подражатели и завистники. Зависти не знает истинный литератор, посвятивший литературе всю жизнь свою, всё свое время, пожертвовавший ей своим честолюбием и светскими преимуществами. Зависть есть удел тех самозванцев в литературе, которые употребляют её как средство к достижению других целей. Истинный литератор — раб своей обязанности. Если б жесточайший враг его написал хорошее — он должен хвалить, если не хочет сам унизиться до степени своих клеветников. Литератор, как судья, должен смотреть не на лица, а на дела...»

Как видно из статьи, Фаддей Булгарин не был до этого знаком с творчеством Михаила Лермонтова! В приведённых отрывках он даже ни разу не упоминает его имя, прекрасно понимая, что читателю проще запомнить название романа, чем фамилию малоизвестного автора. В то время Фаддей Булгарин был известным на всю Россию журналистом и весьма популярным автором интереснейших исторических романов. Ещё при его жизни вышло полное собрание сочинений в семи томах. Оно так понравилось императору Николаю I, что тот объявил Булгарину «высочайшую благодарность» и наградил бриллиантовым перстнем. Поэтому нет ничего удивительного, что статья Булгарина в издаваемой им «Северной пчеле» привела к тому, чего не смог добиться Белинский — роман Лермонтова «Герой нашего времени» мгновенно раскупили, и вскоре начало готовиться второе издание.

В досаде на столь очевидную всем демонстрацию весомости мнения обоих критиков в глазах читателей, В.Г. Белинский не удержался и ядовито назвал рецензию Булгарина «*купленным пристрастием*», намекая на полученные тем пятьсот рублей. И это высказывание гораздо сильнее бьёт по самому Белинскому. Во-первых, оно показывает явную зависть одного критика к авторитету другого. Во-вторых, бросает тень на роман Лермонтова: так ли уж он хорош, как говорил сам Белинский, или его можно хвалить только за деньги? Белинского, между прочим, тоже можно было бы обвинить в ангажированности, так как он являлся штатным критиком журнала А.Краевского «Отечественные записки», где были ранее напечатаны три из пяти повестей Лермонтова о Печорине. Три из пяти! Выходит, что читатели журнала почему-то не захотели приобрести роман в полном виде, чтобы узнать, что же там дальше стало с Печориным.

Сейчас абсолютно неважно, был ли Фаддей Булгарин искренен в своих оценках «Героя нашего времени» или просто отработывал полученные деньги, но сам Лермонтов, конечно, не мог не знать подробностей данной истории, раз уж они были известны тому же Белинскому. И знаете, как Мишель отблагодарил Булгарина за помощь? Написал на него несколько едких эпиграмм!

Но оставим в покое литературные дразги, я привёл их здесь лишь в качестве иллюстрации истинной известности, вернее — неизвестности Михаила Лермонтова как поэта и писателя вплоть до момента выхода его романа «Герой нашего времени» отдельным изданием в конце апреля 1840 года. Да и эта тысяча экземпляров романа вряд ли могла кардинально изменить ситуацию. В литературных салонах Петербурга — может быть, но никак не в масштабах всей России. Так что Александр Арнольди в своих мемуарах не врал, когда писал:

«Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком...»

Да и сам Мишель отлично знал себе цену и в литераторы не рвался, предпочитая литературным салонам великосветские приёмы и балы. Известный русский писатель и журналист Иван Иванович Панаев, по рекомендации которого Белинский был приглашён А.А. Краевским заведовать критическим отделом «Отечественных записок», писал:

«Лермонтов хотел слыть во что бы то ни стало и прежде всего за светского человека и оскорблялся точно так же, как Пушкин, если кто-нибудь рассматривал его как литератора. Несмотря на сознание, что причиной гибели Пушкина была склонность его к великосветскости...»

А как проходит служба Мишеля в его гусарском полку? Оправдал ли он своим поведением ходатайства за него графа Бенкендорфа и военного министра графа Чернышёва? Вот что пишет об этом М.Н. Лонгинов в VII томе «Русской Старины»:

«Лермонтов был очень плохой служака, в смысле фронтовика и исполнителя всех мелочных подробностей в обмундировании и исполнении обязанностей тогдашнего гвардейского офицера. Он частенько сиживал в Царском Селе на гауптвахте, где я его иногда навещал. Между прочим, помню, как однажды он жестоко приставал к арестованному вместе с ним лейб-гусару, покойному Владимиру Дмитриевичу Бакаеву (ум. 1871 г.).

Весною 1839 г. Лермонтов явился к разводу с маленькою, чуть-чуть не игрушечною детскою саблею при боку, несмотря на присутствие великого князя Михаила Павловича, который тут же арестовал его за это, велел снять с него эту саблю и дал поиграть ею маленьким великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, которых привели посмотреть на развод. В августе того же года, великий князь, за неформенное шитьё на воротнике и обшлагах виц-мундира, послал его под арест прямо с бала, который давали в ротонде царскосельской китайской деревни царскосельские дамы офицерам расположенных там гвардейских полков (лейб-гусарского и кирасирского) в отплату за праздники, которые эти офицеры устраивали в их честь. Такая нерадивость причитывалась к более крупным проступкам Лермонтова и не располагала начальство к снисходительности в отношении к нему, когда он в чём-либо попадался».

Но что значит мнение полкового начальства, когда за Мишеля хлопчут на самых верхах? И вот 6 декабря 1839 года выходит приказ военного министра графа Чернышёва о переводе лейб-гвардии корнета Лермонтова на освободившуюся вакансию поручика от кавалерии. Это явно незаслуженное звание останется, тем ни менее, единственной наградой, полученной Михаилом Лермонтовым в армии.

Первая дуэль

Итак, Мишель, наконец, добился своего: его принимают в лучших домах Петербурга, пусть и в качестве родственника и спутника Алексея Столыпина. Зимой 1839 года доходит очередь и до французского посольства. Понятно, что прежде чем выдать кому-либо приглашение посетить приём, там проверяют личность гостя. Со дня гибели Пушкина

на дуэли с Дантесом прошло всего два года, однако секретарь французского посольства барон д'Андре от имени посла Франции господина Проспера де Баранта почему-то поинтересовался у А.И. Тургенева: правда ли, что стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта» направлено не только против Дантеса, но и против всех французов? Уже сам факт подобного вопроса означает, что стихотворение, якобы широко известное как в России, так и за границей, на самом деле никто не читал даже во французском посольстве в Петербурге! Вот и верь после этого литературоведам.

Тургенев немедленно обратился за разъяснениями к самому Лермонтову, и Мишель на следующий день прислал ему текст стихотворения «Смерть Поэта», сопроводив его запиской:

«Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне вчера говорили, для известного употребления, если будет такова Ваша милость».

Таким образом, получается, что и у Тургенева тоже не было этого по утверждениям литературоведов *«знаменитого и общеизвестного, ходившего в тысячах рукописных списков»* стихотворения!

Возникает вопрос: зачем французскому послу приглашать на бал скандально известного мелкого офицеришку, к тому же по слухам не любящего французов? Верить литературоведам, что на это де Баранта подвигла всероссийская литературная слава Михаила Лермонтова, увы, не получается. Нет пока этой славы, да и откуда ей взяться? Ведь роман «Герой нашего времени», как и небольшой сборник стихотворений, выйдут из печати только в следующем году, один в апреле, другой в октябре, да и те тиражом всего лишь в тысячу экземпляров.

Скорее всего, приглашение послано Алексею Столыпину, а тот, как известно, в этот период вынужден по просьбе бабушки Мишеля водить с собой своего малоприятного родственника на все великосветские балы и приёмы. Это в глазах восторженных барышень и их родителей Лермонтов — блестящая партия: молод, здоров, богат, офицер, служащий не где-то в захолустье, а в Царском Селе, и к тому же — единственный наследник огромного состояния престарелой бабушки!

Но вот для устроителей приёмов Лермонтов — головная боль. Ведь единственное развлечение Мишеля — злое высмеивание окружающих, а подобное поведение чревато конфликтами и обидами. Лермонтов явно описывал самого себя в одной из сцен беседы Печорина с княжной Мэри:

«Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал

шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это её забавляло, а потом испугало.

— *Вы опасный человек!* — сказала она мне. — *Я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.*

— *Разве я похож на убийцу?...*

— *Вы хуже...»*

Лермонтов не раз говорил и писал, что наделил Печорина многими собственными мыслями и чертами характера. Ну и, как было сказано выше, он почти с документальной точностью описывал в своих произведениях знакомых ему людей и реальные события. Учитывая всё это, я думаю, что французскому послу от А.И. Тургенева нужно было не столько содержание скандального стихотворения Лермонтова, сколько получение гарантий того, что Мишель в случае приглашения его на приём не причинит ни хозяевам, ни гостям никаких неприятностей. И, очевидно, что де Барант такие гарантии получил, потому что он выдал Лермонтову приглашение на новогодний бал во французском посольстве, так как, по его словам, убедился, что тот никогда *«не думал поносить французскую нацию»*.

И поначалу Лермонтов придерживался данного им Тургеневу обещания вести себя корректно, но, к сожалению, это продлилось недолго. Сидящий внутри него Демон вскоре вновь дал о себе знать, и Мишель перестал скрывать от окружающих своё презрение к иностранцам, ищущим своё счастье в России. Видимо, у Лермонтова был комплекс по данному поводу, ведь он сам являлся прямым потомком шотландского искателя приключений. Но особенную неприязнь у Лермонтова вызывали французы, ведь именно их представитель убил на дуэли Пушкина, перед которым Мишель просто преклонялся.

Разумеется, оскорбительное поведение Лермонтова не могло остаться незамеченным. Тем более, что он выбрал мишенью для своих острот сына французского посла в России — Эрнеста де Баранта. 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль некая Тереза фон Бахерахт рассказала молодому де Баранту о том, что думает о нём и обо всех французах Михаил Лермонтов. Зачем она это сделала, сейчас уже не важно. Разумеется, Эрнест де Барант не мог проигнорировать слова Терезы фон Бахерахт. Он подошёл к Лермонтову и сказал ему:

«...если всё переданное мне справедливо, то вы поступили дурно».

Вместо того, чтобы объяснить и разрешить дело миром, Лермонтов вызывающе произносит следующее:

«Ни советов, ни выговоров не принимаю и нахожу ваше поведение смешным и дерзким».

Ещё более оскорблённый де Барант говорит:

«Если б я был в своём отечестве, то знал бы как кончить дело».

Лермонтов отвечает:

«Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы, русские, не меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно».

Разговор происходил публично, и Эрнесту де Баранту ничего иного не оставалось, как сделать формальный вызов на дуэль, который Лермонтов не только немедленно принял, но и ужесточил условия. В Европе дрались на шпагах до первой крови, но Мишель потребовал, чтобы после поединка на шпагах дуэль была продолжена по русскому обычаю на пистолетах. И де Баранту пришлось согласиться. При этом следует учесть то, что Лермонтов — офицер, закончивший военную школу, считается, что он прекрасно фехтует и стреляет. А молодой де Барант — сугубо штатский юноша, хотя его наверняка и обучали держать в руках шпагу. Смертельные дуэли во Франции — редкость, но защищать свою честь должен уметь любой дворянин.

Дуэль состоялась днём 18 февраля на той же самой Чёрной речке, где совсем недавно Дантес убил Пушкина. Сначала по-французски бились на шпагах. Эрнест де Барант в этом поединке победил — несмотря на то, что он поскользнулся, его шпага всё же поцарапала грудь Лермонтова. Удар же Лермонтова пришёлся в рукоять шпаги противника. Он был настолько силен, что сломалось остриё. Секунданты принесли пистолеты. Оба выстрела прогремели практически одновременно. Барант промахнулся. Пуля Лермонтова тоже пролетела мимо. Дуэлянты пожали друг другу руки и разъехались.

Конечно, барон Проспер де Барант даже не предполагал, требуя соответствующих гарантий, что приглашения на балы поручика Лермонтова закончатся дуэлью с его сыном. Однако, Мишель не только нарушил данное им французскому послу обещание, что его присутствие на приёмах и балах не принесёт никому никаких неприятностей, но и подвёл поручившегося за него А.И. Тургенева. Позднее, уже после дуэли, Лермонтов перестанет скрывать её истинные мотивы и откровенно скажет:

«Я ненавижу этих искателей приключений — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети».

Отсутствовавший в Петербурге во время дуэли секретарь французского посольства барон д'Андрэ написал Просперу де Баранту 28 марта 1840 года письмо, в котором есть такие строки:

«Потом я очень сожалел, что покинул Вас на восемь дней раньше срока; мне казалось, что я мог бы избавить Вас от того, что случилось. Ко времени моего отъезда они уже были в очень натянутых отношениях. Я несколько раз уговаривал Эрнеста сделать над собой небольшое усилие, чтобы не придавать слишком большого значения не вполне культурным манерам г-на Лермонтова, которого он видел слишком часто».

После дуэли с Эрнестом де Барантом, Лермонтов был арестован и сидел в ордонанс-гаузе, ожидая решения своей участи. В 1787 году Екатерина II издала «Манифест о поединках», в котором за бескровную дуэль обидчику грозила пожизненная ссылка в Сибирь, а раны и убийство на дуэли приравнивались к уголовным преступлениям. Во времена Николая I за дуэль можно было лишиться дворянства и угодить на каторгу. Разумеется, бабушка вновь привлекла к спасению единственного внука все свои придворные и родственные связи.

Сидящего под арестом Лермонтова навестили Краевский и Белинский, ведь готовились к отдельному изданию его роман и сборник стихотворений, проверить гранки которых Мишель не мог. Лермонтов понимал, что ему сейчас нужна любая поддержка. Мнение «общества» всегда много значило в России, а кто как не литераторы способны создать и распространить благоприятное для Мишеля освещение произошедших событий? Видимо, поэтому он изменил своей натуре и постарался угодить даже презираемому им Белинскому. Грозный критик оказался падким на лесть и вскоре написал своему другу Боткину:

«Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!

Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтера Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и ещё первого человека встретил, думающего так же. Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит «Онегина». Женщин ругает: одних за то, что дают; других за то,

что не дают... Пока для него женщина и давать — одно и то же. Мужчин он также презирает, но любит одних женщин и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский. Печорин — это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: «Дай Бог!» Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моём перед ним превосходстве!»

Сам ли Мишель додумался до метода собственной защиты, или кто-то более опытный дал ему соответствующий совет, но Лермонтов неожиданно для всех заявил на закрытом военном суде, что он, принимая вызов от господина де Баранта, «желал тем самым поддержать честь русского офицера», но во время дуэли стрелял в воздух. Данные обстоятельства были учтены Генерал-Аудиториатом (высшим военным судебным органом) в числе «положительных сторон поединка», а «общественное мнение» быстро распространило повсеместно эту версию.

Дело в том, что как раз в это время между Россией и Францией возникли настолько напряжённые отношения, что ещё в декабре 1839 года русский посол во Франции граф Пален выехал в Петербург и оставался в России около трёх месяцев. Император Николай I сильно недолюбливал короля Франции Луи-Филиппа. Именно в начале 1840 года французские газетчики опубликовали сенсационные разоблачения связи русского императора с претендентом на французский престол, племянником Наполеона — Луи Бонапартом. Долгое отсутствие в Париже главы русского посольства было воспринято французским правительством как враждебная демонстрация. Русский дипломат в Париже барон Медем сообщал 4 января 1840 года в частном письме к вице-канцлеру Нессельроде, что «если пребывание Палена в России продлится, то французский король примет крайние меры и отзовёт Баранта из Петербурга на неопределённый срок».

Граф Пален выехал в Париж только 18 марта 1840 года. Весь этот период — с декабря 1839 по март 1840 года — посол Франции де Барант буквально сидел на иголках, готовый в любой день выехать из России. А тут ещё дуэль его сына с русским офицером!

На этом и сыграли защитники Лермонтова.

«Это совершенная противоположность истории Дантеса, — замечает П.А. Вяземский 22 марта 1840 года. — Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова делают героя и радуются, что он проучил француза».

Как пишет Белинский:

«Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 13 Апреля 1840 года Генерал-Аудиториат, по рассмотрении военно-судного дела, произведённого над поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, вынес следующее решение:

«За сии противозаконные поступки, Генерал-Аудиториат, руководствуясь Свода военных постановлений, Военно-уголовного Устава книги 1-й ст. 392 и 393-й, полагает, лишив его Лермантова чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые.

Но принимая в уважение во первых причины, вынудившие подсудимого принять вызов к дуэли, на которую он вышел не по одному личному неудовольствию с Бароном де-Барантом, но более из желания поддержать честь Русского офицера, во вторых то, что дуэль эта не имела никаких вредных последствий; в третьих, поступок Лермантова во время дуэли, на которой он, после сделанного де-Барантом промаха из пистолета, выстрелил в сторону, в явное доказательство, что он не жаждал крови противника, и наконец засвидетельствование начальства об усердной Лермантова службе, повергает участь подсудимого на Всемилостивейшее Его Императорского Величества воззрение, всеподданнейше ходатайствуя о смягчении определяемого ему по законам наказания, тем, чтобы вменив ему Лермантову содержание под арестом с 10-го прошедшего Марта, выдержать его еще под оным в крепости на гоубтвахте три месяца и потом выписать в один из Армейских полков тем же чином».

На обёртке этого решения Николай I собственноручно наложил резолюцию: *«Перевесть в Тенгинский пехотный полк... исполнить сию ниже».*

Как и перед первой ссылкой на Кавказ Лермонтова вновь не разжалоли в солдаты, оставив в том же офицерском звании. И после подобного финала нам упорно навязывают миф о том, как император Николай I и Бенкендорф ненавидели поэта и всячески его преследовали!

Однако история на этом не закончилась. Подобное извращение ситуации ни в коей мере не устраивает де Барантов. До этого молодой де Барант считал победителем себя, так как он выиграл поединок на шпагах, а на пистолетах произошла ничья — оба противника промахнулись. И раз Лермонтов не стал настаивать на продолжении дуэли, де Барант решил, что достойно защитил свою честь, как и подобает дво-

рянину. Теперь же, после того, как Лермонтов заявил, что *намеренно стрелял мимо*, причём — *после того, как промахнулся его противник*, в столичном обществе распространилось мнение, что это именно он «проучил француза»!

Лично я разделяю возмущение Эрнеста де Баранта, и вот почему. Зачем Лермонтов так настаивал на дуэли по-русски, если стрелять в противника не собирался? К тому же, если кто-то стреляет вверх или в сторону, это невозможно не заметить, так как подобный поступок по сути своей просто обязан быть недвусмысленным и демонстративным. Определить же, промахнулся человек или намеренно выстрелил мимо, практически невозможно. Кроме того, поединок на шпагах явно свидетельствует, что Лермонтов дрался всерьёз и колот своего противника с такой силой, что даже сломал кончик своей шпаги. То, что Лермонтов якобы был отличным фехтовальщиком и стрелком, а потому не мог промахнуться, мы знаем только со слов его защитников. Как известно, во время обучения в военной школе партнёром Мишеля в поединках на саблях и шпагах был Николай Мартынов, поступивший в школу юнкеров на год позже, то есть — новичок! Почему же не однокурсник? Ведь, как показывает опыт, чтобы улучшить собственные навыки, тренироваться надо с равным или более сильным противником, но никак не с новичком. Так что проигрыш Лермонтова в дуэли на шпагах де Баранту подрывает веру и в правоту утверждения его защитников, что Мишель был отличным стрелком. Да и позднее, в боях с чеченцами, Лермонтов никогда не пользовался пистолетом, предпочитая саблю.

Как бы там ни было, но Эрнест де Барант принял неожиданное заявление Лермонтова о его якобы намеренной стрельбе мимо как очередное оскорбление. Он посетил Лермонтова в ордонанс-гаузе и потребовал от того объяснений. Мишель нагло заявил в ответ, что готов доказать свою правоту в новом поединке на пистолетах, прекрасно понимая при этом, что повторения дуэли никто не допустит. Лермонтоведы утверждают, что Эрнест де Барант, якобы, струсил и в спешке покинул Россию. Рассказывая о своей дуэли Белинскому, Мишель презрительно охарактеризовал соперника как «*салонного Хлестакова*». Но так ли всё было на самом деле?

Эрнесту де Баранту был двадцать один год. Он окончил высшую школу, носил звание доктора Боннского университета. В 1838 году посланник выписал сына в Россию и стал готовить его к дипломатической карьере. Когда в феврале 1840 года секретарь французского посольства барон д'Андрэ уехал из Петербурга, Эрнест временно заменял его в делах посольства.

«Это теперь единственный помощник, которого я имею при себе, — писал Барант-отец министру иностранных дел Тьеру. — Зная Вашу обязательность, я уверен, что Вы примете во внимание его право на назначение вторым секретарём: это будет справедливо по отношению к нему и знаком расположения ко мне».

Так что, Эрнест де Барант вовсе не был «салонным Хлестаковым». Дуэль с Лермонтовым поставила крест на его дипломатической карьере, а новый поединок между французом и русским, да ещё с возможным кровавым исходом, не нужен ни Парижу, ни Петербургу, и Проспер де Барант предпочёл, чтобы его сын как можно скорее покинул Россию. Эрнест вовсе не испугался повторения дуэли с Лермонтовым на pistolетах, а просто поставил интересы родины выше собственного самолюбия. Трус не сделал бы и первого вызова. Это Мишелю, эгоисту до мозга костей, было плевать на все сложности международной политики. Позднее молодой де Барант написал отцу письмо, в котором так описал настроение французского правительства по поводу обострения франко-русских отношений: *«Чаша терпения была переполнена более, чем вы предполагали».*

В свою очередь под ударом оказалась и дипломатическая карьера де Баранта-старшего. Ведь он в качестве посла представлял в России Францию, и до Парижа наверняка скоро дойдут петербургские слухи, что какой-то русский офицеришка самого низкого чина *«посрамил французов»*, да ещё в поединке с его сыном! И это в то время, когда отношения между Францией и Россией и так балансируют на грани разрыва. Под угрозой не только карьера посла, но престиж страны.

Возмущённый де Барант обратился с протестом к министру иностранных дел России графу Карлу Нессельроде, тот послал соответствующий запрос в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф был в дружеских отношениях с кланом Столыпиных и поэтому весьма способствовал смягчению наказания Лермонтова в истории со стихотворением «Смерть поэта». Но в данном случае дело реально шло к международному конфликту, и граф дружбе предпочёл службу, тем более, что уж он-то наверняка точно знал всю правду о дуэли. Поэтому Бенкендорф принял сторону де Барантов и потребовал от Лермонтова написать им письмо с признанием во лжи.

Но Мишель не собирался терять всё, чего достиг. Подобное признание не только навсегда закрыло бы перед ним все двери, как в дома высшего света, так и в литературу, но и повлекло бы за собой адекватный суровый приговор императора. Лермонтов целую неделю сочинял

письмо, но не де Барантам, а великому князю Михаилу, будучи уверенным, что оно попадёт и к царю тоже:

«[Апрель, 1840] Ваше Императорское Высочество!

Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покаясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрён до сих пор надеждой иметь возможность усердно службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит ещё обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.

Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушные и справедливости Вашу и будучи уже не раз благодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество, позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание моё оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение моё, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соизволите обратить внимание на горестное моё положение и заступлением Вашим восстановить моё доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший

Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик».

Из строк этого письма видно, что никто из участников и свидетелей дуэли не может подтвердить того, что Лермонтов стрелял «на воздух», кроме того самого Алексея Столыпина, что по просьбе бабушки поэта вынужден был брать Мишеля с собою на все великосветские балы и приёмы. Кроме того, называя имя Алексея Столыпина, Лермонтов рассчитывал не только на родственные чувства, но и на репутацию последнего. По отзывам современников, Алексей Столыпин был живым воплощением внешней и внутренней красоты. Вот как характеризует его М.Н. Лонгинов:

«Это был совершеннейший красавец; красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какою-то нежностью, была бы названа у французов «proverbiale»... Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать Монго-Столыпина — значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощённой чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом».

Конечно, и сам Столыпин был кровно заинтересован, чтобы представитель его рода, которого он к тому же представлял везде как своего ближайшего родственника и лучшего друга, не был объявлен в глазах всего света лжецом. Сохранились показания Алексея Столыпина на суде:

«Направления пистолета поручика Лермонтова при выстреле не могу определить, что могу только сказать, это то, что он не целил в Барона де-Баранта, а выстрелил с руки.

Барон де-Барант, как я выше сказал, целил по слову два и выстрелил по счёту три. Выстрелы же последовали так скоро один за другим, что не могу определить, чей был прежде».

Как видно из этих показаний, Столыпин не подтверждает слова Лермонтова о стрельбе в сторону. Тот стрелял «не целясь», не более того. Не подтверждает Столыпин и утверждение, что Лермонтов стрелял после выстрела де Баранта! Другими словами, Алексей Столыпин не пожелал откровенной ложью замарать свою честь, предпочтя уйти от конкретных ответов на вопросы судей. А вот Мишеля подобные «мелочи» ничуть не пугали. Через несколько месяцев, в конце августа 1840 года, Адель Оммер де Гелль, супруга французского консула в Одессе Ксавье Оммер де Гелля, в письме к подруге напишет:

«Я правды так и не добилась. Лермонтов всегда и со всеми лжёт. Такая его система. Все знакомые, имевшие с ним сношения, говоря с его слов, рассказывали все разное».

Алексей Столыпин не был рад тому, что его так бесцеремонно втянули в столь грязную историю, и это значительно охладило его отношение к Мишелю. В дальнейшем, часто находясь рядом с Лермонтовым на Кавказе, в том числе и во время второй, роковой дуэли с Николаем Мартыновым, Столыпин ни разу не упоминает о нём в своих письмах. Конечно, и граф Бенкендорф впоследствии не забыл и не простил Лермонтову такой подставы, перейдя в дальнейшем из стана его защитников в лагерь непримиримых врагов.

Как бы там ни было, но никто, ни великий князь Михаил Павлович, ни сам император Николай I, не были заинтересованы в том, чтобы имя и репутация русского офицера и его боевые качества (умение стрелять и фехтовать) подвергались какому-либо сомнению, да ещё в глазах французов. К тому же, великий князь являлся прямым начальником поручика Лермонтова по службе в Царском Селе и, следовательно, отвечал за поступки своего подчинённого. Мишеля он хорошо знал, так как тот не раз позволял себе в его присутствии неприлично «шутить»: то маленькую сабельку принесёт на смотр, то, наоборот, сверх меры длинную, тянущуюся за ним по полу, за что не раз сиживал на гауптвахте. Историю с дуэлью постарались замять.

За три года до этого в подобных же обстоятельствах, после дуэли с Пушкиным, Дантеса выслали из России, хотя «весь высший свет Петербурга» был на его стороне и считал невинно пострадавшим. Теперь же Просперу де Баранту было объявлено, что его сын Эрнест может вернуться в Петербург и даже работать во французском посольстве. Более того, де Барантам были даны самые высокие гарантии, что никаких неприятностей со стороны Лермонтова и уж тем более повторения дуэли на пистолетах не будет. Что это как не явное признание их правоты? В то же время и наказание Лермонтову не было изменено. Но император, как сейчас бы сказали, взял под личный контроль судьбу офицера, поставившего его в столь неприятную ситуацию, да ещё с французами! Он даже прочитал официально опубликованные на тот момент стихи и прозу Лермонтова. В письме к своей супруге, Александре Федоровне, написанном 12-24 июня 1840 года, Николай I дал подробную оценку роману «Герой нашего времени»:

«13 июня 1840 г. 10 ^ 1 / 2 . Я работал и читал всего «Героя», который хорошо написан.

14 июня. 3 часа дня. Я работал и продолжал читать сочинение Лермонтова; я нахожу второй том менее удачным, чем первый...

7 часов вечера. За это время я дочитал до конца «Героя» и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но всё-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что, в конце концов, привыкаешь думать, что весь мир состоит из подобных людей, у которых даже лучшие на первый взгляд поступки проистекают из отвратительных и фальшивых побуждений. Что должно из этого следовать? Презрение или ненависть к человечеству! Но это ли цель нашего пребывания на земле? Ведь и без того есть склонность стать ипохондриком или мизантропом, так зачем же поощряют или развивают подобного рода изображениями эти склонности! Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность её автора.

Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться. Господин Лермонтов оказался неспособным представить этот благородный и простой характер; он заменяет его жалкими, очень мало привлекательными личностями, которых нужно было оставить в стороне (даже если они существуют), чтобы не возбуждать досады. Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти в среде, где он найдёт людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана, допуская, что он вообще в состоянии схватить и изобразить его».

Окончательный вердикт государя гласил: было бы гораздо лучше, если бы Лермонтов продолжал писать такие стихи, как «Бородино». Словом, Николай I был разочарован в Лермонтове не только как в офицере, но и как в литераторе, который, по словам некоторых близких к императору людей, мог бы заменить России Пушкина.

Неблагоприятное мнение императора о романе «Герой нашего времени» стало известно, когда уже началась печать второго издания. Лермонтов в срочном порядке пишет предисловие к роману, в котором

опровергает свои неоднократные высказывания о собственном сходстве с Печориным и слова Белинского об однотипности героя и его автора. Теперь Печорин, по словам Лермонтова, это — собирательный образ, в котором автор изобразил сборище всех пороков того времени. Предисловие втиснули уже во вторую половину романа.

Собственно, меня данный поступок Мишеля уже не удивляет. То, что он может отказаться от собственных слов, было известно после его объяснений с Эрнестом де Барантом на балу у графини Лаваль. А то, что спасая себя, Мишель легко пожертвует другом, тоже не новость. Можно вспомнить Святослава Раевского, но в данном случае я имею в виду Белинского, с которым Лермонтов вроде как подружился, и чьи слова о сходстве автора романа «Герой нашего времени» с Печориным он ранее никогда не опровергал. Кроме того, когда вышло первое издание, Лермонтов подарил ближайшим своим друзьям по экземпляру. В том числе и жене князя В.Ф. Одоевского, княгине Ольге Степановне. На заглавном листе этого экземпляра после печатных слов «Герой нашего времени» Лермонтов поставил запятую и прибавил: *«упадает к стопам её прелестного сиятельства умоляя позволить ему не обедать»*. Так что, не думаю, что «хитрость» Мишеля с предисловием ко второму изданию романа кого-либо обманула, разве что тех, кто не знал его лично.

Вторая ссылка

Итак, Лермонтов отправился из Петербурга во вторую ссылку. Как и ранее, он не торопится прибыть к месту назначения и почти на месяц задерживается в Москве. Здесь он посещает балы и приёмы, заводит новые знакомства в литературных кругах и даже присутствует на именном обеде у Гоголя.

Выехав из Москвы в конце мая 1840 года, Мишель по пути на Кавказ на три дня останавливается в Новочеркасске у своего бывшего командира генерала М. Г. Хомутова и добирается до Ставрополя лишь 10 июня. Здесь Лермонтов встречает своих давних знакомых — Алексея Столыпина (Монго), Льва Сергеевича Пушкина, Сергея Трубецкого, Руфина Дорохова, доктора Майера и многих других. Поэтому отправляться в свой Тенгинский пехотный полк, штаб которого расположен в Анапе, Мишель категорически не хочет и, как и в первую ссылку, дёргает за известные ему ниточки в местных высоких армейских кругах. Генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе позволяет Лермонтову самому выбрать себе место службы, и тот решает присоединиться к че-

ченскому отряду генерала Аполлона Васильевича Галафеева, тем более, что в нём состоит и друг Мишеля Алексей (Монго) Столыпин. В письме к Алексею Лопухину от 17 июня 1840 года Лермонтов хвастается:

«Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает».

Начальство позволяет Лермонтову довольно вольно относиться к службе, и тот большую часть времени проводит не в отряде, а в Ставрополе. Но Мишелю всё же пришлось участвовать в экспедициях в Малую и Большую Чечню, а также в походе в Темир-Хан-Шуру. В бою Михаил Лермонтов не раз демонстрировал окружающим личную храбрость. Вот что он сам написал в письме от 12 сентября из Пятигорска Алексею Лопухину:

«Мой милый Алёша. Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2 тысячи пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, — кажется хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела ещё пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылез из почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галафеева, на левый фланг. Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь — в Ставрополь, на Чёрное море или в Тифлис. Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдётся удовольствий, которые бы не показались приторными».

Как видно из письма, Лермонтов по-прежнему сам определяет, где хочет служить, и не собирается, как и во время первой ссылки на Кавказ, ехать к месту назначения. При всей его личной храбрости и прак-

тически добровольном участии в кровопролитных боях с чеченцами, он остаётся плохим офицером, не желающим подчиняться воинскому уставу и дисциплине: хочу — воюю, хочу — еду на курорт или в Грузию. И всё же император делает ещё одну попытку вразумить нерадивого офицера:

*«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
Император и Самодержец Всероссийский,
и прочая, и прочая, и прочая.*

Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Михаила Лермантова, который НАМ Лейб-Гвардии Корнетом служил, за оказанную его в службе НАШЕЙ ревность и прилежность в НАШИ поручики тысяща восемь сот тридесять девятого года Декабря шестого дня Всемиловейше пожаловали и учредили; якоже Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем НАШИМ подданным оного Михаила Лермантова за НАШЕГО поручика Гвардии надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от НАС Всемиловейше пожалованном чине, так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство чего, Мы сие Военному Министерству подписать и Государственной НАШЕЮ печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1840 Октября 15 дня».

Но Мишель и теперь не внял столь недвусмысленному и прозрачному намёку императора поступать так, «как доброму офицеру надлежит». Вместо того, чтобы, наконец, отправиться в назначенный ему Тенгинский полк, он решил взять на себя командование отрядом «охотников» раненого на тот момент корнета Дорохова и ещё разок испытать «*сильные ощущения*». Это было весьма специфическое подразделение русской армии. Некоторые лермонтоведы называют его неким прообразом нынешнего спецназа, но по мне оно больше похоже на карательный отряд. Командовавший им Руфин Иванович Дорохов был человеком огромной храбрости, но, к сожалению, и весьма буйного нрава. Благодаря храбрости в бою он легко получал награды и очередные офицерские звания, но за буйство в быту, по крайней мере, дважды был разжалован в солдаты. Вот и осенью 1840 года Дорохов после очередного разжалования в рядовые старался вернуть себе офицерское звание, занимаясь со своими «охотниками» разведкой и диверсиями в тылу врага. Вот как описывает этот отряд сам Лермонтов в очередном письме Алексею Лопухину:

«Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, то есть отряд возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет

дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков, — разный сброд, волонтёры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю ещё хорошенько, до какой степени они надёжны; но так как, вероятно, мы будем ещё воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна, а описывать экспедиции не велят...»

Конечно, то, как отряд Лермонтова вырезает целые селения, начальство описывать не велит, в отличие от настоящих сражений армии с горами, как при Валерике, например. Хотя, регулярные войска вели себя не намного лучше: тоже разоряли аулы, угоняли скот и уничтожали посевы. Для иллюстрации можно привести отрывки из поэмы Николая Мартынова «Герзель-аул», в которой тот красочно описывает и каверзные «подвиги» своего друга Мишеля, и его самого:

«Горит аул недалеко...

Там наша конница гуляет,

В чужих владеньях суд творит,

Детей погреться приглашает,

Хозяйкам кашицу варит.

На всём пути, где мы проходим,

Пылают сакли беглецов.

Застанем скот — его уводим,

Пожива есть для казаков.

Поля засеянные топчем,

Уничтожаем всё у них...

Мы их травили по долинам

И застигали на горах...

Вот офицер прилёт на бурке

С учёной книгою в руках,

А сам мечтает о мазурке,

О Пятигорске, о балах.

Ему всё грезится блондинка,

В неё он по уши влюблён.

*Вот он героем поединка,
Гвардеец, тотчас удалён.
Мечты сменяются мечтами,
Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он проскакал во весь опор...»*

Лермонтова вполне устраивает роль полновластного командира, действующего практически автономно и бесконтрольно со стороны какого-либо начальства. Однако, сам он, как и его бойцы, не вызывают особого уважения в офицерских кругах. Вот что пишет по этому поводу барон Лев Васильевич Россильон:

«Лермонтова я хорошо помню. Он был неприятный, насмешливый человек, хотел казаться чем-то особенным. Хвастался своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею!

Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда. Длилось это недолго, впрочем, потому, что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца. Когда я его видел на Судаке, он был мне противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстёгнутого сюртука поэта, который носил он без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае. Гарцевал Лермонтов на белом как снег коне, на котором, молодецки заломив белую холщёвую шапку, бросался на черкесские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом! Мы над ним за это смеялись».

Хотелось бы отметить такой интересный факт: Мишель заменял раненого корнета Дорохова всего пять-шесть дней, но успел совершить нечто такое, что превратило команду «охотников» Дорохова в «шайку грязных головорезов» с «громким именем Лермонтовского отряда». Немного оправившись от ранения, Дорохов поспешил вернуться в отряд. Мишель воевать далее не пожелал и поехал в Крым, где находилась в это время его очередная пассия — Адель Оммер де Гелль, супруга французского консула в Одессе.

Бабушка Лермонтова, конечно, вновь неустанно хлопочет о прощении внука. Но теперь уже граф Бенкендорф не на её стороне, поэтому ни о каком прощении или облегчении наказания речи быть не может.

Поняв это, бабушка, вновь ссылаясь на свой преклонный возраст и болезни, просит о предоставлении своему единственному внуку хотя бы отпуска. Однако, чтобы его получить тот должен, наконец, прибыть к месту своего назначения. И вот в последний день 1840 года выходит приказ:

«31 декабря 1840, г. Анапа.

Приказ по Тенгинскому пехотному полку за № 365:

Прибывшего в полк из командировки поручика Лермонтова предписываю исключить из командировочной ведомости, зачислить налицо.

За командира полка

Полковник Голубицкий-Лебединский».

Восемь месяцев опальный поручик Лермонтов добирался до места назначения! И всё это время он, конечно, исправно получал немалое офицерское жалованье в 250 рублей в месяц. Но и в Тенгинском полку Мишель задерживаться не стал, ведь он прибыл в него только для того, чтобы оформить отпуск. Отпраздновав с новыми сослуживцами свой приезд, он немедленно уезжает в Ставрополь, чтобы навести в штабе командующего войсками генерала Граббе справки о своём предполагаемом отпуске. Вот как описывает это Костенецкий, бывший в ту пору старшим адъютантом и заведующим первым, то есть строевым отделением штаба:

«Однажды входит ко мне в канцелярию штаба офицер в полной форме и рекомендует поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым...

После этого он объяснил мне свою надобность, приведшую его в канцелярию штаба: ему хотелось знать, что сделано по запросу об нём военного министра. Я как-то и не помнил этой бумаги, велел писарю отыскать её, и когда писарь принёс мне бумагу, то я прочитал её Лермонтову. В бумаге этой к командующему войсками военный министр писал, что государь император, вследствие ходатайства бабки поручика Тенгинского полка Лермонтова (такой-то, не помню фамилии) об отпуске его в С.-Петербург для свидания с нею, приказал узнать о службе, поведении и образе жизни означенного офицера.

— Что же вы будете отвечать на это? — спросил меня Лермонтов.

По обыкновению в штабе, по некоторым бумагам, не требующим какой-либо особенной отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вот в эту-то категорию попал как-то случайно и запрос министра о Лермонтове, и писарь начернил и ответ на него.

— А вот вам и ответ, — сказал я засмеявшись, и начал читать Лермонтову черновой отпуск, составленный писарем, в котором было сказано, что такой-то поручик Лермонтов служит исправно, ведёт жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен... Лермонтов расхохотался над такой его аттестацией и просил меня нисколько не изменять её выражений и этими же самыми словами отвечать министру, чего, разумеется, нельзя было так оставить.

После этого тотчас же был послан министру самый лестный об нём отзыв, вследствие которого и был разрешён ему двадцативосьмидневный отпуск в Петербург».

Как говорится, комментарии излишни.

Петербург, 1841 год

14 января 1841 года Лермонтов отбыл из полка в отпуск, в Москву он прибыл 30 января, а уже в начале февраля, на Масленицу, объявился в Санкт-Петербурге, где немедленно бросился посещать балы и приёмы. О заботливой бабушке он даже не вспоминает! Однако, бравируя своим боевым опытом, Мишель совершает роковую ошибку — является на балы в армейском мундире и тем самым обращает на себя внимание не только восторженных дам, но и членов императорской семьи, возмущившихся столь наглым и дерзким поведением ссыльного офицера. Известный библиограф и писатель М.Н. Лонгинов так вспоминал позже о тех событиях:

«Он был тогда на той высшей степени апогея своей известности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургский «beau-toupe» встретил его с увлечением; он сейчас вошёл в моду и стал являться по приглашениям на балы, где бывал Двор. Но всё это было непродолжительно. В одно утро, после бала, кажется, у графа С.С. Уварова, на котором был Лермонтов, его позвали к тогдашнему дежурному генералу графу Клейнмихелю, который объявил ему, что он уволен в отпуск лишь для свидания с "бабушкой", и что в его положении неприлично разъезжать по праздникам, особенно когда на них бывает Двор, и что поэтому он должен воздержаться от посещения таких собраний. Лермонтов, тщеславный и любивший светские успехи, был этим чрезвычайно огорчён и оскорблён, в совершенную противоположность тому, что выражено в написанном им около этого времени стихотворении: «Я не хочу, чтоб свет узнал»».

Более того, вызвав раздражение Двора своим вызывающим поведением, Лермонтов лишил себя не только возможности отмены или смяг-

чения условий ссылки, как это было в прошлый раз, но и заслуженной в боях награды. Николай I щедро награждал героев кавказских сражений. Алексей (Монго) Столыпин, например, тоже принимал участие в Галафеевской экспедиции 1840 года, храбро сражался с горцами и получил высокую по тому времени награду — орден Владимира 4-й степени с бантом. А вот имя Михаила Лермонтова император собственноручно вычеркнул из списка награждённых. Граф Клейнмихель писал по этому поводу генералу Граббе:

«Милостивый государь Евгений Александрович!

В представлении от 5-го минувшего Марта № 458 ваше высокопревосходительство изволили ходатайствовать о награждении, в числе других чинов, переведённого 13-го апреля 1840 года за проступок л. — гв. из Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк, поручика Лермонтова орденом св. Станислава 3-й степени, за отличие, оказанное им в экспедиции противу горцев 1840 года.

Государь император, по рассмотрении доставленного о сём офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. При сём его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку.

О таковой монаршей воле имею честь вас уведомить.

Подлинное подписал Граф Клейнмихель».

Таким образом, получается, что Лермонтов вдобавок подставил в глазах императора своего благодетеля, генерала Граббе, позволившего ему вести довольно вольную жизнь на Кавказе. Но Мишель в собственном эгоизме как будто этого вовсе не замечает. Вот что он пишет своему кавказскому сослуживцу Д.С. Бибикову по данному поводу:

«Милый Биби.

Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моём, а мне дали отпуск; но скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал; обществом зато я был принят

очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук».

Но 9 марта Лермонтов из Петербурга не уехал! Он понял, что теперь на Кавказе у него не будет той вольности, что ранее, и придётся «тянуть лямку» армейской службы наравне с другими офицерами в назначенном ему полку. И Мишель начинает под всяческими благовидными предложениями откладывать свой отъезд. Вот как описывает этот период в письме своему другу, французскому писателю Александру Дюма, графиня Евдокия Ростопчина:

«Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых было сначала отказано; их взяли потом штурмом, благодаря высоким протекциям. Лермонтову очень не хотелось ехать...».

Наглость и лицемерие Мишеля просто поражают! Ему предоставили отпуск из ссылки для свидания с престарелой и больной бабушкой, а он, вместо того, чтобы немедленно ехать к ней, развлекается на балах в столице, якобы ожидая её приезда к нему в Петербург. Подобный «аргумент», возможно, казался вполне естественным графине Ростопчиной, но никак не мог обмануть власти, которые, тем не менее, терпели явное неповиновение и без того опального офицера ещё почти месяц, до самого последнего дня апреля. Вот отрывок из воспоминаний А.А. Краевского:

«Он рвёт и мечет, снуёт по комнате, разбрасывает бумаги и вновь убегает. По прошествии известного времени он опять тут. Опять та же песня и катанье по широкому моему дивану. Я был занят; меня досада взяла:

— Да скажи ты ради Бога, что с тобою, отвяжись, дай поработать!

Михаил Юрьевич вскочил, подбежал ко мне и, схватив за борты сюртука, потряс так, что чуть не свалил меня со стула.

— Понимаешь ли ты! Мне велют выехать в 48 часов из Петербурга.

Оказалось, что его разбудили рано утром: Клейнмихель приказывал покинуть столицу в двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру. Дело это вышло по настоянию гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку».

Конечно, легче всего обвинять во всём графа Бенкендорфа. Но даже если тот и приложил руку к высылке Лермонтова из столицы, то вовсе не потому, что хотел как-то насолить или отомстить Мишелю. Срок отпуска давно прошёл. Формальную причину, по которой он был предоставлен, Мишель демонстративно проигнорировал, вызвав при этом недовольство Двора. В прежние годы Бенкендорф помогал Мишелю, старался максимально смягчить его проступки в глазах императора, из-за чего первая ссылка Лермонтова превратилась в туристическую поездку по Кавказу и была досрочно отменена, даже несмотря на тот факт, что опальный офицер так и не соизволил доехать до места назначения. Однако на этот раз, ни о какой защите или снисхождении по понятным причинам и речи быть не могло.

2 мая 1841 года Лермонтов выехал из Петербурга в Москву. Трясаясь в почтовой карете на ухабах и, вдобавок от злости, Мишель сочинил весьма злые стихи на графа Бенкендорфа. Себя, естественно, он, как обычно, считает жертвой обстоятельств и интриг.

Вторая дуэль

Из Москвы Лермонтов выехал на Кавказ в сопровождении всё того же Алексея Столыпина, которого заботливая бабушка попросила приглядеть за своим непутёвым внуком, чтобы тот опять не вляпался в какую-нибудь историю. Как и ранее, Лермонтов не торопился к месту службы, а потому друзья ехали не спеша, с остановками во всех встречных городах.

Прибыв, наконец, в Ставрополь, Лермонтов доложил, как положено, начальству, но отправляться далее, в Шуру, не пожелал, несмотря на настояния Алексея Столыпина. Генерала Граббе на тот момент на месте не было, он уехал в отряд. Но, думаю, даже если бы генерал находился в штабе, то вряд ли и в этот раз предоставил Лермонтову свободу выбора места службы. Как бы там ни было, Мишель применил способ, которым не раз пользовался ранее: пошёл к врачу, взял у того свидетельство о болезни и получил у начальника штаба флигель-адъютанта Траскина новое предписание — отправиться на лечение в Пятигорск, куда тут же и поехал в сопровождении Алексея Столыпина. Почему Лермонтов выбрал именно Пятигорск? Да потому что это был самый весёлый город на Северном Кавказе. Вот как описывает его тогдашние реалии Н.П. Раевский:

«В Пятигорске была жизнь весёлая, привольная; нравы были просты, как в Аркадии. Танцевали мы много, и всегда по простоте. Играет,

бывало, музыка на бульваре, играет, а после перетащим мы её в гостиницу к Найтаки, барышень просим прямо с бульвара, без нарядов, ну вот и бал по вдохновению. А в соседней комнате содержатель гостиницы уж нам и ужин готовит. А когда, бывало, затеет начальство настоящий бал, и гостиница уж не трактир, а благородное собрание, — мы, случалось, барышням нашим, которые победней, и платица даривали. Термалама, мовь и канаус в ход шли, чтобы перед наезжими щёголихами барышни наши не сконфузились. И танцевали мы на этих балах все, бывало, с нашими; таков и обычай был, чтобы в обиду не давать.

Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту служения; крутишься, крутишься, дельце сварганишь, — ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластись к нему, он даст свидетельство о болезни, отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал».

Конечно, пятигорские балы не идут ни в какое сравнение с петербургскими, но по сравнению с рутинной и трудностями полковой службы и они любому покажутся сущим раем, тем более — ненавидящему армейскую дисциплину Мишелю. Однако натуру Лермонтова в Пятигорске давно знают и отнюдь его приезду не рады. Плац-майор В.И. Чилаев, в доме которого Мишель провёл последние два месяца своей жизни, вспоминал:

«Первую ночь по приезде в Пятигорск они ночевали в гостинице Найтаки. На другой день утром, часов в девять, явились в комендантское управление. Полковник Ильяшенков, человек старого закала, недалёкий и боязливый до трусости, находился уже в кабинете. По докладу плац-адъютанта о том, что в Пятигорск приехал Лермонтов со Столыпиным, он схватился за голову обеими руками и, вскочив с кресла, живо проговорил:

— Ну, вот опять этот сорвиголова к нам пожаловал!.. Зачем это?

— Приехал на воды, — отвечал плац-адъютант.

— Шалить и бедокурить! — вспылил старик. — А мы отвечаем потом!.. Да у нас и мест нет в госпитале, нельзя ли их спровадить в Егорьевск?... А?... Я даже не знаю, право, что нам с ними делать?

— Будем смотреть построже, — проговорил почтительно докладчик, — а не принять нельзя, у них есть разрешение начальника штаба и медицинские свидетельства о необходимости лечения водами...»

Как видно из этой цитаты, имевший высоких покровителей вроде как ссыльный офицер Михаил Лермонтов уже и ранее успел значитель-

но попортить кровь пятигорскому начальству, которое, оказывается, не имело ни власти, ни возможности пресечь его «шалости» на корню. А как именно развлекался Мишель, общеизвестно — злословие в адрес окружающих, что в конечном итоге всегда приводило к ссорам. Конфликт с де Барантом — наиболее яркий и показательный пример. Опасения полковника Ильяшенкова оправдались в полной мере. Вот что вспоминала о том времени Эмилия Шан-Гирей:

«В мае месяце 1841 года М.Ю.Лермонтов приехал в Пятигорск и был представлен нам в числе прочей молодёжи.

Он нисколько не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие me taquiner. Я отделялась как могла то шуткою, то молчаньем, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец это мне надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое. Но, по-видимому, игра эта его забавляла просто от нечего делать, и он не переставал меня злить. Однажды он довёл меня почти до слёз; я вспылила и сказала, что ежели б я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его из-за угла в упор. Он как будто остался доволен, что наконец вывел меня из терпения, просил прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго».

Как видите, Лермонтов не желал учиться на собственных ошибках и продолжал изводить окружающих злыми насмешками. Не избежал их и князь Александр Васильчиков. По словам В.И. Чилыева, князь в первое время часто бывал у Лермонтова, они вместе совершали прогулки. Встречаясь с Мишелем в гостиных общих знакомых, Васильчиков выслушивал, не обижаясь, от него всевозможные шутки, остроты и замечания, пытался отшучиваться в ответ. Но вскоре князю всё это перестало нравиться. Лермонтов бросал ему в глаза клички: «Князь Ксандр», «Дон-Кихот иезуитизма», «князь-пустельга», «дипломат не у дел», «мученик фавора» и другие. Васильчиков оставался вежлив и сдержан, но частые ранее визиты и беседы прекратились, на верзилинские и другие вечера, где присутствовал Лермонтов, он стал приходить изредка и ненадолго. Внешние отношения оставались те же, но близкая товарищеская связь была порвана. И всё же именно князя Васильчикова Лермонтов выберет вскоре своим секундантом, и тот ему в этом не откажет.

Довольно скоро очередь дошла и до Николая Мартынова. Они действительно были с Лермонтовым давними друзьями и извечными соперниками во всём: учебных поединках, литературном творчестве, успехах у дам, в служебных достижениях. Это, по-видимому, явилось до-

полнительной причиной того, почему Лермонтов среди всех присутствовавших в то время в Пятигорске людей, выбрал для издевательств именно Николая Мартынова. Мишелю, наверно, просто физически было необходимо продемонстрировать собственное превосходство над очевидно более успешным соперником. А то, что Мартынов во всём превосходил Лермонтова, было ясно всем, и в первую очередь — самому Мишелю, чего он, конечно, никак не мог стерпеть. Во-первых, в двадцать пять лет Мартынов уже проявил себя храбрым командиром в войне на Кавказе, был награждён боевым орденом и званием майора, в то время как окончивший военную школу на год ранее него Лермонтов никаких наград не имел и дослужился всего лишь до поручика. Во-вторых, красавец Мартынов просто затмевал невзрачного Мишеля, пользовался успехом у женщин, хорошо танцевал, неплохо пел и тоже писал стихи. Вот как описывает его С.Н. Филиппов в статье «Лермонтов на Кавказских водах», опубликованной в 1890 году в журнале «Русская мысль»:

«Тогда у нас на водах он (Николай Мартынов — С.К.) был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, чёрная, серая и к ним шёлковые архалуки такие же или ещё синие. Папаха самого лучшего каракуля, чёрная или белая. И всегда всё это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь...»

Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров...»

Пятигорское «общество» обычно собиралось в доме трёх сестёр Верзилиных. Танцевали, играли в карты, веселились, кто как мог. Вот там Мишель и начал ежедневно, неустанно изводить насмешками Николая Мартынова. Вышедший недавно в отставку майор хотел жениться и завести семью. Ему понравилась младшая из сестёр, Надежда Верзилина, и он начал ухаживать за ней. Конечно, в таких обстоятельствах Мартынову весьма досаждали публичные и при этом злые насмешки Лермонтова. Но он терпел, несколько раз по-дружески просил Мишеля прекратить их, однако тот не унимался. Наконец, терпение майора закончилось. На одном из балов, когда очередная злая шутка Лермонто-

ва прозвучала на весь зал, Мартынов побледнел, подошел к Лермонтову и в явном раздражении сказал:

— Сколько раз я просил не шутить обо мне при дамах...

Когда майор отошёл, Лермонтов только улыбнулся:

— Ничего, завтра опять мы будем добрыми друзьями.

Позднее, на том же вечере, Лермонтов на ломберном столе нарисовал Мартынова с засученными рукавами и с большим кинжалом, потом подозвал Надежду Верзилину и показал ей эту карикатуру. При этом Мишель насмешливо спросил:

— Возможно ли, чтобы вы с ним соединились?

Девушка вспыхнула и отошла в сторону. Эта сцена, которую не мог видеть Николай Мартынов, явилась для майора последней каплей, переполнившей чашу терпения. На следствии Н.С. Мартынов 17 июля 1841 года дал показания о том, что случилось позднее:

«Я решил положить этому конец. При выходе из этого дома, я удержал его за руку, чтобы он шёл рядом со мной; остальные все уже были впереди. Тут, я сказал ему, что я прежде просил его, прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если он ещё раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставлю его перестать. Он не давал мне кончить и повторял раз сряду: что ему тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня то, что он хочет, и в довершение сказал мне: «Вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал. Ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь, следовательно, ты никого этим не испугаешь».

В это время мы подошли к его дому. Я сказал ему, что в таком случае пришло к нему своего Секунданта, и возвратился к себе. Раздеваясь, я велел человеку, попросить ко мне Глебова, когда он придет домой. Через четверть часа вошёл ко мне в комнату Глебов, я объяснил ему, в чём дело; просил его быть моим Секундантом и по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом, отправился к Лермонтову. Глебов попробовал было меня уговаривать, но я решительно объявил ему, что он из слов самого же Лермонтова увидит, что в сущности, не я вызываю, но меня вызывают, и что потому мне не возможно сделать первому, шаг к примирению».

Дуэль состоялась во вторник 15 июля 1841 года между шестью и семью часами вечера. Это самый загадочный поединок в истории русских дуэлей, потому что долгое время не было точно известно место её проведения, а количество участников вызывает споры историков до

сих пор. Точно известны только имена секундантов — князь А.И. Васильчиков и корнет М.П. Глебов. Постоянный спутник Лермонтова Алексей Столыпин вроде как отсутствовал, что само по себе просто невероятно. Обязательного в таких случаях врача почему-то тоже не было!

После последней ссоры с Мартыновым Лермонтов вернулся к себе в Железноводск и купил там билеты на пять лечебных водяных сеансов. Днём 15 июля Мишель побывал на пикнике в шотландской колонии в Карасе, плотно пообедал, не заботясь о возможном ранении в живот, и спокойно отправился к месту дуэли. Или он наивно верил в то, что *«завтра опять мы будем добрыми друзьями»*, или, как и герой его повести, был фаталистом. После многих кровопролитных сражений, в которых Лермонтов ни разу не был даже ранен, он уверовал в собственную неуязвимость, а потому не принял всерьёз вызов Мартынова.

А вот Николай Мартынов вынужден был вести себя иначе. Спустя много лет он рассказывал Д.А. Столыпину, что *«отнёсся к поединку серьёзно, потому что не хотел впоследствии подвергаться насмешкам, которыми вообще осыпают людей, делающих дуэль предлогом к бесполезной трате пыжей и гомерическим попойкам»*.

Кроме того, расслабляться не позволяли выдвинутые Лермонтовым весьма жёсткие условия дуэли: стреляться до трёх раз при барьерах в 15 шагов (10,5 метра). Очевидно, выдвигая подобные условия, Лермонтов воображал себя Печориным, а Мартынова — Грушницким. И результат дуэли, наверно, виделся ему таким же, как он описал его в своём романе «Герой нашего времени».

Аналогий много. Грушницкий моложе и внешне красивее Печорина. Он позже получает офицерское звание, но уже имеет награду за храбрость — георгиевский крест. Грушницкий, как и Мартынов, просто принуждён к дуэли необходимостью защищать собственную честь в глазах товарищей и общества. Точно так же вынужден он и согласиться на явно смертельные условия.

И хоть Лермонтов постарался изобразить Грушницкого трусом и подлецом, вдумчивый читатель никак не может согласиться с подобной оценкой. Ведь Грушницкий вовсе не лгун и не подлец. И он, и драгунский капитан говорили чистую правду, так как были искренне уверены, что Печорин на их глазах выходил ночью от княжны Мери. От кого же ещё? Истинную любовницу Печорина никто из них не мог даже заподозрить в подобной связи, а вот за княжной Мери тот демонстративно ухаживал.

Но, несмотря на все гадости, что Печорин сделал Мери и Грушницкому, последний яро спорил с капитаном и долго не соглашался на дуэль. И вовсе, как вы понимаете, не из трусости, раз уж он являлся георгиевским кавалером, а в пистолете противника должна была отсутствовать пуля. Это Печорин настоял на поединке, практически точно так же, как сам Лермонтов вынудил Мартынова сделать вызов. Даже перед самой дуэлью Грушницкий всё ещё готов был на примирение. На предложение доктора Вернера окончить поединок миром, он отвечает:

«Объясните ваши условия, и всё, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...».

Но Печорин отверг предложенный мир и выставил неприемлемые условия прекращения дуэли: потребовал от Грушницкого публичного признания во лжи, в то время как тот был полностью уверен в собственной правоте! И всё же Грушницкий нашёл в себе силы выстрелить мимо, потому что промахнуться в тех условиях было невозможно даже штатскому, впервые взявшему пистолет в руки. И уж тем более не мог дать промах боевой офицер, почти год проведший в стычках с черкесами, награждённый «георгием» за храбрость. Грушницкий пощадил Печорина, публично оскорбившего его обвинением во лжи, разрушившего его счастье, предавшего былую дружбу, опозорившего его любимую. А вот Печорин не промахнулся. Так кто же из них двоих — подлец?

Однако, жизнь — это не роман. Отсутствие на месте поединка доктора говорит о том, что все её участники рассчитывали на мирный исход. Трагические последствия не нужны никому, в первую очередь самому Лермонтову, и так официально отбывающему ссылку за дуэль. На этот раз в случае огласки он получил бы каторгу или пожизненно попал в солдаты. А ведь Мишель планировал выйти в отставку и написать грандиозный роман-эпопею, чего конечно не мог бы исполнить в случае разжалования в рядовые. Князю Васильчикову, корнету Глебову и другим секундантам и свидетелям дуэли, оставшимся официально неназванными, тоже грозило серьёзное наказание. Очевидно, что сам факт поединка изначально планировали скрыть, поэтому не только врача, но и слуг с собой не взяли. Все участники дуэли рассчитывали на примирение сторон и даже привезли на место дуэли ящик шампанского, чтобы отпраздновать благополучное разрешение конфликта.

Дуэль началась, но никто не стреляет! Почему не стрелял Лермонтов? Хотел, как Печорин, поставить эффектную точку после промаха Мартынова? Это при таких-то условиях дуэли? Любой промах превратит её в фарс, а Мартынова — во всеобщее посмешище. Но, тем не менее, Мартынов, как и Грушницкий, медлит, всё ещё надеясь на мирный

исход. Однако Лермонтов, вопреки ожиданиям, не извинился и не сделал никакой попытки примирения. Время идёт, начался дождь с грозой. Потеряв терпение, кто-то из секундантов крикнул:

— Стреляйте, или я развожу дуэль!

На что Лермонтов с высокомерным презрением громко ответил:

— Стану я стрелять в такого дурака!

Ещё одного оскорбления Мартынов снести уже не смог. Как он говорил позже: *«Я вспылил. Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и опустил курок»*.

Когда Лермонтов упал, Мартынов подошёл к нему, попросил прощения, поцеловал и быстро уехал. Этот поцелуй позднее поклонники поэта назовут «поцелуем Иуды». С чего вдруг у них возникла подобная аналогия, понять трудно. Ведь это Мишель предал дружбу с Мартыновым. Мнение же, что поэту позволено больше, чем другим, я не разделяю, если речь, конечно, не идёт о творчестве.

Секунданты, видимо, были в шоке от произошедшего. Они даже не стали проверять, жив ли Лермонтов, и уехали сразу же вслед за Мартыновым. Позднее, на суде, и князь Васильчиков, и корнет Глебов уверяли, что Лермонтов умер сразу. Почему они не забрали тело с собой, а оставили его лежать под проливным дождём? Это же были самые близкие на тот момент друзья Мишеля, раз их пригласили в секунданты и организаторы дуэли, факт которой необходимо было бы в дальнейшем скрывать. Объяснение, на мой взгляд, может быть только одно: они возненавидели Лермонтова за то, что тот в одночасье разрушил их карьеры и планы на будущее, ведь теперь их ждало неизбежное наказание за участие в дуэли со смертельным исходом.

Вернувшись в город, они приказали слугам доставить тело Лермонтова, указав, где его искать. Пока те нашли арбу, пока доехали до места дуэли, прошло три часа. Слуга Михаила Лермонтова Христофор Саникидзе говорил позднее, что его хозяин был ещё жив, когда его нашли, громко стонал и умер лишь на полпути в город. О чём думал Мишель в свои последние часы, брошенный умирать в одиночестве под холодным дождём ближайшими друзьями, среди которых по некоторым данным был и Алексей Столыпин? Кого винил в произошедшем?

Лермонтоведы упорно продвигают версию, что бездарь Мартынов убил Лермонтова из зависти к литературным успехам последнего. По их мнению, повод для дуэли — ничтожен, значит, «логически» выводят они, у Мартынова были иные причины для убийства Лермонтова. А какие могут быть иные причины? Выбор невелик: либо зависть, либо нечто (понимай — император) руками глупого майора убрал «неудобного

поэта». Но поставьте себя на место Эрнеста де Баранта, Николая Мартынова или любого другого, кого Мишель публично оскорблял и изводил насмешками. Покажется ли вам тогда повод дуэли ничтожным? Вот как рассказывал о своей встрече с уже престарелым Николаем Мартыновым граф А.А.Игнатьев, автор известной книги воспоминаний «Пятьдесят лет в строю»:

«Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, — сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом... Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке...»

Конечно, можно не верить Мартынову, но есть ещё мемуары бывшего сослуживца Лермонтова, свидетеля тех событий в Пятигорске, всё того же Александра Арнольди:

«Мы все, его товарищи-офицеры, нисколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов... не Мартынов, так другой кто-нибудь...»

А вот воспоминания ещё одного очевидца, В. Эрастова:

«От него [Лермонтова — С.К.] в Пятигорске никому прохода не было. Каверзник был, всем досаждал. Поэт, поэт!.. Мало что поэт. Эка штука! Всяк себя поэтом назовёт, чтобы другим неприятности нанести...

Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались... От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно думаете, насмешки его переносить? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был...

[Я] видел, как его везли возле окон моих. Арба короткая... Ноги вперёд висят, голова сзади болтается. Никто ему не сочувствовал».

По словам же князя Александра Васильчикова, бывшего во время той роковой дуэли секундантом, высшего петербургского общества встретило известие о гибели Лермонтова словами: «Туда ему и дорога...». Так что причина для дуэли у Николая Мартынова была вполне веская.

На суде каждый из секундентов, и князь Васильчиков, и корнет Глебов, заявлял, что именно он оставался с телом Лермонтова, после того, как все остальные уехали, и эта путаница нагляднее всего свидетельствует о том, что Мишеля бросили, как бродячую собаку, подышать в одиночестве. Более того, эти записные друзья Лермонтова сразу же после дуэли дружно бросились спасать Мартынова! Давали ему советы, как лучше всего себя вести, в какие инстанции обращаться, что говорить на суде. В том числе и ближайший друг и родственник Мишеля — Алексей (Монго) Столыпин! Ни у кого из них не было никаких претензий к Николаю Мартынову. Что это, как не явное признание его правоты, а значит, и достаточной весомости повода для дуэли со смертельным исходом? От Печорина в подобной ситуации после смерти Грушницкого отвернулись все, даже доктор Вернер.

В соответствии со «Сводом военных постановлений» суд приговорил Мартынова, Глебова и Васильчикова к *«лишению чинов и прав состояния»*. Военное начальство, однако, приняв во внимание обстоятельства дуэли, сочло нужным смягчить наказание: Мартынова было приказано лишить *«чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства»*, а Васильчикова и Глебова *«перевести из гвардии в армию тем же чином»*.

Бенкендорф доложил все подробности дела императору, и тот, наверно, весьма недовольный тем, что Лермонтов вместо исправной службы по месту назначения и искупления вины за дуэль с де Барантом, развлекался на балах в Пятигорске и своим недостойным русского офицера поведением вновь спровоцировал дуэль, постановил:

«Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжёлой раны».

Несмотря на столь мягкий приговор императора, жизнь и карьера Николая Мартынова были разрушены. Он даже не мог, как просил, смыть свою вину кровью на полях сражений, потому что ему не разрешили вернуться в армию. Глебов и Васильчиков тоже в дальнейшем были вынуждены не один год отмываться от участия в той роковой дуэли. Словом, даже после смерти, Лермонтов продолжал приносить людям несчастье.

Сразу после снятия церковного наказания Николай Мартынов женился на Софье Проскур-Сущанской и вернулся из Киева в своё родовое имение в Нижегородской губернии. Михаил Лермонтов не оставил

после себя потомства, а вот у Николая Мартынова было одиннадцать детей.

Создание мифа

У выдающихся людей после смерти всегда вдруг появляется множество друзей, имени которых они порой при жизни даже и не знали. Это понятно — людям лестно приблизиться к знаменитости и тем самым несколько повисить и свою значимость в глазах окружающих. А вот в случае с Михаилом Лермонтовым наблюдается совершенно противоположное явление. Тот же Александр Арнольди в своих мемуарах не раз пишет, что ни он, ни другие сослуживцы Лермонтова не видели в нём особых достоинств. А ведь эти мемуары написаны уже после того, как Лермонтова провозгласили одним из выдающихся поэтов России! Но Арнольди и некоторые другие, весьма немногочисленные мемуаристы, лично знавшие Лермонтова, не записывают себя в его друзья. Более того, те, кого сам Мишель считал своими друзьями, вовсе не пожелали оставить о нём никаких положительных воспоминаний, ни устных, ни письменных! Даже Алексей Столыпин, который, уже живя в Париже, перевёл на французский язык роман «Герой нашего времени», не написал о самом Лермонтове ни строчки. Невольно вспоминается русская поговорка: о мёртвых либо хорошо, либо ничего. Владимир Бондаренко в своей книге «Лермонтов» возмущается поведением друзей Мишеля после роковой дуэли с Мартыновым:

«Лично меня поражает и задевает больше всех поведение Алексея Столыпина, вроде бы близкого друга и родственника поэта. Вроде бы благородного и порядочного человека. Что бы ни случилось, как бы он ни обмишурился, каких бы ошибок невольных ни наделал, имей мужество признать их, опиши для истории, как было дело. Если он и впрямь не участвовал в дуэли, опиши и это. Если участвовал и скрыл от начальства, спасая своё сытое благополучное положение, напиши для потомков. В конце концов, даже доставить имущество убитого родственника на родину к бабушке поэта он должен был. Говорят, Дорохов тоже присутствовал на дуэли и позже всё рассказал Дружинину. Дружинин был поражён признаниями Дорохова... но тоже так ничего и не написал. Трубецкой и Глебов молчали, как заговорённые. Неужели это и есть дворянская честь? Не сказать никому ни слова об убийстве великого поэта».

Конечно, Бондаренко не понимает поведение друзей Лермонтова и участников дуэли! Потому что ориентируется на миф о «храбром и бла-

городном» поэте Лермонтове и «трусливом завистнике» Мартынове. Если же непредвзято взглянуть на факты, то все вопросы тут же исчезают, и в поведении и поступках окружавших Лермонтова людей появляются логика, и закономерность. Вовсе не в великого поэта стрелял на той дуэли Николай Мартынов, и все, хорошо знавшие Мишеля люди, это понимали. Потому и молчали всю жизнь.

Это дружное молчание ближайших знакомых Лермонтова привело к парадоксальной ситуации — отсутствию официальной биографии поэта аж до конца XIX века. Сборники стихов и прочие сочинения Лермонтова издавались без сведений об авторе. Избранные стихотворения и отрывки из «Героя нашего времени» помещались в хрестоматиях, сочинения регулярно переиздавались, но никто ничего не мог сказать о личности самого Лермонтова. А что, собственно, мог узнать и написать потенциальный биограф? Только то, что Лермонтов не закончил пансион, был практически выгнан из московского университета, дважды отправлен в ссылку и дважды же спровоцировал дуэль, на последней из которых погиб от руки друга. И всё это за неполные двадцать семь лет. Кто же из поклонников творчества Лермонтова такое напишет, а тем более опубликует?

И всё же нашёлся человек, взявшийся за нелёгкий труд написания биографии Михаила Лермонтова. Висковатов (Висковатый) Павел Александрович — историк литературы (1842 — 1905), учился в Петербургском университете и в Германии. Одно время редактировал «Русский Мир», был профессором русской словесности в Дерптском университете, затем директором гимназии в Петербурге. Большой почитатель творчества Лермонтова, Висковатый начал поиск и сбор материалов, но, как и его предшественники, столкнулся либо с молчанием, либо с недоброжелательными для Лермонтова отзывами, слухами и сплетнями.

Но Висковатый не сдался, нашёл выход из положения, и в 1891 году, через пятьдесят лет после смерти, наконец, вышла первая биография поэта — миф, в котором Михаил Лермонтов предстал в мученическом образе несправедливо гонимого властью и обществом поэта, чья известность уже при его жизни была сравнима с известностью и литературной славой Александра Пушкина. Этот миф, старательно созданный Висковатым, в дальнейшем только укреплялся, обрастал новыми мифами и ныне официально принят историками и литературоведами. Правда об истинном облике Мишеля яростно отвергается, все известные события трактуются только в пользу поэта, даже если это противоречит логике и здравому смыслу.

Я бы не стал опровергать этот миф, если бы его создатели и приженцы в стремлении любым способом обелить Лермонтова не принялись ярже очернять других людей — императора Николая I, графа Бенкендорфа, Николая Мартынова и многих других. Согласно мифу императору приписывают стремление погубить «неудобного поэта». На самом же деле, Николай I оба раза назначал Лермонтову весьма мягкие наказания. Первая ссылка вообще обернулась для Мишеля приятным туристическим турне по Кавказу и закончилась досрочно. Причём, Лермонтов вернулся на прежнее место службы в элитный полк, стоявший в Царском селе. Миф утверждает, что во время второй ссылки император приказал направить Лермонтова под пули горцев. Перечтём эти строки из письма графа Клейнмихеля генералу Граббе ещё раз:

«При сём его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку».

Любому не предвзятому человеку совершенно же ясно, что император требует лишь одного: Лермонтов должен нести службу «в своём полку», как и все прочие офицеры, а не там, где сам пожелает. А пуля горца с гораздо большей вероятностью может поразить Мишеля во время карательной операции в тылу врага, чем в расположении русских войск. Но слова императора вывернуты наизнанку. И уж если бы Николай I действительно хотел погубить «неудобного поэта», то вряд ли бы допустил издание его сочинений. История пьесы «Маскарад» тому лучшее свидетельство.

Рассмотрим теперь миф о преследовании Лермонтова жандармом Бенкендорфом. Да, в конце XIX века многое в России изменилось, в том числе и отношение к царю и жандармам. Времена декабристов-романтиков сменились эпохой революционного террора и политических убийств. Не было худшего оскорбления в среде либеральной интеллигенции, чем причисление человека к жандармскому ведомству. Поэтому по мысли создателей мифа глава Корпуса жандармов Бенкендорф был просто обязан ненавидеть и преследовать бунтаря Лермонтова, как ранее преследовал Пушкина. Расхожий штамп «жандарм — душитель свободы» работает до сих пор. Вот только граф Бенкендорф в этот штамп не укладывается.

Генерал-адъютант, начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф Корпуса жандармов, член Государственного Совета и Комитета министров Александр Христофорович Бенкендорф родился в 1783 году в семье прибалтийских немецких дворян, в Эстляндии (Эстонии). Военную службу он начал, не достигнув даже пятнадцати лет (1798 г.), поступив унтер-офицером в лейб-гвардии Семёновский полк.

В 1803 году Бенкендорф отправился в действовавший в Грузии отряд князя Цицианова, участвовал во взятии форштадта крепости Ганджи, а 1 января 1804 года — в сражении с лезгинами. За выказанную в этих делах храбрость, он был награждён орденами св. Анны и св. Владимира 4-й степени.

В войну с французами 1806-1807 годов А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении под Прейсиш-Эйлау, за которое был награждён орденом св. Анны 2 степени и чином капитана, а через две недели произведён в полковники. По заключении Тильзитского мира он находился при посольстве графа Толстого в Париже.

В 1809 году Бенкендорф добровольно отправился охотником в армию, действовавшую против турок и, во всю кампанию находясь в авангарде, становился всегда во главе самых рискованных и трудных поручений. Особенным отличием, доставившим Бенкендорфу орден св. Георгия 4 степени, были его действия под Рушуком, где стремительную атакою чугуевских улан, он опрокинул угрожавший тылу нашего левого фланга значительный отряд турок.

В 1812 году А.Х. Бенкендорф командовал авангардом войск генерала Винценгероде и в первом сражении при Велиже (27 июля) за блистательную атаку против неприятеля был произведён в генерал-майоры. Вслед за тем, на него было возложено опасное поручение — открыть коммуникации главной армии с корпусом графа Витгенштейна. Располагая всего лишь восемью десятками казаков, Бенкендорф, проходя в тылу и между отрядами французских войск, захватил более пятисот пленных.

С началом отступления наших сил, А.Х. Бенкендорф принял начальство над аррьергардом в отряде генерала Винценгероде, а от Звенигорода до Спасска командовал всем отрядом. Присоединив к своим силам два казачьих полка, он под Волоколамском напал на неприятельские партии, разбил их и взял в плен более восьми тысяч человек.

Став после освобождения Москвы комендантом столицы, он успел захватить в плен три тысячи французов и отбить тридцать орудий. Во время преследования Наполеоновской армии до Немана, находясь в от-

ряде генерал-лейтенанта Кутузова, Бенкендорф взял в плен трёх французских генералов и более шести тысяч разных чинов.

В 1813 году А.Х. Бенкендорф возглавил отдельный летучий отряд. Действуя между Берлином и Франкфуртом-на Одере, он разбил в Темпельберге сильную неприятельскую партию, за что получил орден св. Георгия 3 степени. Затем, действуя вместе с отрядами генералов Чернышёва и Тетенборна, Бенкендорф занял Берлин и, непрерывно сражаясь от Ютербока до Дрездена, взял в плен до шести тысяч французов. Занятие Люнебурга под начальством генерала Дернберга доставило Бенкендорфу орден св. Анны 1 степени.

В дальнейшем А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении при Гросбегрене и три дня прикрывал корпус графа Воронцова против атак французов. За последний подвиг он был награждён золотой с бриллиантами шпагой. В битве под Лейпцигом, Бенкендорф командовал левым крылом корпуса Винценгорде, после чего с отдельным отрядом был отправлен в Голландию. Здесь, в самый короткий срок, Бенкендорф успел очистить от неприятеля Утрехт и Амстердам, заставил сдаться крепости Гавель, Мюнден и Гельдерскую батарею и занял Роттердам, Дордрехт, Госувот, крепости Гертрюденберг, Бреду, Вильгельмштадт, взяв более ста орудий и много пленных.

Вслед за тем А.Х. Бенкендорф устремился в Бельгию и с боя занял города Лювен и Мехельн и в Дюссельдорфе снова присоединился к Винценгорде. Эти подвиги доставили ему ордена: св. Владимира 2 степени, большой крест Шведского Меча и прусский «*Pour le mérite*», от нидерландского короля — шпагу с надписью «Амстердам и Бреда», а от великобританского регента — золотую саблю с надписью «за подвиги 1813 г.».

В 1814 году А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении под Краоном, где командовал всею кавалериею корпуса графа Воронцова, и затем в битвах под Лаоном и Сен-Дизье, после чего начальствовал арьергардом корпуса при движении его до Шалона. Награждённый бриллиантовыми знаками ордена св. Анны 1 степени, Бенкендорф возвратился в Россию и здесь 9 апреля 1816 г. был назначен начальником 2 драгунской дивизии, а в 1819 году — начальником штаба гвардейского корпуса. 22 июля того же года он был пожалован званием генерал-адъютанта, 20 сентября 1821 г. произведен в генерал-лейтенанты и 1 декабря назначен начальником 1-й кирасирской дивизии.

Новый император, Николай I, 25 июля 1826 года назначил А.Х. Бенкендорфа на должность шефа жандармов, командующего Императорскою Главною Квартирою и главного начальника III Отделения Собст-

венной Его Императорского Величества Канцелярии, а 6 декабря пожаловал в звание сенатора.

В 1828 году А.Х. Бенкендорф сопровождал Государя в турецком походе и находился при осаде Браилова, при переправе через Дунай, в сражении близ Сатунова, при покорении Исакчи, в сражении при Шумле, где командовал двумя каре, составлявшими прикрытие Особы Государя и затем при осаде и взятии крепости Варны. Был награждён орденом св. Владимира 1 степени. По окончании кампании, Бенкендорф 21 апреля 1829 года был произведён в генералы от кавалерии, а 8 февраля назначен членом Государственного Совета.

10 ноября 1832 года А.Х. Бенкендорф был возведён в графское Российской Империи достоинство, а 22 апреля 1834 года пожалован орденом св. Андрея Первозванного.

Как видите, граф Александр Христофорович Бенкендорф не был обычным жандармом. Боевой офицер, храбрец. Что такое по сравнению с его подвигами карательные налёты «лермонтовского отряда» на аулы чеченцев? Разумеется, столь образцовый офицер, так же, как и сам Николай I, не мог бесконечно смотреть сквозь пальцы на явную недисциплинированность и манкирование служебными обязанностями поручика Лермонтова. И уж конечно А.Х. Бенкендорф не мог, как прежде, покрывать безобразное поведение Мишеля в конфликте с де Барантами. Неосторожный стишок, написанный в запальчивости, это — одно. Даже туризм вместо отбывания ссылки можно замять, не дать Государю основание для отказа в помиловании. Но вот явную подлость и неблагодарность Бенкендорф прощать не стал, иначе сам превратился бы в соучастника. И всё же главный жандарм России никогда не преследовал Лермонтова, не опустил до мести. Своей главной задачей на высших административных постах государства он считал *«утверждение благосостояния и спокойствия всех в России сословий и восстановление правосудия»*.

Александр Христофорович Бенкендорф скончался в 1844 году на 61-м году жизни. Император Николай I сказал у постели умирающего графа: *«В течение одиннадцати лет он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими»*.

Очевидно, что в эти «многие» входил до определённого момента и Михаил Лермонтов. В письме И.Ф. Паскевичу 18 сентября 1844 года Николай I писал:

«Тяжёлый сей год лишил меня на днях моего верного Бенкендорфа, которого службу и дружбу 19 лет безотлучно при мне не забуду и не заменю; все об нём жалеют».

Одну из следующих основных составляющих мифа — трусость и зависть Николая Мартынова — я разбирать не буду. Всё достаточно подробно сказано мною по данному поводу ранее.

Ну, и наконец, самая главная составляющая мифа: Лермонтов — великий поэт ещё при жизни, второй Пушкин. История с первым отдельным изданием романа «Герой нашего времени» наглядно показала степень известности Михаила Лермонтова в качестве литератора. Никто его имени не знал, даже один из ведущих издателей и журналистов того времени — Фаддей Булгарин! Да и с чего имя Лермонтова было бы известно читателям России? Порнографические вирши и стихотворение «Смерть поэта» ходили в немногих рукописных списках, были известны весьма в узких петербургских кругах и давали автору лишь скандальную славу, а не литературную. Сотни стихов и десятки поэм тоже пока нигде не изданы, существуют только в немногих рукописных копиях, находящихся у родственников и знакомых поэта. Да, мощный блат, как сейчас бы сказали, продвинул некоторые стихи Лермонтова на самый верх. Известно, что Мишель специально для императрицы переделал поэму «Демон», убрал из неё всё, что могло той не понравиться. Так, наверно, и создавалось при Дворе мнение, что Лермонтов мог бы в дальнейшем заменить России погибшего Пушкина. Однако, даже при столь высокой поддержке «Демон» нигде при жизни автора опубликован не был!

Что же остаётся? Вот полная библиография произведений Лермонтова, изданных при его жизни в журналах:

«Хаджи-Абрек» («Библиотека для Чтения», 1835, том IX);

«Бородино» («Современник», 1837, т. VI);

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» («Литературные Прибавления» к «Русскому Инвалиду», 1838, № 18; с подписью —в);

«Дума» («Отечественные записки», 1839, т. I);

«Бэла» («Отечественные записки», т. II);

«Ветка Палестины» («Отечественные записки», т. III);

«Три Пальмы» («Отечественные записки», т. IV);

«Фаталист» («Отечественные записки», т. VI);

«Дары Терека» («Отечественные записки», т. VII);

«Тамань» («Отечественные записки», 1840, т. VIII);

«Воздушный корабль» («Отечественные записки», т. X);

«Ангел» («Одесский Альманах», 1840);

«Последнее новоселье» («Отечественные записки», 1841, т. XVI);

«Парус» («Отечественные записки», т. XVIII);
«Спор» («Москвитянин», 1841, ч. 3).

Итого десять стихотворений, две поэмы, одна из которых подписана псевдонимом, и три повести о Печорине. Причём, львиная доля публикаций приходится на «Отечественные записки», то есть — прочесть их могли только подписчики этого журнала.

Вот и всё, что было издано при жизни Лермонтова в периодике.

Кроме того, отдельными изданиями вышли роман «Герой нашего времени» (СПб., 1840; здесь же впервые (!) «Максим Максимыч» и «Княжна Мери»), и сборник «Стихотворения» (СПб., 1840), включавший в себя 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Как мы знаем, для реализации романа потребовалась мощная рекламная кампания, проведённая Белинским в «Отечественных записках» и Булгариным в «Северной пчеле». Сборник стихов вышел тиражом в 1000 экземпляров, который тоже надо было ещё распродать. Так что, всероссийской славе заместителя Пушкина у Мишеля просто неоткуда было взяться! Публикации всего остального и собрания сочинений будут потом, после смерти Лермонтова. И, соответственно, литературная слава, появится только потом. А при жизни у Мишеля была «слава» совершенно иного толка, о которой предпочли молчать его родственники и друзья, не пожелав отвечать на вопросы биографов.

Император попросил графа А.Х. Бенкендорфа лично опекать Александра Пушкина, оберегать того от неприятностей. С самого поэта Николай I взял слово, что тот ни под каким предлогом не будет участвовать в дуэлях. Пушкин своего слова, к сожалению, не сдержал. Тем не менее, император после смерти поэта оплатил все его весьма немалые долги и поддержал осиротевшую семью. Узнав же о смерти Михаила Лермонтова, как пишет в своих воспоминаниях П.П. Вяземский, цитируя слова флигель-адъютанта полковника Лужина, Николай I сказал: «Собаке — собачья смерть». И никаких сожалений о потере поэта, который мог бы заменить собою Пушкина. Потому что на тот момент, не было такого поэта, его создадут позднее. Лучшее всего данный факт иллюстрирует следующее: когда Михаил Лермонтов был провозглашён классиком русской литературы, на месте предполагаемой дуэли у подножия горы Машук возле Пятигорска в 1915 году был установлен обелиск, созданный скульптором Микешиним. Но советскими учёными было установлено, что на самом деле дуэль была в другом месте — у Перкальской скалы. Как могла возникнуть такая путаница? Ведь на место

дуэли во время следствия выезжали судебские чины, проверяли, обмеряли, опрашивали участников, где кто стоял, и т.д. Если Михаил Лермонтов в то время действительно был так знаменит и известен в качестве поэта, как утверждают литературоведы, почему же почитатели его творчества никак не отметили место гибели своего кумира? Точно также никто теперь не знает, где находится место его первого захоронения: надгробный камень просто закопали в опустевшей могиле! Вот такая вот слава и почёт...

Оскара Уайльда современники смешали с грязью за пристрастие к двадцатилетним юношам и посадили в тюрьму, выйдя из которой тот так и не смог оправиться, покинул Англию и вскоре умер во Франции в нищете и позоре. Но никто никогда не посягал на его литературную славу. Литературоведы не пытаются скрыть пороки и личные недостатки зарубежных писателей, но вот образ Михаила Лермонтова представляет из себя набор явных мифов. Неужели биографы считали, что правда о поэте негативно повлияет на восприятие его произведений? Но ведь, посадив Уайльда в тюрьму, англичане не сожгли его книги на кострах. Они до сих пор переиздаются, в театрах идут пьесы, снимаются фильмы. Оскар Уайльд остаётся классиком не только английской, но и мировой литературы.

Да что там Уайльд! У нас, в России, есть и свои примеры: Льва Толстого отлучали от церкви, Фёдор Достоевский побывал на каторге. В конце концов, отправив Лермонтова в ссылку, император не запретил издания его произведений, хоть и был о романе «Герой нашего времени» весьма нелестного для автора мнения. Зачем же биографы и литературоведы до сих пор усердно стараются «отмыть добела чёрного кобеля», неизбежно при этом очерняя невинных людей — того же императора Николая I, Александра Бенкендорфа, Николая Мартынова, Эрнеста де Баранта и многих других? «Пепел Клааса стучит в моё сердце».

Заключение

К сожалению, гений и злодейство вполне совместимы. Первым можно восхищаться, второе нельзя прощать, потому что ненаказанное зло развращает и, как правило, в дальнейшем порождает ещё большее зло. Во цвете лет и таланта погиб Александр Пушкин, адекватные наказания за проступки которого император заменил укоризненными письмами Бенкендорфа. Вместе с Пушкиным Россия лишилась и Дантеса,

человека, несомненно, талантливого, сделавшего впоследствии на родине блестящую карьеру и закончившего жизнь сенатором Франции. Практически на взлёте погиб Лермонтов, утянув за собой в могилу и талант Мартынова. А ведь Мартынов был единственным признанным соперником Лермонтова в поэзии! Что если в его лице погублен ещё один поэт, который мог бы заменить России если не Пушкина, то хотя бы Лермонтова? Лев Толстой как-то сказал: *«Если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский»*.

Конечно, Толстой преувеличивал. И он сам, и Достоевский, может быть, что-то и почерпнули у Лермонтова, но при этом являются полностью самобытными фигурами в русской литературе, вершинами. «Герой нашего времени» принято называть новаторским романом, но, на мой взгляд, это просто сборник вполне самостоятельных повестей, объединяет которые лишь общий персонаж — Печорин. Ведь по такому принципу и сборник рассказов о Шерлоке Холмсе, например, можно было бы назвать романом, чего никому не приходит в голову. Замени Лермонтов имя Печорина в разных повестях на какое-нибудь другое — Волгин, Амурский, Ангарский или Днепров — для читателя практически ничего не изменится. О романах Льва Толстого и Фёдора Достоевского подобное сказать невозможно.

Трактовать слова Толстого не очень-то корректно, но для меня смысл их ясен: у Лермонтова был настолько огромный потенциал, что останься он жив, русская литература обогатилась бы произведениями, не уступающими по значению, а может и превосходящими достижения Толстого и Достоевского. Что ни в коей мере не делает лишними последних. У каждого — своя ниша и своя слава.

Между прочим, Лермонтов был ещё и талантливым художником. Писать стихи он начал только в четырнадцать, а вот рисовать — в раннем детстве. Пол его комнаты в Тарханах был покрыт зелёным сукном, на котором маленький Мишель, не умеющий ещё даже ходить, с огромным удовольствием рисовал мелом. Именно так, с мелком в руке, изображён Лермонтов-ребёнок на картине неизвестного художника.

Во время учёбы в Московском университетском благородном пансионе преподавателем рисования у Мишеля был художник-акварелист Александр Степанович Солоницкий. В Петербурге учителем Лермонтова стал Пётр Ефимович Заболотский, художник, друг О.А. Кипренского и Б.И. Орловского, автор широко известного портрета Михаила Лермонтова в мундире лейб-гвардии Гусарского полка. Так что Мишель учился живописи гораздо серьёзнее, чем стихосложению и оставил после себя богатое наследие, хоть до нашего времени дошло далеко не

всё: тринадцать картин маслом, сорок четыре акварели, более четырёхсот рисунков и четыре оттиска с литографского камня с кавказскими сюжетами. Князь Г.Г. Гагарин, ставший впоследствии вице-президентом Академии Художеств, выполнил несколько акварелей по рисункам Лермонтова. Мишель владел разнообразной техникой: масло, акварель, графика. Работал в разных жанрах: портрет, пейзаж, батальные и жанровые сцены, иллюстрации. Но роковую роль в судьбе Лермонтова сыграла карикатура. Н.А. Огарёва-Тучкова вспоминала:

«Бабушка Лермонтова просила внука не писать более стихов, живя в постоянных опасениях за него. Внук... стал рисовать карикатуры, которые были так похожи и удачны, что наделали много шума в высшем петербургском обществе...»

Карикатура на Николая Мартынова, как известно, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Лермонтов раздаривал свои картины и рисунки друзьям и знакомым точно так же, как и рукописи стихотворений и поэм. Многие ныне утрачено или находится за границей. Кто знает, найдись среди любителей живописи свой «Висковатый», возможно, мы сейчас имели бы и миф о Лермонтове — великом художнике. Впрочем, Мишель вполне заслужил такую славу. Он был одарён многими талантами и мог бы в ещё больших масштабах обогатить и прославить русскую культуру. Если бы не поддался своему Демону...

То, что я сейчас знаю о Лермонтове, ничуть не повлияло на моё отношение к его произведениям: картинам, стихам, прозе. Не хвалю их только потому, что до меня это не раз сделали другие, и повторять общеизвестное ни к чему. Я по-прежнему с удовольствием смотрю старый, ещё чёрно-белый фильм, снятый по пьесе «Маскарад» в далёком 1941 году. С не меньшим интересом пересматриваю различные экранизации «Героя нашего времени». Конечно, меня теперь коробит от усилий актёров изображать ничтожность и трусость Грушницкого, но тут уж ничего не поделаешь — автор так захотел, чтобы оправдать подлость Печорина. А вот фильмы и передачи о самом Михаиле Лермонтове я смотреть больше не могу — раздражает официальный миф. У меня теперь есть свой Лермонтов, не икона и не мученик. Он мой — у вас вполне может быть свой.

Коломна, 2014-15гг.

Библиография

- Бондаренко В.Г. Лермонтов. Мистический гений. — М., 2013
Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. — М., 1988
Лин фон Паль. Проклятие Лермонтова. — М., 2014
М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1989
Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2009
Сахаров А.А. Путь к Лермонтову. Исследования, версии, находки...
— Коломна, 2014
Щеголев П.Е. Лермонтов: Воспоминания. Письма. Дневники... — М., 1999
Эротикон: Русская эротическая поэзия и проза. — М., 1999
-

ПОВЕСТЬ

Андрей Саломатов

Москва

В БУДУЩЕМ ГОДУ Я СТАНУ ЛУЧШЕ

«Легко догадаться, о чем думает простой человек
— о простых вещах».
Д.Джансугурова

Вступление

Еще великий вольнодумец Вольтер писал, что всякому значительному или интересному событию всегда предшествует великое множество пустых и мелких вещей. Например, для того, чтобы жениться, нужно вначале вырасти, чтобы вырасти, как минимум — появиться на свет, и только для того, чтобы родиться, самому ничего делать не надо.

Сколько знаменательных дат освещают жизнь среднестатистического человека? У подавляющего большинства их три: родился, женился и умер. А сколько третьестепенного и невыносимо скучного приходится пережить между рождением и смертью — уму непостижимо. Ходит человек семьдесят лет как заведенный будильник, топает по пря-

мой к смерти, и только на пороге вечности удивляется, что жизнь прошла, а так ничего и не произошло.

Но не надо расстраиваться. У каждого из нас впереди есть еще хотя бы одно экстраординарное событие.

Итак, всякому грандиозному или сколь-нибудь примечательному факту всегда предшествует длинная цепочка безликих дней.

Глава первая

Саша

«Бог органичен, — когда-то написал нобелевский лауреат Бродский, — Ну а человек? А человек, должно быть, ограничен».

Внешне Саша Дыболь отдаленно напоминал популярного французского киноактера, и это сходство было ему дороже всего небогатого внутреннего мира, которым он походя обзавелся в процессе жизни. Саше было двадцать два года.

Судьба

Интересным человеком Дыболя трудно было назвать, равно как и неинтересным. Он не был ни трусом, ни храбрецом, держал свою синицу в надежной клетке, частенько поглядывал на небо, но без драматических вздохов по журавлю. С книгами Саша покончил, так и не узнав, для чего их пишут; в театры не ходил со школьной скамьи — он там скучал; на эстрадных концертах бывал, если кто-нибудь из родственников или друзей доставал ему билет; и только самый демократичный вид искусства — кино — привлекал его своей доступностью и распространенностью в пространстве-времени.

Серьезное место в жизни Дыболя занимали и субботние вылазки на природу с шашлыком и легкой выпивкой. О таком походе можно было вспоминать целую неделю. Правда, через несколько подобных пикников разница между ними начисто исчезала, и надо было изобретать что-то новое. Но что оригинального можно придумать в этой жизни, если ты не Кулибин, не Циолковский и даже не сочинитель матерных куплетов? И все же Саша придумал.

Саша Дыболь решил жениться. Идея обзавестись семьей пришла ему в голову совершенно случайно. Он набрел на нее, пытаясь отыскать смысл существования равноценный оставленным развлечениям.

Испытав за свои двадцать два года все доступные удовольствия, Саша пришел к ценному выводу, что дальше так жить нельзя — надоело.

Приличная зарплата экспедитора компьютерной фирмы и однокомнатная квартирка у Птичьего рынка делали Дыболя женихом если и не завидным, то, по крайней мере, без особых проблем на первое время. Объект Сашиной скоростижной любви до сих пор и не подозревала о намерениях приятеля. Встречались они всего три раза и, как это нередко бывает, у Розы были иные планы относительно своего будущего. Другими словами, девушка пока не собиралась замуж ни за Дыболя, ни за кого другого. Но об этом Саша узнал несколько позже. А для начала наш герой раззвонил по телефону родным и ближайшим друзьям о своем решении. Выслушав большое количество наставлений и дружеских советов, он надел недавно купленную аглицкую тройку с зеленой искрой, купил букет замечательных белых хризантем и к назначенному времени отправился в гости к Розочке... где и пал жертвой собственной своеобразности — девушка ему наотрез отказала.

Да, оригинальность, как и принципиальность, штука коварная, а главное — неблагоприятная. Возможно, до сих пор Дыболь не догадывался об этом. Ведь, по сути, Сашина фантазия была его первым шагом на скользком пути оригинальности, а первые шаги не бывают твердыми. Кто знает, если бы Дыболь хоть немного был мистиком и не предвосхищал событий или, на худой конец, неплохо разбирался в женской психологии, может после тонко продуманной атаки планы Розочки и дали бы трещину. Но Сашина выходка только укрепила девушку в правильности выбранного пути. Значительное событие не состоялось. Нужно было снова начинать бесшабашную холостяцкую жизнь, что Дыболь и поспешил сделать. Стало быть, судьба уготовила Саше кое-что поинтересней прозаической женитьбы. Как любил говаривать легендарный китаец Чжуан-цзы, сознательный выбор — это всегда заблуждение, так что мудрый позволяет всему быть самим собой.

Не судьба

Молодость сильна не только мускулами и психикой. Пожалуй, главная ее опора — безграничный оптимизм и, как писал философ Бергсон, умение на полном ходу перепрыгивать во встречный поезд. Надо отдать Дыболю должное, он стойко перенес первый мощный удар судьбы. Саша не швырнул в Розочку жениховским букетом, не стал рвать на груди аглицкую жилетку с эффектной зеленой искрой и даже не потерял присущего ему природного жизнелюбия и бодрости. И все же, ско-

рее из подражательства, Дыболь решил выпить. Купив в магазине бутылку экзотического джина, он небрежно сунул ее в карман пиджака и позвонил другу, который должен был стать свидетелем Сашиного серьезного отношения к бракосочетанию.

Дыболь долго слушал, как в абсолютной пустоте рождаются и умирают унылые гудки. Затем он повесил трубку и в сердцах громко проговорил:

— Не судьба!

Джин в бутылке из-под джина

Благо в чистом небе висело теплое июльское солнышко, и не было никакой необходимости напиваться дома. В одиночестве, да в четырех стенах пьют только законченные алкоголики, а на природе в хорошую погоду даже язвенник нет-нет, да и подумает: «Эх, пивка бы!»

Настроение у Саши было, что называется, никакое. Он тихо брел по тропинке, не глядя по сторонам, и даже не задумывался, где и с кем совершить этот языческий акт насилия над собой — алкогольное хакири. Как излагал трагический алколог Ерофеев: «Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо». Что Дыболь и делал, пока не оказался в самом потаенном месте в округе.

Устроившись в тени общипанной сирени на разбитой лавочке, Саша вдруг ощутил прилив тихой радости и нежности ко всему тому, что его окружало. Впереди золотилось мелкой рябью запущенное калитниковское озерцо, в спину дышало прохладой старое московское кладбище, а прямо над головой летали птицы: белые, похожие на чаек, и черные, больше напоминающие ворон.

Дыболу давно расхотелось пить, но бутылка джина оттягивала карман и тем самым напоминала о счастливой семейной жизни, которая развалилась, так и не успев образоваться. Воображение рисовало Саше какие-то путанные картины раскаяния его избранницы. Но если мысли эти легкие и бесформенные появлялись и исчезали, ни к чему не обязывая, то бутылка с помощью гравитационной постоянной тянула Дыболя вниз, к грешной земле, подальше от бесплодного фантазирования.

Обреченно вздохнув, Саша достал бутылку, откупорил ее и зачем-то понюхал содержимое. Этот легкомысленный поступок на некоторое время оттянул начало пьянства. Но через пару минут, собравшись с духом, Дыболь торопливо сделал несколько больших глотков и переста-

рался. Закашлявшись, он поставил бутылку на лавочку, вскочил и стал трясти головой. Когда же внутри у него сделалось немного спокойнее, Саша сел на свое место. Каково же было его удивление, когда вместо бутылки он обнаружил рядом с собой маленького, замурзанного старичка.

— Это ничаво, — болтая в воздухе крохотными ножками в онучах, радостно произнес незнакомец. — Спасибо тебе, Санек. Выручил старика. Проси, чего хочешь. Отблагодарю по-джиннски.

Много

Всего за несколько минут Дыболь успел наговорить старичку кучу всяких глупостей. А поскольку изъяснялся он путано, то из всего сказанного старичок понял лишь одно, а именно, что его спаситель хочет много. Но что такое «много» для джинна, когда и для простых смертных нередко это понятие не несет в себе ничего фантастического? Еще свехудачливый бизнесмен Маккормик предупреждал, что иметь много денег не менее хлопотно, чем много знаний, и печаль, по-видимому, есть следствие человеческой жадности, а не тяжести груза. Здесь, пожалуй, главное, что каждый отдельный человек подразумевает под этим понятием. Ведь одному много пачки десятирублевок, а другому мало и того, что он не успеет прожить вместе со всеми своими родственниками до двадцатого колена.

В общем, джинн понял, что Саша Дыболь относится скорее к первым. Не хватало ему каких-то мелочей из списка подростковых фантазий. Но старичок был джинном с размахом и заниматься каждым несостоящим внимания желаньем в отдельности — не собирался.

Не перебивая Сашу, старичок на минуту задумался, затем молитвенно сложил руки и промолвил:

— Будет тебе, Санек, большая светлая любовь и все прочее. Как решишься, приглашай на свадьбу — буду как штык. А пока путешествуй, пользуйся.

После этих слов джинн без остатка растворился в воздухе.

Дыболь некоторое время оторопело смотрел на то место, где только сидел старичок, а когда пришел в себя, вслух позвал:

— Эй, где вы?

Поднявшись с лавочки, Саша неуверенно шагнул вперед. В это время воздух вокруг него на мгновение уплотнился и, ослепительно сверкнув алмазными гранями, повернулся на воображаемой оси, которая находилась, по всей видимости, где-то далеко за горизонтом. Дыболь по-

чувствовал, как гигантская вертушка подхватила его и с чудовищной силой швырнула в сияющую даль.

Пришел в себя Саша в незнакомом ухоженном сквере перед облезлым трехэтажным зданием с обшарпанной вывеской «Гостиница для транзитных королей и президентов». Прочитав ее, он вконец смешался и зачем-то спрятался за роскошным кустом боярышника. В глазах у него все еще плавали радужные круги, в голове разливался хмель, а под ложечкой образовалось маленькое холодное облачко — Дыболю сделалось немножко страшно.

Мало

Да, малость переборщил джинн. Ну, к чему эти дешевые кинематографические эффекты с мгновенным перелетом и пугающей вывеской? Тем более, что Сашу можно было отблагодарить и попроще. Ему вполне хватило бы согласия Розочки и недорого чайного сервиза на шесть персон в виде свадебного подарка. Как любил повторять inferнальный Кроули: даже если мы точно знаем, чего хотим, то зачастую плохо представляем, как будет выглядеть то, чего мы так упорно добиваемся.

Мимо Дыболя по дорожке проследовал устрашающего вида бородач в экзотических лохмотьях. Он уверенно вошел в гостиницу и так хлопнул дверью, что все здание загудело как надтреснутый колокол.

— Какой сегодня хороший день, — услышал Саша у себя над головой и резко обернулся. Из распахнутого окна первого этажа, улыбаясь на него смотрел человек с гладко зачесанными назад волосами и бабочкой под подбородком. — Если вы хотите остановиться в моей гостинице, милости просим. Мест сколько угодно. Могу предложить люкс номер один, есть и номер два, а если у вас совсем плохо с деньгами, то найдется и люкс номер три.

— А где я? — растерянно поинтересовался Дыболь и машинально обвел глазами сквер.

— Вы? Перед моей гостиницей, — мягко ответил тот.

— Нет, какой это город? Страна какая? — уточнил свой вопрос Саша. Окно моментально захлопнулось, и через несколько секунд улыбочивый владелец гостиницы образовался в скверике перед Дыболом.

— Уж не иностранец ли вы? — едва появившись, радостно спросил он. — Хотя, для иностранца вы слишком правильно говорите.

— Я из Москвы, — ответил Саша и, помявшись, добавил: — Из России.

— Да?! — еще больше обрадовался хозяин. — А где это?

— Ну.., — хотел было объяснить Дыболь, но понял, что сделать это будет очень трудно. Густо покраснев, он лишь добавил: — На севере.

— Ну и отлично! — Владелец гостиницы взял Сашу под руку и широким жестом пригласил войти в свое заведение.

— Я бы на карте показал, — вдруг вспомнил Дыболь.

— Да? — с неизменной улыбкой воскликнул хозяин. — Уважаю господ, умеющих отлично играть в карты. Хотя, не совсем понимаю, какое отношение имеют карты к науке географии. Недостаток образования, — со вздохом сказал он. — Всю жизнь страдаю из-за этого. В свое время, вместо того, чтобы учиться, я занимался всякой ерундой: решал математические и физические задачи, ставил химические опыты. Правда, впоследствии это позволило мне приобрести вот эту гостиницу. Химия, знаете ли, помогла. Но хорошо играть в карты я так и не научился.

— Я про другие карты, — проговорил Саша, следуя за разговорчивым хозяином.

— А есть еще какие-нибудь? — изумился тот. — Вы уж извините мне мою серость. Не подумайте, что в нашем городе все такие. Уверю вас — нет! Я вас познакомлю с таким мастером... — сладкоречивый владелец гостиницы чмокнул пальцы собранные в щепотку, затем осекся и менее уверенно продолжил: — Ну, вам-то он может и не покажется мастером. Но играет...

Они вошли в гостиницу. Помня, что он потратился на цветы и заграничный джин, Дыболь незаметно сунул руку в карман и неуверенно сообщил:

— У меня мало денег.

— Мало? — переспросил хозяин. — А! Понимаю! Ну, ничего. Давайте договоримся так: я нахожу вам партнеров, а выигрыш пополам.

Абсолютно все

— Как вас записать? — усаживаясь за конторку, вежливо поинтересовался владелец гостиницы. Затем он понизил голос и заговорщицки добавил: — Может, вы собираетесь погостить у нас инкогнито?

— Меня зовут Дыболь Александр Иванович, — ответил Саша. Не успел хозяин внести данные в книгу регистрации, как раздался громкий топот и на лестнице, ведущей на второй этаж, появился уже знакомый Дыболю бородач.

— Эй, ты! — прорычал он, обращаясь к владельцу. — Раздобудь-ка мне чего-нибудь поесть. И побыстрее!

Хозяин гостиницы оторвался от своего занятия и, не меняя выражения лица, сунул руку в карман. Затем, он выхватил пистолет и выстрелил в грубияна.

Детина жалобно вскрикнул, сложился пополам и кубарем скатился вниз по лестнице. Даже если он и не умер в первую минуту от пули, то обязательно свернул себе шею.

Мгновенно протрезвев, Саша как ужаленный отпрыгнул от конторки и бессвязно залепетал:

— Вы чего? Чего вы?

— Что вас так напугало? — искренне удивившись, спросил владелец гостиницы. — Этот негодяй живет здесь вторую неделю, денег не платит да еще и требует, чтобы я носил ему из ресторана еду. Правда, он имеет на это право. Но и я свои права знаю.

— Вы же... убили его, — с трудом выговорил Дыболь.

— Правильно, — ответил хозяин. — Если бы я этого не сделал, он бы первым убил меня. Бежать в ресторан ему за едой я не собирался. Да вы успокойтесь. Я совсем забыл, что вы иностранец. Дело в том, что у нас нельзя безнаказанно обижать вооруженного человека. Можно безнаказанно обижаться на него, да и то не всегда. Приспособиться не трудно. Вот мне уже больше тридцати, а я, как видите, живой, здоровый и дело мое процветает. — Убрав пистолет в карман, владелец гостиницы снова взялся за перо. — Ну, так продолжим. Если желаете, я запишу, что вы король или президент какого-нибудь маленького государства. Название мы придумаем. Это придаст вашему пребыванию здесь торжественности и даже таинственности. У нас очень любят высокопоставленных особ, даже фальшивых. Да и мое дело от этого только выиграет. Престиж, знаете ли, никому еще не помешал.

— Так значит, вы и меня можете? — звенящим от напряжения голосом спросил Саша.

— Что могу? — не понял хозяин.

— Убить. — прошептал Дыболь.

— А зачем же мне вас убивать? — рассмеялся владелец гостиницы. — Вы же не сделали мне ничего плохого. Я обыкновенный и даже очень покладистый человек. Ну, перестаньте делать из меня зверя.

— Значит, здесь можно абсолютно все, — почти не слушая объяснений хозяина, проговорил Саша и затем спросил: — И я вас могу?

Улыбка профессионального гостеприимства медленно сползла с лица владельца гостиницы и он с нескрываемой досадой ответил:

— Конечно можете... если сможете.

— Я пойду, — опустив голову, угрюмо сказал Дыболь и как-то боком направился к выходу.

— Я вас сильно напугал, — сразу забеспокоился хозяин и подскочил к гостю. — Бросьте вы. Я не собираюсь вас убивать. Вы мне нужны. У меня много знакомых, которые вечерами любят поиграть в карты. И если вы действительно...

— Я не умею играть в карты, — не дал ему закончить Саша. — Вернее, умею, но плохо.

— Как? А что же я перед вами... — владелец гостиницы вдруг поморщился, замолчал и на шаг отошел от Дыболя. Затем он развернулся и молниеносно ударил Сашу кулаком в челюсть.

Оказавшись на полу, Дыболь приподнялся на локтях, потряс головой и взглянул на «покладистого» хозяина заведения. Тот уже стоял за своей конторкой, озабоченно смотрел на распростертого Сашу и, казалось, ждал, что тот предпримет дальше.

— Кстати, можете ответить мне тем же самым, — серьезно сказал он и снова достал пистолет. Положив его на конторку, он добавил: — Но предупреждаю: у меня первый разряд по боксу.

Абсолютно ничего

Место, куда Дыболь попал, ничем не напоминало ему родной город, хотя вокруг стояли такие же дома из кирпича и камня, а деревья также тянулись ветвями вверх. Даже небо казалось здесь более низким, как в планетарии, и неестественно синим, будто его густо покрасили чистой берлинской лазурью. Идеально подстриженные газоны пугали здесь какой-то медицинской стерильностью. При виде этих геометризованных островков живой природы даже не возникало мысли повалиться на траве. По такому газону нельзя было срезать путь или бросить на него окурок. У неискушенного дикаря подобное произведение озеленительского искусства могло бы вызвать только оторопь. Саша же нагнулся и потрогал сочную ярко-зеленую траву. Убедившись, что она настоящая, он с восхищением проговорил:

— Класс!

Летний день был в самом разгаре. Погода стояла великолепная, но на улице не было видно ни одного человека. Лишь раз в пятидесяти метрах от Саши пробежал неряшливо одетый, взъерошенный тип. Он испуганно орал что-то о дьяволе, о фальшивом городе, о скором конце света и призывал всех здравомыслящих людей объединиться и раз-

рушить царство Сатаны. Дыболь проводил его недоуменным взглядом и покрутил у виска пальцем.

Саша бесцельно брел по незнакомому городу в неизвестном направлении и мысленно ругал хозяина гостиницы, старичка-джинна и даже Розочку, чья несговорчивость положила начало всем этим неприятностям. Неожиданно Дыболь услышал, как кто-то его позвал:

— Молодой человек! Молодой человек!

Саша посмотрел вверх. Свесившись из окна второго этажа, на него смотрел пожилой господин с окладистой седой бородой. Желая привлечь внимание прохожего, он энергично шевелил бровями и размахивал рукой.

— Молодой человек, вы не могли бы принести мне молоток? — прижав руку к груди, попросил он и показал пальцем на дорогу. — Самому мне тяжело спускаться и подниматься на второй этаж.

Дыболь поднял с булыжной мостовой молоток, взвесил его в руке и вошел в раскрытый подъезд.

Внутри дома пахло кислой капустой, нагретой пылью и мышами. Саша осторожно поднялся по скрипучей лестнице с шаткими перилами наверх. Там на сумрачной широкой площадке с единственной дверью и грязным окном, которое почти не пропускало света, его уже дожидался щуплый старик. Держался он с достоинством, сдержанно поблагодарил Дыболя за оказанную услугу, а затем пригласил в квартиру.

Жилище старика представляло собой нечто среднее между физической лабораторией и библиотекой, но запущено было невероятно. Саша никогда не видел столько ненужного хлама в одной квартире. Похоже, весь этот мусор накапливался и бережно сохранялся здесь не один десяток лет.

— Скажите, а где я нахожусь? — задал Дыболь вопрос, который все это время мучил его.

— Как где? В моем доме, — ответил старик.

— Нет, вы меня не поняли, — проговорил Саша. — Что это за город или страна?

Хозяин дома изумленно посмотрел на гостя и как-то нервно сказал:

— Не знаю, молодой человек. Я ничего не знаю. Я абсолютно ничего не знаю об этой стране. В конце концов, я просто ученый. Мое дело — наука, а не разные там...

Правда

Когда-то очень давно пророк Мухаммад утверждал, что если науки изучают то, что есть в Коране, то они бесполезны, если же то, чего в священной книге нет, они преступны. Дыболь к наукам относился вполне индифферентно, но вот люди, связавшие себя с какой-либо из научных «чертовщин», вызывали в нем сложные чувства: от маниакальной подозрительности и страха до не менее необъяснимого сочувствия.

— Можете пройти и сесть вон туда, — предложил старик и указал на горбатый диванчик в стиле ампир с единственной сохранившейся бляшкой из бронзы. — А вы что же, иностранец? — почесав шею, поинтересовался хозяин дома и задумчиво добавил: — Для иностранца у вас слишком хорошее произношение. Ну, да не важно. Я поставлю чайку, а вы пока расскажете мне, кто вы и откуда. Только не лгите. Я за семьдесят лет научился отличать правду от лжи.

— А зачем мне врать? — скромно пристроившись на краешке дивана, ответил Дыболь. — Вот у меня и документы есть. — Саша достал из внутреннего кармана паспорт и протянул его старику.

— Уберите-уберите! — смутился хозяин дома. — Я же не полицейский, я из любопытства.

— А в кого это вы молотком? — зыркнув глазами по углам комнаты, шепотом спросил Дыболь.

— Он сам упал, — сразу насупившись, ответил старик. Он установил на столе спиртовку, поджег ее и водрузил на нее чайник.

— Сами молотки так далеко от дома не падают, — хитро улыбаясь, сказал гость.

— Вы обещали рассказать о себе, — перевел разговор хозяин дома.

— Зовут Дыболь Александр, — скучным голосом начал Саша. — Родился в Москве...

— Дыболь, Дыболь, что-то знакомое, — забормотал старик. — А где это — Москва?

— В России, — оторопело ответил Саша.

— Не слышал, не слышал, — посмотрев в потолок, хмыкнул хозяин дома. — Ну, да сейчас много всяких государств образовывается. Всем свободу подавай. Дойдет до того, что и деревни потребуют автономии.

— Вы, ученый, и не знаете, где находится Россия? — оправившись от удивления, проговорил Дыболь. Старик посмотрел на гостя с неприязнью, но быстро справился с собой.

— Мне совершенно неинтересно знать, в каком месте на земном шаре понастроили домов и назвали Россией, — с пафосом начал он и

даже поднял вверх указательный палец. — Хотя, среди моих многочисленных открытий есть одно и географическое. Вам интересно узнать какое?

— Угу, — скорее из вежливости ответил Саша.

— Я доказал, что Антарктида и Арктика — один континент.

Дыболою понадобилось некоторое время для того, чтобы вспомнить, о чем идет речь. После такого заявления хозяина дома у него появились сильные сомнения, где находятся эти части одного континента, и не есть ли это два разных названия одного и того же.

— Как это так? — после недолгой паузы спросил он.

— А вот так: они соединены осью вращения Земли, — разведя руками, эффектно закончил старик. — Я даже написал об этом статью, и она была опубликована в серьезном научном журнале. После этого я получил три мешка писем. Вы не представляете себе, Александр, сколько в нашей стране живет дураков. Один прислал мне бандероль. В ней оказалась бомба. Хорошо, что у нас на почте работают одни воры. Верхняя дощечка с адресом осталась цела. По ней-то и определили, кому предназначалась эта посылочка. Вот так! А вы говорите география!

— Я ничего не говорил, — возразил Саша, но хозяин дома его не слушал.

— Из географии человеку достаточно знать дорогу от дома до лавки и до кладбища. Да и то, на кладбище вас отнесут на руках. Возьмите хозяина гостиницы «для транзитных королей и президентов». Идиот! Откуда в этом захолустье короли и президенты? А вы думаете, он знает, где находится Атлантида? Зачем ему? Он и без того научился обирать своих клиентов, «химичить», как он говорит. А я, профессор-химик, всю жизнь хожу в ситцевых штанах. И те — заплатка на заплате. Вот она правда жизни.

Неправда

Правда и неправда суть — одно и то же. Одинаково бьют и лгунов и правдолюбков, и еще неизвестно, кого чаще и больше. И происходит это не из-за несовершенства нашего мира. Похоже, как и во всем остальном, истина покоится где-то посередине. Еще любострастный мыслитель маркиз де Сад говорил, что ненавидит лжецов, которые объясняют свою тягу к вранью — человеколюбием, но еще больше — правдолюбцев, которых выдают их лживые глаза.

— Этот хозяин гостиницы при мне убил человека, — мрачно сообщил Дыболь, когда профессор закончил свой монолог.

— Да?! — немного фальшиво ужаснулся хозяин дома. — Какой негодяй! Вот уж злодей так злодей! Он и при мне как-то уложил двух постояльцев из своего кольца. А вы что, знакомы с ним?

— Познакомился, — вздохнул Саша и машинально потрогал челюсть.

— Вам негде жить? — догадался профессор.

— Вообще-то негде. Я... я не знал, что попаду сюда. Не собирался. Вам рассказать, не поверите. — Дыболь замаялся, не решаясь поделиться с ученым подробностями своего фантастического перелета. Он вспомнил, что находится неизвестно в какой стране, скорее всего, далеко от дома и почти без денег. Вспомнил, что здешние нравы более чем странные и затосковал.

— Ладно, — сказал хозяин дома после некоторого раздумья. — Живите у меня, но... — профессор как птица склонил голову набок и оценивающе оглядел гостя с ног до головы. — Вместо платы за проживание вы будете ходить в лавку за продуктами и кухарничать: готовить еду и мыть посуду. Это будет вашей обязанностью, а не просто так, — хозяин дома покрутил указательным пальцем в воздухе. — Согласны?

— Согласен, — угрюмо ответил Саша.

— Жить вы будете вот в этой комнате, — профессор показал на обшарпанную дверь. — С утра я два часа работаю. В это время прошу мне не мешать. Ночью я также работаю, но по ночам, надеюсь, вы спите. На столах ничего не трогать, гостей водить я запрещаю, продавать мои вещи — тоже.

— Я и не собираюсь, — мягко возмутился Дыболь.

— К нам вы, кажется, тоже не собирались, а пожалуйста — сидите, да еще будете у меня жить.

— Я могу... — поднявшись с дивана, начал Саша, но хозяин дома не дал ему договорить.

— Сидеть! — мальчишеским фальцетом выкрикнул профессор. — Я еще не закончил. Предупреждаю, характер у меня скверный. Так что, терпите, а я буду терпеть вас. Кстати, Александр вы в какого бога верите, в трансцендентного или имманентного? — Увидев на лице гостя смущение, профессор добавил: — Ну, в того, который над вами, или который внутри вас?

— Я не верю ни в какого, — ответил Дыболь. — Я атеист.

— Я так и понял, — с каким-то облегчением проговорил профессор. — Лично я, вися над вами и, уж тем более, сидя внутри вас скорее все-

го помер бы со скуки. Но это я так, не для того, чтобы оскорбить, а для пользы дела. У нас здесь был уже один атеист. Станный такой. Бывало напьется и давай кричать, я, мол, вылез из материнского чрева и уйду туда же. Правда, он выражался несколько иначе, вольнее, я бы сказал. Так вот, вышел-то он действительно оттуда, как и всякий атеист. Чего уж там темнить, не маленькие. А ушел он совершенно в другое место. Соблазнил жену владельца завода железобетонных конструкций — женщины падки на оригиналов — она во время ссоры рассказала об этом мужу, а тот, узнав об этом, законсервировал его в одном из железобетонных стояков. В тот год как раз строили родильный дом. Стало быть, он там, родимый. Несет, так сказать, на своих глупых плечах всю тяжесть этого нужного дела, но уже в прямом, а не в переносном смысле. — Саша тихо хохотнул, и профессор, строго посмотрев на него, продолжил: — Вообще, как показывает жизнь, атеизм чреват всякими нехорошими последствиями. Атеисты и умирают от одного и того же: либо от сифилиса, либо от голода, либо от непонимания, куда и зачем двигаться дальше. Согласитесь, все три причины омерзительны.

— Да, — без энтузиазма согласился Дыболь.

— Ну да ладно, — вздохнул хозяин дома. — Ко мне иногда приходит в гости женщина. Молодая красивая женщина. Она наводит у меня чистоту и вообще, — по своему обыкновению профессор покрутил в воздухе пальцем.

Саша обвел удивленным взглядом комнату, но промолчал. Он даже не предполагал, что этим простым жестом проиллюстрировал слова этнографа Радлова, который после посещения жилища карагасов на реке Кан записал в блокноте: «Чистота — понятие субъективное».

— Мы с ней дружим, — продолжал хозяин дома. — И я прошу вас, в ее присутствии не позволять ничего такого.

— Да я... — вяло проговорил Дыболь, не понимая, что профессор имеет в виду.

— Вот-вот, — важно проговорил старик. — Тем более, что у нас с Розалией... — сероватые щеки профессора покрылись бледно-розовым румянцем. — Тем более, что мы с Розалией... Ну, Розалия... — хозяин дома смущенно хмыкнул и наконец разродился: — Она в меня влюблена по уши.

Глава вторая

Заблуждение

Когда человек лжет, он делает вид, что говорит правду. Профессор же был человеком честным. Неправду он сказал совершенно чистосердечно — он заблуждался.

Заблуждающиеся — самая многочисленная категория людей на Земле. На сегодняшний день их почти шесть миллиардов. Всю свою жизнь человек перелезает из одних заблуждений в другие и всякий раз, расставаясь с очередной химерой, думает, что наконец он добрался до истины. И как это ни странно, он прав, потому что истина — это ни что иное, как неразоблаченное заблуждение, на поиски которого было потрачено много времени и сил. Как справедливо писал философ Гельвеций: «Заблуждения порой таковы, что их построение требует больше соображения и ума, чем открытие истины».

Утром следующего дня Саша приступил к своим обязанностям. Хозяин дома разбудил его рано, сонного позвал к столу и сдернул тряпку с какого-то агрегата, похожего на машинку для пересчитывания денежных купюр. Сунув в нее лист писчей бумаги, профессор несколько раз нажал на ручку. Из машинки медленно выползло девять бумажек, отдаленно напоминающих деньги. На зеленых банкнотах во всю длину довольно плохо были отпечатаны какие-то химические приборы, а в правом верхнем углу стояло число 1000. Две из этих купюр оказались вдвое уже остальных, но старик пояснил, что это ерунда. Просто они стоят вдвое меньше.

— Надеюсь, вы понимаете, что это деньги? — задиристо спросил профессор и помахал свежесделанными бумажками у Дыболя перед носом. Ошеломленный Саша утвердительно кивнул и тихо произнес:

— Фальшивые.

— Как фальшивые?! — искренне удивился хозяин дома. — Что вы этим хотите сказать, молодой человек?

— Ну, дома... — растерянно начал Дыболь.

— Ну, дома, — повторил профессор и довольно грубо подстегнул жильца: — Дальше-дальше!

— Сами... дома... делаете из бумаги, — бубнил Саша, пробиваясь к смыслу сквозь сотни мешающих слов.

— А у вас в России что, деньги лепят из глины? — Хозяину дома надоело слушать его бормотание и он, сунув Дыболю в руку свеженькие

деньги, подтолкнул его к выходу. — Знаете, где лавка? Купите молока, хлеба, сыра и яблок. Если будет сахар, то и сахару.

— А мне дадут? — Саша никак не мог поверить, что деньги можно добывать таким простым способом. Он, конечно, слышал о существовании фальшивомонетчиков, но все эти слухи носили скорее апокрифический характер и к его реальному опыту не имели никакого отношения. Более того, в историях такого рода преступники, как правило, получали столько лет тюрьмы, сколько он едва успел прожить.

— Дадут? — переспросил профессор. — А куда же они денутся? Это деньги. Вы что, не знаете, что такое деньги? — Все более возбуждаясь, хозяин дома одной рукой дергал Дыболя за рукав, а другой тыкал ему пальцем в живот. — Вы откуда свалились? Деньги — это такие бумажки, на которые можно купить все, вплоть до сахара и молока. Может в вашей Москве люди обходятся без денег? Или вы там у себя меняете гайки на штаны, штаны на лопаты, а лопаты на хлеб? — Профессор отпустил Сашу и пожал плечами. — Ладно, ступайте в лавку. Уже восемь, а мы еще не завтракали.

— Значит, можно напечатать сколько хочешь? — все еще не веря в такую замечательную возможность, спросил Дыболь.

— Печайте на здоровье, — удивленно ответил хозяин дома. — Все равно больше положенного не истратите.

Последние слова Саша или не понял, или пропустил мимо ушей. Его охватило какое-то молодецкое удайство, и он, глядя влюбленными глазами на неказистые зеленые бумажки, вдруг вспомнил джина. Впервые за все это время Дыболь подумал о старичке без кровожадности и даже без неприязни.

Каждый должен делать свое дело

Профессор, чрезвычайно довольный приобретением удобного жилища и возможностью лишней раз поболтать не выходя из дома, снисходительно улыбался и отвечал на все Сашины вопросы. Завтракали они не торопясь, беседовали с большими паузами, и за все время, пока они насыщались, разговор шел только вокруг денег.

— Такую машинку можно купить в любой лавчонке, — разрезая яблоко, сказал хозяин дома. — закажете себе рисунок или сами нацарапаете на бумаге какую-нибудь ерунду, и пожалуйста. Только зачем она вам, Алек? Пользуйтесь моей.

— А на ваши деньги можно купить машинку? — опустив взгляд, мягко спросил Дыболь. Ему непременно хотелось иметь свою и в про-

межутках между фразами он уже мысленно набросал, как будут выглядеть деньги с его изображением в вертикальном овале.

— Конечно, — ответил профессор.

— Значит я могу купить всю лавку? Напечатать побольше денег и купить.

— Можете, — жуя яблоко, кивнул хозяин дома. — Но владелец лавки тут же купит ее обратно.

— А я не продам, — сказал Саша, налегая грудью на стол.

— Ну так, и он может вам ее не продать.

— Странно, — озабоченно проговорил Дыболь.

— Налейте мне пожалуйста еще чаю и сделайте бутерброд, — попросил профессор.

Разливая чай, Саша напряженно размышлял. Он пытался грамотно сформулировать вопрос, который вертелся у него на языке, но никак не желал облекаться в слова. Что-то настораживало Дыболя в этой простой системе. Она казалась ему очень знакомой, но Саша не мог вспомнить, чем.

— Значит, лавочник сам может напечатать сколько угодно денег? — принявшись за изготовление бутербродов, спросил Дыболь.

— Хоть целый вагон, — подтвердил хозяин дома. — А зачем? Куда их девать? Разве мало их печатают?

— Зачем же он отдает продукты за эти бумажки?

— Затем, что он торговец, лавочник. — ответил профессор. — Стало быть, должен торговать. Один очень мудрый человек когда-то сказал: «Я мыслю, значит я существую». Но каждый существует по-разному. И в интерпретации лавочника это изречение должно звучать так: «Я торгую, значит я существую». Улавливаете?

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Слышно было лишь прихлебывание, да тиканье настенных часов.

— А вор? — неожиданно поинтересовался Саша.

— А вор должен воровать, — правильно понял его хозяин дома.

— И убийца?

— И убийца, — кивнул профессор и удовлетворенно крякнул.

Следующая пауза была вынужденной, потому что Дыболь наконец сделал два бутерброда. Когда же рты у обоих освободились, Саша лукаво улыбнулся и спросил:

— А таксисты?

— И таксисты, — терпеливо продолжал хозяин дома. — Скучно сидеть дома, вот и разъезжают. Все какие-никакие знакомства, разговоры. Это называется: усыпить чувство одиночества, молодой человек.

Людам мало свежего воздуха у раскрытого окна. Хотя, домоседы, конечно, сидят дома, так сказать, по призванию. В общем, здесь каждый делает то, к чему у него лежит душа. Кто хочет растить хлеб — растит хлеб. Есть даже желающие считаться сумасшедшими. Считаются. У каждого свое дело. Попадаются, правда, такие, которые за все хватаются, и ничего толком не доводят до конца. Так они ничем не хуже убийц. Конституция у них такая.

— А деньги печатают многие? — упорно добивал тему Дыболь.

— Нет, — ответил профессор. — Первое время печатали все, кому не лень. Не успевали сжигать. А потом попривыкли.

— А когда это было, первое время? — заинтересовался Саша.

— Вы еще будете чай, Алек? — спросил хозяин дома и, не дожидаясь ответа, начал убирать продукты.

— Нет, — ответил Дыболь. Сбитый с мысли, он вдруг вспомнил шутку, которую придумал в самом начале завтрака, но пока не мел возможности вставить в разговор. — Значит, я теперь смогу платить вам за жилье?

— Пожалуйста, — равнодушно ответил профессор. — Но обязанности ваши останутся при вас. Если хотите, я буду платить вам жалование за работу. Не стесняйтесь, называйте любую сумму. А не хотите, печатайте сами, я не возражаю.

К славе

Саша болтался по пустынному городу с полными карманами денег и откровенно скучал. Он очень скоро убедился, что потратить даже целое состояние здесь не так просто. Увеселительные заведения пока что были закрыты, на стеклянных дверях магазинов висели таблички: «Учет» или «Переучет», киоски стояли темные и безжизненные, будто все киоскеры одновременно объявили забастовку. Правда, погода выдалась, как на заказ. Прохладный ветерок, словно преданный пес, следовал за Дыболом по пятам и обслуживал Сашу даже в тех местах, где, казалось бы, никакого движения воздуха не должно быть. Ультрафиолетовые лучи, на первый взгляд, выглядели совершенно прозрачными и только над раскаленным асфальтом сгущались до состояния киселя.

Первое знакомство с городом не принесло Дыболу ничего кроме унылого разочарования. Городишко был так себе, без зланных излишеств. В архитектурных стилях Саша не разбирался, университет искусств не заканчивал, поэтому все эти вычурные дома, готические соборы, мечети с игловидными минаретами его не интересовали. Улицы

здесь чаще попадались кривые и горбатые, бульвары были ухоженные и тенистые. Все это Дыболь мог увидеть и в Москве.

Немногочисленные автомобили как-то лениво и бесцельно катались по пустынным улицам и переулкам. Изредка к Саше сзади неслышно подкатывала какая-нибудь обшарпанная машина и водитель услужливо распахивал перед ним дверцу. Но Дыболь не знал, куда ему надо, к тому же, ему не хотелось забираться в раскаленный от солнца автомобиль.

Неожиданного из бокового проезда на него выскочил человек. Саша сразу узнал его. Это был тот самый взъерошенный, неопрятный крикун, который призывал все прогрессивное население города уничтожить это гнездо разврата.

— Новичок? — с безумным взглядом спросил тот. Лохматый кликуша нещадно косил, и Дыболю не сразу удалось поймать его взгляд.

— Да, — несколько растерявшись, ответил он.

— Еще один идиот попался! — заламывая руки, в отчаянии воскликнул крикун. — Здесь все фальшивое! Все, что ты здесь видишь! Эти людишки, с которыми ты общаешься — все это творения дьявола! Разве ты еще не понял?

— Не знаю, я не здешний, — осторожно ответил Саша.

— Нездешний?! — несказанно удивился его собеседник. — При чем здесь нездешний? Здесь все нездешние! Весь этот город и все, кто его населяет — иллюзия, вызванная твоим больным воображением! Тот, кто породил болезни и смерть, колдовство и ядовитых пресмыкающихся, тот, кто погубил первочеловека и разделил мир на два противостоящих лагеря, это он вложил в твой больной мозг образ этого дьявольского города, чтобы еще при жизни заполучить твою глупую непутливую душу! Ничего этого нет! Понимаешь?

Безумец говорил так страстно, при этом глаза его горели такой неподдельной яростью и фанатизмом, что Дыболь не на шутку испугался.

— Понимаю, — стараясь не раздражать крикуна, ответил он.

Безумец внимательно присмотрелся к Саше и вдруг с досадой махнул рукой.

— Ничего ты не понимаешь! Ну ладно! Достаточно того, что веришь! — После этих слов он подозрительно заглянул Дыболю в глаза и спросил: — Ты веришь тому, что я сказал?

— Верю, — быстро ответил Саша.

— Это хорошо! Это главное! Только с верой можно избавиться от наваждения!

Тут Дыболь задал вопрос, о котором впоследствии пожалел:

— А почему вы не избавились, если верите?

— Что?! — заорал безумец. — Ты ненормальный брехун! Ты только притворяешься, что поверил мне! — Внезапно лицо крикуна прояснилось, и он ткнув пальцем Саше в грудь как-то даже радостно воскликнул: — Ты тоже порождение дьявола! Да-да! Я понял! Ты — иллюзия, как и все, кто здесь живет!

Наконец Дыболь вышел из гипнотического состояния, в который его погрузил сумасшедший тип, и спокойно сказал:

— Тебе лечиться надо. — Развернувшись, Саша пошел в обратную сторону, но крикун догнал его, схватил за рукав и вполне будничным примирительным голосом сказал:

— Постой. Не уходи. Я тебе сейчас все объясню.

— Ну что тебе? — остановившись, насмешливо просил Дыболь.

— Понимаешь, я верю, но этого мало. Для того, чтобы уничтожить наваждение, нужно пройти обряд очищения. Отсюда просто так не уйдешь. Я до всего дошел своим умом. Я живу здесь уже целый месяц. Ты у кого поселился? — Он сунул Сашу в руку кусочек мела, как это делается при обмене секретной информацией и продолжил: — Нарисуй у хозяина дома на стуле крест. Пусть сядет. Сам увидишь, что произойдет.

Автоматически сунув мелок в карман, Дыболь продолжил свой путь. Он еще несколько раз обернулся, и каждый раз безумный экзорцист одобрительно кивал ему головой.

Пройдя два квартала скорым шагом, Дыболь выбрался на широкую прямую улицу с большим количеством дорогих магазинов, ресторанов и игорных домов. Все они были закрыты, но аляповатые вывески с неоновой подсветкой приглашали жителей и гостей города провести ночь в «самом престижном заведении», обещая «самые лучшие развлечения» и «самый большой выбор спиртных напитков».

По привычке вспомнив Джина недобрым словом и обматерив крикуна, Саша убавил шаг, нервно осмотрелся и направился к площади, которая виднелась впереди в нескольких десятках метрах. Все время озираясь, он обратил внимание, во сколько начинают работать увеселительные заведения. Времени до открытия оставалось предостаточно, и Дыболю волей-неволей пришлось идти дальше. Случайно скользнув взглядом по табличке с названием улицы, он прочитал: «Улица им. Александра Дыболя».

Дыболь стоял перед собственным бронзовым памятником на площади им. Александра Дыболя и с горечью думал о людском равнодушии и тщетности славы. За три часа, проведенные здесь, ни один из восьми

прохожих не обратил внимания на стопроцентное сходство шестиметровой статуи с одиноко стоящим молодым человеком. Саша уже додумался до того, что на самом деле и площадь, и шестиметровый памятник — это все пустое, от недомыслия, и не надо ему никакой славы, ни бронзовой, ни площадной. Тем более, что вечер выдался теплым и мягким, как домашние тапочки, хотелось приключений, но без дурацких вестерновских штук — ими Дыболь был сыт по горло. Сейчас он жаждал головокружительной любви.

Уже давно открылись рестораны и казино, бордели и кабаре. Даже сюда на площадь из ближайших заведений доносились обрывки музыки и женского смеха. И все это находилось совсем рядом, в каких-нибудь ста метрах от высокомерной бронзовой болванки. Первое упоение собственным величием прошло, равно как и второе, и третье. Остался лишь привкус славы, похожий на ощущение после съеденного килограмма конфет — хотелось пить.

К веселью

Саша вошел в ресторан и, ослепленный малиново-плюшевой роскошью, застыл на месте. Сердце у него сладостно заныло от предчувствия простого человеческого счастья и предвкушения составляющих этого счастья. Именно так он себе все и представлял: рассеянный жемчужный свет, тихая завораживающая музыка, какие-то особенные растлевающие запахи и вполне материальное томление. Всего этого было здесь в избытке, и лишь один, вполне устранимый недостаток подметил Дыболь — полное отсутствие веселья. А как когда-то выразился отец всемирной философии Аристотель, избыток и недостаток всегда присущи порочности.

Едва Дыболь появился в зале, девицы, сидевшие за дубовой стойкой бара, со скоростью минутной стрелки повернули к нему свои невыносимо красивые лица. Все они были как на подбор: пышнобедрые, голоногие, с длинными сигаретами в еще более длинных мундштуках. Куртизанки томно оглядели Сашу с ног до головы, синхронно выпустили в его сторону по струйке дыма и так же медленно отвернулись.

Утверждение основоположника христианства, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем, не просто справедливо по отношению к Дыболу. Еще не появившись здесь, в грезах он давно переспал со всеми этими красотками и теперь собирался воплотить свои мечты в материале.

Как и полагается в подобных местах, Дыболь слегка развязно и в то же время элегантно подошел к стойке, встал между двумя камелиями и выложил на стойку несколько новеньких купюр.

— Виски, — правильно выбрав степень громкости, сказал он. Затем Саша одарил обольщающей улыбкой ближайшую красотку и добавил: — Всем!

Широкоплечий бармен с непроницаемым лицом и ловкими руками нехотя и даже несколько брезгливо взял со стойки профессорские деньги, внимательно рассмотрел нарисованные на них химические приборы и тихо поинтересовался:

— Что это?

— Деньги, — сразу смешавшись, неуверенно ответил Дыболь.

— Чьи? — так же бесстрастно спросил бармен.

— Профессора, — начиная покрываться краской, едва слышно ответил Саша. — Химика. Он живет...

— Ясно, — перебил его бармен. — И сколько здесь?

— Он сказал, что много, — ответил Дыболь, не решаясь взглянуть в сторону красавиц. Ему казалось, что ресторанные лоретки только и ждут этого, чтобы рассмеяться ему в лицо.

— Ладно, — неожиданно произнес бармен. Он убрал злосчастные деньги в ящик, достал оттуда несколько купюр ярко-желтого цвета и бросил на стойку. — Возьмите сдачу. Здесь еще больше.

Бармен принялся разливать виски по тяжелым как кирпичи стаканам, а Саша, кляня свою чувствительность, украдкой вздохнул и попытался придать своему лицу прежнее уверенно-небрежное выражение. На это ему понадобилось каких-нибудь пять секунд.

— Сдачи не надо, — на этот раз сдержаннее сказал Дыболь и тут же пожалел об этом. Бармен холодно взглянул на него, вынул из-под стойки деньги профессора и швырнул их Саше в лицо.

— Тогда убирайся вон, — негромко, но очень убедительно произнес он. — Принес какие-то паршивые бумажки да еще издевается. У меня у самого этого барахла хватает. Вот! — Бармен двумя руками яростно выгреб из ящика кучу банкнот и подбросил их вверх. Разноцветные и разнокалиберные бумажки дождем посыпались на прилавок.

— Ну хватит, Энгельгардт. Не видишь, он иностранец, — лениво произнесла одна из девиц и обратилась к Дыболю: — Иди ко мне, иностранчик.

Побледнев от испуга, Саша начал что-то путано объяснять, а бармен подвинул ему полный стакан и снова перебил его:

— Заткнись. Пей свое виски и помалкивай.

— Ну иди же сюда, иностранчик, — нежно повторила ресторанный гетера. — Энгельгардт, поставь-ка Высоцкого, будем веселиться.

Веселье

Как любил повторять курьяновский экзистенциалист Несговоров: «Ангел, которого ты так энергично добивался накануне вечером, за ночь умудряется обрасти рогами и шерстью. Почему? — далее вопрошал философ и сам же отвечал: — Природа ангелов до сих пор не изучена. Равно как и природа человеческих желаний».

Дыболь обладал редким даром заражать присутствующих весельем. Ему самому для хорошего настроения нужно было совсем немного: уверенности в том, что его слушают и понимают. После четвертой порции виски Саша понял, что наконец завладел всеобщим вниманием.

Дыболь уже дошел до того пикового состояния, когда либо чертовски весело, либо хочется публично разрыдаться и потом долго рассказывать о себе самые трагические истории. Он давно перестал обращать внимание на раздражительного Энгельгардта, напропалую хамил чопорному бармену и фамильярно называл его Энгельсом. Хорошо усвоив урок профессора, Саша швырялся скомканными купюрами в нетрезвых куртизанок, требовал от них выполнения их прямых обязанностей и даже пытался ощупать двух своих соседок. Девочки, в свою очередь, хохотали, называли его дурачком и подставляли Дыболю свои наполненные стаканы. Судя по тому, как Саша лихо опорожнял их, видно было, что конец представления не за горами.

Трудно сказать, что творится в голове у вдрызг пьяного человека, но скорее всего, ничего особенного. Можно было предположить, что Дыболь сейчас повалится на плюшевый диванчик и крикнет: «Эй, половой, бутылочку сакэ и осминогов!» Примерно так оно и вышло.

Именно эта фраза и разъярила Энгельгардта. Ему давно уже надоело смотреть на Сашины безобразия, и он только ждал момента, когда тот отколет очередную глупость.

Схватив Дыболя за шиворот, Энгельгардт потащил его к выходу. Но то ли бармен был недостаточно проворен, а может в его заведении так никто никогда себя не вел. В общем, Саша змеей выскользнул из пиджака и на четвереньках бросился к бару. Гвалт поднялся невообразимый. Под надрывную песню Высоцкого Энгельгардт наконец разразился справедливой гневной тирадой, хмельные лоретки хохотали до слез и стучали стаканами по дубовой стойке, а Дыболь, вырвавшись на свободу, рычал как дикий зверь и бился головой о стойку бара.

На Сашину беду в заведении Энгельгардта оказалось два посетителя мужского пола. Втроем они отловили Дыболя, нахлобучили ему на голову пиджак и безжалостно вытолкали на улицу. После нескольких неудачных попыток вернуться в ресторан, Саша плюнул на дверь, смачно выругался и, шатаясь, побрел в неизвестность за приключениями.

Ночь выдалась чудесная. Из тех, что, занятый своими мыслями, не замечаешь, потому что тепло и ничто не беспокоит. Или наоборот — смотришь и удивляешься: как же иногда хороша бывает жизнь.

Часа два Дыболь бесцельно болтался по улицам спящего города и, в конце концов, вышел на площадь им. Александра Дыболя. У памятника в свете тусклого оранжевого фонаря, стояла девушка, более похожая на подростка. Задрал голову вверх, она разглядывала бронзовую статую и шевелила губами.

Длительная прогулка на свежем воздухе благотворно повлияла на Сашино самочувствие. К нему вернулись нормальная координация движений и способность соображать.

Услышав шаги, девушка повернулась к Дыболу. Даже в этом абсурдном полумраке Саша сумел разглядеть, какие у нее приятные черты лица. Она была похожа на Розочку и одновременно на всех девушек, которые когда-либо ему нравились.

— Здравствуйте, — громко поприветствовал ее Саша и, чтобы юница не заподозрила в нем злоумышленника, добавил: — Не бойтесь.

— А я и не боюсь, — спокойно ответила девушка голосом настолько нежным и проникновенным, что у Дыболя засосало под ложечкой.

— Гуляете? — вежливо поинтересовался Саша, давая себя хорошенько рассмотреть. При этом он старался дышать в сторону.

— Гуляю, — приветливо ответило ангелоподобное существо.

— Ну и как вам памятник? — по-хозяйски спросил Дыболь. Он очень боялся спугнуть это кроткое создание каким-нибудь неосторожным словом или резким движением. Поэтому Саша сразу решил открыться, кто он такой.

— А кто это — Дыболь? — поинтересовалась девушка. Саша мгновенно достал из кармана паспорт и, раскрыв его, показал.

— Это я. Разве не похож?

— Ой! — воскликнула юница и так посмотрела Дыболу в глаза, что внутри у него все оборвалось. Разволновавшись, Саша убрал документ, зачем-то кивнул на свой памятник и спросил:

— А что это вы так поздно? Ждете кого-нибудь?

— Не знаю, — со вздохом ответила девушка. — Вообще-то, мне пора домой. Хотите, я приглашу вас в гости?

— Хочу, — не веря своим ушам, сразу согласился Дыболь.

— Тогда побежали? — беря его за руку, радостно предложила она.

— Побежали.

Глава третья

Стыд

В мире не существует ничего такого, чего бы люди не стеснялись. Стыдятся абсолютно всего: профессии, внешности, одежды, социального положения, правды, родителей, добра, чувствительности, наклонностей, зарплаты, национальности, говорить, прошлого, настоящего и даже будущего. Глядя на все это, начинает казаться, что быть человеком и вообще — жить позорно. Но одновременно с этим люди совершенно ничего не стыдятся. Они не считают чем-то зазорным воровство, жестокость, чванливость, глупость, жадность, продажность и еще много-много вещей, с которыми часто, но без всякого удовольствия сталкиваешься в жизни. Создается впечатление, что человечество потеряло всякий стыд. У каждого на этот счет имеется своя точка зрения, но у Саши ее пока не было. Правда, это не мешало ему испытывать чувство неловкости.

Проснулся Дыболь от яркого полуденного солнца и перекрестного шепота. Открыв глаза, он увидел забытое на время сна семейство. Все трое смотрели на гостя и ласково улыбались. Вспомнив подробности своего ночного появления в этом доме, Саша покраснел и, едва разжав челюсти, невнятно поздоровался.

Дневной свет удивительным образом изменил ангельскую внешность новой знакомой — Луизы. Дыболь увидел, что она не так уж и красива, болезненно худа и даже отдаленно не напоминает его Розочку. Правда, сейчас это совершенно не волновало Сашу. После вчерашнего, внутри у него все горело, страшно хотелось пить и куда-то двигаться.

— Вот, я все почистила, можете одеваться, — произнесла Луиза и повесила одежду Дыболя на спинку стула.

— А потом завтракать, вернее, даже обедать, — пропела мама и тут же исчезла в соседней комнате.

— Кое-что найдется и для головы, — ободряюще кивнув, торжественно произнес папа и последовал за мамой.

— А я уже показала папе с мамой ваш памятник, — радостно сообщила Луиза. — Мы утром ходили смотреть. Они просто потрясены! Быстренько поднимайтесь и за стол. — Девушка кокетливо махнула рукой и вышла из комнаты.

Саша не был готов к подобному приему, хотя домашняя атмосфера ему не только понравилась, но и показалась удивительно знакомой. Похоже, именно так он представлял свое будущее семейное счастье. Правда, не с Луизой.

Как ни хорошо приняли Дыболя в этом доме, но после вчерашней ночи он решил бежать. Его память смогла воспроизвести лишь жалкие обрывки застольного разговора, который в основном вертелся вокруг проклятого бронзового памятника. То, что Дыболь сумел вспомнить, было настолько ужасно и неправдоподобно, что Саша, стиснув зубы, застонал словно от сильной боли. Так врать ему еще никогда не приходилось.

Превозмогая тошноту и головную кононаду, Дыболь быстро натянул на себя одежду и на цыпочках покинул гостеприимную квартиру.

Скандал

Поплутав немного по городу, Саша с трудом купил бутылку местного фирменного пива Овокачо и наконец добрался до дома профессора. Он поднялся по скрипучим ступенькам и постучал в дверь. Открыли ему не сразу, но когда это произошло, он пожалел, что вернулся слишком рано.

— Что такое?! — пронзительным голосом воскликнул профессор. — Почему вы пьяный?! Разве я говорил, что вы можете шляться по ночам черти где, а потом заявляться ко мне в пьяном виде?

Отступив на шаг назад и опустив голову, Дыболь застегнул пиджак и пробубнил:

— Я не пьяный.

— Не пьяный, да? Не пьяный, да?! — закричал профессор, наступая на Сашу. — Да вы посмотрите на свою рожу! Это же не рожа, это свиное рыло. Вот что, молодой человек, убирайтесь-ка отсюда вон! Протрезвитесь, а потом приходите. И если я еще раз увижу вас пьяным, пеняйте на себя! Вам ясно? — закашлявшись, хозяин дома вернулся в квартиру и с силой захлопнул за собой дверь.

Оставшись на площадке, Дыболь хотел было пнуть дверь ногой и проорать какое-нибудь оскорбление, но вовремя передумал и медленно спустился на улицу. В таком плачевном состоянии он не в силах был даже негодовать. Саша лишь понял, что больше никогда не вернется к профессору и сразу ощутил затылком ледяное дыхание одиночества, какое посещает человека на чужбине в минуты душевной слабости. Чужой город начинал давить на Дыболя со всех сторон теми нелепыми сюрпризами, которые он уже получил. О предстоящих же ему страшно было подумать.

В метре от Саши на булыжную мостовую упал молоток. Вздвогнув, Дыболь удивленно посмотрел наверх. Профессор стоял у окна, брезгливо наблюдал за ним и делал вид, что ничего не произошло.

— А если бы попал? — перейдя на «ты», угрожающе спросил Саша. Он мысленно уже распрощался с хозяином дома, терять ему было нечего, а значит ни о какой вежливости не могло быть и речи.

— Не «попал», а «попали», — крикнул профессор, высунувшись из окна и затем, более миролюбиво добавил: — Ладно, поднимите молоток и приходите. Я разрядился. Но если такое еще хоть повторится, будьте спокойны, обязательно попаду.

Чего-чего, а такой развязки Дыболь не ожидал. Впервые в жизни он оказался перед подобной проблемой выбора: признать себя виновным, а взамен получить крышу над головой, или разобидеться, позволить себе удовольствие наговорить этому чудаку гадостей и уйти в неизвестность. Решение само собой пришло через большую голову и отвратительное самочувствие — Саша сдался.

Еще раз поднявшись на второй этаж, Дыболь вошел в квартиру. При этом вид у него был как у побитой собаки.

В комнате за столом сидели и пили чай уже известный ему хозяин гостиницы и красивая статная дама лет сорока. При появлении Саши она даже не взглянула на него, и в этом ракурсе удивительно была похожа на карточную трефовую даму.

Увидев владельца гостиницы, Дыболь во второй раз за сегодняшнее утро густо покраснел и от волнения принялся постукивать молотком по ладони.

— Бросьте вы этот молоток, — дружелюбно сказал хозяин гостиницы. — Я никогда не расстанусь со своим кольцом. Мы здесь в гостях. Честное слово, мне неудобно убивать вас в доме моего хорошего друга. Садитесь лучше пить чай.

— Между прочим, здороваться надо, — напомнил профессор и, подойдя к Саше, отобрал у него молоток.

— Здравствуйте, — буркнул Дыболь.

— Вот так-то лучше, — обрадовался владелец гостиницы. — Теперь пора и познакомиться. Я — Базиль. Можете так меня и звать, я не возражаю. А ваше имя мне известно.

— Подойди к госпоже Розалии, — прошипел профессор Саше на ухо. Он ткнул его кулаком в бок и отвратительным слащавым голосом обратился к даме: — Это мой иностранный гость, Александр Дыболь. — Затем он подтолкнул Сашу к невозмутимо сидящей гостье и легонько надавил ему ладонью на затылок. Получилось что-то вроде поклона. При этом Розалия равнодушно посмотрела на Дыболя и неожиданно красивым низким голосом констатировала:

— Вы не художник... и, пожалуй, не писатель.

Испытывая некоторую неловкость, Саша смутился еще больше, а дама трепф продолжала:

— Вы не музыкант, не-ет. И не ученый. Не политический деятель.

— Молод еще, — хохотнул Базиль.

— Я вас сразу узнала. Ваша статуя — безвкусица. В прошлом году на ее месте стоял памятник одному художнику. Не долго, правда. Тот был поизобретательнее. По крайней мере, его нельзя было узнать.

— А действительно, Александр, кто вы? — подмигнув Дыболу, спросил владелец гостиницы.

— Пусть лучше расскажет, где он шлялся всю ночь, — проговорил хозяин дома.

— Об этом я вам расскажу, уважаемый профессор, — встрепенулся Базиль. — Вечер Александр провел в ресторане у Энгельгардта, а потом пошел ночевать в счастливую семейку. Так, Александр?

Подавленный информированностью владельца гостиницы, Саша поднял и опустил брови, но вместо ответа тяжело вздохнул.

— Ну вот, пожалуйста, — радостно продолжил Базиль. — Только что-то вы рано сбежали от Луизы. Заврались небось? Совестьливый, значит. Это хорошо.

Дыболь не знал, куда деться от пристального внимания профессора и его гостей. Он снова пожалел о возвращении, но повернуться и уйти считал неудобным и чем-то даже постыдным, как дезертирство.

— И все-таки, мне интересно знать, кто вы такой? — вновь спросила Розалия и, поставив еще одну чашку, налила Саше чаю.

Валюта

Можно весь день рассказывать о себе самые остроумные истории, но при этом ни словом не обмолвиться о главном. Разве узнаешь из автобиографии, что собой представляет человек? Сегодня он добросовестный налогоплательщик и малопоющий семьянин, а завтра, глядишь, зарубил жену топором. И наоборот, вчера он с упоением кромсал фашистов, а сегодня — нежный родитель и ласковый супруг.

Есть люди, которым совершенно нечего рассказывать о себе, но есть и такие, которые просто не умеют этого делать. В компании профессора у Дыболя эти два несчастья обрели полное согласие друг с другом.

Уложив всю свою жизнь в одну минуту, Саша виновато посмотрел на присутствующих и пожал плечами:

— Ну вот... вроде все.

Гости профессора молча пили чай и, казалось, потеряли всякий интерес к скучному иностранцу. Чтобы хоть как-то развеять зловещее безразличие, Дыболь ляпнул первое, что пришло в голову.

— А у нас вот такие деньги, — произнес он и достал из кармана три мятых десятки. Базиль скосил глаза на деньги, поставил чашку и взял у Саши купюры.

— Настоящие! — с нескрываемым сладострастием проговорил он. — Красивые, черт возьми!

Чрезвычайно довольный произведенным эффектом, Дыболь заулыбался, посмотрел на профессора и его возлюбленную, но те остались равнодушны к экзотическим денежным знакам.

— Хрустят, — лаская бумажки, продолжал владелец гостиницы. — Что вам за них дать, Александр? Не стесняйтесь. Просите, сколько хотите. Между прочим, мои деньги пользуются в городе особым спросом. Вам об этом кто угодно скажет. Можете даже завести свое небольшое дельце — лавчонку купить или кафе. Я помогу.

— Да ладно. Я вон у... — начал Дыболь, и вдруг к своему удивлению обнаружил, что не знает ни имени, ни фамилии хозяина дома. Назвать же его просто профессором или как-то еще ему представлялось неудобным.

Помявшись, Саша кивнул в сторону машинки и продолжил: — Я здесь сколько угодно напечатаю. Куда их...

— Напечатаю, — негромко возмущился хозяин дома. — Вы слышали, Розалия? Он напечатает!

— Нахал, — бесстрастно откликнулась Розалия, и Дыболь в который раз покраснел как рак.

Вконец расстроившись, Саша извлек из карманов несколько пестрых бумажек, чудом оставшихся после попойки у Энгельгардта, и припечатал их к столу.

— Вот, — дрожащим голосом проговорил он. — Не буду я печатать. Не беспокойтесь. И эти заберите. Сами же разрешили, а теперь...

— Во, обиделся! — захохотал профессор.

— Выше нос, Александр! — Базиль бесцеремонно хлопнул его по плечу и убрал Шашины десятки в карман. — Профессор пошутил.

— Нет, профессор отнюдь не пошутил, — тихо сказала Розалия. — А вы, Александр, когда говорите, забываете подумать. Ну ничего, я вами займусь серьезно. Дэди, — обратилась она к хозяину дома. — Дайте мне этого молодого человека на перевоспитание. Ну, хотя бы на неделю. Обещаю вам вернуть его в целости и сохранности.

— О, пожалуйста! — слишком горячо воскликнул профессор. — Для вас, Розалия, все, что угодно!

— Хотите у меня погостить, Александр? — спросила треховая дама у Дыболя. — Не беспокойтесь, ничего делать вам не придется. Для этого у меня есть прислуга. Дом у меня большой. У вас будет своя комната, очень уютная, с видом на центральную площадь. Будете любоваться своим памятником сколько угодно. Согласны?

Быстро прикинув, что с профессором отношения, пусть немного, но испорчены, Саша в знак согласия кивнул головой. Немного унижительной горечи к переезду прибавляло то, что в его присутствии профессор с Розалией говорили о нем, как о какой-нибудь кошке или болонке. Но все же эта женщина, несмотря на высокомерие, чем-то очень приглянулась Дыболю. Чувствовалось в ней что-то от тех сильных, незаурядных личностей, при встрече с которыми плечи сами распрямляются, а рука тянется к воображаемому козырьку.

Чушь

Вызвавшись проводить Розалию с Сашей, владелец гостиницы галантно предложил Дыболю локоть. Помахивая кружевным зонтиком, треховая дама важно вышагивала впереди, а Базиль постоянно тербил Дыболя за рукав, все время шутил и громко смеялся. Шутки его были настолько плоскими и незамысловатыми, что даже Саша, несколько раз хохотнув из вежливости, быстро поскущел.

— Перестаньте, Базиль, нести чушь, — не оборачиваясь, проговорила Розалия. — Если вы отработываете подаренные вам деньги, то на-

прасно. По-моему, Александр не требовал от вас ничего взамен, когда вы их без спросу сунули в карман. — Розалия замедлила шаг и оказалась между Дыболом и владельцем гостиницы. — Меня всегда поражало, как мужчины часто мучают друг друга благодарностью.

— Я и не мучаю его, — уверенно ответил Базиль. — Александру нравится меня слушать. Правда, Александр?

В ответ Саша промычал что-то невразумительное и неуверенно кивнул вбок.

— Александр вас боится, — сказала Розалия.

— Меня?! — искренне удивился владелец гостиницы. — Вы что, боитесь меня, Алек?

От стыда Дыболь моментально покрылся холодным липким потом. Его недавно открывшаяся способность краснеть измучила Сашу до отчаяния. Дыболь попытался было возмутиться и возразить, но вышло, как часто бывает во сне: хочешь крикнуть и не можешь. Вид у Саши сделался жалким, а бессвязный лепет, который он все же выдал из себя, лишь подтверждал слова Розалии.

— Да нет... Я просто... Чего мне?

— Вы же у него на глазах убили человека, — не обращая внимания на попытки Дыболя оправдаться, продолжала Розалия.

— Так вы еще не забыли, Алек? — спросил Базиль. — Ну, дружище! Мало ли что в жизни бывает. К тому же, этот оборванец когда-нибудь все равно умер бы.

— Да не боюсь я никого! — наконец прорвало Сашу.

— Никого? — невозмутимо спросила Розалия.

— Никого, — менее уверенно ответил Дыболь.

— А кого ему бояться? — подхватит владелец гостиницы. — Молодой, здоровый. Ему бы еще пистолет, пару гранат и коня — все женщины были б его. А, Алек? Женщинам чего надо? Чтоб вид был геройский, полные карманы денег, да руки пошустрее.

— Пошлите, Базиль, — перебила его Розалия.

— Куда? — не понял владелец гостиницы, но, не дождавшись ответа, продолжил: — Пистолет я, так и быть, достану. По старой дружбе. Есть у меня один на примете. Бьет как гранатомет. Мужчина все время должен чувствовать себя мужчиной. Страшно — сунул руку в карман, а он там, тяжеленький. Страх как рукой снимает.

— Вот-вот, — покачала головой Розалия. — Только этому вы и можете научить.

— Вам, женщинам, этого не понять, — развязно ответил Базиль. — Что есть женщина? Кастрюли, утюги, кружева и...

Владелец гостиницы не успел договорить. Изящно приподняв двумя пальцами подол длинного кружевного платья, Розалия красивым ударом ноги отправила оратора в кусты.

— Идите за мной, Александр, — как ни в чем не бывало сказала она. — Мы можем опоздать к ужину.

Трудно передать Сашино состояние в этот момент. Там было много всего: и восхищение, и крайняя степень удивления, и уважение. Было даже немного жалости к Базилю, но она скоро прошла.

Жалость

Не надо путать жалость с сочувствием. Сочувствовать можно всему человечеству, а жалеть только самого себя и потраченных денег.

Вообще-то, людям свойственно жалеть друг друга. Посмотрев какой-нибудь индийский фильм, где герой, обливаясь горячими слезами, душит собственного сына, телезритель плачет как ребенок от жалости к обоим. И не из интернациональной солидарности, а от чистого сердца. Но чуть погода, из-за сущей безделицы, тот же зритель начинает поедом есть домочадцев: пригорели котлеты или тапочки оказались не на том месте. Создается впечатление, что далекий индийский гражданин зрителю дороже самых близких людей. Можно, конечно свалить все на силу искусства, но тогда совсем ерунда получается. Какое же искусство может тягаться с силой жизни? Разве что, искусство жить.

Вечер выдался прекрасный. Теплый воздух ласкал кожу как шелковая сорочка. Солнце висело между крышами зданий и горизонтом, окна домов налились слепящим золотом девятьсот девяносто девятой пробы, а зелень в тенистых двориках слегка потемнела. Все обрело покой и устойчивость египетских пирамид. Впрочем, Дыболя не очень интересовали богатые краски летнего вечера. Он следовал за Розалией и думал о том, как эта красивая статная дама выглядит без платья. Заодно он похваливал себя за то, что не остался жить у профессора. В общем, как когда-то писал древнегреческий поэт Клеанф: «Строптивых Рок влечет, ведет покорного».

Миновав уютный бульвар с голубями и фонтаном, Розалия с Дыблем вышли на центральную площадь, и Саша в растерянности остановился.

— Смотрите, украли, — выдохнул он. Еще в полдень памятник стоял на месте. Сейчас же от него остался один гранитный постамент, да и тот был изрядно попорчен — несколько облицовочных плит отвалились и под ними обнажился грубый железобетонный каркас.

— Какая жалость, — Мельком взглянув туда, где недавно возвышался бронзовый Дыболь, неискренне проговорила Розалия. Она взяла Сашу под руку и добавила: — Украли и ладно. Значит кому-то понадобилось место. Пойдемте, Александр, дома будете лить слезы.

Не отрывая повлажневшего взгляда от изуродованного постамента, Дыболь как загипнотизированный последовал за Розалией.

— А кому понадобилось место? — у самых дверей дома спросил он.

— Ну откуда же я могу знать? — ответила Розалия. — Какому-нибудь очередному счастливицу вроде вас. Думаете, вы один такой? Вот сюда, Александр. Это мой дом.

По белым мраморным ступеням они поднялись на второй этаж. И тут же навстречу им вышла старая толстая служанка в крахмальном кружевном переднике и такой же наклке. У нее было ничего не выражающее, сытое лицо и пухлые в детских перевязочках руки.

— Добрый вечер, Августина, — поздоровалась с ней хозяйка дома.

— Здравствуй, — сказал Саша.

— Это мой гость, Августина. Его зовут Александр. Покажите ему комнату. Ту, в которой жил художник, — доброжелательно распорядилась Розалия. — Идите, Александр, посмотрите спальню, можете отдохнуть. А через полчаса я жду вас в столовой. Августина объяснит вам, как ее найти. И не расстраивайтесь, Александр, из-за памятника. В следующий раз будете умнее.

— А площадь тоже переименуют? — задержавшись в дверях, спросил Дыболь.

— Конечно, — ответила Розалия. — А вы думали, она вечно будет называться вашим именем? Ну ладно, за ужином я отвечу на все ваши вопросы. А пока идите к себе. Там вы найдете все, что вам нужно.

«Как жалко, — мысленно сокрушался Саша, следуя за Августиной. — Красивый был памятник».

Сверхъестественное

Это австрийский писатель Майринк всю свою многострадальную жизнь пытался понять, что в этом мире реально, а что нет. Буддисты всех трех Поворотов Колеса Закона точно знают, что мир иллюзорен. А вот Саша жил в реальном мире и старался не забивать себе голову подобными неразрешимыми проблемами. Хотя мелок он все же опробовал. Перед тем, как сесть за стол, Дыболь черкнул на стуле Розалии маленький крестик и быстро ретировался на свое место. Дождаясь, когда хозяйка дома усядется, Саша по-настоящему нервничал, но с ней

ничего не произошло. Розалия заняла свое место, с усмешкой посмотрела на гостя и безапелляционным тоном сказала:

— Я вижу, вы встречались с этим сумасбродом. Не надо больше пачкать стулья мелом, Александр.

— Да я... — начал Дыболь, но хозяйка дома перебила его:

— Не обращайтесь на него внимания, Александр. Разве вы не видите, что он сумасшедший? Этот обиженный маньяк кричит, что здесь все фальшивое, но витрины бьет настоящие.

— Зачем? — чтобы увести разговор от себя, поинтересовался Саша.

— Он требует, чтобы памятники ставили навсегда, а не убирали через несколько дней. Но тогда ведь очень скоро некуда будет ступить. Сколько желающих обессмертить свое имя — уму непостижимо. Они заполнят все свободное пространство, и город превратится в музей самых что ни на есть идиотских скульптур. А точнее, в кладбище. Этот идиот не понимает, что его памятник скоро затеряется в море таких же бездарных болванок и результат будет тот же.

— А если всем не ставить? — несмело предложил Саша.

— Но вы же себе поставили, — с усмешкой ответила Розалия. — Чем же другие хуже?

— Да... я... я погорячился, — не глядя на хозяйку дома, ответил Дыболь.

— Вот когда вы все перестанете горячиться, в том числе и этот сумасшедший, тогда и не потребуется так часто менять памятники. А может и вообще не придется ставить.

Ужин был отмененный, а сервировка стола поначалу привела Дыболя в состояние легкой каталепсии. По обеим сторонам тарелки, на которой легко поместилась бы жареная индейка, лежали серебряные вилы, вилки и вилочки, ножи, ножички и ложечки. Это напоминало набор медицинских инструментов. Не хватало лишь никелерованной ножовки для ампутации конечностей, да стоматологических щипцов. Привыкший к пакетным супам и вермишели с котлетами в фаянсовых тарелках, Дыболь чувствовал себя совершенно беспомощным перед подобной роскошью. Потянувшись, например за каким-нибудь лакомым кусочком, он при малейшем шорохе вздрагивал или застывал с поднятой вилкой и, по появившейся привычке, краснел.

— Скорее всего, сегодня ночью будут устанавливать памятник, — не замечая Сашиних страданий, сказала Розалия. — И не исключено, что он будет из серебра или золота.

— Золота? — недоверчиво переспросил Дыболь.

— Да, бывают, знаете ли, такие эстеты, — с сарказмом проговорила хозяйка дома. — Памятник из камня или бронзы они считают слишком дешевым.

— А можно будет посмотреть? — незаметно подцепив кусок ветчины, поинтересовался Саша.

— Конечно, — ответила Розалия. — Если не проспите. Откровенно говоря, мне и самой интересно взглянуть: кто же на этот раз? Вы не представляете, Александр, как много иногда говорит о человеке его памятник.

— А мой о чем говорил? — после недолгой паузы, спросил Дыболь.

— Ваш? — со смешком сказала хозяйка дома. — Вы, Александр, еще молоды, жизни не знаете, а ваш памятник был точной вашей копией. Хотя, надо отдать вам должное, с бронзы начинало человечество.

— С чего вы взяли, что я не знаю жизни? — уткнувшись в тарелку, пробурчал Саша. — Слава богу, двадцать два года.

— А вы в сверхъестественное верите, Александр? — не ответив на вопрос, неожиданно сменила тему Розалия.

— Нет, — уверенно произнес Дыболь. — Нет никакого сверхъестественного.

— Откуда вы знаете? — удивилась хозяйка дома.

— Я же не совсем идиот, — ковыряя ветчину вилкой, ответил Саша. — Все-таки закончил десять классов. Нам говорили...

— И вы верите всему, что вам говорят? — не переставая улыбаться, перебила его Розалия.

— Нет конечно, — сказал Дыболь.

— А как вы выбираете, чему можно верить, а чему нельзя?

— Я и не выбираю, — простодушно ответил Саша.

— Ну хорошо, — не отставала хозяйка дома. — А как же вы попали сюда? Может, пришли пешком?

— Не знаю, — начиная нервничать, проговорил Дыболь. — Только сверхъестественное тут не при чем. Сплю наверное. Мне часто снится всякое. Ведь такого не может быть: джин, Базиль, памятник — ерунда все это.

— И я тоже ерунда? — ехидно спросила Розалия. Смутившись, Саша положил вилку на растерзанный кусок ветчины, подумал и наконец ответил:

— Не знаю. Вы — не ерунда. Но вы мне тоже снитесь. Не бывает так.

— Правильно! — чему-то обрадовалась хозяйка дома. — А вы молодец, Александр. Я думала, вы сейчас раскиснете, начнете рассказывать разные истории о колдунах и ведьмах.

— Нет никакого сверхъестественного, — воспрянул духом Дыболь. — И колдунов тоже нет.

— Правильно, Александр, — сказала Розалия и снова приступила к трапезе. — Ешьте ветчину. Уж за нее-то я ручаюсь, она настоящая.

Ночью

На середину центральной площади лихо выскочил шустрый бортовой грузовичок и остановился рядом с автокраном, который давно стоял у постамента и пыхал дизельной гарью. В кузове грузовика возвышалось нечто большое, как младенец Соляриса, завернутое в толстый брезент. Трое рабочих принялись развязывать веревки, а крановщик развернул стрелу, отчего пудовый стальной крюк закачался над самой головой у статуи.

— Ну вот, сейчас посмотрим, что там за идолище, — насмешливо проговорила Розалия и лукаво посмотрела на Сашу. Дыболь, сунув руки в карманы, молча наблюдал за работой и по-своему думал о преходящести всего земного.

Через несколько минут веревки были развязаны, а еще через минуту брезент с фанерным треском полетел вниз. В свете площадных фонарей было видно, что в кузове стоит непропорционально широкий трехметровый человек. Поза стоящего в строю солдата делала его похожим на детскую игрушку, увеличенную до чудовищных размеров для показа в витрине. Статуя тускло поблескивала желтизной, и Розалия от негодования даже притопнула ногой.

— Неужели золотой?! — воскликнула она. — Ну вот, Александр, как я и говорила. Интересно, об охране он позаботился? В прошлом году один умник поставил себе серебряный. Растащили в первую же ночь. Без машин и кранов. Пилили до самого утра.

— Здесь охрана нужна человек сто, — со знанием дела высказался Дыболь. — К тому же с автоматами.

— Сто?! — насмешливо переспросила Розалия. — Да здесь и тысячи будет мало. Вон, посмотрите, — она кивнула в сторону группы зевак, которые стояли под окнами домов и наблюдали за работой. — А вон еще. А взгляните вон туда.

Только сейчас Саша обратил внимание на то, что площадь окружена плотным кольцом людей. Все улицы и переулки, все арки и подво-

ротни были закупорены людскими пробками. Похоже было, что золотая лихорадка охватила весь город. Люди стояли молча, наблюдали за разгрузкой и, казалось, только ждали, когда рабочие закончат, чтобы наброситься на несчастный памятник.

— Они прямо сейчас? — удивился Дыболь.

— Ну что вы, — спокойно ответила Розалия. — Вот поставят, тогда и начнется. А нам с вами, Александр, надо будет уйти немножко раньше. Чувствую, беспокойно здесь будет этой ночью.

Один из рабочих зычно гаркнул: «майна», и стрела крана медленно поползла вниз. Раскачавшийся крюк пролетел в пятнадцать сантиметров от головы статуи, несколько раз спутником облетел ее вокруг и наконец со всего маху врезался ей в затылок. Но вместо металлического звона послышался мягкий глухой удар. Ткнувшись подбородком в грудь, голова оторвалась от туловища и полетела вниз. Это неподвижное событие тут же отозвалось в переулках и подворотнях хоровым «Ох!»

Ударившись о булыжную мостовую, голова разлетелась на множество маленьких кусочков. Рабочие равнодушно посмотрели через борт и стали прилаживать крюк к тросам, которыми была обмотана статуя. При этом, человек пятьдесят с улиц и подворотен бросились к осколкам.

— Неужели гипс?! — потрясенно воскликнула Розалия.

Возле машин образовалась небольшая толпа любопытных. Розалия со своим спутником подошли поближе. Прямо перед ними на булыжнике белел маленький фрагмент головы. Подобрав его, Розалия демонически рассмеялась и показала Дыболю.

— Крашенный гипс! Бронзовая краска! Боже мой, такого я еще не видела! Ну скромница! Ну скупердяй! Вы, Александр, просто Спиноза по сравнению с этой дубиной. Представляете, этот человек даже в мечтах не способен взлететь выше собственной задницы. Вот вы, Александр, о чем-нибудь мечтаете? — Дыболь неопределенно пожал плечами и его опекунша уточнила вопрос: — Ну скажем так, о чем вы мечтали до или после ужина?

Вспомнив свои размышления по поводу внешних данных Розалии, Саша покраснел и промывчал что-то невразумительное.

— Ясно, — взглянув на него, насмешливо проговорила она. — Ладно, чуть позже мы к этому еще вернемся. Тогда хотя бы скажите, есть у вас какая-нибудь главная мечта, что-то, к чему вы ежедневно упорно стремитесь? О чем все время думаете?

— Да так, думаю о всяком, — вяло проговорил Дыболь, которому этот разговор не понравился с самого начала.

— О всяком?! — удивилась Розалия. — Вы хотите сказать, что у вас нет цели в жизни? А есть много-много маленьких... — Сашина опекунша наморщила нос и показала самый кончик указательного пальца. — Вот таких мечтишек? Ну, голубчик, вы меня разочаровали. — Она посмотрела Дыболю в глаза и вдруг с не очень уместным здесь пафосом воскликнула: — Неужели вам никогда не хотелось завоевать мир: написать великую симфонию, бессмертный роман или придумать новое сверхразрушительное оружие?! Неужели вам никогда не хотелось стать кинозвездой, чтобы все, от первоклашек до беззубых старух вас узнавали на улице? Вы что же, в детстве мечтали о новых валенках, в юности — о куртке на молнии и темных очках, а сейчас о том, как бы я сама залезла в вашу постель?

Обливаясь горячим потом, Саша побагровел от стыда и малодушно проямлил:

— Я мечтал, конечно... космонавтом хотел быть.

— В детстве все мечтают стать космонавтами. Для этого не надо ничего, кроме здоровья, — бесцветно проговорила Розалия. — Вы меня разочаровали еще больше. Я думала, вы закомплексованный, Александр, а вы просто неинтересный. — Затем она положила ладонь Дыболю на руку и, смягчившись, добавила: — Ничего, у вас все еще впереди. Космонавтом вы уж точно станете.

Обманутые в своих надеждах охотники за золотом быстро расходились по домам, и уже через пять минут на площади не осталось ни одного человека, кроме рабочих. А вскоре обезглавленная статуя заняла свое место на постаменте.

Укладываясь спать, Саша выглянул в окно и едва не повалился на пол от смеха. Посреди площади высилось нечто неуклюжее, несоразмерное постаменту. Без головы скульптура выглядела почти квадратной, а у ее подножья стоял толстый маленький человек. Философ и математик Пифагор как-то изрек, что статую красит вид, а человека — деяния его. Здесь и первое, и второе было представлено в одном предмете. Даже издали в рассеянном свете уличных фонарей было видно, что автор он же владелец памятника ужасно расстроен, и Дыболь невольно подумал о том, какое же это все-таки хлопотное, неблагодарное дело — ставить себе памятник не представляя, как и зачем это делается.

Глава четвертая

Прогулка

На следующий день сразу после легкого завтрака Саша со своей опекуншей отправились на прогулку и всю первую половину дня болтались по городу. Розалия показывала гостю достопримечательности и выказала недюженные познания в архитектуре и градостроительстве. Дыболь всем своим видом лениво врал, что ему интересно слушать и порядком устал, но говорить об этом Розалии ему было неловко — Саша стеснялся. «Тот свободен, кто руководствуется одним только разумом», — утверждал мудрый Спиноза. Дыболь же чувствовал себя арестантом. Правда, за эти четыре часа он узнал, что такое фронтон и пилястры, мезонин и пилоны.

У очередного, довольно невзрачного здания Розалия резко оборвала свою лекцию на полуслове и в сердцах выругалась:

— Ну вас к черту, Александр! Если вам совсем неинтересно слушать, будем гулять молча! Может, вы думаете, мне доставляет удовольствие выворачиваться наизнанку перед таким остолопом, как вы?

— Да я слушаю, — воскликнул Саша.

— И не смейте кричать на меня! — угрожающе постукивая зонтиком по ладони, тихо проговорила Розалия.

— А я и не кричу, — удивился Дыболь.

— Вот так, — удовлетворенно произнесла Розалия. Похоже было, что прогулка не пошла ей на пользу. Она выглядела как разъяренная кошка, а в голосе слышалось откровенное раздражение. — Ну все, хватит таскаться по этим дурацким улицам. Я устала как двадцать пять собак. Пойдемте, отдохнем у фонтана. У нас как раз есть немного времени до обеда. — Саша пожал плечами и покорно поплелся за своей опекуншей, а она, обернувшись, продолжила его распекать: — Какой же вы, Александр невоспитанный.

— А что я такого сделал? Я слушал, — действительно не понимая причины ее гнева, стал оправдываться Саша.

— Слушал! Прядать ушами и осел может, — ответила Розалия. — Когда у костела я уронила зонтик, мне пришлось поднимать его самой. Возле оперного театра я споткнулась, и вы даже не попытались поддержать меня. Я уже молчу о том, что за весь день вы ни разу не предложили мне взять вас под руку.

— Забыл, — поморщившись, ответил Дыболь и почесал затылок.

— А перед универмагом вы хохотали и орали как сумесшедший. Вы что, никогда не видели сцепившихся собак?

— Я и не орал, — на этот раз покраснев, проговорил Дыболь и вдруг забормотал что-то несусветное: — Не так уж я и... орал. Я, в общем-то, никому, вроде, не мешал... У вас здесь, вроде, свобода... Я и...

Розалия остановилась, с ужасом посмотрела на Сашу, и еле слышно пролепетала:

— Боже мой. Свобода. — И тут ее словно прорвало: — Свобода?! — выкрикнула она Дыболю в лицо и даже замахнулась на него зонтиком. — Свобода не для таких дураков как вы, Александр! Тоже мне, выдумали! Таким, как вы, Александр, вполне достаточно свободы иногда менять одну тюрьму на другую! Да свободы говорить то, что вам вдалбливали в вашу пустую голову всю жизнь! — Розалия перевела дух и спокойнее, но с той же злобой спросила: — Да вы хотя бы знаете, что такое свобода?

Напуганный Саша переминался с ноги на ногу и, боясь посмотреть в лицо разъяренной опекунше, блуждал взглядом по кронам деревьев.

— Я вас спрашиваю! — выкрикнула Розалия.

— А кто же этого не знает? — опустив голову, уклончиво ответил Дыболь. Он готов был уже сказать не на шутку разошедшейся трефовой фурии какую-нибудь гадость, но Розалия его опередила.

— Он знает, — дрожащим голосом проговорила она и, отвернувшись, двинулась дальше.

Почувствовав, что ураган пошел на убыль, Саша побрел за своей опекуншей и на ходу забубнил:

— Я вам ничего и не обещал. Сказали гулять, я пошел. И слушать мне было интересно, — соврал он. — А устали, так давайте посидим. Хотите, я за мороженым сбегая или принесу водички?

Розалия повернулась к Дыболю, и он увидел на ее щеках еще не просохшие следы слез.

— Так вы не обиделись, Алек? — мягко спросила она.

— Да нет, — ответил Саша и с облегчением украдкой вздохнул. Гроза благополучно миновала, можно было продолжать радоваться жизни.

— Простите меня, Александр, — задушевно проговорила Розалия. — Я была не права. А вы добрый, хороший молодой человек.

Она подошла к Дыболю, взяла его лицо в ладони и поцеловала его в лоб. Близость красивой женщины вскружило Саше голову. В теплый летний день не трудно ощутить тепло исходящее от любого предмета, а уж от женщины и подавно.

— Оставляйтесь у меня насовсем, Александр, — неожиданно предложила Розалия. — По утрам будем гулять с вами по городу. А по вечерам пить чай. Я научу вас вязать крючком.

— Нет, — не раздумывая, тряхнул головой Дыболь.

— Вас там кто-нибудь ждет? — немного обидевшись из-за поспешного ответа, спросила Сашина опекунаша.

— Не знаю, — пожал плечами Дыболь. — Скорее всего, никто.

— Тогда почему вы не хотите остаться? — не отставала Розалия;

— Я там привык, — ответил Саша.

— Фу, Александр! Во-первых, любая привычка — дурацкое дело. А во-вторых, к чему вы привыкли? У вас там собственный большой особняк, деньги, поклонницы, насыщенная событиями жизнь?

— Нет, — покачал головой Дыболь. — Просто привык.

— Как привыкли, так и отвыкнете, — снова начиная раздражаться, проговорила Розалия. — Впрочем, я не собираюсь вас уговаривать. Я уже раскусила вас, Александр. Вы необразованный идеалист, которому, мало того, что ничего не надо, так вы еще не в состоянии объяснить, почему вам ничего не надо.

Счастье

Балкон с округлыми, как женские икры, балясинами выходил прямо на центральную площадь. Отсюда из-за балюстрады прекрасно был виден безголовый памятник, и за вечерним чаем Саша с Розалией от души потешались над несчастным автором этого монументального произведения. Они сидели за кружевным столиком, лакомились вареньями и пирожными, да изредка перекидывались ничего не значащими фразами или по инерции упражнялись в остроумии. Досада давно оставила хозяйку дома, она была спокойна и весела, а ее гость за день свыкся со своей ролью, чувствовал себя вполне уверенным и даже счастливым. Это был его первый вечер в странном городе, когда ему не хотелось домой и не думалось о возвращении. Дыболю нравилось слушать Розалию, тем более, что говорила она о пустяках, не требуя от него ни понимания, ни ответа.

— Вы помните мой портрет, Алек? — ласково спросила хозяйка дома и положила свою маленькую, удивительно изящную ладошку ему на руку.

— Конечно помню, — утвердительно кивнул Саша и тут же соврал: — Очень хороший портрет. — В этот теплый вечер Дыболю хотелось говорить Розалии только приятные слова. От прикосновения ее руки в

глазах у него все слегка сместилось, а разнузданное воображение тут же начало рисовать продолжение приятной беседы вплоть до постели. Единственно, что удерживало Сашу от более сочных, интимных комплиментов — это боязнь ляпнуть какую-нибудь чушь и тем самым испортить установившееся благолепие.

— Вы должны мне помочь, Александр, — кокетливо произнесла хозяйка дома.

— Пожалуйста, — охотно согласился Дыболь.

— Завтра у Дэди... у профессора, день рождения...

— Вы хотите подарить ему свой портрет? — несколько разочарованно проговорил Саша.

— Нет, Алек. Я хочу подарить профессору одну вещицу, о которой он давно мечтает. Но... — Розалия сделала ударение на «но» и подлила в Сашину чашку чаю. — Но этот предмет можно купить только на городской барахолке. Вернее, даже не купить, а обменять. Некоторые вещи у нас невозможно приобрести ни в лавке, ни в универмаге. Их не отдают за бумажные деньги. Так вот, я хочу свой портрет обменять на телескоп. И вы, Алек, должны мне в этом помочь.

— Договорились, — натянуто улыбнулся Дыболь, прикидывая, сколько может весить картина с рамой размерами с кузов грузовика. — И не жалко вам портрета? — спросил он.

— Жалко, Алек. Вы же знаете — это память об одном человеке, к которому я очень хорошо отношусь. Обидно, что он оказался прохвостом и дураком. — Розалия немного помолчала и со вздохом добавила: — Да и художник он был так себе. Ну да ладно, Алек. Что уж теперь говорить?

— А картину как, вместе с рамой понесем? — как можно деликатнее поинтересовался Саша.

— Да, — ответила хозяйка дома. Боюсь, что без рамы ее никто не поймет.

К огорчению Дыболя, вечер закончился лишь душевным рукопожатием. Размякший от близости Розалии и собственных фантазий, Саша хотел было удержать свою опекуницу, сказать, как ему с ней хорошо, но Розалия опередила его:

— Не надо, Александр. Завтра у нас трудный день. Кстати, как вам Луиза?

Дыболь покраснел, будто его застали за каким-то очень постыдным занятием, и забормотал:

— Никак. При чем здесь Луиза?

— Она еще не показала вам ваш корабль?

— Какой корабль? — подняв взгляд на хозяйку дома, удивился Саша.

— Не знаю, — пожала плечами Розалия. — какой там у вас: корабль, кораблик, лодочка, лодчонка... Впрочем, ступайте спать, Александр. Это я так. Устала, вот и заговариваюсь. Не забудьте, завтра мы идем на рынок.

Ерунда

На барахолку Саша с Розалией собирались не торопясь. Они поздно встали, позавтракали, а потом с помощью Августины долго снимали со стены гигантский портрет и перетягивали его веревками. В результате, из дома они выбрались только около полудня.

Рынок располагался всего в полукилометре от центральной площади, но Дыболю эта дорога показалась более чем длинной. Как писал охочий до телесных наслаждений философ Эпикур: «поблагодарим мудрую природу за то, что нужное она сделала легким, а тяжелое — ненужным». Если бы Саша знал это легкомысленное изречение, он нашел бы не мало слов, чтобы возразить.

Как назло, день выдался жаркий, будто специально для того, чтобы помучить бедного Дыболя. Город тонул в мареве, и привычные очертания предметов струились, словно в текучей воде.

Нести картину было чрезвычайно трудно. Она все время заваливалась то на один бок, то на другой или вдруг клевала вперед, заставляя Сашу выписывать ногами сложные фигуры. Розалия шла позади и покрикивала на своего помощника. Раза два она даже назвала его недотепой и остолопом и, если бы ноша не была такой тяжелой и громоздкой и не требовала столько сил для опускания ее на асфальт, Дыболь, пожалуй поставил бы ее и ответил Розалии тем же.

Наконец они свернули в переулочек и оказались у входа на городскую барахолку. С трудом миновав широкие ворота, Саша попытался поставить картину, но не удержав, грохнул ее о землю. С багета во все стороны брызнула позолоченная лепнина, а рама, заскрипев, перекосилась так, что сразу потеряла всю свою музейную чопорность и сделалась похожей на рухлядь.

Подоспевшая Розалия с ужасом посмотрела на свой портрет, и затем на Дыболя.

— Если мы не обменяем его на телескоп, я вас убью, Александр, — жалобно сказала она и пальцем потрогала на раме оголившееся дере-

во. — Какая была рама! Теперь, наверное, за нее не дадут и одного стеклышка от телескопа.

Прячась за холстом, Саша делал вид, будто пристраивает картину к забору, хотя та давно и крепко стояла на земле.

— Вылезайте же оттуда, растяпа! — крикнула Розалия. — И ждите меня. Я сейчас вернусь.

Мокрый от пота, в дорожной и гипсовой пыли, Дыболь выбрался из-за портрета и зачем-то принялся собирать осколки лепнины. Руки и ноги у него дрожали от жары и усталости. Во рту пересохло так, что вспухший язык отказывался воспроизводить какие бы то ни было слова. При этом, ему самому было страшно жаль рамы, и обидно за Розалию — изображение этой красивой женщины разом превратилось в мазню.

У картины постепенно собирался народ. Люди подходили, уважительно здоровались с Сашей и разглядывали живопись. При этом, одни теребили себя за подбородки, другие приседали или переходили с места на место, чтобы увидеть портрет в разных ракурсах, третьи подходили вплотную и разглядывали ширину и форму мазка. Вскоре у портрета собралось человек сорок. Дыболь уже вошел во вкус и почти почувствовал себя автором. Он по-хозяйски поглядывал на ценителей живописи и иногда небрежно смахивал с холста невидимые пылинки.

— Ерунда, — неожиданно высказался кто-то из рыночных критиков.

— Конечно ерунда, — поддержал его второй, и толпа начала быстро рассасываться. Уже через минуту рядом с Сашей не осталось ни одного человека и непонятно почему, Дыболь воспринял это как собственное поражение. Если бы не подошедшая хозяйка картины, он, пожалуй, сказал бы вслед барахольщикам несколько неласковых слов, но Розалия сразу начала вводить его в курс дела.

Честь

Сашина опекунша приблизилась к нему вплотную, чем очень смутила Дыболя. Она приподнялась на цыпочках, прижалась к нему грудью и положила руки на плечи.

— Есть труба, — не обращая внимания на Сашины муки, заговорщицки зашептала она на ухо. — Это то, что нам нужно. Сейчас мы подойдем к хозяину телескопа, я поведу его смотреть картину, а если он не согласится на обмен, вы, Алек, возьмете трубу и убедите. Хозяин будет со мной, так что вам бояться нечего. Если он откажется меняться, я дам вам знак. Пока этот боров доковывает до своего места, вы ус-

пеее скрыться. Меня не ждите и обо мне не беспокойтесь. Встречаемся дома. Надеюсь, вам все ясно, Александр?

— Ага, — ошалело ответил Дыболь.

— Не трусьте, Алек, будьте мужчиной. Надо же вам когда-нибудь становиться мужчиной.

Чего-чего, а такого Саша от своей опекунши не ожидал. Если бы Дыболь не знал эту женщину целых два дня, он подумал бы, что она его разыгрывает. Но внешний вид Розалии говорил об обратном — выражение ее лица, напор, с которым она убеждала его украсть телескоп, и то, что в запале она прижималась к нему всем телом, начисто исключали какую-либо несерьезность.

К владельцу телескопа они подошли врозь. Саша изображал праздного горожанина, который забрел на барахолку лишь для того, чтобы как-то скрасить время. Розалия обрела вид богатой дуры и надменно обратилась к продавцу:

— Я хочу предложить вам за эту трубу вон ту картину. Вон, видите у входа?

— А на что мне картина? — равнодушно ответил продавец.

— А на что вам телескоп? — раздраженно спросила Розалия. — Это же искусство. Неужели вы не понимаете? Вы подойдите, посмотрите.

— А чего мне ходить? Я и отсюда вижу — дребедень.

— Дребедень?! — оскорбилась Розалия. По ее лицу было видно, что она готова врезать этому барахольщику зонтом по физиономии. И все же она взяла себя в руки и проговорила: — А рама? Рама тоже дребедень? Вы только взгляните. На ней же одной позолоты килограммов пять.

Дыболь стоял в стороне и делал вид, что рассматривает старинный бронзовый подсвечник. Ему очень не хотелось красть телескоп и он надеялся на то, что толстяк окажется благоразумным и не уйдет от своего товара. Но владелец трубы, после недолгого колебания, все же заинтересовался гигантской позолоченной рамой.

Помня, как быстры на расправу жители этого города, Саша с тоской поглядывал на свою опекуншу и толстяка, которые медленно удалялись к выходу. «Ну дура! — мысленно ругался он. — Связался же с дурой!» При этом отказаться от задуманного или сбежать от Розалии и покрыть себя позором, Дыболю не приходило в голову. Саша знал, что такое чувство собственного достоинства и честь.

Как показывает жизнь, людей без чести не бывает. В каждом, даже самом, на первый взгляд, опустившемся человеке все же живет одна из разновидностей чести: мужская или женская, девичья или офицерская,

рабочая, а значит и интеллигентская, общечеловеческая или воровская — нет им числа. Бывает, правда, честь на некоторое время теряют, но сменив место жительства или место работы, она естественным образом восстанавливается.

Случается, что честь отдают или ее лишают, как это часто бывает с женщинами, у которых, видимо, она находится где-то на поверхности. Сколько угодно примеров, когда человек добровольно жертвует своей честью ради кого-то или чего-то, а бывает от нее избавляются, если честь много задолжала. Долг чести — вещь довольно обременительная.

Известно, что честью можно торговать, а следовательно и покупать ее. Честь можно запятнать, легко обидеть, и нередко это капризное существо заставляет человека совершать поступки во вред себе и своим близким.

Непрочная, маркая, обидчивая, продажная, вечная должница, но в то же время требовательная — честь удивительно неудобная штука.., но греет. Всех греет. И каждый в меру своих сил бережет ее, а если не уберег, старается приобрести, не жалея ни сил, ни денег, а иногда и жизни. Желая сохранить честь, человек иногда рискует самым дорогим, что у него есть — жизнью, как, например, Дыболь.

Саша очень огорчился, когда увидел, что Розалия подает ему знак. Это означало одно: хватай телескоп и беги. Что он и сделал.

Фантастика

Сердце у Дыболя бухало так громко, что он не слышал позади себя ни выстрелов, ни криков. Перемахнув через высокую металлическую ограду, он интуитивно выбрал самый правильный путь — напрямик через кусты, прямо по нехоженому ворсу травы, по которой не ступала нога человека. Оставляя позади себя едва заметные следы, Саша бежал без оглядки столько времени, сколько ему позволили силы, ну а сил у него было немало. Дыболь несли мимо магазинов и ресторанов, юридических контор и спортивных залов. Затем он обогнул велодром и выскочил на совершенно прямую, но плохо асфальтированную улицу.

Наконец остановившись, Дыболь обнаружил, что находится на окраине города. Как это часто бывает, окраина была похожа на деревню. В лужах огромными валунами дремали свиньи. Вдоль добротных заборов озабоченно бродили куры, утки и гуси, такие крупные и жирные, что Саша испугался — не уменьшился ли он сам в размерах. Дома были такими же, как и под Москвой, с той лишь разницей, что в каждом дво-

ре стояло по трактору и грузовику. А рядом с автотехникой, словно на международной выставке сияли на солнце никелированными ручками умопомрачительные музыкальные центры самых экзотических фирм. Они пели и играли на разные голоса, и эта музыкальная каша делала горячий воздух плотным, как облако вулканической пыли.

Облокотившись о забор ближайшего дома, Дыболь минут пятнадцать с хрипом выдыхал из себя горячий отработанный воздух, а когда мокрое от пота, разгоряченное тело остыло до нормальной температуры, он вконец обессиленный поплелся вдоль изгороди.

Злополучная труба болталась на ремешке у самого бедра и тем самым напоминала Саше о только что содеянном преступлении. Совесть почти не трогала его. Он только жалел, что согласился пожить у Розалии. «Лучше бы остался у профессора, — раздосадовано думал он. — Тот все-таки не посылал воровать. Хотя, кто его знает? Может у Розалии тоже скоро день рождения».

Неожиданно кто-то окликнул Дыболя. Он поднял глаза и увидел перед собой Луизу, ту самую кроткую ночную красавицу, которую вечером он до беспамятства полюбил, а утром с такой же силой возненавидел. Ту самую утреннюю дурнушку, которой он так безбожно врал всю ночь, а потом так позорно сбежал.

Луиза стояла с большой хозяйственной сумкой в двух метрах от Саши и улыбалась ему так, будто не было ничего того, что Дыболь желал если и не исправить, то хотя бы забыть.

— Здравствуйте, Александр, — трепетно произнесла Луиза.

Появление девушки лишило Дыболя последних сил. Он вяло забормотал что-то о невыносимой жаре и вонючих лужах со свиньями. Затем, ляпнул, что решил прогуляться и машинально убрал телескоп за спину.

— А я тоже гуляю. Вот вас встретила, — скромно улыбаясь, сказала девушка. — Хотите, погуляем вместе? А можем и здесь постоять. Мне все равно. А хотите пирожок? Я сама испекла. Какой вы будете: с капустой, с мясом, с рисом, с маком, с картошкой или с вишней? У меня и чаек есть в термосе. — Луиза достала из сумки полуторалитровый китайский термос и, несмотря на свою субтильность, легко помахала им в воздухе.

Немного опомнившись, Саша провел рукой по мокрым от пота волосам, сигло прокашлялся и, наконец, поздоровался:

— Здравствуй...те. В городе такая жара... Я тогда... Луиза, очень спешил к профессору. Извини.

— А вот и скамеечка, — не обращая внимания на его лепет, радостно воскликнула девушка. — Стоя вредно есть. Садитесь-садитесь. — Луиза присела, выложила на широкую деревянную скамью большой сверток с пирожками и, отвинтив стаканчик у термоса, налила Дыболю чаю.

Саша сел на самый край скамьи и тут же получил в руки еще теплый пирожок и стакан с чаем. Дух от пирогов шел такой волнующе-домашний, что Дыболь сразу раскис и малодушно подумал, не навестить ли ему еще раз заботливое семейство Луизы.

— Спасибо, — растроганно проговорил он и откусил кусочек пирожка. Затем Саша мечтательно посмотрел вдаль и тут же едва не поперхнулся от удивления. В полукилометре от города на картофельном поле высился космический корабль.

— Ух ты! — воскликнул Дыболь, сразу забыв об угощении. — Ракета! Настоящая ракета!

— Где? — тревожно озираясь, спросила Луиза.

— Да вон, впереди! — указал Саша пирогом на корабль.

— Это? — на этот раз удивилась девушка. — Это водонапорная башня. Кушайте, Александр. Кушайте. Пирожки остынут.

— Какая же это башня?! Это космический корабль! — возбужденно возразил Дыболь.

— Я здесь прожила всю жизнь, — с улыбкой проговорила Луиза. — Это водонапорная башня стоит здесь, сколько я себя помню, лет пятнадцать-двадцать. А вы просто фантазер, Александр.

Луиза ошиблась, фантазером Саша никогда не был, а потому назвал предмет, который увидел, своим именем.

Кирпич для Ивана Ивановича

До гигантского блестящего огурца оставалось всего метров сто пятьдесят. Не отрывая безумного взгляда от космического корабля, Дыболь торопливо шел впереди Луизы и не переставая говорил:

— Ты что, не видишь? Это же межпланетный корабль! Какая же это башня?! Скажет же такое!

— Вижу, — едва поспевая за ним с тяжелой ношей, тихо произнесла девушка.

Добравшись до корабля, Саша с Луизой несколько раз обошли вокруг него и остановились у раскрытой двери лифта. Задрвав голову, Дыболь с восторгом продолжал повторять, что никакая это не башня, а девушка послушно кивала головой и украдкой вытирала слезы.

— Пойдем посмотрим, — сверкая глазами, предложил Саша. — Такое же бывает раз в жизни.

— Мне нельзя, — испугано ответила Луиза и тут же с чувством добавила: — Не ходите, Александр. Пойдемте к нам. Мама с папой ждут нас к обеду. Они сказали, что я обязательно должна привести вас.

— Интересно, где бы ты меня искала? Мы же встретились случайно.

— У космического корабля, — едва слышно пролепетала девушка.

— Ага! Все-таки это космический корабль! — воскликнул Дыболь. — А то — водонапорная башня! Придумает же такое! Ты бы его еще погребом назвала.

Саша снова ощущал себя почти счастливым. Ему было хорошо от того, что он благополучно избежал расправы за воровство и снова встретился со скромной и ласковой Луизой. От того, что он был молод и наткнулся на настоящий космический корабль. Было в этом букете и нечто такое, что он еще не успел осмыслить, а потому не имеющего ни названия, ни определения.

«Стучите, и откроется», — справедливо сказано в Евангелии.

Так и не уговорив Луизу, Дыболь попросил ее подержать телескоп, вошел в лифт, крикнул: «Я не на долго», и кабина лифта пулей унесла его наверх. Посмотрев вниз, Саша увидел крошечную Луизу. Она махала ему рукой и что-то кричала.

Осторожно войдя в корабль, Дыболь осмотрелся, на всякий случай эгекнул и только потом медленно двинулся вперед. Коридор закончился тесным лифтом, на котором Саша в одну секунду поднялся в просторную капитанскую рубку. Затем, дверь бесшумно закрылась за ним, и Дыболь ощутил какое-то странное дрожание, а затем услышал подозрительный гул.

«Садись, дурень! Улетаем!» — слева загорелась надпись на широком экране монитора.

— Куда?! — закричал Саша, и какая-то сила повалила его на пол. Падая, он успел прочитать и вторую надпись: «Садись, говорю!»

— Куда?! — снова истошно заорал Дыболь, и было непонятно, что означает его вопрос: куда садиться или куда они улетают? После этого перед Сашей загорелись сразу два ответа. На левом мониторе появилась надпись: «Садись в капитанское кресло», а на правом: «К ядреной матери».

Вот и пригодился космический корабль, бесцельно простоявший на картофельном поле столько лет. Мечтал ли Дыболь, что когда-нибудь станет космонавтом? Может, в детском саду или в первом классе. Так кирпич, положенный двести лет назад неизвестным строителем, срыва-

ется вдруг со своего места и летит на голову не кому-нибудь, а именно Ивану Ивановичу.

Выезжая на природу, осмотришь, читатель. Может, и твой корабль торчит из каких-нибудь кустов и ждет, чтобы захлопнуть за тобой дверь.

О том, что стало с Луизой: она не сгорела в стартовом пламени. Ее просто не стало, как и города, подаренного Саше джинном. Едва Дыболь вошел в капитанскую рубку, как все это стало прошлым, а прошлое, как известно, не горит.

Глава пятая

Прошлое

Неуклюже перебирая руками, Саша подплыл к иллюминатору и прильнул к толстому стеклу. Мимо корабля со свистом проносились мелкие метеориты и темные загадочные астероиды, а чуть дальше лениво крутились, похожие на разноцветные глобусы, планеты.

— Эй! — крикнул Дыболь.

— Эй! — эхом отозвался корабль.

— Эй, Джинн! — позвал Саша.

— Эй, Джинн! — бесстрастно повторил корабль.

— Джинн, я больше не хочу! Джинн! — Дыболь несколько раз облетел капитанскую рубку по периметру и, никого не обнаружив, разъярился: — Джинн! Поймаю, кости переломаю! Джинн, сволочь! Отпусти меня!

Корабль в точности воспроизвел просьбу, но ничего не произошло. Панель управления подмигивала десятками лампочек, поставленное на автопилот, огромное рулевое колесо ворочалось и скрипело, и только за бортом корабля происходило что-то похожее на жизнь. Но, во-первых, корабль был закупорен на совесть, а во-вторых, космос не подходящая среда обитания для человека.

Сорвав зло на стенах и набив себе несколько шишек, Дыболь наконец научился сносно передвигаться в условиях невесомости. Теперь, когда он имел возможность попасть в любую точку отсека управления, ему это даже понравилось. Покрутив рулевое колесо, Саша принялся осторожно нажимать кнопки на пульте, но прямо перед ним на экране монитора тут же загорелась надпись: «Перестань, грохнемся!»

Еще раз обругав джинна, Дыболь все же оставил пульт управления в покое, а затем прочитал на экране: «Джинна здесь нет, дурень. Я робот-компьютер, развожу таких, как ты, по планетам.»

— Послушай, — проникновенно начал Саша. — Отпусти меня домой. Ну пожалуйста, будь другом. Этот джинн, сволочь, нагородил, черт знает чего. Не собирался я к инопланетянам. Это он чего-то там напутал, или крыша у него поехала.

Так и не дождавшись ответа, Дыболь в сердцах плюнул в компьютер. Шарик слюны отскочил от экрана и вернулся к нему.

— Тоже сволочь! — проговорил Саша. — Как и джинн! Сейчас бы ломик или монтировку, я бы тебя расковырял!

— Дурень ты, дурень! Кто бы тебя тогда до места доставил? — загорелось на экране.

Обидевшись на «дурня», Дыболь оттолкнулся от кресла и отправился осматривать внутренность отсека. Здесь было много чего интересного. В витринах, как в музее, лежало немало необычных вещей, которые были знакомы Саше. Как и всякий нормальный человек Дыболь любил иногда почитать фантастику. Кроме того, он пересмотрел все фантастические сериалы и фильмы. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Саша сразу узнал в одном из экспонатов лучевой пистолет, именуемый в космической литературе — бластером.

Попытки достать роскошный никелированный бластер ничего не дали, и Дыболь в раздражении пнул стеклянную витрину ногой. «Потерпи, еще успеешь», — прочитал он на экране.

— Жаль, не могу достать, — ответил Саша. — Повезло тебе.

«Это тебе повезло, — ответил компьютер. — Достал бы — какюк настал бы и тебе, и мне».

Поплавав немного за плевком, Дыболь вернулся в кресло, устроился поудобнее и задумался. Саша вспомнил кое-что из своего недалекого прошлого, поморщился и задремал.

Как справедливо утверждал психолог и философ Франкл, прошлое не исчезает бесследно, а становится вечностью. Правда, нередко эта часть индивидуальной вечности скрыта от нас розовой дымкой очарования, поскольку в прошлом все мы были моложе, привлекательней и удачливей. В прошлом нас не ожидает ничего плохого, оно не требует от нас никаких жертв, кроме, разве что, времени на воспоминания. Ну а этого добра у людей хватает. Иначе зачем бы они так бездарно превращали каждое мгновение настоящего в прошлое? Может быть прошлое лучше настоящего? Возможно, кто-то так и считает. Для Дыболя

прошлое не имело никакой ценности, как ничего не стоит потраченные месяц назад деньги. Саша жил в настоящем и только в настоящем.

Настоящее

В космическом корабле утро от вечера ничем не отличается, поэтому оставим на время описания различных времен суток. Упомянем лишь, что температура в отсеке управления была нормальной — двадцать градусов по Цельсию.

Пообедав содержимым трех тюбиков, Дыболь плавно похлопал себя по животу и отправился к иллюминатору, посмотреть на звезды. За круглым толстым стеклом было темно и скучно как в дровяном сарае. Исчезли даже метеориты, астероиды и неизвестные планеты. И лишь далеко-далеко бессмысленно сияли крупные, с кулак, звезды.

— Долго нам лететь? — спросил Саша в пространство и посмотрел на экран. «Потерпи, скоро будем», — прочитал он и, оттолкнувшись от стекла, несколько раз перевернулся в воздухе.

— Расскажи чего-нибудь, — попросил Дыболь. — Скучно. Анекдотов не знаешь?

«Нет, — загорелось на мониторе. — Могу почитать инструкцию по эксплуатации корабля».

— Инструкцию не надо, — отказался Саша. — Давай лучше поговорим. Жаль, у тебя нет голоса.

«Жаль», — бесстрастно согласился компьютер.

— Чей это корабль, джинна что ли? — спросил Дыболь.

«Не знаю, — ответил экран. — Паспортные данные собственника в моей памяти отсутствуют».

— А чего ты знаешь? Куда летим, знаешь?

«К инопланетянам, — загорелось на мониторе. — Я вообще-то уже раз был на этой планете. Бластер там тебе пригодится».

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Саша. — Ты что, выходишь из корабля?

«Нет, — ответил компьютер. — Я вижу все, что происходит вокруг до самого горизонта. В случае опасности включаю сирену. Услышишь — беги назад».

— А надолго мы туда летим? — поинтересовался Дыболь.

«Этого я не знаю», — появилось на мониторе.

— А кто знает? Я что ли? — раздраженно проговорил Саша.

«Как только я перестану быть нужным, корабль вернется на Землю».

— Это как же? — удивился Дыболь. — Ты мне будешь нужен до самой Земли. Ты хочешь сказать, что меня могут убить?

«Этого я не знаю», — ответил компьютер.

— Порядочки! — возмутился Саша. — Слушай, пока не поздно, давай повернем назад. И ты целее будешь.

Экран монитора погас, а Дыболь ворча уселся в кресло и довольно быстро уснул.

Снилось Саше не прошлое и не будущее, а бесцветное настоящее, границы которого так никто определить и не сумел. Может, потому, что настоящее не имеет никакого отношения ко времени и является всего лишь взглядом на вещи.

Время

Утомительно медленно тянется время в космическом безвременьи. Тяжело переносить перегрузки вынужденного безделья и особенно в пространстве, ограниченном шестью стенами. Неинтересен и скучен был Дыболю безжизненный космос, как неинтересен и скучен человеку, не имеющему отношения к медицине, атлас по гистологии. Часами Саша всматривался в бездонную темень вселенной и радовался каждому камешку, пролетающему мимо корабля. Заметив очередной булыжник, Дыболь оценивал его размеры, сравнивал с предыдущим и с нетерпением ожидал следующего. Это создавало ощущение хотя бы какой-то занятости. Когда мимо иллюминатора пролетал особо крупный метеорит или астероид необычной формы, Саша стучал по стеклу и улюлюкал, наверное, пытаясь привлечь внимание камня к собственной персоне. Он даже зачем-то поворачивался к компьютеру и приглашал его порадоваться вместе с ним, но экран в такие минуты молчал. Очевидно бортовой компьютер и пролетающие мимо небесные тела не испытывали друг к другу никакого любопытства, и Дыболь здесь напоминал пьяницу, обсуждающего с бутылкой поведение упавшего на пол стакана. Но все же беседа между компьютером и человеком не прерывалась, хотя протекала крайне вяло и была бессвязна, как обрывки разговоров, услышанных на ходу. На конкретные вопросы робот-компьютер отвечал охотно, но не всегда конкретно. Саше казалось, что машина чего-то не договаривает, темнит. А компьютеру ничего не казалось. Он сообщал то, что знал или то, что ему положено было сообщать. Речь компьютера была несколько развязной, а иногда и грубой, но так для Дыболя было даже лучше. Это оживляло их диалог, тем бо-

лее, что некоторые обороты Саша принимал за вполне приличные шутки.

Дыболь и сам частенько пытался острить, и если электронные мозги никак не реагировали, то в глубине души Саша все же надеялся на то, что компьютер оценил его юмор и пусть молча, но смеется.

Иногда Дыболь вдруг принимался рассказывать о своей жизни. Здесь на космическом корабле, в компании с компьютером у него это выходило куда лучше, чем за столом в квартире профессора. Поведал Саша и о своих приключениях в городе Джина, который он так неожиданно для себя оставил. Дыболь врал, конечно, безбожно, но с таким собеседником грех было не приукрашивать. Хотя, возможно, Саша просто оттачивал историю перед возвращением домой, ведь впечатления наши часто многое теряют, наложившись одно на другое.

Устав болтать, Дыболь в который раз облетал отсек управления, но без прежнего удовольствия. Плавание по воздуху давно уже стало для него таким же малопривлекательным занятием, как и ходьба по камере из угла в угол. Чаще всего Саша забирался в кресло и пытался уснуть, но и это ему уже удавалось с большим трудом. За время пути он отоспался на десять лет вперед. А если Дыболь и засыпал, то сны ему снились неинтересные, похожие друг на друга, как и проведенные на корабле дни.

Мысль

Саша скучал и скучал отчаянно. Только за последние три дня он не менее десяти раз заставлял бортовой компьютер читать ему инструкции. Дыболь давно выучил наизусть правила поведения на корабле и технику безопасности при взлете и посадке, он теоретически умел пользоваться бластером и при поломке мог даже отремонтировать его. Единственное, чего Саша до сих пор не знал, это куда и зачем он летит. На все его вопросы компьютер в последнее время отвечал всего двумя фразами: «Я не гадалка, что тебя ожидает не знаю» и «Одни похожи на тебя, другие — нет».

Иногда Дыболь позволял себе невинно развлечься. Выписывая под потолком фигуры высшего пилотажа, он задавал компьютеру все те же вопросы и тут же сам себе отвечал на них: «Я не гадалка, что тебя ждет, не знаю». Компьютер отказывался понимать Сашину шутку, повторял те же слова на экране, и Дыболя это немного веселило. Кроме этого, Саша забавлялся тем, что оскорблял своего электронного спутника. Он подплывал к экрану монитора и внятно, по слогам произносил

разные слова, обидные для человека, но совершенно непонятные для машины. Но и это глумление над компьютером быстро надоело ему, и Дыболь впал в черную меланхолию. У него в голове появились странные мысли. Саша вдруг задумался о себе. Но не так, как он это делал раньше, не о собственном благополучии, удовольствии или выгоде, и даже не о своей внешности. Дыболь задумался о жизни в целом.

Как известно, мысль проникает в сознание не извне. Она рождается там, в мозгу, оплодотворенном обстоятельствами, и зависит от них как брошенное в землю зерно от дождя. Не сразу и не постепенно, а как-то туманно, намеками, то появляясь, то исчезая нарождались в голове у Саши сомнения относительно его прошлого существования. Что это были за сомнения он пока не понимал, но благодаря воспоминаниям жизнь его сама по себе выстроилась в ряд ничем не заполненных, лишенных смысла дней. Все, что происходило с ним когда-то, сейчас не вызывало у него ни радости, ни сожаления, ни хотя бы малейшего удовлетворения. Не за что было зацепиться, не на что опереться, нечего взять за основу, чтобы прожитые дни, как шерстяную нитку, виток за витком уложить в плотный клубок. Возможно, виной тому была невесомость или избыток свободного времени, но мозги у Дыболя заработали. «Бог не требует невозможного», — написал когда-то святой Августин, хотя и несколько по иному поводу.

Будущее

Наверное у каждого нормального человека случались в жизни такие моменты, когда он сознательно собирался совершить нечто идущее вразрез со своей совестью. Понимая это и заранее раскаяваясь в еще не совершенном поступке, мы даем себе слово или хотя бы надеемся на то, что завтра или на следующей неделе, или в следующем месяце, а может и в будущем году мы станем лучше. И действительно, многие со временем становятся лучше и добрее, умнее и терпимее, а будущее так и остается будущим. И мы снова клятвенно убеждаем самих себя, прихорашиваемся перед вступлением в грядущее, а оно по-прежнему ускользает от нас и постоянно требует, требует, требует. Но не надо думать, что только требует. Всякий человек может смело рассчитывать получить в будущем все, что угодно: деньги, дружбу, спутника жизни, здоровье, свободное время. И даже те, кого впереди уже ничего существенного не ждет, все равно надеются на него и относятся с любовью. А вдруг?

Хронометр на пульте управления показывал одиннадцать часов, и покрову Саша чувствовал сонливость, он решил, что наступил вечер. Забравшись в кресло, Дыболь людоедски зевнул и случайно взглянул экран монитора. Там появилась надпись: «Утром проснешься на месте».

Желание спать мгновенно улетучилось. Подскочив вверх, Саша резво подплыл к иллюминатору, но там ничего, кроме давно надоевших звезд не было.

— Ни черта не видно! Где планета? Мы что, не долетели? — прильнув к стеклу, спросил он. — Или отсюда не видать?

«Не видать, — подтвердил компьютер. — Планета прямо по курсу. Из бокового иллюминатора ее не видно».

— Повернись как-нибудь боком, дай посмотреть, — попросил Дыболь. — Сам понимаешь, мне на нее спускаться. Интересно же.

«Не могу, — ответил бортовой компьютер. — Интересного там ничего нет. Большой каменный шар. Ложись спать».

— Ну, пожалуйста, на одну минутку, — продолжал канючить Саша. — Ты кому подчиняешься, джинну?

«Никому. Я сам по себе», — ответил компьютер.

— Тем более, — обрадовался Дыболь.

«Программа не позволяет, — появилось на мониторе. — Корабль ведет автопилот».

— Так его же можно выключить, — сказал Саша и подлетел к рулевому колесу. Он принялся его крутить, но толку от этого не было никакого.

«Я же сказал, корабль ведет автопилот, — с ощутительной укоризной написал компьютер. — Так что, сиди и не рыпайся. И благодари бога, что автопилот. Ты бы надулил на нашу голову».

Сообразив, что он не сможет уговорить своего электронного собеседника, Дыболь вздохнул и вернулся в кресло. Спать совсем расхотелось. Саше не терпелось поскорее приземлиться, снова почувствовать тяжесть тела и насладиться свежим воздухом. Его почти не волновало, как будет выглядеть планета, на которой он окажется. Главным было наконец выбраться из этой осточертевшей консервной банки.

Уже задремывая, он попытался представить, как могут выглядеть жители этой планеты. Некоторое знакомство с фантастикой подсказывало, что встреча с ними вряд ли доставит ему удовольствие. Перед глазами у Дыболя мелькали какие-то неясные образы инопланетян, больше похожие на чудовищных тиранозавров. А вскоре ему приснился отвратительный сон, где он как заяц несется по бескрайнему перепав-

ханному полю от огромного кровожадного инопланетянина. Но, как красиво и точно сформулировал изобретатель коллективного бессознательного — Юнг, во сне человеку бывает страшно не потому, что он видит тигра, наоборот, ему снится тигр потому, что он в этот момент испытывает страх.

В общем, Саша немного нервничал.

Глава шестая

Возвращение

Открыв глаза, Дыболь увидел на мониторе надпись: «Приехали» и с трудом сполз с кресла. Немного отвыкнув от тяжести собственного тела, он, пошатываясь, добрался до иллюминатора. Корабль стоял посреди картофельного поля очень похожего на то, с которого он улетал.

— Мы что, вернулись на Землю? — растерянно спросил Саша.

«На Землю, только не на ту, — ответил компьютер. — Бери бластер и желаю тебе ни пуха, ни пера».

Открылись двери лифта, и на мониторе вновь загорелась надпись: «Прощай, путешественник. Извини, если что не так — служба. Парень-то ты неплохой, хотя начинка у тебя хреноватая.»

— У тебя зато хорошая, — беззлобно проворчал Дыболь и вынул из раскрывшейся витрины тяжелый как кувалда бластер. — Ладно, я пошел. — Еще раз подойдя к иллюминатору, Саша посмотрел вниз. — Это ведь то же самое поле. Может хватит меня дурить! — Обернувшись к монитору, сказал он, но на этот раз компьютер не ответил. Махнув ему рукой, Дыболь вошел в лифт и через несколько секунд очутился в нижнем горизонтальном коридоре, возле раскрытой двери.

Погода на улице была прекрасная. Свежий ветерок ласково потрепал Шашины волосы, наполнил его легкие забытыми запахами Земли и, как бы считая свой долг выполненным, успокоился.

В полукилометре от космического корабля виднелась уже знакомая окраина города, а в противоположной стороне на таком же расстоянии темнел сумрачный лес.

Спустившись по ступенькам, Дыболь осмотрелся. Вокруг не было ни души. Иногда со стороны города доносились обрывки эстрадной музыки, и Саша показалось, что это та самая мелодия, которую он слышал до начала полета.

— Вот тебе и инопланетяне, — не без сожаления вздохнул Дыболь. За время полета он успел привыкнуть к мысли о встрече с неземным разумом и даже желал этого.

Еще раз взглянув на корабль, Саша побрел в город, где по его разумению дожидались его возвращения Розалия и Луиза — две женщины, к которым он был неравнодушен.

— И зачем надо было таскать меня по всему космосу? — ступая между грядок, произнес он в пространство.

«По несчастью или к счастью истина проста: никогда не возвращайся в прежние места», — писал романтик Шпаликов, и он знал, о чем писал. Возвращение — вещь довольно коварная. Все мы куда-нибудь пропадем, а потом непременно возвращаемся домой. Но, вернувшись через месяц из командировки, мы не ощущаем того душевного трепета, который наполняет наши души после двухлетней поездки за границу. А вернувшись с чужбины человек не в силах почувствовать того болезненного восторга, который посещает его в редкие минуты встреч с собственными истоками. Наверное все люди тайно или открыто мечтают об абсолютном возвращении, потому что никогда и никуда не возвращаются, а лишь удаляются все дальше и дальше, пусть даже и в ту же сторону, откуда пришли.

Гомо

Отдуваясь от жары, Дыболь добрался до скамейки, на которой Луиза потчевала его пирожками, и сел передохнуть. Весь путь через цветущее картофельное поле Саша думал о возвращении в Москву и только теперь вспомнил о лучевом пистолете, который порядком оттянул ему руку.

Где-то рядом за высоким забором забубнил диктор радио, и Дыболь еще раз тихо порадовался возвращению к привычной жизни. Он лишь уловил, что передают последние новости, но не вслушивался в смысл слов. Если бы Саша не был так увлечен разглядыванием фантастической игрушки, он пожалуй удивился бы словам ведущего: «Встреча прошла в злобной вражеской обстановке. Представители обеих держав обменялись оскорблениями. В честь гостей был дан завтрак, где обе стороны решили продолжить обсуждение проблем за обедом.»

Прицелившись в камень, Дыболь нажал на курок. Булыжник вспыхнул как коробка спичек и растекся по земле.

— Здорово! — восхищенно проговорил Саша и машинально осмотрелся кругом. Он повернул голову, чтобы заглянуть в щель забора, и

увидел чудовище, какое не приснится даже в кошмарном сне. Огромная зверюга протянула к Дыболю зеленую в мерзких присосках лапу и легко вырвала у него из рук бластер.

Рванувшись вперед, Саша споткнулся и упал на четвереньки. Но уйти ему все же не удалось. Та же зеленая лапа ухватила его за ногу, и без особого труда чудовище подняло его над землей.

Так страшно Дыболю не было никогда в жизни. От смертельного ужаса у него свело челюсти, пропал голос, а мышцы сделались каменными. Именно поэтому Дыболь не только ничего не смог сделать, но даже и не пытался.

Едва придя в себя, Саша открыл глаза и увидел перевернутую морду гигантского динозавра. Маленькие нефритовые глазки с вертикальными зрачками не мигая смотрели на Дыболя. Казалось, зверь с любопытством разглядывает свою жертву, Саша же остекленел от страха и думал только об одном: как ему сейчас будет больно и как не хочется умирать.

— Гомо сапиенс, — человеческим голосом проговорило чудовище и отвернулось от Дыболя. — Интересный экземпляр.

— Да, интересный, — ответила из-за забора точно такая же тварь. — Молодой, ухоженный. Наверное, в хороших руках побывал.

И тут у Дыболя прорвался голос:

— А-а-а-а! — истошно заорал он. — Отпусти-и! Джи-ин! Не хочу!

— Испугался, — внимательно разглядывая Сашу, спокойно проговорил зверь. — Это ничего. Сейчас мы тебя быстренько обработаем.

После этих жутких слов чудовище в два прыжка покрыло расстояние в десять метров и оказалось у крыльца дома. Здесь оно открыло огромный плетеный короб, осторожно опустило в него Дыболя и закрыло крышкой.

Встреча

Саша словно пойманный зверек забился в угол короба, закрыл голову руками и затих. Ему требовалось время, чтобы хотя бы немного отойти от удушливого страха и собраться с мыслями. Он не знал, сколько ему отпущено, подозревал, что не больше нескольких минут, а потому никак не мог успокоиться.

Дыболь не сразу заметил, что в коробе есть кто-то еще. Как писал обэриут Хармс: «Когда я вижу человека, мне хочется дать ему в мор-

ду». Саша же никак не отреагировал на соседство еще одной жертвы. Он лишь вздрогнул и снова углубился в свои переживания.

— Это ты? — наконец услышал Дыболь придушенный шепот и приподнял голову. Оказавшись в темноте после яркого солнечного дня он почти ничего не видел. Прежде чем глаза его привыкли к густому полумраку, Саша сидел, опасливо всматривался в едва различимую фигуру и терялся в догадках, кому из новых знакомых мог принадлежать этот хриплый голос.

— Черт меня дернул за тобой увязаться, — тем же сиплым шепотом продолжил «сокамерник».

— Как это ты увязался? — не понял Дыболь. Он уже представил, как его визави через всю вселенную гонится за ним на таком же космическом корабле, но тот просипел:

— Я успел заскочить в грузовой отсек. Думал, ты договорился с Джином и летишь домой. — Сосед по коробу несколько секунд помолчал и не дождавшись ответа, предложил: — Давай знакомиться. Может, кто из нас спасется. Так передаст, что мол... погиб...

— Александр, — представился Саша.

— Феофан, — протянул руку сосед. — Ну теперь-то ты убедился, куда попал? Все от него, все от дьявола.

Только после этих слов Дыболь понял, какого соседа послала ему судьба.

— И что теперь делать? — обреченно прошептал Саша. В его голове не чувствовалось ни малейшей надежды на спасение. Он задал этот риторический вопрос лишь для того, чтобы в самый страшный момент своей жизни не молчать и не изводить себя мыслями о скорой ужасной смерти.

— Молиться, — хрипло ответил Феофан. — Я знаю, как разрушить чары Джина. Если ты будешь во всем слушаться меня, мы изгоним этих бесов с Земли.

— Я начертил на стуле крест, — почти равнодушно вспомнил Саша. — И ничего не случилось.

— Крест — это ерунда, — махнул рукой Феофан. — Этого мало. Давно известно, что бесы не боятся креста...

— А что же ты...? — начал Дыболь, но сосед не дал ему закончить.

— Я знаю обряд изгнания бесов, но для этого нужно не меньше трех человек. Если мы выберемся отсюда живыми...

Феофан не успел договорить. Неожиданно крышка приподнялась, в короб опустилась лапа и как котенка выдернула его на свет божий.

— Прощайте, люди! — истошно заорал Феофан, и крышка короба снова захлопнулась.

Оставшись в одиночестве, Саша почувствовал еще больший отчаяние, которое все же заставило его действовать. Дыболь попытался приподнять крышку, но та не поддавалась. Тогда он стал яростно колотить ногами и кулаками по стенкам и кричать:

— Помогите! Кто-нибудь, Помогите!

Дыболь так старался, что очень скоро сорвал себе голос, закашлял и без сил повалился в угол.

— Ну, чего ты так кричишь? — раздалось рядом утробное рычание чудовища. Затем короб снова открылся и туда заглянула отвратительная зубастая морда. — погоди, сейчас и до тебя дойдет очередь. Быстренько обрабатываем и всем твоим мучениям конец.

Гомологи

Чудовище не обмануло Сашу, очередь действительно дошла и до него. Дыболя ухватили поперек туловища, и зверь принялся шарить свободной лапой в ящике с какими-то ржавыми инструментами, очень похожими на пыточные. От одного вида этих железяк Саша задохнулся от ужаса и с трудом пролепетал:

— Не надо... не надо меня обрабатывать! Джин, я больше не хочу!

— Пойди, посмотри в доме, — не обращая внимания на Шашины вопли, обратился его мучитель к своему собрату. — Здесь, кажется, кончились.

Второе чудовище исчезло в дверях дома, но через минуту вернулось обратно. Первый же выбрал в ящике что-то вроде кузнечных клещей, пару раз щелкнул ими и удовлетворенно покачал огромной уродливой головой. Затем зверь поднес Дыболя к своей отвратительной морде, кивнул ему и ласково проговорил:

— Ну что ты так разволновался? Это не долго — раз и все. Нервный ты какой-то.

Второе чудовище надело Саше на ногу большое металлическое кольцо с выдавленными буквами и циферками и сжало его теми самыми клещами, да так аккуратно, что Дыболь ничего не почувствовал.

— Вот и вся недолга, — добродушно произнес первый. — Теперь беги, гомо. Кто знает, может еще встретимся. — С этими словами чудовище в два прыжка оказалось у забора и поставило Сашу на прежнее место перед скамейкой. — Беги-беги. А пистолетик я оставлю у себя. А то еще, чего доброго, пальнешь в нас.

Не заставляя себя уговаривать, Дыболь сломя голову бросился по картофельному полю туда, где его дожидался космический корабль. Но к Сашиному ужасу впереди вместо корабля откуда-то появилась кирпичная водонапорная башня. Она бессовестно возвышалась над полем и словно бы говорила Дыболю: «Все, назад дороги нет.»

— Зараза! — в отчаянии выкрикнул Саша и тут же кувырком полетел на землю. Он все еще не верил и не хотел верить своим глазам. Лежа на земле, Дыболь бестолково хлопал ими, все еще надеясь, что башня ему всего лишь привиделась в кошмарной галлюцинации. Но она не исчезала. Наконец, судорожно всхлипнув, Саша поднялся и больше ни секунды не раздумывая, кинулся в лес.

Страх

Когда до густого сумрачного леса оставалось всего несколько десятков метров, Дыболь остановился. Картофельное поле закончилось и он ничком повалился в невысокую траву, одуряюще пахнувшую млечным соком, теплом и влажной землей. В километре от него виднелась та же злосчатая окраина города, за ним никто не гнался, и у него появилась возможность поразмышлять над тем, что же все-таки произошло. Как когда-то утверждал мудрый Анаксагор, помимо нашего существует и некий другой мир, в котором Солнце и Луна как у нас. Саша наконец получил возможность воочию убедиться в справедливости слов древнего философа.

Лежа на боку, он часто приподнимал голову и затравленно озирался. Когда же сердце у него немного успокоилось и дыхание стало ровней, он внимательно осмотрел ногу.

На кольце из нержавеющей стали оказались выбиты дата, адрес и вежливая просьба сообщить о поимке гомо по указанному адресу. Дыболь вспомнил, что такими же кольцами, только поменьше, метят перелетных птиц.

Ощупав железку, Саша сообразил, что голыми руками он не сможет освободить ногу. Поблизости же не было ничего, чем это можно было сделать. Бросив взгляд в сторону башни, Дыболь мгновенно вскочил на ноги. Быстро приближаясь к нему, по полю неслось гигантское кенгуру, как две капли воды похожее на тех, которые его окольцевали.

— Да пропади вы все пропадом! — не своим голосом выкрикнул Саша и бросился к лесу. Добравшись до ближайших кустов, он резко обернулся. До чудовища оставалось не более ста метров. В коротких

передних лапах оно держало вороненую толстую трубу диаметром с водосточную и на бегу целилось в него.

Догадавшись о предназначении трубы, Дыболь вильнул в сторону и сделал это очень своевременно: раздался оглушительный грохот и в двух метрах от него с треском пополам переломился толстый ствол березы. В спину Саше полетели кусочки древесины, и уже ничего не собирая от страха, он побежал вперед не разбирая дороги.

Вслед за первым раздался второй залп, и еще одно могучее дерево, ломая молодняк, рухнуло на землю.

Впереди между ветвей деревьев замелькала водная гладь. Не сбавляя скорости, Дыболь добежал до берега и головой вниз нырнул в маленькое, сильно заросшее камышом озерцо.

Скорее проснувшийся в нем инстинкт самосохранения, нежели опыт, подсказали Саше, как действовать дальше. Не появляясь на поверхности, он быстро развернулся под водой и по-лягушачьи, наискок поплыл к берегу в густые заросли осоки.

Существует устоявшееся мнение, что человек боится неизвестного, но, как показывает жизнь, это не так. Встретившись с опасностью, не вызывающей никаких ассоциаций, человек не узнает в ней смертельной угрозы и, скорее всего, не испугается. Однако, столкнувшись с чертом, каким его изображают художники и литераторы, страху натерпиться.

Смерть, потеря близких, боль, неопределенность, безденежье — вещи известные и бояться их все, от больных страдающих разными страхами, до тех, кого принято называть бесстрашными. Но все же не зря последних нередко называют отчаянными. Именно отчаяние, независимо, чем оно вызвано: боязнь потерять жизнь или деньги, уважение знакомых или совесть заставляют человека совершать порой невообразимые поступки. Из этого можно сделать вывод, что отчаяние — это что-то вроде бомбы, попавший в здание человеческого опыта. А страх? Страх — всего лишь кирпичик в этом здании.

Молодец

Больше часа провел Дыболь в камышах, пока наконец не убедился, что его преследователь удалился. Встреча с разумными, говорящими по-русски динозаврами настолько потрясла его, что через несколько минут размышлений, он прекратил думать о них, чтобы не лишиться рассудка.

Решив на всякий случай переплыть на противоположную сторону озера, Саша донырнул до середины и мелкими саженками поплыл к берегу, который представлял собой более надежное убежище, чем камыши. Низкий бережок так густо зарос ивами и бузиной, что там можно было спокойно отсидеться и подумать, что делать дальше.

В нескольких метрах от спасительного берега Дыболь заметил на поверхности воды цилиндр размером с трехлитровую банку. Проплывая мимо, он попытался оттолкнуть его, но ладонь вдруг намертво прилипла к блестящему предмету. Саша попробовал оторвать поплавок второй рукой и понял, что окончательно влип. Цилиндр крепко держал его за обе руки.

— Да что же это за чертовщина?! — только и успел воскликнуть Дыболь, как почувствовал, что рассекая воду, быстро плывет к берегу. Затем из-за камышей выглянула оскаленная морда чудовища, и Саша окончательно все понял.

— Попался, голубчик! — радостно пропела допотопная тварь. — Иди, иди ко мне, малыш! Тяжеленький! — И тут Дыболь неожиданно для себя заплакал. Он плакал тихо, почти беззвучно, как это делают старики и дикие животные.

Когда динозавр грубо отодрал его от липкой приманки, Саша почти не сопротивлялся. Не сопротивлялся он и когда его бесцеремонно сунули в просторный садок из стальной сетки, где уже лежали несколько живых рыбин. Не сопротивлялся Дыболь и когда его швырнули вместе с садком за спину. Он лишь устроился поудобнее, чтобы не удариться головой об острые костяные наросты, покрывающие всю спину чудовища.

Тварь допрыгала до города за каких-нибудь пятнадцать минут. Саша снова увидел большие деревенские дома окраины, затем — грязную улицу со свиньями и прочей живностью, по которой он прибежал с рынка к космическому кораблю, и наконец — сам рынок. Но на этот раз торговые ряды были заполнены невообразимыми существами. Стоя за прилавками, одни уродливые создания торговали еще более отвратительными мелкими животными, которые, в свою очередь, поедали или держали в лапках совсем крошечных уродливых зверьков.

Чудовище вывалило измученного Дыболя вместе с рыбой на свободный угол дощатого прилавка и громко закричало:

— Свежая рыба! Водоплавающий гомо! Покупайте свежую рыбу! Гомо водоплавающий!

На всякий случай, чтобы Саша не сбежал, продавец прижал его к прилавку огромным когтистым пальцем.

— Почем ваш гомо? — низким, женским голосом поинтересовалась подошедшая тварь и ковырнула Дыболя когтем.

— Сто, — ответил Сашин хозяин. — Смотрите, какой живой. — Сказав это, он приподнял Дыболя и хорошенько встряхнул его. Саша висел как тряпка и пустыми глазами смотрел куда-то в сторону.

— Какой-то он у вас вялый, — брезгливо проговорила покупательница и собралась было уходить, но продавец остановил ее.

— Да какой же он вялый, хозяйка? Только что поймал, — натурально возмутилось чудовище. — Ты только посмотри, это же зверь! Слышь, ты, — страшным голосом обратился продавец к Дыболю. — Ну-ка, подрыгай ногами, а не то раздавлю как паука!

— Дави, — равнодушно ответил Саша и вдруг изогнувшись, сильно ударил чудовище ногами прямо по морде.

— Ну вот, молодец, — обрадовался хозяин. — Берете?

— Беру, — сразу согласилась покупательница. Расплатившись, она бесцеремонно схватила Дыболя поперек туловища и прежде чем убрать покупку в сумку, сказала ему: — Не бойся, гомо, тебе у меня будет сытно и вольготно. Я добрая.

Цена

Сколько стоит не каждый конкретный человек, а существо, именуемое гомо сапиенс, никому не известно. Один погиб за буханку хлеба, другой отдал свою жизнь за принцип. Но первый нес хлеб умирающим от голода детям, а второй принципиально не хотел жить честно. Похоже, здесь дело не в понятиях, а в том, во что себя оценивает сам индивидуум.

Покачиваясь как в гамаке, Саша лежал в авоське, разглядывал через ячейки город и с неумной тоской размышлял о своей незавидной судьбе. Мимо проплывали знакомые места: бульвар с фонтаном, голубиный парк, ресторан Энгельгардта, центральная площадь. Посредине площади стоял пятидесятиметровый золотой памятник оскаленному чудовищу, а внизу на постаменте саженными буквами было написано: «ГОМОЛОВ».

Хозяйка Дыболя допрыгала до дверей дома, в котором жила Розалия и вошла внутрь. Странно было Саше снова увидеть те же уютные просторные комнаты и ту же мебель после того, что с ним произошло. Он удивленно поглядывал вокруг и пытался определить, здесь Розалия или ее давно съели эти монстры?

— Ну вот мы и пришли, — проговорила хозяйка. — Если ты пообещаешь мне, что не будешь пытаться убежать, я разрешу тебе иногда выходить из клетки.

— А где Розалия? — решил спросить Дыболь.

— Не Розалия, а Розалинда, — удивленно поправила его хозяйка и тут же поинтересовалась: — А откуда ты знаешь мое имя?

— Я не знаю вашего имени, — ответил Саша. — Раньше в этом доме жила женщина. Ее звали Розалия.

— А я, по-твоему, мужчина? — рассмеялось чудовище. — В этом доме всегда жила я и только я — Розалинда.

Не найдя, что ответить, Дыболь замолчал, но хозяйка не отставала от него:

— Ты не ответил мне. Обещаешь или нет?

— Обещаю, — буркнул Саша.

— Нет, ты не так пообещай, — продолжала пытаться его хозяйка. — Скажи это так, чтобы я поверила твоему обещанию.

— Обещаю, — громче повторил Дыболь. Убедившись, что чудовище не собирается зажарить его сегодня же на ужин, Саша воспрял духом. У него появилась надежда не только выжить, но и при случае сбежать. Он уже понял, как здесь нужно себя вести и для убедительности добавил: — Не убегу. Да и зачем мне от вас убежать? Квартирка хорошая, кормежка, наверное, тоже.

Последние слова прозвучали несколько фальшиво, но самоуверенное чудовище не обратило внимания на такую ерунду, и Дыболю это сошло с рук. Страшная Розалинда, громко хлопая роговыми веками, оглушительно заревела, что, скорее всего, означало смех. На ее бронированной морде полностью отсутствовала какая-либо мимика, и следить за сменой ее настроений можно было лишь по интонации.

— Смотри же, дружок, ты мне достался недешево, — отсмеявшись, проговорила она.

— А зачем я вам? — поинтересовался Саша, с грустью поглядывая на свое новое жилище — металлическую клетку размерами полтора метра на полтора.

— Нужен, дружок, очень нужен! — с чувством ответила Розалинда. — Я одинокая женщина, а с тобой мне будет не так тоскливо коротать длинные вечера. Я прекрасно знаю гомо. На свободе вы все одинаковые: скандальные, прожорливые и похотливые. И только в клетке, в одиночку вы становитесь очень забавными. Один мой хороший приятель рассказывал мне, как вас отлавливают в лесу. Вы же глохнете и слепнете от похоти. Ничего, у меня, мой милый, ты будешь иметь мно-

го времени, чтобы подумать о своей непутевой жизни. Глядишь, стишки начнешь пописывать или рисовать картинки.

— А вы? — обидевшись за людей, спросил Дыбль.

— Что я? — удивилась Розалинда.

— Не вы лично, а вы... — Саша долго не мог подобрать нужного слова, а потом выпалил: — Вы, динозавры, не такие?

— О нас сейчас речи не идет, — насупившись, ответила хозяйка дома. — По-моему, ты у меня в клетке, а не я у тебя. А если ты будешь грубить, я тебя накажу. Очень больно накажу. — Розалинда показала на стену, где висела плетка, свитая из тонкой проволоки. — Если удерешь, я поймаю тебя, и тогда не жди пощады.

В общем, как ответил Мартовский Заяц на вопрос Алисы: «Что вы будете делать, когда закончатся чистые чашки?» — «Мне эта тема неприятна!»

Хозяйка дома не собиралась обсуждать с питомцем достоинства и недостатки своих соплеменников. Она продемонстрировала Дыболу плетку и, смягчившись, добавила:

— Но я надеюсь, ты будешь паинькой. Тебе у меня очень понравится. Верно?

— Конечно, — мрачно ответил Дыболь.

Дружок

Розалинда оказалась живым, проворным чудовищем. Собирая на стол, она виртуозно орудовала своими малоподвижными, жуткими лапами, резво скакала по гостиной и все время что-то напевала.

На ужин Саша получил сладкую плюшку, похожую на поджаренную шапку-ушанку, и полуведерную чашку какао. За примерное поведение он был на время выпущен из клетки и даже удостоился чести сидеть за одним столом с хозяйкой дома.

Попивая какао со сливками, Дыболь как кот на завалинке жмурился от удовольствия и старался ни о чем не думать. Не глядя на динозавра, он снова представлял себя в гостиной у Розалии, той обаятельной Розалии, к которой он поочередно испытывал два взаимоисключающих вида любви: почтительную сыновью и менее почтительную — мужскую. Ощущение, что он никуда и не улетал, добавляла большая картина, которая висела как раз напротив него. Это была абстрактная живопись с преобладанием зеленого цвета. Что на ней изображено, Саша не знал, но догадывался, что скорее всего это портрет хозяйки дома.

— Тебе нравится эта картина? — перехватив его взгляд, равнодушно поинтересовалась Розалинда.

— Так, ничего себе, — ответил Дыболь и на всякий случай отвел от живописи взгляд.

— Это мой портрет. Художник говорил, что вложил в него всю свою душу. Ты видишь здесь его душу?

Саша почесал затылок, поискал глазами на огромном холсте хотя бы что-то, что отдаленно напоминало бы душу художника и ничего не найдя, осторожно ответил:

— Я не знаю, как она выглядит.

— Ты прав, — мрачновато произнесла хозяйка дома. — Этот пройдоха наврал. Нет здесь никакой души, но картина мне по душе. Она закрывает грязное пятно на стене. Раньше я думала, что душу лучше вкладывать в друзей и близких. Мне говорили, что она там дольше сохраняется. Это вранье. Однажды я сделала такое вложение. Этот негодяй и бездельник тратил мою душу направо и налево. Он топтал ее, отщипывал от моей души большие куски и раздавал своим таким же непутевым друзьям. Но в один прекрасный момент он проснулся и обнаружил, что моей души больше нет, она кончилась. И тогда этот подонок пришел ко мне и потребовал, чтобы я вложила в него еще хотя бы что-нибудь. Но у меня тоже ничего не осталось. Здесь-то мне и открылась истинная правда об этом типе.

С тех пор я не желаю иметь дела со всеми этими художниками.

— А у вас тоже есть художники? — не удержался от вопроса Дыболь.

— Хм, — громко прихлебывая, хмыкнула Розалинда и вдруг спросила: — Вкусно?

— Угу, — ответил Саша, стараясь восстановить в голове мысленный образ его прежней опекуни.

— Кстати, как тебя зовут? — поинтересовалась Розалинда и мастерски швырнула в пасть огромную плюшку.

— Александр, — вздохнул Дыболь.

— Какое гадкое имя, — беззлобно проговорила хозяйка дома. — К тому же слишком длинное. Я буду звать тебя Дружком. На мой взгляд очень симпатично — Дружок. Тебе нравится?

Саша едва не поперхнулся от обиды, но его положение не позволяло ему выказывать недовольство и он промолчал.

— Я тебя спрашиваю, нравится? — зловеще повторила Розалинда.

— Нравится, — буркнул Дыболь.

— Не слышу, — повысила голос хозяйка дома. — Если хочешь, я научу тебя как надо отвечать. Вон плетка висит.

— Нравится! — проорал Саша.

— Ничего, понравится, — весело проговорила Розалинда. — А меня ты можешь звать просто Роза. Ну что, будем дружить?

— Будем, — ответил Дыболь и одними губами добавил: — Куда же денешься.

— Не слышу. Будем?

— Будем! — еще громче заорал Саша и поскорее набил рот плюшкой.

— Вот и молодец, Дружок, — похвалила хозяйка. — Веди себя панинкой, и я разрешу тебе свободно жить в доме. Я женщина честная и не собираюсь никого мучить.

— А свободно — это как? — поинтересовался Дыболь. — Будете меня на цепочке водить гулять или отпускать одного?

— Гулять, мы еще посмотрим. А вообще, свободно и все, — уклончиво ответила Розалинда. — Вы же, гомо, ничего не понимаете в свободе. Дай вам волю, вы такого нагородите. А в клетке — пожалуйста, чувствуй себя свободным сколько угодно. Там тебя никто не тронет. Вот если бы ты попал к моим соседям, тебя бы в первый же день замучили дети. У них уже штук пятнадцать таких перебивало. Всех передумали. Как начнут играть: то случайно наступят, то руку или ногу сломают, то игрушкой голову проломают. А уж как кормят! Тьфу! Тухлой рыбой, картофельными очистками и хлебными корками. Так что, благодаря бога, что ты попал ко мне. Полгодика поживешь, станешь таким же толстым как я. — Хозяйка дома похлопала себя по бронированному брюху и закончила: — А через год-два тебя из клетки не вытащишь.

— Вы же обещали меня не запирайте, — напомнил Саша.

— Сам не захочешь, дурачок, — пояснила Розалинда. — У меня уже жил один гомо. Царствие ему небесное. Поклонник в темноте не заметил его и немного покалечил. Так после этого его из клетки нельзя было и калачом выманить. Все время валялся на подстилке. Я и не заперала его. Бывало говорю ему: «Дружок, иди ко мне». А он: «Мне здесь лучше, уютнее». Домом считал.

— Его тоже Дружком звали? — спросил Дыболь.

— Да, — с грустью ответила хозяйка дома. — В его честь я тебя и назвала. Любила его как родного сына. Он мне и песенки пел. Такие иногда похабные, что я не знала, куда деться.

— Ну ладно, спасибо за ужин, — проговорил Саша и сполз со стула. — Пойду к себе в дом.

— Иди-иди, дружок, — махнула лапой Розалинда. — Вижу, подружимся мы с тобой.

Дружба

Как когда-то давно поучал писец ассирийского царя Синахериба: «Не следует слишком часто навещать своего друга, дабы он не присытился тобой и не возненавидел тебя.» Похоже, мудрый писец на собственной шкуре испытал все тяготы дружбы и таким образом предостерегал своих не совсем разумных друзей. Ведь по-дружески ничего не стоит сказать гадость, подложить свинью и даже дать оплеуху. На друга можно сорвать зло — он поймет. При друге удобно безбожно врать — он ни за что не выдаст. Друга можно мучить днем и ночью, а иначе зачем он нужен? Друг, как в песне поется, подарит вам свою девушку, если у вас ее нет. И уступит, опять же по песням, место в шлюпке или полезет с вами в горы, даже если он никогда выше девятого этажа на поднимался. В общем, друг — это что-то феноменально покорное и бессловесное, вроде старой деревенской Сивки.

Весь следующий день у Розалинды было прекрасное настроение, и вероятно поэтому Дыболю пришлось не сладко. Во-первых, она была столь страшна, что Саша вздрагивал каждый раз, когда ее видел. Во-вторых, хозяйка дома постоянно лезла со своими нежностями, больше похожими на ласки шагающего экскаватора.

К вечеру к Розалинде заявили гости — два чудовища, значительно превышающих ее размерами. Помня о трагически погибшем предшественнике, Дыболь забрался к себе в клетку и не выходил весь вечер. Правда, это нисколько не помешало хозяйке и гостям замучить Сашу до полусмерти. Они по очереди развлекались тем, что просовывали между прутьями свои ужасные когти и щекотали его. Вскоре тело Дыболя покрылось ссадинами и синяками, а на голове он набил с десяток шишек, когда шараялся от страшных пальцев.

— Дикий он какой-то, — наконец сказал один из гостей. — Может дать ему плюшку?

— Он не голодный. Правда, Дружок? — кокетливо подложил лапу под морду, ответила Розалинда. — Ничего, привыкнет. Мы с ним вчера так мило побеседовали. Дружок рассказал мне всю свою жизнь. — Тут хозяйка дома опустила взгляд и продолжила: — А что еще нужно одинокой девице? Поговорить с гомо, да немного внимания от мужчин. Вот вы пришли ко мне, порадовали незамужнюю девушку, а мне больше ничего и не надо.

«Тепло! — сидя в клетке, злобно подумал Саша. — Всю жизнь я ей рассказал! Держи карман шире, гадина!»

— Да что с нас взять? — скромно произнес второй из гостей. — Вот так работаешь, работаешь и совсем забываешь о прекрасном поле. Служба забирает все свободное время. А вас, Розочка, видеть всегда одно удовольствие. Даже не знаю, как бы я жил, если бы не вы. Приходишь к вам в дом — тепло, уют...

— Розочка! — тихо фыркнул Дыболь.

— Дружок, ты чего? — обернулась к нему Розалинда, и не дождав-шись ответа, продолжила разговор: — Мужчина должен служить, иначе какой же он добытчик? Мужчина — это охотник. Обожаю гомоловов. Вы все такие мужественные и красивые.

Гости заревели как две танковые сирены, и лишь по реакции хозяйки Саша догадался, что они смеются.

Успокоившись, одно из чудовищ швырнуло в рот плюшку и, прожевав, ответило:

— Надо же кому-то ими заниматься. Непонятно, откуда они берутся? Каждый год отлавливаем тысячами, а меньше не становится. Размножаются как мухи. Ну ничего, Великий Гомолов недавно обещал, что скоро мы избавимся от них одним махом. Уже изобрели какой-то порошок, который для нас совершенно безвреден. Пересыпем все леса, сами подохнут.

— Ой! — театрально всплеснула лапами Розалинда. — Жалко-то как! Они бывают такими милыми.

— Не всех, конечно, — успокоил ее гость. — В домах и зоопарках их не тронут. Ручные пусть живут. Кто ручных-то тронет? Может быть даже в лесах мы построим для них специальные вольеры. А так — это же непорядок. Великий Гомолов сказал, что гуляющий на свободе гомо — не что иное как зараза. Остальные должны стоять на учете.

— Лучше висеть, — пошутил второй гость, и все трое затряслись и заревели.

— А тех, кто не желает ловить и уничтожать диких гомо, к стенке, — закончил первый оратор. Затем он вдруг вспомнил о чем-то важном, и повернулся к клетке.

— А что это у тебя на лапе, Дружок? — Внимательно посмотрев на ногу Дыболя, спросило чудовище.

— Кольцо, — испуганно ответил Саша. Он уже представил, как гость начнет сдирать с него стальную метку, но тот не двинулся с места.

— Вижу, что не треугольник, — сказал гость. — Скажи, кто тебе его нацепил?

— Чудов... — начал было Дыболь, но вовремя понял, что чудовище может обидеться и исправился: — Чудак один.

— Где живет этот чудак, я тебя спрашиваю? — угрожающе проговорил гость.

— Я не знаю, как называется улица, — вконец перепугался Саша. — Та, которая выходит к водонапорной башне. Крайний дом слева. Их там было двое.

— Отлично, — зловеще произнесло чудовище и со скрежетом потерло одну лапу о другую.

Глава седьмая

Побег

На тринадцатую ночь Дыболь бежал. Не так романтично, конечно, как это произошло с известным литературным героем — графом Монте-Кристо, но и без тех трагических последствий, которые испытал за двадцать восемь лет не менее известный герой романа — Робинзон Крузо. Саша просто воспользовался нетрезвостью хозяйки дома, и когда она уснула, на цыпочках пробрался на балкон и спустился вниз.

Благо, с городом Дыболь немного был знаком. Он даже знал, куда следует бежать. Не ведал Саша лишь одного — что делать дальше и как вообще можно жить в этом невообразимом мире. Из школьной программы он конечно помнил слова советского классика Островского, что жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Он даже знал поговорку: «Жизнь прожить — не поле перейти», но этого скудного багажа знаний здесь явно было недостаточно.

Оказавшись на свободе, Дыболь воровски озираясь, побежал вдоль стен домов. Он старался держаться тени и освещенные места пробегал пригнувшись к земле.

Саша давно миновал рынок, выскочил на улицу, которая когда-то привела его к космическому кораблю, и припустился бегом по теневому краю пешеходной дорожки. Внезапно из дверей ярко освещенной пивнушки на улицу вывалилось вдрызг пьяное чудовище. Оно громогласно проревело в ночное небо что-то нечленораздельное и, раскачиваясь, медленно побрело к городу.

Дыболь едва сумел избежать встречи с пьяным динозавром. Он нырнул в кусты, которые ближе к окраине росли вдоль высокой грады очень густо. Стараясь не выдать себя шелестом, Саша пробрался в самую кущи и тут совсем рядом услышал хриплый шепот:

— Здорово, земляк!

Дыболь невольно вздрогнул и отпрянул назад, но темная фигура, которую он с трудом разглядел среди листвы, нисколько не походила на динозавра, и Саша успокоился.

— Здорово, — прошептал он в ответ и почти сразу догадался, кого он встретил.

— Освободился, значит, — одобрил Феофан. — Вот видишь, Господь-то хранит даже таких, как ты. Это значит, что у нас еще не все потеряно.

— А куда ты тогда делся? — спросил Дыболь, впервые за все время вспомнив о быстром исчезновении Феофана.

— После этих орнитологов? — спросил Феофан. Последнее слово в его устах прозвучало презрительно, словно он имел в виду гомосексуалистов или, на худой конец, эксгибиционистов. — В город подался. В лесу наш брат как на ладони, издалека видать. А в городе я как рыба в воде. — И Феофан вкратце поведал Саше о своих злоключениях, как он прятался по подвалам и чердакам, днем бродил по канализационным коллекторам, а по ночам выбирался на поверхность, бил витрины и окна квартир.

— За это время я многое понял, — вздохнув, задумчиво проговорил Феофан. — Ты хотя бы знаешь, кто все это устроил?

— Джин, — ответил Дыболь, нисколько не сомневаясь, что ответ должен быть именно таким.

— Да? — спросил Феофан тоном человека, знающего гораздо больше своего собеседника. — Джин — это мелкая сошка, обычный исполнитель. Вон, прочитай-ка название пивной.

— Марс, — бросив мельком взгляд, сказал Саша.

— Нет, наоборот, справа налево, — тем же голосом произнес Феофан.

— Срам, — послушно прочитал Дыболь.

— Вот именно, срам, — глубокомысленно проговорил Феофан. — Это все они с ног на голову поставили. Потому и названия своим значным местам придумывают такие, чтобы выглядело как бы нормально, а на самом деле...

— Совпало так, — начиная терять интерес к разговору, сказал Саша и добавил: — «Кабак» в какую сторону не читай, останется «кабаком».

— Да? — нервно подался вперед Феофан. — Ты думаешь, я здесь зря время терял? Вон трактир видишь — «У пожилого Каси»? Прочитай-ка. Это тоже по-твоему совпадение?

Дыболь старательно прочитал название трактира и на некоторое время задумался. Аргумент был достаточно сильный, и хотя Саша не ощущал себя ксенофобом и вообще, никогда не делил людей только по национальному признаку, что-то шевельнулось в нем. Но как писал создатель теоцентрической антропологии чинарь Липавский: не всякое семя брошенное в душу, попадает в нее.

Дыболь не принял открытие Феофана близко к сердцу. Более того, он где-то слышал, что первый признак психического заболевания шизофрении — это чтение слов справа налево.

— Да черт с ними, — тихо проговорил Саша. — В лес надо уходить.

— Э, нет. Ты иди, а я назад в город, — ответил Феофан. — Завтра как стемнеет я жду тебя за водонапорной башней. У меня есть еще один человек. Втроем будем эту заразу искоренять.

В лесу

Ночи летом короткие и теплые. Едва на западе погасли последние отблески солнца, глядишь, а на востоке уже проклюнулась заря.

Рассвет застал Дыболя на окраине страшного города. Пробегая мимо велодрома, Саша прочитал это слово наоборот и даже крикнул от того, что получилось.

— Черт, что-то в этом все-таки есть, — на ходу пробормотал Дыболь и принялся мысленно переводить все названия, которые ему попадались в городе.

Добравшись до злополучного картофельного поля, Саша и на этот раз с немалым отчаянием посмотрел туда, где должен был стоять его космический корабль. Убедившись, что за несколько дней ничего не изменилось, он мысленно придушил Джина, шепотом обозвал его всеми нехорошими словами, какие знал и трусцой побежал через поле.

Лес встретил Дыболя леденящим предсмертным воплем. Заиндевав от ужаса на месте, Саша долго стоял прислушиваясь к каждому шороху, но крик не повторился и беглец осторожно двинулся дальше. Зрение и слух у Дыболя обострились до крайности. Он крался меж кустов

и деревьев как кошка, ловил каждый звук и резко поворачивался на любое шевеление в пределах видимости.

Еще издали Саша услышал тяжелый топот и треск ломаемых кустов. Кто-то быстро приближался к нему со стороны города, и Дыболя охватила паника. Он кинулся влево, но ему тут же показалось, что чудовище направляется именно туда. Затем Саша побежал вправо и снова вернулся на прежнее место. Потеряв от страха всякую возможность соображать, Дыболь бросился назад и спрятался за могучим сухим стволом.

Топчась на месте, Саша случайно наступил на какую-то невзрачную кочку. Кочка со свистом выпрыгнула у него из-под ноги, громко чавкнула и плюнула в Дыболя чем-то ядовито-зеленым. Плевок попал Саше прямо на рукав, и на этом месте тут же образовалась дырка величиной с кулак. Вскрикнув от омерзения, он мгновенно скинул пиджак и швырнул его в ядовитую тварь. Пиджак с фырканьем ускакал в кусты, и сразу же совсем рядом снова раздался вопль.

В который раз за одно лишь утро покрывшись холодным потом, Дыболь резко обернулся и за редким березовым молодняком увидел трехметрового монстра, который с яростью пинал ногами нечто похожее на полуголого дикаря. Жертва корчилась на земле, подставляя разъяренному чудовищу то один, то другой бок, и уже не вопила, а только стонала и охала.

В следующий раз Саша увидел сразу несколько человек, внешнестью больше напоминающих коренных обитателей амазонской сельвы. Ничего не замечая от ужаса, они пробежали мимо Дыболя толпой, словно связанные между собой невидимыми путами. Вид у них был беспомощный и жалкий, как у жертвенных животных. И если бы Саша был знаком с классической литературой, он пожалуй вспомнил бы слова Эсхила: «теньям сов подобны были эти люди...».

Не дожидаясь появления охотника, Дыболь упал на четвереньки и в мгновение ока оказался в кустах. Он так вжался в землю и настолько слился с ландшафтом, что даже сам основатель системы Станиславского, окинув взглядом этот участок леса, не раздумывая, сказал бы: «верю, тебя здесь нет!»

Почти весь день Саша пробегал по лесу, и только когда вечернее солнце оседлало верхушки деревьев, чудовищная охота на людей и за людьми прекратилась. Кто с добычей, кто налегке, гомолы и охотники вернулись в город, и в лесу наконец стало поспокойнее.

Таких психических перегрузок Дыболь не испытывал никогда в жизни. Обессилев от изнуряющего бега и не менее изматывающего

страха, после бессонной ночи он принялся искать место, где можно было бы, не рискуя жизнью, преклонить голову. В какой-то момент Саша даже малодушно пожалел, что сбежал от своей раздражительной, но все же заботливой хозяйки. Только сейчас он по-настоящему понял, что его тесная клетка действительно является самым безопасным местом в этом кровавом мире. Но о возвращении назад не могло быть и речи. В бешенстве да с похмелья Розалинда могла перегнуть палку в наказание и забить его до смерти.

В поисках укромной норы или дупла Дыболь вышел на опушку леса и убедился, что все это время он лишь кружил на небольшом пятачке. Слева над полем возвышалась злосчастная башня, рядом с которой Феофан назначил ему встречу, а дальше медленно погружался в вечерние сумерки ненавистный город динозавров.

— Хватит! — держась за березу, сквозь зубы проговорил Саша. — Больше не могу.

Камлание

Дождавшись, когда последние теплые краски закаты растворились в чернильной мгле, Дыболь двинулся в сторону башни. В темноте он не осторожничал, тем более, что противоположный край картофельного поля был слабо, но освещен уличными фонарями, а значит ни одно чудовище не ускользнуло бы от его рыскающего взгляда.

Феофана у башни еще не было. Усевшись на землю, Саша прислонился спиной к прохладным кирпичам и почти сразу уснул. Но беспокойный сон его продлился недолго. Дыболю даже показалось, что он только успел прикрыть глаза, как его потрясли за плечо.

Встрепенувшись, Саша с воплем вскочил на ноги, но Феофан его сразу же успокоил:

— Тихо-тихо-тихо. Свои.

— Я уж думал, ты не придешь, — первое, что пришло ему в голову, автоматически соврал Дыболь, хотя подобное сомнение на протяжении всего дня ни разу не посетило его.

— Как же не приду, когда уже пришел, — задиристо ответил Феофан. — Ты меня еще не знаешь. Вот, знакомься — Агриппа. Тот самый третий, о котором я тебе говорил. Ну теперь мы им устроим.

Из-за спины Феофана выплыла черная тень маленького роста, но с большой головой, размеры которой очевидно увеличивала дикая прическа. В темноте лица Агриппы не было видно, но протянутую руку Саша сумел разглядеть и поспешил пожать ее. Только сейчас он заметил,

что небо заволочло низкими облаками, исчезли луна и звезды, и чело- века трудно было разглядеть даже в метре от себя.

Дыболь и с самого начала не верил, что какими-то заклинаниями можно рассеять этот чудовищный морок, а когда дошло до дела, он и вовсе раскис.

— И что, ты сейчас поколдуешь, и мы окажемся дома? — с сомне- нием спросил он.

— Не я, а мы, — строго ответил Феофан. — И не поколдую, а со- вершу обряд изгнания бесов с нашей русской земли. Потерпи, сам уви- дишь. Осталось дожидаться полночи. Часа полтора у нас еще есть. Отси- димся здесь.

— Я есть хочу, — тихо проговорил Саша. — Сутки ничего не было во рту. Может у тебя есть что-нибудь с собой?

— Откуда? — удивился Феофан. — Потерпи, немного осталось. До- ма поешь.

Дыболь снова уселся на свое место, к нагретым спиной кирпичам, и Феофан с Агриппой тут же последовали его примеру.

— Ты-то как связался с Джином? — поинтересовался Феофан.

— Да, — махнул рукой Саша. — Это неинтересно. Лучше расскажи, как ты сюда попал.

О! — даже не воскликнул, а простонал Феофан. — Это целая исто- рия. — Затем он помолчал и наконец проговорил: — Ладно, все равно ждате полночи. Слушай. Это очень поучительная история.

История Феофана

— В том мире я был писателем. Извел, наверное, пол тонны бума- ги, и один мой рассказ даже был опубликован в патриотической газете. Я купил пятьсот экземпляров своего рассказа, застелил полы комнаты и целый час танцевал на нем. Я был счастлив и полон надежд. Передо мной рисовались такие перспективы, что стыдно рассказывать. Понят- но какие: слава, гонорары, литературные премии, выступления по те- левизору, — Феофан тяжело вздохнул и посмотрел на небо.

— Я дарил газету с рассказом всем родственникам, знакомым и да- же незнакомым людям. «Вот, — говорил я, — здесь мой последний рас- сказ.» Люди читали мое сочинение, и в этот момент в глазах у них я читал уважение и даже восхищение. Правда, дальше первого опубли- кованного рассказа дело не пошло. Мои романы и повести отказыва- лись печатать. Рукописи возвращали со словами: «Интересно, но слиш- ком претенциозно». Я несколько раз пытался выяснить, что они имеют

в виду. Но так и не смог, — демонстрируя свою беспомощность, развел руками Феофан.

Весь этот литературный угар длился около десяти лет. И однажды чаша моего терпения переполнилась — я решил сжечь свои рукописи. И, представь себе, сжег. Когда в кухонной раковине палил свои опусы, я все ждал: вот сейчас позвонят в дверь, я открою, и в квартиру вбежит моя любовница Клара! Онакинется к горящим рукописям, потушит огонь и прижмет к груди стопку обгоревших по краям листов! Но я напрасно ждал, — упавшим голосом продолжал Феофан. — Она не пришла, а мои романы сгорели.

Вечером я позвонил Кларе и рассказал о том, что я сжег рукописи. Прихлебывая в трубку чай, она ответила: «Ну и правильно. Похоже, ты становишься настоящим мужчиной. Ночью надо спать, а не выдумывать глупые истории.» В сердцах я наговорил ей грубостей, сказал, что она дура и мещанка и интересуется только тряпьем да мужиками. Клара обиделась на дуру или на мещанку и бросила трубку. Больше я ей не звонил.

Через месяц я сошелся с одной симпатичной редакторшей из газеты, где был опубликован мой рассказ. Я посвящал ей стихи, опять начал писать прозу. Но как-то в компании каких-то бородатых подонков она напилась и при всех сказала, что я пишу говно, а не стихи, и вообще, что я придурок! Ну хорошо, — с возмущением воскликнул Феофан и даже поднялся со своего места. — Пусть ей не нравятся мои стихи! — заорал он. — Но я же посвящал их ей! Разве можно быть такой неблагодарной?! В общем, я сказал всем, что о них думаю и удалился! В этот вечер я во-второй раз уничтожил все, что написал, а заодно спалил и вторые экземпляры тех романов, которые сжег в первый раз. И опять, стоя над раковиной, я ждал, что вот сейчас позвонят в дверь, и войдет она! Кто — она — я не знал!

Феофан выдержал трагическую гамлетовскую паузу и только затем тихим голосом продолжил:

— Всю зиму я безвылазно просидел дома. Ни с кем не общался и никому не звонил. Я много читал, изучал особенности построения романа, записывал свои мысли... А весной вдруг почувствовал какое-то необыкновенное волнение в груди.

— Понятно, весна,.. — участливо вставил Саша.

— Дослушай! — довольно грубо оборвал его Феофан. — Так вот, как-то в воскресенье я вышел на улицу, купил букет желтых мимоз и пошел гулять. Я чувствовал, что именно в этот день должно произойти нечто очень важное для меня. Весь день я бродил по улицам, пригля-

дываясь к красивым женщинам, и каждый раз мне казалось, что эта последняя — она и есть. И каждый раз я обманывался. Я часто ронял на асфальт цветы, чтобы моя избранница увидела этот тайный знак... И веришь?! — вдруг заорал Феофан. От неожиданности Дыболь вздрогнул, а рассказчик, грозя кулаками небу, на той же ноте закончил фразу: — Ни одна падла не подняла букет! Все они уходили! В лучшем случае оглядывали меня с ног до головы, да при этом еще и улыбались! И тогда я понял, что нет в жизни счастья! Что искусство не отражает действительности! Это всего лишь учебные муляжи для начинающих жить, наподобие резиновых задниц в медицинском училище, на которых студенты учатся делать уколы!

Это открытие повергло меня в такое уныние, — перейдя на шепот, продолжил Феофан, и Дыболь сообразил, что конец истории не за горами. — Что я решил выпить. На последние деньги я купил бутылку джина...

— И оказался здесь, — закончил за него Саша.

— Да, оказался здесь, — обессилено опустив руки, ответил Феофан, но затем неожиданно бодро, командным тоном проговорил: — Ладно, хватит болтать, давайте перебираться в лес. Здесь оставаться опасно. — Феофан вдруг хихикнул, и от его смешка у Дыболя по спине пробежали мурашки. — По дороге мы с Агрипой побили в трех забегах витрины, — радостно пояснил экзорцист.

Перед изгнанием бесов с земли русской

Как когда-то с чувством выразился отец теории относительности — Эйнштейн: «Самое непостижимое свойство Вселенной — это то, что она постижима». Правда, как показывает жизнь, далеко не всем это кажется таким удивительным.

Выглянув из-за башни, Феофан сообщил, что можно идти, и маленькая группа быстрым шагом направилась к лесу.

— Агриппа как раз тот человек, который нам нужен, — на ходу стал объяснять Феофан. — Он ученый, живет в городской канализации. Большой специалист в астрофизике.

Саша посмотрел в сторону ученого, но на черном фоне леса не сумел разглядеть даже где тот находится. А Феофан продолжал:

— Представляешь, этот необыкновенный человечек открыл, что вулканические выбросы — это испражнения Земли. Наша планета умрет после того, как пожрет себя. То есть, когда пропустит всю массу сквозь свой огнедышащий желудок. Земля — такой же живой организм!

— по обыкновению увлекаясь, воскликнул Феофан. — Вернее, организмом является не сама планета, а только то, что внутри ее — печка. Все остальное, на чем мы живем, это всего лишь запас провизии, который от времени немного заплесневел. Эта самая плесень и есть все живое, что произрастает на Земле. Понял?

Вопрос явно адресовался не ученому астрофизику, и Дыболь ответил:

— А чего здесь не понять?

— Вот так-то! — самодовольно произнес Феофан и вдруг рассмеялся тем самым смехом, который однажды уже напугал Сашу. — Людям только кажется, что они губят планету. Земля как кушала себя, так и будет жрать и всякие масоны ей не помеха. Эти злодеи губят не саму планету, а наш дом на планете. Представь себе организм, который с аппетитом поедает собственную задницу. Как ты думаешь, очень он обеспокоится, если что-то невидимое невооруженным глазом проползет по заднице?

— Не знаю, — мрачно ответил Дыболь. Он все меньше и меньше верил в затею Феофана, но Саше очень хотелось домой, и он боялся упустить даже столь сомнительную возможность вернуться к прежней жизни.

Дыболь вдруг поймал себя на том, что ему не дают покоя мысли об Агриппе. Он не понимал, почему великий ученый за все время не издал ни одного звука. Саша лишь чувствовал, что астрофизик где-то рядом, и эта его невидимость и неслышимость необыкновенно смущали Дыбольша.

— Агриппа, — чтобы развеять сомнения, обратился он к ученому.

— Он глухонемой, — ответил за него Феофан. — Жизнь в канализации тяжелая. Застудил среднее ухо, оглох, а потом и разучился говорить.

— Не повезло парню, — сочувственно проговорил Саша и неожиданно для себя спросил: — А как же он тебе рассказал все это?

— Гроза собирается, — посмотрев на небо, проговорил Феофан.

Изгнание бесов с земли русской

Едва они добрались до опушки, как налетел первый мощный порыв ветра, и лес ожил. С громким шелестом верхушки деревьев синхронно наклонились, а затем медленно выпрямились. Вслед за этим на все небо полыхнула ветвистая молния и почти сразу прогрехотал гром.

— Вот! Вот! — восторженно прокричал Феофан. — Начинается! Это как раз то, что нам нужно! Ты слышишь, Агриппа?!

Дыболь хотел было напомнить Феофану о том, что ученый не может его слышать, но они уже забежали в лес, и здесь им пришлось напярчь все свое внимание, чтобы не упасть, не разбить о дерево лоб или не напороться на сук.

Место для проведения ритуала изгнания бесов выбирали долго. Громко чертыхаясь, Феофан бродил между деревьями и дожидался вспышки молнии, чтобы отыскать ровную площадку. Наконец над лесом полынуло, и экзорцист бросился влево к небольшой полянке.

— Сюда! — стараясь перекричать раскаты грома, позвал он.

Он не успели расположиться, как разразился дождь. Вначале редкие крупные капли с жестяным стуком забарабанили по листьям. Но уже через минуту хлынул настоящий летний ливень.

— На колени! — простирая руки к небу, заорал Феофан и повалился на землю. Агриппа странным образом услышал его и бухнулся рядом. Саша не стал возражать и выбрав местечко повыше, опустился на колени. Он уже точно знал, что ничего из этой затеи не получится, и желал только одного — чтобы остальные поскорее убедились в этом.

Дыболь мертвецки устал и хотел спать. Он надеялся, что изгнание бесов продлится всего несколько минут, а потом они займутся поисками ночлега. Но Феофан, казалось, вошел во вкус. Он так неистово зывал к обезумевшему небу, так бился лбом о мокрую землю, что в конце концов Саша заразился его экстазом. Дыболь принялся повторять за Феофаном хвосты молитв и после каждой строчки тыкаться лбом в лужу. В чувство его привел обыкновенный чих. Саша вымок до последней нитки, продрог и вероятно от этого мозги его заработали в другом направлении. Отплевываясь от воды, он повернулся к Агриппе, который молча, с воодушевлением долбил лбом землю, и этот жест Дыболя совпал с очередной вспышкой молнии. Тут-то Саша окончательно и прозрел. В ярком голубом свете он наконец сумел разглядеть физиономию ученого и испугался. У Агриппы было лицо то ли больного идиотией, то ли сумасшедшего. В то время, когда великий ученый обратил свое лицо к небу, электрический разряд на мгновение отразился в его широко раскрытых глазах. По безумному лицу Агриппы ручьями стекала вода, мокрые губы были раздвинуты в бессмысленной улыбке, и если бы не ливень, Дыболь отдал бы голову на отсечение, что у Агриппы текли слюни.

А Феофан продолжать яростно камлать. Он уже не стоял на коленях, а метался по всей поляне. Иногда, раскинув руки, он всем телом

падал на землю, но тут же вскакивал и с новой силой принимался выкрикивать молитвы и заклинания.

— Ну ладно, хватит, — наконец проговорил Саша и поднялся на ноги. — Идите вы в задницу со своими молитвами. Вам обоим в дурдом надо, а я с вами связался.

Все это Дыболь проговорил тихо, и Феофан не слышал его. Он даже не видел, как Саша выплюнул в его сторону струйку воды и пошел прочь.

Дыболь долго брел по лесу, не решаясь остановиться. Он переплыл две неширокие речушки и перешел вброд несколько ручьев, перелез через десяток оврагов и сотни поваленных деревьев. В одном из болот он увяз правой ногой в трясине и оставил там туфлю. Пришлось ему выбросить и вторую.

На рассвете силы оставили Сашу, и он со стоном повалился на сырую землю, но тут же с криком вскочил. Завывая от боли, он на всякий случай прижался спиной к ближайшему дереву. В метре от него, существо похожее на гриб, манипулировало в воздухе маленькими щупальцами, из которых как из шприцев взлетали вверх фонтанчики той же ядовито-зеленой жидкости.

— Сволочь! — с ненавистью прошипел Дыболь. — Сволочной горд! Сволочной лес! Сволочные грибы!

Потирая обожженный бок, Саша с размаху пнул гриб ногой и тот, чмокнув, улетел за ближайшие кусты.

Дыболь больше не думал о том, чтобы прилечь. Кругом произрастали и ползали злобные твари, которые очень ловко маскировались под такие безобидные вещи как грибы и кочки. В таком лесу можно было ожидать чего угодно даже от известных растений, и додумавшись до этого, Саша шарахнулся в сторону от куста, усыпанного мелкими белыми цветочками.

Волоча от усталости ноги, Дыболь побрел вперед, хотя давно уже не знал, куда это вперед и куда — назад. Он лишь чувствовал, что стоять столбом посреди леса и чего-то ждать нельзя, поскольку можно было действительно дожидаться чего-нибудь ужасного. На душе же у Саши было так горько, как никогда со дня его рождения, но он упорно продвигался вперед. Ибо как говорил древний историк Плутарх, мужество и стойкость нужны человеку не только против оружия врагов, но в равной мере и для борьбы с трудностями.

Справедливость

До темноты оставалось не более получаса, и воздух между деревьями уже приобрел зловещий фиолетовый оттенок. Почувствовав приближение скорой кормежки, ночные птицы на разные лады начали пробовать свои голоса, а в болотах заверещали неизвестные науке создания. Откуда-то слева до Дыболя доносились странные звуки, похожие на визжание пилы. Справа изредка потрескивал кустарник, кто-то тяжело пыхтел и фыркал.

Выбрав дерево потолще и поразвесистей, Саша с трудом забрался на него и устроился метрах в пяти от земли на широкой развилке. Со всем раскиснув от голода и усталости, он почти сразу начал клевать носом, но уснуть ему так и не удалось. Через минуту, после того, как он обосновался на дереве, послышался топот и громкий разговор. А вскоре Дыболь увидел двух чудовищ, которые охотничьим способом тащили более мелкого своего собрата. Привязанный к бревну динозавр дергался, жалобно ревел и просил своих мучителей о пощаде:

— Отпустите! Я же не сделал ничего плохого!

— Он не сделал ничего плохого, — с издевкой проговорил один. — А ты разве не слышал, что говорил Великий Гомолов? Смертная казнь без суда и следствия за пособничество гомо.

— Я не помогал гомо! — заныла жертва. — Великий Гомолов знает о моей работе! Он сам отзывался о ней, как о нужной! Я же для пользы дела! Окольцовываю их для того, чтобы знать, куда они бегут и где их отлавливать.

— Ну да, ври кому-нибудь другому, — ответило ему второе чудовище. — Для пользы! Вот мы сейчас для пользы дела тебя и зажарим.

— Великий Гомолов будет недоволен! — завопил пленный. — Он знает меня лично! Я известный ученый!

Добравшись до дерева, на котором расположился Саша, чудовища остановились и, не обращая внимания на мольбы ученого, бросили добычу на землю, а сами принялись собирать хворост. Они быстро натаскали сухих толстых ветвей и, складывая костер, один из них сладострастно проговорил:

— Это хорошо, что ученый. Никогда не пробовал ученых.

— Я отобрал у гомо оружие! — не переставая дергаться, продолжал уговаривать их динозавр. — Очень сильное оружие. Если отпустите, я отдам вам его. Великий Гомолов будет доволен!

— Отлично, — поджигая мелкие ветки, сказал мучитель. — Вначале мы тебя поджарим, а потом пойдем к тебе в дом и заберем оружие.

«Так это тот самый, — наблюдая за чудовищами, подумал Дыболь. — Который окольцевал меня. Черт их разберет, все одинаковые. А эти два наверное гости Розалинды. Ну-ну! Давай-давай! — злорадно усмехнулся Саша. — Почаще бы вы жарили своих!»

Как писал философ-стоик Эпиктет: «от жизни до справедливости один шаг, но от справедливости до жизни — непреодолимая пропасть».

Справедливость проще всего сравнить с обыкновенным воздушным шариком. Если он легче воздуха, которым мы дышим, шар болтается высоко за облаками. Если же тяжелее, шар лежит на земле — бери и пользуйся. Справедливость Дыболя по весу больше соответствовала пузырю, наполненному водородом, видимо поэтому Саша наблюдал ее не часто, только когда она по воле воздушных потоков проплывала над его головой, а он в это время совершенно случайно смотрел в небо. Но в этот поздний вечер Дыболь смотрел вниз, как и те, кто разжигали костер.

Через пятнадцать минут освежеванный ученый жарился на вертеле, а два других чудовища сидели рядом и рассказывали друг другу о своих подвигах. Один все время подкладывал в костер хворост, другой же — поливал тушу какой-то вонючей дрянью и посыпал специями.

Невыносимо противный жирный чад окутывал ветку дерева, на которой прятался Саша. Изнемогая от вони, он все же терпел, не смея выдать себя ни малейшим шевелением. Эта пытка продолжалась бесконечно долго, и вскоре Дыболю начало казаться, что чудовища прекрасно знают о его присутствии, но нарочно не подают вида, чтобы вначале поизмываться над ним, и только потом точно так же сожрать. Но динозавры и не подозревали, что за ними кто-то наблюдает. Они вообще не смотрели вверх и этим лишь подтверждали известную поговорку: кто думает только о брюхе, никогда не смотрит на звезды.

Только к утру Сашины знакомые закончили свой страшный пир. Все это время Дыболь не смыкал глаз, а когда чудовища все же удалились, он уснул мертвым сном и проснулся только после полудня.

Пробуждение

Иногда от пробуждения до пробуждения проходит всего несколько часов, а бывает и целая вечность. Некоторые вулканы просыпаются раз в тысячу лет ради одного грандиозного всплеска, может быть только для того, чтобы потрясти случайного зрителя величественной картиной всесокрушающей силы. Нередко от сна пробуждаются целые народы, после чего, либо население планеты резко сокращается, либо рож-

даются новые цивилизации. Раз в год пробуждается живая природа. Все теплое время она оплодотворяется, зреет, умножается в несколько раз, а затем снова впадает в спячку. Каждый день пробуждается человек. Он не может себе позволить спать тысячу лет — он не вечен, а стало быть, надо спешить. Проснувшись, человек несет в себе заряд, способный потрясти взрывом целый мир, или создать новую цивилизацию, или умножить человечество на одну единицу. Но ведь можно потратить этот мощнейший заряд и на семейную склоку либо залить его пивом. Можно выпустить его со словами в воздух или растерять по дороге на службу. Но тогда стоит ли вообще пробуждаться?

Саша очень долго бродил по лесу, не представляя, куда он идет и что ищет. Многие передумал Дыболь за эти часы, от многого отказался и многое пересмотрел. Сейчас ему казалось, что вернись он домой, и жизнь его сама собой плавно покатила бы по другому пути. Саша даже пытался представить, что изменилось бы в его существовании, но скоро убедился, что сойти с накатанной дорожки не так просто даже мысленно. Надо было знать, что там за кюветом, куда заведет его другая, вслепую найденная дорога. И куда вообще ведут пути, навязанные человеку самой жизнью еще в младенчестве.

Выбравшись к небольшому живописному болотцу, Дыболь вдруг заметил самого настоящего человека с руками и ногами. От неожиданности Саша вздрогнул, а затем быстро спрятался в кустах. Лесной незнакомец был полуголым, невероятно грязным, а в руках держал что-то похожее на копье древнего человека. Не зная, как его встретит этот неандерталец, Дыболь на всякий случай решил вначале понаблюдать за ним издали.

Боязно было Саше подходить к дикарю. Слишком много приключений пережил он за последнее время. Но безвыходное положение и гнетущее одиночество взяли свое — Дыболь подавил в себе страх и подобрался к лесному человеку поближе.

Незамеченным Саше удалось приблизиться почти на четыре метра, но после того, как он высунул из-за дерева голову, произошло непонятное: дикарь резко отпрыгнул в сторону и Дыболь на мгновение увидел у себя перед глазами толстое древко копья. В глазах у него сверкнула молния, и Саша упал.

Встреча

Пришел в себя Дыболь в просторной земляной норе, на душистой мягкой подстилке из сушеной травы. Рядом у изголовья кто-то сидел на

корточках, но из-за скудного освещения трудно было разобрать пол и возраст сидящего. Саша понял лишь одно — он попал к людям, а значит у него появилась реальная надежда выжить.

Привыкнув к полумраку, Дыболь сумел разглядеть по-женски гладкие, округлые ноги своей сиделки. Затем он поднял глаза и увидел ее лицо. Сашина догадка подтвердилась — это была юная, необыкновенно красивая девушка. Грудь и бедра лесной амазонки были прикрыты узкими полосками грубой ткани, а роскошные рыжие волосы взбиты на манер клоунского парика.

Заметив, что раненый пошевелился, девушка наклонилась над ним и ласково проговорила:

— Очухался? Вот и хорошо. Сейчас я тебя накормлю.

— Ты кто? — хрипло спросил Дыболь.

— Я? — юная амазонка на четвереньках отползла в противоположный угол и ответила: — Я — Луиза. Мы здесь живем с отцом, а это наш дом. — Последнюю фразу девушка произнесла с удовлетворением и гордостью. — А ты ничего не помнишь? — удивленно поинтересовалась она.

— Помню, — ответил Саша. — Так этот... — Он хотел было сказать «дикарь», но вовремя спохватился. — Этот человек твой отец?

— Да, — радостно сказала Луиза. — Когда ты потерял сознание, папа позвал меня, и мы вместе перенесли тебя к себе. А тебя как зовут?

— Александр... Саша, — ответил Дыболь и, усевшись на подстилке, тихо добавил: — Странно, тоже Луиза.

Девушка вернулась к нему с чем-то упакованным в лист лопуха. Бережно развернув лист, она разложила его перед Сашей и заботливо сказала:

— Ешь. Это очень вкусно.

Взяв один из корешков, Дыболь критически осмотрел его, а затем надкусил. По вкусу корень напоминал сырой картофель, но волокнистый и жесткий. Сморщившись, Дыболь сплюнул на земляной пол и недовольно проговорил:

— Похоже на картошку.

— Это не картошка, — обиделась Луиза. — И нечего плевать. Я здесь убираю.

— Извини, — смутился Саша.

— Не хочешь, не ешь. Только у нас больше ничего нет. Во всяком случае, пока нет, — уточнила амазонка и, взяв один из корешков, стала вяло его жевать. — Может быть вечером отец что-нибудь принесет.

Рыбу или мясо. Но все равно, мы все едим сырым. Это и полезнее и не надо разводить огонь.

— Что, трудно развести костер? — представив на ужин сырое окровавленное мясо, спросил Дыболь.

— Не трудно, — со вздохом ответила Луиза и пояснила: — Опасно. По дыму нас могут найти завры. Тогда не мы, а они нами поужинают.

Воспользовавшись тем, что девушка меланхолично смотрела прямо перед собой, Саша наконец хорошенько разглядел свою спасительницу. В этом более чем простом одеянии Луиза была дивно хороша. Широкобедрая и мускулистая, она сочетала в себе недюженную силу и кошачью грацию, девичью невинность и женское обаяние.

— А я видел, как вчера ночью они съели своего, — чтобы как-то отвлечься от будоражающих мыслей, вдруг вспомнил Дыболь.

— Они могут, — подтвердила девушка. — Папа тоже недавно чуть не попался. Правда, он специально заманил завра в болото и там убил его. Мы две недели ели мясо. А сколько его испортилось..! Ничего, мясо как мясо. Вполне съедобное, только уж очень вонючее.

При этих словах Саша вспомнил запах жареного чудовища и внутри у него закружилась тошнота.

— Ты есть будешь? — повысив голос, спросила Луиза.

Решив, что волокнистый сладковатый корень все же лучше сырого мяса завра, Дыболь взял корешок и быстро сжевал. Доедая третий, он даже вошел во вкус, но девушка строго сказала: «хватит», завернула оставшиеся и спрятала сверток в земляной нише, которая, очевидно, служила им одновременно амбаром и холодильником.

— Папа тебя всему научит, — вернувшись, пообещала Луиза. — Ты же у нас останешься? Да?

— Угу, — подтвердил Саша. Ему жутко было подумать о возвращении в лес, и девушка лишь предвосхитила его просьбу об убежище.

— Вот и хорошо. Тогда у нас будет вдвое больше мужчин. И вообще, втроем веселей. Не бойся, папа у меня замечательный, — успокоила его Луиза и, трогательно опустив ресницы, тихо добавила: — И я к тебе буду хорошо относиться.

Тело

Папа Луизы действительно оказался гостеприимный и хлебосольным хозяином. Соскучившись по мужской компании, он все время рассказывал о жизни в лесу, расспрашивал Дыболя о его прошлой жизни и

по всякому поводу, а то и без того хохотал и хлопал себя по голым волосатым ляжкам.

Впервые за последние две недели Саша отдыхал душой. В этом мире, простом семействе он сразу почувствовал себя своим, тем более, что очаровательная Луиза оказывала ему всяческое внимание и с восхищением слушала несколько преувеличенные истории о его похождениях.

В первый же вечер папа, которого звали Дэн, сотворил для нового члена крохотной общины отличное копье с наконечником из клыка завра. Дыболь, в свою очередь, подарил амазонке жилетку, разодранную всего лишь в трех местах. Луиза была в восторге. Она тут же надела на себя подарок и долго после этого жалела, что в пещере нет даже самого маленького осколка зеркала.

Расчувствовавшись, Саша хотел было подарить что-нибудь из одежды и папе, на котором кроме ветхой набедренной повязки ничего не было, но на нем остались только брюки с сорочкой и грязные носки. Подумав, Дыболь все же вышел из положения. Он подарил Дэну поясной ремень. Надо было видеть, как папа обрадовался Сашину подарку. Он вертел ремень в руках, сложив пополам, оглушительно щелкал им, пробовал на прочность, на зуб, ласково поглаживал его, все время цокал языком и с восторгом говорил:

— Класс! Вот это вещь!

Наконец, нацепив подарок на пояс, Дэн засунул за ремень кремневый нож и ржавую железную скобу для выкапывания корней.

Остаток вечера был посвящен разговорам о той далекой, покинутой жизни среди таких же людей, где не надо было бояться ни завров, ни ядовитых тварей, которыми был так богат лес. С ностальгической дрожью в голосе они вспоминали о той жизни, где люди спят на белых простынях и едят жареные и вареные блюда по три, а то и по четыре раза в день. Где одежда такая же обычная вещь, как вода и воздух, а обувь можно свободно купить в магазине и даже без очереди. Вдохновенно перечисляя все эти прелести цивилизации, Дэн говорил с неуместным в подобном жилище пафосом, а его дочь даже пару раз всплакнула. И то ли из-за тесноты землянки, а может случайно, она иногда прижималась к Дыболю прохладным плечом, и у Саши в этот момент лоб покрывался испариной, а плечо само по себе тянулось вслед за плечом Луизы.

Спать улеглись лишь тогда, когда на востоке занялась заря. Дыболь был выделен маленький уголок, где он свернувшись калачом попытался уснуть, но воспоминания о мимолетных прикосновениях к Луизе

не давало ему покоя. Лежа на свежей подстилке с закрытыми глазами, он никак не мог избавиться от видения. В густом полумраке Саша отчетливо наблюдал парящее в воздухе, необыкновенно соблазнительное плечо своей любимой. И не существовало в этот момент в мире ничего, что Дыболь, ни секунды не раздумывая, не отдал бы за возможность обладать этой великолепной частью Луизиного тела.

«Бодрствуйте, ибо никто не знает, когда придет Хозяин», — сказано в Евангелии от Матфея, что означает: не отдавайте жизнь на откуп телу. И все же человеческое тело — хорошая вещь. Сколько наслаждения и невинного удовольствия оно может доставить человеку, если правильно им пользоваться и не допускать умышленного чревоугодничества. Тело может гулять в теплый летний день по бульвару, лежать на диване, есть вкусную пищу, нежиться в ванне, играть в разные интересные и полезные игры. Тело можно гладить, греть на солнышке, щекотать ему пятки и одевать его в красивые одежды. Ко всему прочему, всякое нормальное тело само себя полностью обеспечивает всем необходимым. Оно работает, кормит себя, моется, одевается и даже размножается. А что же в таком случае делает душа? Собирает сливки.

Душа

Пожалуй, за всю историю мировой литературы не было написано ни одной книги, в которой прямо или косвенно не упоминалось бы о душе. Давно уже разобраны по косточкам все существующие душевные качества, определены грузоподъемность и емкость человеческих душ. Давно уже найдены применения как живым, так и мертвым душам, давно научились ее закладывать и отводить. Душой научились кривить и отпускать бедную на покаяние, от ее имени дарить подарки и делать гадости. Так же давно для души изобретены занятия, пища и даже праздники. В душу научились влезать и заглядывать за нее — нет ли чего там полезного для жизни? Значительно ближе к нам по времени научились распознавать душевные болезни, иногда лечить их и все равно, как говорят: чужая душа — потемки. Но если чужая — потемки, то своя — непроглядная темень.

За какие-то несколько дней общения со своими новыми друзьями Саша вдруг обнаружил в себе любовь к человечеству. Одну из тех восьми древнегреческих любовей, которая именуется агапао или агапической любовью. Правда, и до этого Дыболь никогда не страдал мизантропией. Просто у него не было причин любить человека только за

то, что тот является существом одного с ним вида и имеет мозг весом около двух килограмм.

В общем, сам не ведая того, Саша последовал примеру Иисуса Христа и возлюбил ближнего своего, как самого себя.

Привычка

Как предполагал автор трех законов движения планет — Кеплер, по ассоциативному ряду неприступная скала более родственная орлу, чем канарейка.

За несколько недель жизни с красавицей Луизой и ее отцом Дыболь сильно изменился — он во всем стал походить на своих новых друзей. От носков он давно избавился, сорочка пошла на медицинские и отчасти хозяйственные нужды, а брюки при такой жизни быстро превратились в лохмотья. Лицо и руки у Саши покрылись грязью и царапинами, а волосы сваялись и торчали космами в разные стороны. Дыболь легко привык обходиться без ложки и вилки, его перестала волновать стерильность продуктов и даже появившиеся в волосах насекомые не доставляли ему особых хлопот. Чесался Саша машинально, и по вечерам помогал Луизе, а она ему, вылавливать из волос шустрых кровососов. Дыболь даже полюбил это занятие. Сидя вечером в землянке, они вели душевные беседы и продолжали развлекать друг друга все новыми и новыми историями из прошлой жизни. Только теперь уже без сожаления и горечи, потому что рассказывания эти были больше похожи на чтение вслух фантастического романа, в котором говорится о малоизвестной жизни, далекой и недосыгаемой, как соседняя галактика, но все же приятной и где-то забавной.

Землянка очень скоро перестала казаться Саше тесной грязной ямой. Напротив, он полюбил свой угол, в котором заботливая Луиза раз в неделю меняла сухую траву и два раза в неделю выносила ее на воздух проветриться. Кроме того, у Дыболя появились кое-какие личные вещи, помимо подаренного ему охотничьего копья. На полочке из сучков у Саши хранилась прекрасная металлическая скоба для корешков и сшитая из толстой кожи завра единственная рукавица. Этой рукавицей можно было ловить мелких, очень агрессивных зверушек и собирать ядовитые грибы, которые после длительного вымачивания становились не только вкусными, но и вполне заменяли легкий наркотический напиток.

В общем, Дыболь прижился, и если бы не тихая тоска по дому, то жизнь эту можно было бы назвать счастливой. Тем более, что Луиза охотно отвечала на его ухаживания откровенной благосклонностью.

Если бы годом раньше кто-нибудь сказал Саше, что он будет жить в лесной землянке и пожирать грязные корни тут же, едва откопав из-под земли, он бы конечно рассмеялся. Теперь же Дыболь от души хохотал, когда Дэн, искусно фантазируя, сочинял, как бы он жил в собственном дворце с бассейнами, фонтанами и прочими порождениями цивилизации. И действительно, возлежав в тесной землянке на подстилке из трав, глядя на крепкую полуголую Луизу, трудно было поверить, что где-то есть другая жизнь, где по выметенным тротуарам прогуливаются чистенькие хрупкие девушки в нарядных платьях, от которых сладко пахнет духами.

Человек быстро привыкает ко всему: к чистоте и грязи, к нищете и богатству, к жизни и смерти. Он легко привязывается к работе, месту жительства и даже кладбищу, после того, как его там похоронят. И все же самая главная привязанность — человека к человеку. Это она связывает шесть миллиардов живущих на Земле людей родственными узами и не дает человечеству развалиться на шесть миллиардов враждебных друг другу равнодушных единиц.

Еще раз о счастье

Близился конец лета. Зеленая масса леса уже разваливалась на теплые цвета и оттенки, а трава сделалась бурой подобно земле, частью которой она скоро должна была стать. Дни все еще были такими же теплыми и ясными, зато ночи стали заметно длиннее и прохладнее. На небе ярче засияли звезды, все громче и угрюмее в темноте скрипели деревья — лес готовился к длительной зимней спячке.

Кстати сказать, в отношении избранницы Саша вел себя несколько старомодно. Прогуливаясь по лесу с Луизой, он все время любовался своей амазонкой и чем дольше Дыболь это делал, тем сильнее она ему нравилась. Он использовал всякую возможность прикоснуться к Луизе, а она как-будто специально забиралась в такие места, чтобы предоставить Саше возможность посадить ее или откуда-нибудь снять.

Болтали они в основном о пустяках: узнавали деревья, кусты и травы, радовали друг друга поздними цветами или редкими насекомыми, намеками признавались в любви, но говорить в открытую почему-то не решались ни тот, ни другой. Подобные разговоры влюбленных сами по себе неинтересны, а чаще всего просто бессмысленны. Можно, конеч-

но, попытаться привести подобный диалог в надлежащий вид, но тогда потеряется ощущение невинности слов и бесконечности жизни, а герои покажутся скучными и даже ненастоящими.

Возвращаясь в землянку, они держались за руку, и Луиза, потупив взгляд, тихо произнесла:

— Я буду заботиться о вас обоих.

— Надо бы дом поставить, — грубовато, по-хозяйски проговорил Дыболь. — В землянке это не жизнь.

— А завры как же? — испуганно вскинулась Луиза.

— Можно и под землей, — так же весомо ответил Саша. — Надо бы другое место подыскать. Эх, сюда бы мой бластер-шмастер! А еще лучше парочку танков или зениток. Я бы им дал. В этом лесу много живет людей?

— Не знаю, — с восхищением поедая глазами своего возлюбленного, ответила Луиза. — Папа несколько раз видел их. Так, мельком.

Сжав зубы, Дыболь ударил кулаком по ладони и с ненавистью сказал:

— Ничего, оружие я достану. Главное, собрать вместе побольше человек. Одни мы не справимся.

— Да, — тихо согласилась Луиза и воспользовавшись тем, что Саша замолчал, спросила о том, о чем думала весь обратный путь: — А папе ты сейчас скажешь?

— Конечно! — горячо уверил ее Дыболь. — Зачем тянуть? Сегодня же и сообщим. Загов здесь нет, так что будем считать, что мы с тобой расписались. Все — ты моя жена...

— А ты мой муж, — шепотом перебила его Луиза и крепко прижалась к Сашиному плечу.

Дыболь как знаменосец гордо вышагивал, глядя прямо перед собой и обдумывал план завоевания города. В его воспаленном воображении это выглядело почти так же просто, но в то же время и захватывающе, как прочитать фантастический роман или завоевать сердце Луизы.

— Завтра пойду в город, — заявил он. — Покажешь мне дорогу?

— Зачем? — с придыханием спросила девушка.

— Там мой бластер. Может эти два урода спяну забыли его забрать. Хозяина дома сожрали, так что, есть возможность.

— Не надо! — чуть не плача, взмолилась Луиза. — Мы ведь только поженились! Подожди хотя бы до весны! — Она повисла у Саши на шее, и наш герой тут же позабыл обо всем на свете.

Как писал один ацтекский жрец после нападения испанцев на Тлателолко: «Золото, нефрит, богатые одежды, перья кецаля — все, что было некогда ценным, стало ненужным.»

Свадьба

Момент для Дыболя был настолько ответственным, что прежде чем объявить родителю Луизы о женитьбе, он пригладил торчащие в разные стороны волосы и чопорно поинтересовался:

— Скажите пожалуйста, как вас по отчеству?

— Да брось ты, — отмахнулся Дэн. — Что это тебе вдруг приспичило по отчеству? Нет у меня никакого отчества. Дэн и Дэн.

— Ну ладно, — после недолгих колебаний согласился Саша. — Я хочу сказать, что мы... — в этом месте Дыболь сделал классическую паузу и посмотрев Дэну в глаза, продолжил: — Мы с Луизой любим друг друга и хотим пожениться.

Лицо у Дэна внезапно засветилось, он вскочил со своей подстилки и по-борцовски заключил заключил Сашу в объятия.

— Давно бы так! — страстно зашептал он. — Молодец! Обрадовал ты меня! Я же давно заметил, как ты ходишь вокруг да около! Набрался-таки храбрости! — Дэн оторвал от себя Дыболя, усадил рядом с собой, по-отечески обнял и мечтательно заговорил: — Ну вот, теперь проживем одной семьей. Вместе-то нам легче будет. А я боялся, что ты проживешь недельку-другую и подашься на юг. И Луиза боялась.

— Ну, пап, — засмущавшись, проговорила Луиза.

— А что «пап»? Боялась, так и скажи, — не переставая тискать Сашу ответил Дэн. — Мы же тебя сразу полюбили. Хороший ты парень. На зиму ягод запасем, орехов, грибов. Мяса можно впрок навялить. Где-нибудь подальше от землянки завалим с тобой завтра, на всю зиму хватит. Мы с Луизой одних корней уже метровую яму заготовили. Ничего, проживем. А внуки пойдут, буду внуков нянчить.

— Ну, пап, — опустив голову, повторила Луиза.

— А что — «пап»? Что я такого сказал? Вы же пожениться собрались, значит и дети будут.

Луиза перебралась на подстилку поближе к мужу и прижалась к его плечу.

— А весной, — продолжал Дэн, — все вместе подадимся на юг. Там-то мы устроимся поосновательнее. Дети, они комфорт любят.

— А почему не сейчас? — спросил Дыболь.

— Сейчас уже поздно, — ответил Дэн. — Не успеем. Да и завры весной не такие подвижные. Ничего, зиму переживем и в путь.

— Почему же вы раньше не ушли на юг? — поинтересовался Саша.

— Раньше? — переспросил Дэн и задумался.

— Тебя ждали, — прошептала Луиза Дыболю на ухо. Саша удивленно посмотрел на жену, но Дэн не дал ему возможности поразмыслить над этими словами.

— Да что говорить об этом. Что было, то прошло. Верно я говорю? — Дэн хлопнул новоиспеченного зятя по плечу и заговорщицки подмигнул ему. — Ну, хватит болтать, пора приниматься за дело. Надо же это как-то отметить. Я кое-что приберег на всякий случай. Вот и пригодилось. — Он залез рукой в угол под подстилку и достал оттуда непочатую бутылку джина. — Где там у нас черепки? Давай-ка, дочка, по глоточку за ваше семейное счастье.

Пока Дыболь непонимающе хлопал глазами и пытался понять, откуда в лесной землянке взялся джин, Дэн ловко откупорил бутылку и разлил его по черепкам. Саша с сомнамбулическим видом принял свою порцию, понюхал и с отвращением отвернулся.

— Ну, с богом, дорогие! — подняв свадебный «бокал», торжественно проговорил Дэн и выпил. Слегка помучившись, Дыболь чокнулся со своей возлюбленной, зажмурился и последовал его примеру.

Тряхнув головой, Саша открыл глаза. Прямо посреди землянки, повосточному скрестив ноги, сидел его старый знакомый — джинн — и лукаво улыбался.

— Джинн! — не веря своим глазам, гаркнул Дыболь и от неожиданности даже отбросил от себя черепок.

— Собственной персоной, — подтвердил старичок. — Ну, что, Санек, нагулялся?

В голове у Дыболя все мгновенно перевернулось, а затем встало на свои места в идеальном воинском порядке.

— Да! — выдохнул он.

— И чего же ты хочешь? — спросил джинн, свивая пальцами в косяцу жидкую бороденку.

— Домой, — хрипло проговорил Саша. Он сделал это так, будто у него от ледяной воды заломило зубы. — Домой хочу! — Затем, вспомнив о своих жене и тесте, он безумным взглядом посмотрел на них и добавил: — Нас трое. Все вместе домой.

— Всех вместе нельзя, Санек, — покачал головой джинн.

Дыболь импульсивно обнял Луизу за плечи, ударил себя в грудь кулаком и пояснил:

— Это моя жена.

— И с женой нельзя, Санек, — с искренним сочувствием в голосе ответил джинн. — Здесь — пожалуйста, живите сколько влезет. Я вам и свадебный подарочек прихватил. Скромный, но со вкусом. А домой только один. Ничего не поделаешь.

— Как же? — растерянно проговорил Дыболь. Ох как тошно сделалось ему от слов джинна. Никогда в жизни Саша не испытывал такого желания крикнуть: «Да! Да! Да!» и такого стыда за свое желание. Но джинн вдруг тихонько произнес:

— Они местные, Санек. Ты улетишь, и их не станет.

— Как? — потрясенно вымолвил Дыболь и посмотрел на Луизу. Его возлюбленная сидела скромно опустив глаза, а ее папа смотрел в стену и насвистывал какой-то легкомысленный мотивчик.

— Ну что, будешь один возвращаться? — торопил его джинн.

— Да, — ни секунды не колеблясь, ответил Саша и еще раз украдкой взглянул на Луизу, чем, скорее всего, заставил перевернуться в гробу самого Шекспира, когда-то написавшего: «У всех влюбленных, как у сумасшедших, кипят мозги».

— А как же любовь-то, Санек? — хитро улыбаясь, сказал джинн.

Эпилог

Последний подарок джинна

Очнулся Дыболь на скамейке у озера. Он лежал, поджав ноги и по-детски подложив ладони под голову. Перед глазами у него волновалось под холодным пронизывающим ветром потемневшее Калитниковское озерцо. Рядом со скамейкой валялась пустая бутылка из под джина. Накрапывал мелкий дождь, и было не по-летнему промозгло.

Саша поднялся на ноги, отшвырнул от себя пустой глиняный черепок, из которого он пил за собственное семейное счастье, и обнаружил, что переместился назад в том же виде, в каком его застал джинн в землянке — на нем были лишь жалкие остатки брюк. Обхватив себя руками за плечи, Дыболь побежал к скверу. Он на чем свет стоит материл джинна и на бегу думал, как без ключей от квартиры попасть домой.

Дело шло к вечеру, из-за непогоды в скверике не было ни единого человека, и только в поникшей от дождя, пожелтевшей листве безобразно гулял ветер. Бежать по раскисшей тропинке было трудно —

разъезжались ноги. Один раз Саша подскользнулся и упал в лужу, что, впрочем, не добавило ему грязи. Для города вид у Дыболя был дикий и даже жуткий. Саша знал об этом и после стольких дней, проведенных в лесу, ощущал себя снежным человеком, случайно забредшим в цивилизованное место.

Неожиданно в конце тропинки показался человек, и Дыболь мысленно чертыхнулся. Он не без основания опасался, что его примут за маньяка или сумасшедшего и чего доброго вызовут милицию. Объяснять же стражам порядка, как он умудрился довести себя до такого состояния, Саша не собирался, прекрасно понимая, что подобная искренность приведет его прямоиком в психиатрическую больницу.

Решив обогнуть прохожего, Дыболь еще раз всмотрелся в спешащую ему навстречу фигурку, и остолбенел. Это была Роза. Та самая девушка, которой он сделал предложение и получил отказ.

Балансируя на скользкой глинистой тропинке, Роза спешила к Саше и еще издали принялась подавать ему знаки. Одной рукой она прижимала к груди довольно большой сверток, другой же энергично помахивала в знак того, чтобы Дыболь остановился.

Подпрыгивая от холода, Саша поспешил девушке на встречу. У него не укладывалось в голове, как Розочка могла вычислить его появление на скамейке. Не менее странным ему казалось и то, что девушка вообще решилась выйти ему навстречу.

Они сошлись под железобетонной стеной Калитниковского кладбища и секунды три молча разглядывали друг друга. Роза была необыкновенно хороша. Ее огромные, по-коровьи влажные глаза смотрели на Дыболя с восхищением и любовью, и от этой странной метаморфозы Саше сделалось немного не по себе.

— Здравствуй, — сказала Розочка и наконец протянула продрогшему мокрому Дыболю сверток. — Завернись. Это плед.

— Сп-пасибо, — ответил Саша. Он тут же развернул сверток и с наслаждением укутался в толстый верблюжий плед.

— Пойдем, — не отрывая от него взгляда, сказала Роза, увлекая Дыболя за собой. — Ты же можешь простудиться.

Рука об руку они пошли по тропинке, и Саша, словно очнувшись от гипноза, вдруг подумал: «Все понятно. Опять джинн колбасит».

— Ты знаешь, — начала Роза. — Я поняла, что... что... В общем, я согласна.

Всего одна секунда понадобилась Дыболю, чтобы понять смысл этой таинственной фразы и принять решение. Даже не посмотрев на девушку, он быстро пошел вперед и добравшись до угла обернулся. Ос-

тавленная под дождем Розочка стояла там, где он ее покинул, и с не-
сказанной скорбью и удивлением смотрела ему вслед.

— Мне надо подумать, — крикнул ей Саша. — Эти ж дела так не де-
лаются. Я тебе позвоню.

Махнув Розочке на прощанье рукой, он галопом помчался к дому.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Игнатьев

ПЛАТИНА	3
ПАРНИ В АЛЫХ КАФТАНАХ	9

Игорь Бézрук

ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ	20
ВОЗМЕЗДИЕ	25
«НОМАЛЬНЫЙ»	29
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ТУСОВКА	34

Евгений Константинов

ВЕРИГИ РОДСТВА	44
ВЛОЖЕНИЯ В МЫСЛИ С НЕВЕРОЯТНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ	50
МОЯ ЛЮБИМАЯ ЙОРДАНЬ	59
ПРАВИЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ	67

Владимир Вещунов

ОСТРОВ КРОШКИ ЦАХЕСА	74
СКАЗАНИЕ О КУДЕЯРЕ	92

Алексей Зайцев

СТИХИ	120
-------	-----

Сергей Филиппов

СТИХИ	128
-------	-----

Дмитрий Учитель СТИХИ	146
Валентина Карпушина СТИХИ	147
Сергей Калабухин МОЙ ЛЕРМОНТОВ	153
Андрей Саломатов В БУДУЩЕМ ГОДУ Я СТАНУ ЛУЧШЕ	230

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 9**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-55-6

